

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Драма на охотѣ.—Двѣ ночи.—75.000.—Дядюшка и собака.—Марья Ивановна.—Изъ дорожныхъ разговоровъ.—Либераль.—Компкъ.—Молодой человѣкъ.—Местъ женщины.—Ванька.—Наивный дѣшій.—Прощеніе.—Два письма: I. Серьезный вопросъ. II. Обстоятельный вопросъ.—Трифонъ.—Самообольщеніе.—Дачница.—Съ женой поссорился.—Дачное удовольствіе.—Бѣда.—Водевиль.—Русскій уголь.—Невидимыи міру слезы.—Идиллія.—Затменіе луны.—Гусинный разговоръ.—Языкъ до Кіева доведеть.—Въ пріютъ для неизлѣчныхъ.—О драмѣ.—И прекрасное должно имѣть предѣлъ.—Рыч и ремешокъ.—Картинки изъ недавняго прошлаго.—У постели больного.—Свадьба съ генераломъ.—Елка.—О, женщины, женщины.—Либеральный душка.—Разговоръ человѣка съ собакой.—Оба лучше.—Безнадежный.

INSTYTUT
DADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

05-300, Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 25-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

24.113/19

ПОВѢСТИ
И
РАЗСКАЗЫ.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

ДРАМА НА ОХОТЪ.

(Истинное происшествіе).

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ полудней 1880 года, въ мой кабинетъ вошелъ сторожъ Андрей и таинственно доложилъ мнѣ, что въ редакцію явился какой-то господинъ и убѣдительно просить свиданія съ редакторомъ.

— Должно-быть, чиновникъ-съ, — добавилъ Андрей: — съ кокардой...

— Попроси его прійти въ другое время, — сказалъ я. — Сегодня я занятъ. Скажи, что редакторъ принимаетъ только по субботамъ.

— Онъ и третьяго-дня приходилъ, васъ спрашивалъ. Говорить, что дѣло большое. Просить и чуть не плачетъ. Въ субботу, говоритъ, ему несвободно... Прикажете принять?

Я вздохнулъ, положилъ перо и принялся ждать господина съ кокардой. Начинающіе писатели и вообще люди, не посвященные въ редакціонныя тайны, приходящіе при словѣ «редакція» въ священный трепеть, заставляютъ ждать себя немалое время. Они, послѣ редакторскаго «проси», долго кашляютъ, долго сморкаются, медленно отворяютъ дверь, еще медленнѣе входятъ и этимъ отнимаютъ немало времени. Господинъ же съ кокардой не заставилъ ждать себя. Не успѣла за Андреемъ затвориться дверь, какъ я увидѣлъ въ своемъ кабинетѣ высокаго, широкоплечаго мужчину, державшаго въ одной рукѣ бумажный свертокъ, а въ другой — фуражку съ кокардой.

Человѣкъ, такъ добивавшійся свиданія со мной, играетъ въ моей повѣсти очень видную роль. Необходимо описать его наружность.

Онъ, какъ я уже сказалъ, высокъ, широкоплечъ и плотенъ, какъ хороша рабочая лошадь. Все его тѣло ды-

шить здоровьемъ и силой. Лицо розовое, руки велики, грудь широкая, мускулистая, какъ у здороваго мальчика. Ему подъ сорокъ. Одѣтъ онъ со вкусомъ и по послѣдней модѣ въ новенькій, недавно сшитый триковый костюмъ. На груди большая золотая цѣпь съ брелоками, на мизинцѣ мелькаетъ крошечными яркими звѣздочками брильяновый перстень. Но, что главнѣе всего и что такъ немаловажно для всякаго мало-мальски порядочнаго героя романа или повѣсти, — онъ чрезвычайно красивъ. Я не женщина и не художникъ. Мало я смыслю въ мужской красотѣ, но господинъ съ кокардой своею наружностью произвелъ на меня впечатлѣніе. Его большое, мускулистое лицо осталось навсегда въ моей памяти. На этомъ лицѣ вы увидите настоящій греческій носъ съ горбинкой, тонкія губы и хорошіе голубые глаза, въ которыхъ свѣтятся доброта и еще что-то, чему трудно подобрать подходящее названіе. Это «что-то» можно подмѣтить въ глазахъ маленькихъ животныхъ, когда они тоскуютъ, или когда имъ больно. Что-то умоляющее, дѣтское, безропотно терпящее... У хитрыхъ и очень умныхъ людей не бываетъ такихъ глазъ.

Отъ всего лица такъ и вѣетъ простотой, широкой, простецкой натурой, правдой... Если не ложь, что лицо есть зеркало души, то въ первый день свиданія съ господиномъ съ кокардой я могъ бы дать честное слово, что онъ не умѣетъ лгать. Я могъ бы даже держать пари.

Проигралъ бы я пари, или нѣтъ, — читатель увидитъ далѣе.

Каштановые волосы и борода густы и мягки, какъ шелкъ. Говорятъ, что мягкіе волосы служатъ признакомъ мягкой, нѣжной, «шелковой» души... Преступники и злые, упрямые характеры имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, жесткіе волосы. Правда это или нѣтъ — читатель опять-таки увидитъ далѣе. Ни выраженіе лица ни борода — ничто такъ не мягко и не нѣжно въ господинѣ съ кокардой, какъ движенія его большого, тяжелаго тѣла. Въ этихъ движеніяхъ сквозятъ воспитанность, легкость, грація и даже — простите за выраженіе — нѣкоторая женственность. Не много нужно усилій моему герою, чтобы согнуть подкову или силющить въ кулакѣ коробку изъ-подъ сардинокъ, а между тѣмъ ни одно его движеніе не выдаетъ въ немъ физически сильнаго. За дверную ручку или за шляпу онъ берется, какъ за бабочку: нѣжно, осто-

рожно, слегка касаясь пальцами. Шаги его безшумны, рукопожатія слабы. Глядя на него, забываешь, что онъ могучъ, какъ Голяеъ, что одной рукой можетъ поднять онъ то, чего не поднять пяти редакціоннымъ Андреямъ. Глядя на его легкія движенія, не вѣрится, что онъ силенъ и тяжелъ. Спенсеръ могъ бы назвать его образцомъ граціи.

Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ сконфузился. Его нѣжную, чуткую натуру, вѣроятно, шокировалъ мой нахмуренный, недовольный видъ.

— Извините, ради Бога! — началъ онъ мягкимъ, сочнымъ баритономъ. — Я врываюсь къ вамъ не въ урочное время и заставляю васъ дѣлать для меня исключеніе. Вы такъ заняты! Но видите ли, въ чемъ дѣло, г. редакторъ: я завтра уѣзжаю въ Одессу по одному очень важному дѣлу... Имѣй я возможность отложить эту поездку до субботы, то, вѣрьте, я не просилъ бы васъ дѣлать для меня исключеніе. Я преклоняюсь передъ правилами, потому что люблю порядокъ...

«Какъ однако онъ много говоритъ!» — подумалъ я, протягивая руку къ перу и тѣмъ давая знать, что мнѣ некогда. (Ужъ больно надоѣли мнѣ тогда посѣтители!)

— Я отниму у васъ одну только минуту! — продолжалъ мой герой извиняющимся голосомъ. — Но прежде всего позвольте представиться... Кандидатъ правъ Иванъ Петровичъ Камышевъ, бывшій судебный слѣдователь. Къ инцидентамъ людямъ не имѣю чести принадлежать, но тѣмъ не менѣе явился къ вамъ съ чисто писательскими цѣлями. Передъ вами стоитъ желающій попасть въ начинающіе, несмотря на свои подь-сорокъ. Но лучше поздно чѣмъ никогда.

— Очень радъ... Чѣмъ могу быть полезенъ?

Желающій попасть въ начинающіе сѣлъ и продолжалъ, глядя на полъ своими умоляющими глазами:

— Я притащилъ къ вамъ маленькую повѣсть, которую мнѣ хотѣлось бы напечатать въ вашей газетѣ. Я вамъ откровенно скажу, г. редакторъ: написалъ я свою повѣсть не для авторской славы и не для звуковъ сладкихъ. Для этихъ хорошихъ вещей я уже постарѣлъ. Вступаю же на путь авторскій просто изъ меркантильных побужденій... Заработать хочется... Я теперь рѣшительно никакихъ не имѣю занятій. Былъ, знаете ли, судебнымъ слѣдователемъ въ С—мѣ, уѣздѣ, прослужилъ пять слишкомъ

лѣтъ, но ни капитала не нажилъ ни невинности не сохранилъ...

Камышевъ вскинулъ на меня своими добрыми глазами и тихо засмѣялся.

— Надоѣдная служба... Служиль-служилъ, махнулъ рукой и бросилъ. Занятій у меня теперь нѣтъ, ѣсть почти нечего... И если вы, минуя достоинства, нанечатаете мою повѣсть, то сдѣлаете мнѣ больше, чѣмъ одолженіе... Вы поможете мнѣ... Газета не богадѣльня, не странно-пріимный домъ... Я это знаю, но... ужъ вы будьте такъ добры...

«Лжешь!»—подумалъ я.

Брелоки и перстень на мизинцѣ плохо вязались съ письмомъ ради куска хлѣба, да и по лицу Камышева пробѣжала чуть замѣтная, уловимая опытнымъ глазомъ тучка, которую можно видѣть на лицахъ только рѣдко лгущихъ людей.

— Какой сюжетъ вашей повѣсти?—спросилъ я.

— Сюжетъ... Какъ бы вамъ сказать? Сюжетъ не новый... Любовь, убійство... Да вы прочтите, увидите... «Изъ записокъ судебного слѣдователя».

Я, вѣроятно, поморщился, потому что Камышевъ сконфуженно замигалъ глазами, встрепенулся и проговорилъ быстро:

— Повѣсть моя написана по шаблону бывшихъ судебныхъ слѣдователей, но... въ ней вы найдете быть, правду... Все то, что въ ней изображено, все отъ крышки до крышки происходило на моихъ глазахъ... Я былъ и очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ.

— Дѣло не въ правдѣ... Не нужно непременно видѣть, чтобъ описать. Это не важно. Дѣло въ томъ, что наша бѣдная публика давно уже набила оскомину на Габорию и Шкляревскомъ *). Ей надоѣли всѣ эти таинственные убійства, хитросплетенія сыщиковъ и необыкновенная находчивость допрашивающихъ слѣдователей. Публика, конечно, разная бываетъ, но я говорю о той публикѣ, которая читаетъ мою газету. Какъ называется ваша повѣсть?

— «Драма на охотѣ».

— Гм... Несерьезно, знаете ли... Да и, откровенно говоря, у меня накопилась такая масса матеріала, что рѣ-

*) А. А. Шкляревскій былъ въ 60—80 гг. извѣстенъ своими повѣстями и разсказами уголовного характера.

шительно нѣтъ возможности принимать новыя вещи, даже при несомнѣнныхъ ихъ достоинствахъ...

— А ужъ мою-то вещь примите, пожалуйста... Вы говорите, что несерьезно, но... трудно вѣдь назвать вещь, не выдавши ея... И неужели вы не можете допустить, что и судебные слѣдователи могутъ писать серьезно?

Все это проговорилъ Камышевъ заикаясь, вертя между пальцами карандашъ и глядя себѣ въ ноги. Кончилъ онъ тѣмъ, что сильно сконфузился и замигаль глазами. Миѣ стало жаль его.

— Хорошо, оставьте, — сказалъ я. — Только не обѣщаю вамъ, что ваша повѣсть будетъ прочтена въ скоромъ времени. Вамъ придется подождать...

— Долго?

— Не знаю... Зайдите мѣсяца... этакъ черезъ два, черезъ три..

— Долгонько... Но не смѣю настаивать... Пусть будетъ по-вашему...

Камышевъ поднялся и взялся за фуражку.

— Спасибо за аудіенцію, — сказалъ онъ. — Пойду теперь домой и буду питать себя надеждами. Три мѣсяца надеждъ! Но однако я вамъ надоѣлъ. Честь имѣю кланяться!

— Позвольте, одно только слово, — сказалъ я, перелистывая его толстую, исписанную мелкимъ почеркомъ тетрадь. — Вы пишете здѣсь отъ перваго лица... Вы, стало-быть, подъ судебнымъ слѣдователемъ разумѣете здѣсь себя?

— Да, но подъ другой фамиліей. Роль моя въ этой повѣсти нѣсколько скандальна... Неловко же подъ своей фамиліей... Такъ черезъ три мѣсяца?

— Да, пожалуй, не ранѣе...

— Будьте здоровехоньки!

Бывшій судебный слѣдователь галантно раскланялся, осторожно взялся за дверную ручку и исчезъ, оставивъ на моемъ столѣ свое произведеніе. Я взялъ тетрадь и спряталъ ее въ столъ.

Повѣсть красавца Камышева покоилась въ моемъ столѣ два мѣсяца. Однажды, уѣзжая изъ редакціи на дачу, я вспомнилъ о ней и взялъ ее съ собою.

Сидя въ вагонѣ, я открылъ тетрадь и началъ читать изъ середины. Середина заинтересовала меня. Въ тотъ же день вечеромъ я, несмотря на отсутствіе досуга, про-

челъ всю повѣсть отъ начала до слова «конецъ», написаннаго размахистымъ почеркомъ. Ночью я еще разъ прочелъ эту повѣсть, а на зарѣ ходилъ по террасѣ изъ угла въ уголъ и теръ себѣ виски, словно хотѣлъ вытереть изъ головы новую, внезапно набѣжавшую, мучительную мысль... А мысль была дѣйствительно мучительная, невыносимо острая... Миѣ казалось, что я, не судебный слѣдователь и еще того менѣе не присяжный психологъ, открылъ страшную тайну одного человѣка, тайну, до которой миѣ не было никакого дѣла... Я ходилъ по террасѣ и убѣждалъ себя не вѣрять своему открытію...

Повѣсть Камышева не попала въ мою газету по причинамъ, изложеннымъ въ концѣ моей бесѣды съ читателемъ. Съ читателемъ я встрѣчусь еще разъ. Теперь же, надолго расставаясь съ нимъ, я предлагаю на его прочтеніе повѣсть Камышева.

Эта повѣсть не выдѣляется изъ ряда вонъ. Въ ней много длиннотъ, немало шероховатостей... Авторъ питаетъ слабость къ эффектамъ и сильнымъ фразамъ... Видно, что онъ пишетъ въ первый разъ въ жизни, рукой непривычной, невоспитанной... Но все-таки повѣсть его читается легко. Фабула есть, смыслъ тоже, и, что важнѣе всего, она оригинальна, очень характерна и то, что называется, *sui generis*. Есть въ ней и кое-какія литературныя достоинства. Прочеть ее стоить... Вотъ она:

ДРАМА НА ОХОТѢ.

(Изъ записокъ судебного слѣдователя).

ГЛАВА I.

— Мужъ убилъ свою жену! Ахъ, какъ вы глушы! Дайте же миѣ наконецъ сахару!

Этотъ крикъ разбудилъ меня. Я потянулся и почувствовалъ во всѣхъ своихъ членахъ тяжесть, недомоганіе. Можно отлежать себѣ руку и ногу, но на этотъ разъ миѣ казалось, что я отлежалъ себѣ все тѣло отъ головы до пятокъ. Не укрѣпляющимъ, а расслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ послѣобѣденный сонъ въ душной, сушащей атмосферѣ, подъ жужжанье мухъ и комаровъ. Разбитый и облитый потомъ, я поднялся и пошелъ къ окну. Солнце стояло еще высоко и жгло съ такимъ же усердіемъ, какъ и три часа тому назадъ. До захода и прохлады оставалось еще много времени.

— Мужъ убилъ свою жену!

— Полно тебѣ врать, Иванъ Демьянычъ! — сказала я, давая легкій щелчокъ носу Ивана Демьяныча. — Мужья убиваютъ женъ только въ романахъ да подъ тропиками, гдѣ кипятъ африканскія страсти, голубчикъ. Съ насъ же довольно и такихъ ужасовъ, какъ кражи со взломомъ или прожительство по чужому виду.

— Кражи со взломомъ... — процѣдилъ сквозь свой крючковатый носъ Иванъ Демьянычъ. — Ахъ, какъ вы глупы!

— Но что же подѣлаешь, голубчикъ? Чѣмъ мы, люди, виноваты, что нашимъ мозгамъ предѣлъ положенъ? Впрочемъ, Иванъ Демьянычъ, не грѣшно быть дуракомъ при такой температурѣ. Ты вотъ у меня умница, но, небось, и твои мозги раскисли и поглупѣли отъ этой жары.

Моего попугая зовутъ не попкой и не другимъ какимъ-нибудь птичьимъ названіемъ, а Иваномъ Демьянычемъ. Это имя получилъ онъ совершенно случайно. Однажды мой человѣкъ Поликарпъ, чистя его клѣтку, вдругъ сдѣлалъ открытіе, безъ котораго моя благородная птица и доселѣ величалась бы попкой... Лѣнятя вдругъ пѣ съ того ни съ сего осѣнила мысль, что носъ моего попугая очень похожъ на носъ нашего деревенскаго лавочника Ивана Демьяныча, и съ той поры за попугаемъ навсегда осталось имя и отчество длинноносаго лавочника. Съ легкой руки Поликарпа и вся деревня окрестила мою диковинную птицу въ Ивана Демьяныча. Волею Поликарпа птица попала въ люди, а лавочникъ потерялъ свое настоящее прозвище: онъ до конца дней своихъ будетъ фигурировать въ устахъ деревенщины, какъ «слѣдовательвъ попугай».

Ивана Демьяныча я купилъ у матери моего предшественника, судебного слѣдователя Посѣлова, умершаго незадолго передъ моимъ назначеніемъ. Я купилъ его вмѣстѣ со старинной дубовой мебелью, кухоннымъ хламомъ и всѣмъ вообще хозяйствомъ, оставшимся послѣ покойника. Мои стѣны до сихъ поръ еще украшаютъ фотографическія карточки его родственниковъ, а надъ моей кроватью все еще виситъ портретъ самого хозяина. Покойникъ, худощавый, жилистый человѣкъ съ рыжими усами и большой нижней губой, сидитъ, выпучивъ глаза, въ подиальной орѣховой рамѣ и не отрываетъ отъ меня глазъ все время, пока я лежу на его кровати... Я не спялъ со стѣны ни одной карточки, короче говоря—я оставилъ квартиру такой же, какой и принялъ. Я слишкомъ лѣнивъ

для того, чтобы заниматься собственнымъ комфортомъ, и не мѣшаю висѣть на моихъ стѣнахъ не только покойникамъ, но даже и живымъ, если послѣдніе того пожелаютъ *).

Ивану Демьянычу было такъ же душно, какъ и мнѣ. Онъ ерошилъ свои перья, оттопыривалъ крылья и громко выкрикивалъ фразы, выученныя имъ у моего предшественника Поспѣлова и Поликарпа. Чтобы замять чѣмъ-нибудь свой послѣобѣденный досугъ, я сѣлъ передъ клѣткой и сталъ наблюдать за движеніями попугая, старательно искавшаго и не находившаго выхода изъ тѣхъ мукъ, которыя причиняли ему духота и насѣкомыя, обитавшія въ его перьяхъ... Бѣдняжка казался очень несчастнымъ...

— А въ которомъ часу они просыпаются? — донесся до меня чей-то басъ изъ передней.

— Какъ когда! — отвѣчалъ голосъ Поликарпа... Когда и въ пять просыпается, а когда и до утра дрыхнетъ... Известно, дѣлать нечего.

— Вы ихній камердинеръ будете?

— Прислуга. Ну, не мѣшай мнѣ, замолчи... Нешто не видишь, что я читаю?

Я заглянулъ въ переднюю. Тамъ, на большомъ красномъ сундукѣ валялся мой Поликарпъ и, по обыкновенію, читалъ какую-то книгу. Впившись своими сонными, никогда не моргающими глазами въ книгу, онъ шевелилъ губами и хмурился. Видимо, его раздражало присутствіе посторонняго лица, высокаго мужика-бородача, стоявшаго передъ сундукомъ и тщетно старавшагося завязать бѣсѣду. При моемъ появленіи мужикъ сдѣлалъ шагъ отъ сундука и по-солдатски вытянулся въ струнку. Поликарпъ соорилъ недовольное лицо и, не отрывая глазъ отъ книги, слегка приподнялся.

— Чтѣ тебѣ нужно? — обратился я къ мужику.

— Я отъ графа, ваше благородіе. Графъ изволили вамъ кланяться и просили васъ немедля къ себѣ-съ...

— Развѣ графъ приѣхалъ? — удивился я.

— Точно такъ, ваше благородіе... Вчерась ночью приѣхали... Письмо вотъ извольте-съ...

*) Прошу у читателя извиненія за подобныя выраженія. Ими богата повѣсть несчастнаго Камышева, и если я ихъ не вычеркнулъ, то только потому, что считалъ нужнымъ, въ интересахъ характеристики автора, печатать его повѣсть in toto. А. Ч.

— Опять черти принесли! — проговорилъ мой Поликарпъ.— Два лѣта безъ него покойно прожили, а нынче опять свинюшникъ въ уѣздѣ заведетъ. Опять сраму не оберешься.

— Молчи, тебя не спрашиваютъ!

— Меня и спрашивать не надо... Самъ скажу. Опять будете отъ него въ пьяномъ безобразіи пріѣзжать и въ озерѣ купаться, какъ есть, во всемъ костюмѣ... Чисть потомъ! И за три дня не вычистишь!

— Чтò теперь графъ дѣлаетъ? — спросилъ я мужика.

— Изволили обѣдать садиться, когда меня къ вамъ послали... До обѣда рыбку удилъ въ купальнѣ-съ... Какъ прикажете отвѣчать?

Я распечаталъ письмо и прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Милый мой Леокъ! Если ты еще живъ, здравствуешь и еще не забылъ своего всепьянѣйшаго друга, то, ни минуты не медля, облакайся въ свои одежды и мчись ко мнѣ. Пріѣхалъ только прошлую ночью, но уже умираю отъ скуки. Нетерпѣніе, съ которымъ я ожидаю тебя, не знаетъ границъ. Хотѣлъ-было самъ съѣздить за тобой и увезти тебя въ мою берлогу, но жара сковала все мои члены. Сижу на одномъ мѣстѣ и обмахиваюсь вѣромъ. Ну, какъ живешь ты? Какъ поживаетъ твой умнѣйшій Иванъ Демьянычъ? Все еще воюешь со своимъ педантомъ Поликарпомъ? Пріѣзжай скорѣй и рассказывай.

«Твой А. К.»

Не нужно было глядѣть на подпись, чтобы въ крупномъ, некрасивомъ почеркѣ узнать пьяную, рѣдко пишущую руку моего друга, графа Алексѣя Карнѣева. Краткость письма, претензія его на нѣкоторую игривость и бойкость свидѣтельствовали, что мой недалекій другъ много изсрвалъ почтовой бумаги, прежде чѣмъ сумѣлъ сочинить это письмо.

Въ письмѣ отсутствовало мѣстоименіе «который» и старательно обойдены дѣеучастія — то и другое рѣдко удается графу за одинъ присѣсть.

— Какъ прикажете отвѣтить? — повторилъ мужикъ.

Я не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ, да и всякій чистоплотный человѣкъ промедлилъ бы на моемъ мѣстѣ. Графъ любилъ меня и искреннѣйше навязывался ко мнѣ въ друзья, я же не питалъ къ нему ничего похожаго на дружбу и даже не любилъ его; честнѣе было бы поэтому прямо разъ навсегда отказаться отъ его дружбы,

чѣмъ ѣхать къ нему и лицемѣрить. Къ тому же, ѣхать къ графу — значило еще разъ окунуться въ жизнь, которую мой Поликарпъ величалъ «свинюшникомъ» и которая два года тому назадъ, во все время до отѣзда графа въ Петербургъ, расшатывала мое крѣпкое здоровье и сушила мой мозгъ. Эта безпутная, необычная жизнь, полная эффектовъ и пьянаго бѣшенства, не успѣла подорвать мой организмъ, но зато сдѣлала меня извѣстнымъ всей губерніи... Я популярень...

Разсудокъ говорилъ мнѣ всю сущую правду, краска стыда за недавнее прошлое разливалась по моему лицу, сердце сжималось; отъ страха при одной мысли, что у меня не хватитъ мужества отказаться отъ поѣздки къ графу, но я недолго колебался. Борьба продолжалась не болѣе минуты.

— Кланяйся графу, — сказалъ я посланному: — и поблагодари за память... Скажи, что я занятъ и что... Скажи, что я...

И въ тотъ самый моментъ, когда съ моего языка готово уже было сорваться рѣшительное «нѣтъ», мною вдругъ овладѣло тяжелое чувство... Молодой человѣкъ, полный жизни, силъ и желаній, заброшенный волею судьбы въ деревенскія дебри, былъ охваченъ чувствомъ тоски, одиночества...

«
Вспомнился мнѣ графскій садъ съ роскошью его прохладныхъ оранжерей и полумракомъ узкихъ, заброшенныхъ аллей... Эти аллеи, защищенные отъ солнца сводомъ изъ зеленыхъ, сплетающихся вѣтвей старушекъ-липъ, знаютъ меня... Знаютъ онѣ и женщинъ, которыя искали моей любви и полумрака... Вспомнилась мнѣ роскошная гостиная, съ сладкой лѣнью ея бархатныхъ дивановъ, тяжелыхъ портьеръ и ковровъ, мягкихъ, какъ пухъ, съ лѣнью, которую такъ любятъ молодые, здоровыя животныя... Пришла мнѣ на память моя пьяная удалъ, не знающая границъ въ своей ширинѣ, сатанинской гордости и презрѣніи къ жизни. И мое большое тѣло, утомленное сномъ, вновь захотѣло движенія...

— Скажи, что я буду!

Мужикъ поклонился и вышелъ.

— Зналъ бы, не впускалъ его, чорта! — проворчалъ Поликарпъ, быстро и безцѣльно перелистывая книгу.

— Оставь книгу и поди осѣдлай Зорьку! — сказалъ я строго. — Живо!

— Живо! Какъ же, безпремѣнно... Такъ вотъ возьму и побѣгу... Добро бы за дѣломъ ѣхалъ, а то поѣдетъ чорту рога ломать!

Это было сказано полушопотомъ, но такъ, чтобъ я слышалъ. Лакей, прошептавши дерзость, вытянулся передо мной и, презрительно ухмыляясь, сталъ ожидать отвѣтной вспышки, но я сдѣлалъ видъ, что не слышалъ его словъ. Мое молчаніе — лучшее и острѣйшее орудіе въ сраженіяхъ съ Поликарпомъ. Это презрительное пропусканіе мимо ушей его ядовитыхъ словъ обезоруживаетъ его и лишаетъ почвы. Оно, какъ наказаніе, дѣйствуетъ сильнее, чѣмъ подзатыльникъ или потокъ ругательныхъ словъ... Когда Поликарпъ вышелъ на дворъ сдѣлать Зорьку, я заглянулъ въ книгу, которую помѣшалъ ему читать... Это былъ «Графъ Монте-Кристо», страшный романъ Дюма... Мой цивилизованный дуракъ читаетъ все, начиная съ выѣсокъ питейныхъ домовъ и кончая Огюстомъ Контомъ, лежащимъ у меня въ супдукѣ вмѣстѣ съ другими мною не читаемыми, заброшенными книгами; но изъ всей массы печатнаго и писаннаго онъ признаетъ одни только страшные, сильно дѣйствующіе романы съ знатными «господами», ядами и подземными ходами, остальное же онъ окрестилъ «чепухой». Объ его чтеніи мнѣ придется еще говорить въ будущемъ, теперь же — ѣхать! Черезъ четверть часа копыта моей Зорьки уже взымали пыль по дорогѣ отъ деревни до графской усадьбы. Солнце было близко къ своему ночлегу, но жаръ и духота давали еще себя чувствовать. Накаленный воздухъ былъ неподвиженъ и сухъ, несмотря на то, что дорога моя лежала по берегу громаднѣйшаго озера... Справа видѣлъ я водную массу, слѣва ласкала мой взглядъ молодая, весенняя листва дубоваго лѣса, а между тѣмъ мои щеки переживали Сахару.

«Быть грозѣ!» — подумалъ я, мечтая о хорошемъ, холодномъ ливнѣ...

Озеро тихо спало. Ни однимъ звукомъ не привѣтствовало оно полета моей Зорьки, и лишь пискъ молодого кулика нарушалъ гробовое безмолвіе неподвижнаго великана. Солнце глядѣлось въ него, какъ въ большое зеркало, и заливало всю его ширь отъ моей дороги до далекаго берега ослѣпительнымъ свѣтомъ. Ослѣпленнымъ глазамъ казалось, что не отъ солнца, а отъ озера беретъ свой свѣтъ природа.

Зной вогналъ въ дремоту и жизнь, которою такъ богато озеро и его зеленые берега... Попрятались птицы, не плескалась рыба, тихо ждали прохлады полевые кузнечики и сверчки. Кругомъ была пустыня. Лишь изрѣдка моя Зорька вносила меня въ густое облако прибрежныхъ комаровъ, да вдали на озерѣ еле шевелились три черныя лодочки старика Михея, нашего рыболова, взявшаго на откупъ все озеро.

Я ѣхалъ не по прямой линіи, а по окружности, какую представлялись берега круглаго озера. Ѣхать по прямой линіи можно было только на лодкѣ, ѣздящіе же сухимъ путемъ дѣлаютъ большой кругъ и проигрываютъ около восьми верстъ. Всѣ время пути я, глядя на озеро, видѣлъ противоположный глинистый берегъ, надъ которымъ бѣлѣла полоса цвѣтшаго черешневаго сада, изъза черешень высилась графская клуня, усѣянная разноцвѣтными голубыми, и бѣлѣла маленькая колокольня графской церкви. У глинистаго берега стояла купальня, обитая парусомъ; на перилахъ сушились простыни. Все это я видѣлъ, и моимъ глазамъ казалось, что меня отдѣляетъ отъ моего пріятеля-графа какая-нибудь верста, а между тѣмъ, чтобы добраться до графской усадьбы, мнѣ нужно было проскакать шестнадцать верстъ.

На пути я думалъ о своихъ странныхъ отношеніяхъ къ графу. Интересно мнѣ было дать себѣ въ нихъ отчетъ, регулировать ихъ, но — увы! — этотъ отчетъ оказался непосильной задачей. Сколько я ни думалъ, ни рѣшалъ, а въ концѣ концовъ пришлось остановиться на заключеніи, что я плохой знатокъ самого себя и вообще человѣка. Люди, знавшіе меня и графа, различно истолковываютъ наши взаимныя отношенія. Узкіе лбы, не видящіе ничего дальше своего носа, любятъ утверждать, что знатный графъ видѣлъ въ «бѣдномъ и незнатномъ» судебномъ слѣдователѣ хорошаго прихвостня-собутыльника. Я, пишущій эти строки, по ихъ разумѣнію, ползалъ и пресмыкался у графскаго стола ради крохъ и огрызковъ! По ихъ мнѣнію, знатный богачъ, пугало и зависть всего С — го уѣзда, былъ очень уменъ и либераленъ; иначе тогда непонятно было бы милостивое снисхожденіе до дружбы съ неимущимъ слѣдователемъ и тотъ сущій либерализмъ, который сдѣлалъ графа нечувствительнымъ къ моему «ты». Люди же поумнѣе объясняютъ наши близкія отношенія общностью «духовныхъ интересовъ». Я и

графъ — сверстники. Оба мы кончили курсъ въ одномъ и томъ же университетѣ, оба мы юристы и оба очень мало знаемъ: я знаю кое-что, графъ же забылъ и утопилъ въ алкоголь все, что зналъ когда-нибудь. Оба мы гордецы и, въ силу какихъ-то, однимъ только намъ извѣстныхъ причинъ, какъ дикари, чуждаемся общества. Оба мы не стѣсняемся мнѣнiемъ свѣта (т. е. С—го уѣзда), оба безправственны и оба плохимъ кончимъ. Таковы связующiе насъ «духовные интересы». Болѣе этого ничего не могутъ сказать о нашихъ отношенiяхъ знавшiе насъ люди.

Они, конечно, сказали бы болѣе, если бы знали, какъ слаба, мягка и податлива натура друга моего графа и какъ силенъ и крѣпокъ я. Они многое сказали бы, если бы знали, какъ любилъ меня этотъ тщедушный человекъ и какъ я его не любилъ! Онъ первый предложилъ мнѣ свою дружбу, и я первый сказалъ ему «ты», но съ какою разницею въ тонѣ! Онъ, въ принадлежъ хорошихъ чувствъ, обнялъ меня и робко попросилъ моей дружбы, — я же, охваченный однажды чувствомъ презрѣнiя, брезгливости, сказалъ ему:

— Полно тебѣ молоть чепуху!

И это «ты» онъ принялъ какъ выраженiе дружбы и сталъ носить его, платя мнѣ честнымъ, братскимъ «ты»...

Да, лучше и честнѣе я сдѣлалъ бы, если бы повернулъ свою Зорьку и поѣхалъ назадъ къ Поликарпу и Ивану Демьянычу.

Впоследствии я думалъ не разъ: «Сколько несчастiй не пришлось бы мнѣ перенести на своихъ плечахъ и сколько добра принесть бы я своимъ ближнимъ, если бы въ этотъ вечеръ у меня хватило рѣшимости поворотить назадъ, если бы моя Зорька набѣсилась и унесла меня подальше отъ этого страшнаго большого озера! Сколько мучительныхъ воспоминанiй не давили бы теперь моего мозга и не заставляли бы мою руку то и дѣло оставлять перо и хвататься за голову!» Но не стану забѣгать впередъ, тѣмъ болѣе, что впереди придется еще много разъ останавливаться на горечи. Теперь о веселомъ...

Моя Зорька ввела меня въ порога графской усадьбы. У самыхъ воротъ она споткнулась, и я, потерявъ стремя, чуть-было не свалился на землю.

— Худой знакъ, баринъ! — крикнулъ мнѣ какой-то мужикъ, стоявшiй у одной изъ дверей длинныхъ графскихъ конюшенъ.

Я вѣрю въ то, что человекъ, упавшій съ лошади, можетъ сломать себѣ шею, но не вѣрую въ предзнаменованія. Отдавъ поводъ мужику и обивая хлыстомъ пыль съ ботфортовъ, я побѣжалъ въ домъ. Меня никто не встрѣтилъ. Окна и двери въ комнатахъ были открыты настежь, но, несмотря на это, въ воздухѣ стоялъ тяжелый, страшный запахъ. То была смѣсь запаха ветхихъ, заброшенныхъ покоевъ съ пріятнымъ, но ѣдкимъ, наркотическимъ запахомъ тепличныхъ растеній, недавно принесенныхъ изъ оранжерей въ комнаты... Въ залѣ, на одномъ изъ дивановъ, обитыхъ свѣтло-голубой шелковой матеріей, лежали двѣ помятыя подушки, а передъ диваномъ на кругломъ столѣ я увидѣлъ стаканъ съ нѣсколькими каплями жидкости, распространявшей запахъ крѣпкого рижскаго балъзама. Все это говорило за то, что домъ обитаемъ, но я, обойдя всѣ одиннадцать комнатъ, не встрѣтилъ ни одной живой души. Въ домѣ царилъ такая же пустыня, какъ и вокругъ озера...

Изъ такъ называемой «мозаиковой» гостиной вела въ садъ большая стеклянная дверь. Я съ шумомъ отворилъ ее и по мраморной террасѣ спустился въ садъ. Тутъ, пройдя нѣсколько шаговъ по аллеѣ, я встрѣтилъ девяностолѣтнюю старуху Настасью, бывшую когда-то нянькой у графа. Это — маленькое, сморщенное, забытое смертью существо, съ лысой головкой и колючими глазами. Когда глядишь на ея лицо, то невольно припоминаешь прозвище, данное ей дворней: «Сычиха»... Увидѣвъ меня, она вздрогнула и чуть не уронила стакана со сливками, который она несла обѣими руками.

— Здорово, Сычиха, — сказалъ я ей.

Она искоса поглядѣла на меня и молча прошла мимо... Я взялъ ее за плечо...

— Не бойся, дура... Гдѣ графъ?

Старуха показала себѣ на уши.

— Ты глуха? А давно ты оглохла?

Старуха, несмотря на свой преклонный возрастъ, отлично слышитъ и видитъ, но находитъ излишнимъ клеветать на свои органы чувствъ... Я пригрозилъ ей пальцемъ и отпустилъ ее.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, я услышалъ голоса, а немного погодя увидѣлъ и людей. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ аллея расширялась въ площадку, окруженную чугунными екамьями, подъ тѣнью высокихъ бѣлыхъ акацій стоялъ

столь, на которомъ блестяль самоваръ. Около стола говорили. Я тихо подошелъ по травѣ къ площадкѣ и, скрывшись за сиреневый кустъ, сталъ искать глазами графа.

Мой другъ, графъ Карибевъ, сидѣль за столомъ на складномъ рѣшетчатомъ стулѣ и пилъ чай. На немъ былъ пестрый халатъ, въ которомъ я видѣль его два года назадъ, и соломенная шляпа. Лицо было озабочено, сосредоточено, сжато въ складки, такъ что человѣкъ, знакомый съ нимъ, могъ бы подумать, что его мучить въ данную минуту солидная мысль, забота... Наружно графъ нисколько не измѣнился за время нашей двухлѣтней разлуки. То же маленькое худое тѣло, жидкое и дряблое, какъ тѣло коростеля. Тѣ же узкія чахоточныя плечи съ маленькой, рыженькой головкой. Носикъ попрежнему розовъ, щеки, какъ и два года тому назадъ, отвисаютъ тряпочками. На лицѣ ничего смѣлаго, сильнаго, мужественнаго... Все слабо, апатично и вяло. Внушительны одни только большіе, отвисающіе внизъ усы. Моему другу кто-то сказалъ, что ему очень идутъ длинныя усы. Онъ повѣрилъ, и теперь каждое утро мѣряетъ, насколько длиннѣе стала растительность надъ его блѣдными губами. Съ этими усами онъ наломываетъ усатого, но очень молодого и хилаго котенка.

Рядомъ съ графомъ за тѣмъ же столомъ сидѣль какой-то неизвѣстный мнѣ толстый человѣкъ съ большой стриженной головой и очень черными бровями. Лицо этого было жирно и лоснилось, какъ спѣлая дыня. Усы длиннѣе, чѣмъ у графа, лобъ маленькій, губы сжаты, и глаза лѣниво глядятъ на небо... Черты лица расплылись, но тѣмъ не менѣе онъ жестки, какъ высохшая кожа. Типъ не русскій... Толстый человѣкъ былъ безъ сюртука и безъ жилета, въ одной сорочкѣ, на которой темнѣли мокрыя отъ пота мѣста. Онъ пилъ не чай, а сельтерскую воду.

Въ почтительномъ отдаленіи отъ стола стояль плотный, приземистый человѣкъ съ краснымъ, жирнымъ затылкомъ и оттопыренными ушами. Это былъ управляющій графа, Урбенинъ. Ради пріѣзда его сіятельства, онъ нарядился въ новую черную пару и теперь испытывалъ муки. Потъ ручьями лилъ съ его краснаго, загорѣвшаго лица. Рядомъ съ управляющимъ стояль мужикъ, пріѣзжавшій ко мнѣ съ письмомъ. Только тутъ я замѣтилъ, что у этого мужика не было одного глаза. Вытянувшись въ струнку

и не позволяя себѣ ни малѣйшаго движенія, онъ стоялъ, какъ статуя, и ждалъ вопросовъ.

— Взять бы вотъ у тебя, Кузьма, твою нагайку, да отшпандорить тебя во всѣ корки, — говорилъ ему съ разстановкой своимъ внушительнымъ и мягкимъ баскомъ управляющій. — Развѣ можно такъ неряшливо исполнять господскія приказанія? Ты долженъ былъ просить ихъ пожаловать сюда немедленно и узнать, когда именно они могутъ быть?

— Да, да, да... — нервничалъ графъ. — Ты долженъ былъ все узнать! Онъ сказалъ: буду! Но вѣдь этого недостаточно! Онъ мнѣ сейчасъ нуженъ! Обя-за-тель-но сейчасъ! Ты его просилъ, а онъ тебя не понялъ!

— На что онъ тебѣ такъ понадобился? — спросилъ графа толстякъ.

— Мнѣ нужно его видѣть!

— Только-то? А по-моему, Алексѣй, этотъ слѣдователь лучше бы сдѣлалъ, если бы сегодня посидѣлъ у себя дома. Мнѣ теперь не до гостей.

Я сдѣлалъ большіе глаза. Чтò значило это хозяйское, повелительное «мнѣ»?

— Но вѣдь это не гость! — сказала умоляющимъ голосомъ мой другъ. — Онъ не помѣшаетъ тебѣ отдохнуть послѣ дороги. Съ нимъ, пожалуйста, не церемонься!.. Увидишь, чтò это за человекъ! Ты сразу его полюбишь и подружишься съ нимъ, голубчикъ!

Я вышелъ изъ-за сиреневыхъ кустовъ и направился къ столу. Графъ увидѣлъ меня, узналъ, и на просіявшемъ лицѣ его заиграла улыбка.

— Вотъ и онъ! Вотъ и онъ! — заговорилъ онъ, краснѣя отъ удовольствія и выскакивая изъ-за стола. — Какъ это мило съ твоей стороны!

И, подбѣжавъ ко мнѣ, онъ подскочилъ, обнялъ меня и своими жесткими усами нѣсколько разъ поцарапалъ мою щеку. За поцѣлуями слѣдовало продолжительное рукопожатіе и засматриваніе мнѣ въ глаза...

— А ты, Сергѣй, нисколько не измѣнился! Все тотъ же! Такой же красавецъ и силачъ! Спасибо, что уважилъ и пріѣхалъ!

Освободившись отъ графскихъ объятій, я поздоровался съ управляющимъ, моимъ хорошимъ знакомымъ, и сѣлъ за столъ.

— Ахъ, голубчикъ! — продолжалъ встревоженный и

обрадованный графъ.—Если бы ты зналъ, какъ мнѣ пріятно видѣть твою серьезную фізіономію. Ты незнакомъ? Позволь тебѣ представить: мой хорошій другъ Каэтанъ Казимировичъ Пшехоцкій. А это вотъ,—продолжалъ онъ, указавъ толстяку на меня:—мой хорошій, давнишній другъ Сергѣй Петровичъ Зиновьевъ! Здѣшній слѣдователь.

Чернобровый толстякъ слегка приподнялся и подалъ мнѣ свою жирную, ужасно потную руку.

— Очень пріятно, — пробормоталъ онъ, рассматривая меня. — Очень радъ.

Изливши свои чувства и успокоившись, графъ налил мнѣ стаканъ холоднаго красно-бурого чаю и придвинулъ къ моимъ рукамъ ящикъ съ печеньями.

— Кушай... Проѣздомъ черезъ Москву у Эйнема купилъ. А я на тебя сердитъ, Сережа, такъ сердитъ, что даже хотѣлъ поругаться съ тобой!.. Мало того, что ты не писалъ мнѣ въ эти два года ни строчки; но даже не удостоилъ отвѣтомъ ни одного моего письма! Это не по-дружески!

— Я не умѣю писать писемъ, — сказала я: — да кстати же у меня нѣтъ и времени для переписки. И о чемъ, скажи, пожалуйста, я могъ писать тебѣ?

— Мало ли о чемъ?

— Право, не о чемъ. Я признаю письма только трехъ сортовъ: любовныя, поздравительныя и дѣловыя. Первыхъ я тебѣ не писалъ потому, что ты не женщина и я въ тебя не влюбленъ, вторыя тебѣ не нужны, а отъ третьихъ мы избавлены, такъ какъ у насъ съ тобой отрядъ общихъ дѣлъ не было.

— Это, положимъ, такъ, — согласился графъ, быстро и охотно со всеѣмъ соглашающійся: — но все-таки могъ бы хоть строчку... И потомъ, какъ рассказываетъ вотъ Петръ Егорычъ, ты за всеѣ два года ни разу не навѣдался сюда, точно за тысячу верстъ живешь, или брезгуешь моимъ добромъ. Могъ бы здѣсь пожить, поохотиться. И мало ли что могло здѣсь безъ меня случиться!

Графъ говорилъ много и долго. Разъ начавши говорить о чемъ-нибудь, онъ болталъ языкомъ безъ умолку и безъ конца, какъ бы мелка и жалка ни была тема.

Въ произнесеніи звуковъ онъ былъ неутомимъ, какъ мой Иванъ Демьянычъ. Я едва выносилъ его за эту способность. Остановилъ его на этотъ разъ лакей Илья, вы-

сокии, тонкій человекъ въ поношенной пятнистой ливреѣ, поднесшій графу на серебряномъ подносѣ рюмку водки и поль-стакана воды. Графъ выпилъ водку, залилъ водой и, поморщившись, покачалъ головой.

— А ты еще не бросилъ походя дуть водку! — сказала я.

— Не бросилъ, Сережа!

— Ну, хоть брось пьяную манеру морщиться и качать головой! Противно.

— Я, голубчикъ, все бросаю... Мнѣ доктора запретили пить. Пью теперь только потому, что сразу нездорово бросать... Нужно постепенно...

Я поглядѣлъ на большое, истрепавшееся лицо графа, на рюмку, на лакея въ желтыхъ бапимакахъ, поглядѣлъ я на чериброваго поляка, который съ перваго же раза показался мнѣ почему-то негодяемъ и мошенникомъ, на одноплазго, вытянувагося мужика, — и мнѣ стало жутко, душно... Мнѣ вдругъ захотѣлось оставить эту грязную атмосферу, предварительно открывъ графу глаза на всю мою къ нему безграничную антипатию... Былъ моментъ, когда я готовъ уже былъ подняться и уйти... Но я не ушелъ... Мнѣ помѣшала (стыдно сознаться!) простая физическая лѣнь...

— Дай и мнѣ водки! — сказала я Пльѣ.

Продолговатыя тѣни стали ложиться на аллею и нашу площадку...

Далекое кваканье лягушекъ, карканье воронъ и пѣніе иволги привѣтствовали уже закатъ солнца. Наступалъ весенній вечеръ...

— Посади Урбенина, — шепнулъ я графу. — Онъ стоитъ передъ тобой, какъ мальчишка.

— Ахъ, самъ я и не догадался! Петръ Егорычъ, — обратился графъ къ управляющему: — садитесь, пожалуйста! Будетъ вамъ стоять!

Урбенинъ сѣлъ и поглядѣлъ на меня благодарными глазами. Вѣчно здоровый и веселый, онъ показался мнѣ на этотъ разъ больнымъ, скучающимъ. Лицо его было точно помято, сонно, и глаза глядѣли на насъ лѣниво, нехотя...

— Чтò у насъ новенькаго, Петръ Егорычъ? Чтò хорошенькаго? — спросилъ его Карифевъ. — Нѣтъ ли чего-нибудь этакого... изъ ряда вонъ выдающагося?

— Все по-старому, ваше сіятельство...

— Нѣтъ ли того... новенькихъ дѣвочекъ, Петръ Егорычъ?

Нравственный Петръ Егорычъ покраснѣлъ.

— Не знаю, ваше сіятельство... Я въ это не вхожу...

— Есть, ваше сіятельство, — пробасилъ все время до этого молчаливій одноглазый Кузьма. — И очень даже стѣющія.

— Хорошія?

— Всякія есть, ваше сіятельство, на всякій вкусъ... И брюнетки, и блондинки, и всякія...

— Ишь ты!.. Постой, постой... Я теперь припоминаю тебя... Мой бывшій Лепорелло, секретарь по части... Тебя, кажется, Кузьмой зовутъ?

— Точно такъ...

— Помню, помню... Какія же теперь у тебя есть на примѣтъ? Небось, все мужички?

— Больше, извѣстно, все мужички, но есть и почище...

— Гдѣ жъ это ты почище нашелъ? — спросилъ Илья, щура на Кузьму глаза.

— На Святой къ почтарю свояченица пріѣхала... Настась Иванна... Дѣвка вся на винтахъ, — самъ бы вѣдь да деньги надобны... Кровь во всю щеку и прочее такое... Есть и того почище. Только васъ и дождалась, ваше сіятельство. Молоденькая, пухлявенькая, шустренькая... красота! Этакой красоты, ваше сіятельство, и въ Питинбургѣ не изволили видѣть...

— Кто же это?

— Оленька, лѣсничаго Скворцова дочка.

Подъ Урбенинымъ затрещалъ стулъ. Упираясь руками о столъ и багровѣя, управляющій медленно поднялся и повернулъ свое лицо къ одноглазому мужику. Выраженіе утомленія и скуки уступило свое мѣсто сильному гнѣву...

— Замолчи, хамъ! — проворчалъ онъ. — Гадина одноглазая!.. Говори, что хочешь, но не смѣй ты трогать порядочныхъ людей!

— Я васъ не трогаю, Петръ Егорычъ, — невозмутимо проговорилъ Кузьма.

— Я не про себя говорю, болванъ! Впрочемъ... простите меня, ваше сіятельство, — обратился управляющій къ графу. — Простите, что я сдѣлалъ сцену, но я просилъ бы ваше сіятельство запретить вашему Лепорелло, какъ вы изволили его назвать, распространять свое усердіе на особъ, достойныхъ всякаго уваженія!

— Я ничего... — пролететалъ наивный графъ. — Опъ ничего не сказалъ такого особеннаго.

Обиженный и взволнованный до крайности, Урбенинь отошелъ отъ стола и сталъ къ намъ бокомъ. Скрестивъ на груди руки и мигая глазами, опъ спряталъ отъ насъ свое багровое лицо за вѣточку и задумался.

Не предчувствовалъ ли этотъ человѣкъ, что въ недалекомъ будущемъ его нравственному чувству придется испытать оскорбленія въ тысячу разъ горшія?

— Не понимаю, чего онъ обидѣлся! — шепнулъ мнѣ графъ. — Вотъ чудакъ! Оскорбительнаго вѣдь ничего не было сказано.

Послѣ двухлѣтняго трезваго житья, рюмка водки подействовала на меня слегка опьяняюще. Въ мозгу и по всему тѣлу моему разлилось чувство легкости, удовольствія. Къ тому же я сталъ ощущать вечернюю прохладу, которая мало-по-малу вытѣсняла дневную духоту... Я предложилъ пройтись. Изъ дома принесли графу и его новому другу-поляку ихъ сюртуки, и мы пошли. За нами послѣдовалъ и Урбенинь.

Графскій садъ, по которому мы гуляли, въ виду его поражающей роскоши, достоинъ особаго, спеціального описанія. Въ ботаническомъ, хозяйственномъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ богаче и грандіознѣе всѣхъ садовъ, какіе я когда-либо видѣлъ. Кромѣ вышеописанныхъ поэтическихъ аллей съ зелеными сводами, вы найдете въ немъ все, чего только можетъ требовать отъ сада взглядъ прихотливаго баловня. Тутъ и всевозможныя, туземныя и иностранныя, фруктовыя деревья, начиная съ черешень и сливъ и кончая крупнымъ, съ гусиное яйцо, абрикосомъ. Шелковица, барбарисъ, французскія бергамотовыя деревья и даже маслина попадаютъ на каждомъ шагу... Тутъ и полуразрушенныя, поросшіе мхомъ гроты, фонтаны, прудики, предназначенные для золотой рыбы и ручныхъ кариовъ, горы, бесѣдки, дорогія оранжереи... И эта рѣдкая роскошь, собранная руками дѣдовъ и отцовъ, это богатство большихъ полныхъ розъ, поэтическихъ гротовъ и безконечныхъ аллей было варварски заброшено и отдано во власть сорнымъ травамъ, воровскому топору и галкамъ, безцеремонно вившимъ свои уродливыя гнѣзда на рѣдкихъ деревьяхъ! Законный владѣлецъ этого добра шелъ рядомъ со мной, и ни одинъ мускулъ его испитого и сытаго лица не дрогнулъ при видѣ запущенности и

кричащей человѣческой неряшливости, словно не онъ былъ хозяиномъ сада. Разъ только, отъ-нечего-дѣлать, онъ замѣтилъ управляющему, что недурно было бы, если бы дорожки были посыпаны песочкомъ. Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе никому ненужнаго песочку, а не замѣтилъ голыхъ, умершихъ за холодную зиму деревьевъ и коровъ, гулявшихъ по саду. На его замѣчаніе Урбенинь отвѣтилъ, что для надзора за садомъ нужно имѣть человѣкъ десять работниковъ, а такъ какъ его сіятельство не изволитъ жить у себя въ имѣніи, то затраты на садъ являются роскошью ненужной и непроизводительной. Графъ, конечно, согласился съ этимъ доводомъ.

— Да и некогда мнѣ, признаться! — махнулъ рукой Урбенинь. — Лѣтомъ въ полѣ, зимой въ городѣ хлѣбъ продаешь... Не до сада тутъ!

Главная, такъ называемая «генеральная» аллея, вся прелесть которой состояла въ ея старыхъ, широкихъ линахъ и въ массѣ тюльпановъ, тянувшихся двумя пестрыми полосами во всю ея длину, оканчивалась вдали желтымъ пятномъ. То была желтая каменная бесѣдка, въ которой когда-то былъ буфетъ съ бильярдомъ, кеглями и китайской игрой. Мы безцѣльно направились къ этой бесѣдкѣ... У ея входа мы были встрѣчены живымъ существомъ, нѣсколько разстроившимъ нервы моихъ не храбрыхъ спутниковъ.

— Змѣя! — вдругъ взвизнулъ графъ, хватая меня за руку и блѣднѣя. — Посмотри!

Полякъ сдѣлалъ шагъ назадъ, остановился, какъ вкопанный, и растопыривъ руки, точно загораживая путь привидѣнію... На верхпей ступени каменной, полуразрушенной лѣстнички лежала молодая змѣя изъ породы нашихъ обыкновенныхъ русскихъ гадюкъ. Увидѣвъ насъ, она подняла головку и зашевелилась... Графъ еще разъ взвизнулъ и спрятался за мою спину.

— Не бойтесь, ваше сіятельство!.. — сказала лѣниво Урбенинь, залося ногу на первую ступень..

— А если укуситъ?

— Не укуситъ. Да и вообще, кстати говоря, вредъ отъ укушенія этихъ змѣй преувеличенъ. Я былъ разъ укушенъ старой змѣей — и не умеръ, какъ видите. Человѣческое жало опаснѣе змѣинаго! — не преминулъ сморальничать со вздохомъ Урбенинь.

И подлинно. Не успѣлъ управляющій пройти двѣ-три

ступени, какъ змѣя вытянулась во всю свою длину и съ быстротою молніи юркнула въ щель между двухъ плитъ. Войдя въ бесѣдку, мы увидѣли другое живое существо. На старомъ, полинявшемъ бильярдѣ съ прорваннымъ сукномъ лежалъ старикъ невысокаго роста въ синемъ пиджакѣ, полосатыхъ панталопахъ и жокейскомъ картузикѣ. Онъ сладко и безмятежно спалъ. Вокругъ его беззубаго, похожаго на дуло рта и на остромъ носу хозяйничали мухи. Худой, какъ скелетъ, съ открытымъ ртомъ и неподвижный, онъ походилъ на трупъ, только-что принесенный изъ мертвецкаго подвала для вскрытія.

— Францъ! — толкнулъ его Урбенинь. — Францъ!

Послѣ пяти-шести толчковъ Францъ закрылъ ротъ, приподнялся, обвелъ всѣхъ насъ глазами и опять легъ. Черезъ минуту ротъ его былъ опять открытъ, и мухъ, гулявшихъ около его носа, опять беспокоило легкое дрожанье отъ храна.

— Спитъ, свинья безпутная! — вздохнулъ Урбенинь.

— Это, кажется, нашъ садовникъ Трихеръ? — спросилъ графъ.

— Онъ самый... Вотъ такъ вотъ каждый день... Днемъ спитъ, какъ убитый, а ночью въ карты играетъ. Сегодня, сказываютъ, до шести часовъ утра игралъ...

— Во что же онъ играетъ?

— Въ азартныя игры... Больше все въ стуюлку.

— Ну, такіе господа плохо дѣло дѣлаютъ... Жалованье они только даромъ берутъ.

— Это я не для того вамъ сказать, ваше сіятельство, — спохватился Урбенинь: — чтобы жаловаться, или выражать неудовольствіе, а просто такъ... хотѣлось пожалѣть, что такой способный человѣкъ и страсти подверженъ. А человѣкъ онъ трудящійся, ничего себѣ. Не даромъ жалованье беретъ.

Мы еще разъ взглянули на картежника Франца и вышли изъ бесѣдки. Отсюда мы направились къ садовой калиткѣ, выходящей въ поле.

Въ рѣдкомъ романѣ не играетъ солидной роли садовая калитка. Если вы сами не подмѣтили этого, то справьтесь у моего Поликарпа, проглотившаго на своемъ вѣку множество страшныхъ и нестрашныхъ романовъ, и онъ, навѣрное, подтвердитъ вамъ этотъ ничтожный, но все-таки характерный фактъ.

Мой романъ тоже не избавленъ отъ калитки. Но моя

калитка разнится отъ другихъ тѣмъ, что моему перу придется провести сквозь нее много несчастныхъ и почти ни одного счастливаго, что бываетъ въ другихъ романахъ только въ обратномъ порядкѣ. И, что хуже всего, эту калитку мнѣ приходилось уже разъ описывать, но не какъ романисту, а какъ судебному слѣдователю... У меня проведетъ она сквозь себя болѣе преступниковъ, чѣмъ влюбленныхъ.

Черезъ четверть часа мы, подпираясь тростями, плелась на гору, называемую у насъ Каменной Могилой. У деревень существуетъ легенда, что подъ этой каменной грудой покоится тѣло какого-то татарскаго хана, боявшагося, чтобы послѣ его смерти враги не надругались надъ его прахомъ, а потому и завѣщавшаго взвалить на себя гору камня. Но эта легенда едва ли справедлива. Каменные пласты, ихъ взаимное положеніе и величина исключаютъ вмѣшательство человѣческихъ рукъ въ происхожденіе этой горы. Она стоитъ особнякомъ въ полѣ и напоминаетъ собою опрокинутый колпакъ.

Взобравшись на нее, мы увидѣли все озеро во всей его плѣнительной ширинѣ и неподдающейся описанію красотѣ. Солнце уже не отражалось въ немъ; оно зашло и оставило послѣ себя широкую багровую полосу, окрасившую окрестность въ пріятный, розовато-желтый цвѣтъ. У нашихъ ногъ разстилалась графская усадьба съ ея домомъ, церковью и садомъ, а вдали, по ту сторону озера, сѣрѣла деревенька, въ которой волею судьбы я имѣлъ свою резиденцію. Поверхность озера была попрежнему неподвижна. Лодочки старика Михея, отдѣлившись другъ отъ друга, спѣшили къ берегу.

Въ сторону отъ моей деревеньки темнѣла желѣзнодорожная станція съ дымкомъ отъ локомотива, а позади насъ, по другую сторону Каменной Могилы, разстилалась новая картина. У подножія Могилы шла дорога, по бокамъ которой высились старики-тополи. Дорога эта вела къ графскому лѣсу, тянувшемуся до самаго горизонта.

Я и графъ стояли на горѣ. Урбенинъ и полякъ, какъ люди тяжелые, предпочли подождать насъ внизу, на дорогѣ.

— Что это за шишка? — спросилъ я графа, кивнувъ на поляка. — Гдѣ ты его подцѣпилъ?

— Это очень милый господинъ, Сережа, очень милый! —

встревоженно заговорилъ графъ. — Ты скоро подружишься съ нимъ!

— Ну, это едва ли. Отчего онъ все молчитъ?

— По натурѣ онъ молчаливъ! Но зато какъ уменъ!

— Да что онъ за человѣкъ?

— Въ Москвѣ я съ нимъ познакомился. Онъ очень милый. Послѣ ты все узнаешь, Сережа, а теперь не спрашивай. Спустимся?

Мы спустились съ Могилы и пошли по дорогѣ къ лѣсу. Стало замѣтно темнѣть. Изъ лѣсу доносилось кукуканье кукушки и голосовыя вздрагиванія утомленного, вѣроятно, молодого соловья.

— Ау! Ау! — услышали мы звонкій дѣтскій голосокъ, подходя къ лѣсу. — Ловите меня!

И изъ лѣсу выбѣжала маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти, съ бѣлой, какъ ленъ, головкой и въ голубомъ платьѣ. Увидѣвъ насъ, она звонко захохотала и, подпрыгивая, подскочила къ Урбенину и обняла его колѣно. Урбенинъ поднялъ ее и поцѣловалъ въ щеку.

— Моя дочка, Саша! — сказалъ онъ. — Рекомендую.

За Сашей гнался изъ лѣсу гимназистъ лѣтъ пятнадцати, сынъ Урбенина. Увидѣвъ насъ, онъ въ нерѣшимости снялъ шапку, надѣлъ и опять снялъ. За нимъ тихо двигалось красное пятно. Это пятно сразу приковало къ себѣ наше вниманіе.

— Какое чудное видѣніе! — воскликнулъ графъ, хватая меня за руку. — Погляди! Какая прелесть! Что это за дѣвочка? Я и не зналъ, что въ моихъ лѣсахъ обитаютъ такія наяды!

Я взглянулъ на Урбенина, чтобы спросить, что это за дѣвушка, и, странно, только въ этотъ моментъ замѣтилъ, что управляющій ужасно пьянъ. Онъ, красный, какъ ракъ, покачнулся и схватилъ меня за локоть.

— Сергѣй Петровичъ! — зашепталъ онъ мнѣ на ухо, обдавая меня спиртными парами: — умоляю васъ — удержите графа отъ дальнѣйшихъ замѣчаній относительно этой дѣвушки. Онъ по привычкѣ можетъ лишнее сказать, а это въ высшей степени достойная особа!

«Въ высшей степени достойная особа» представляла собою девятнадцатилѣтнюю дѣвушку съ прекрасной облокурной головкой, добрыми голубыми глазами и длинными кудрями. Она была въ ярко-красномъ, полудѣтскомъ, полудѣвическомъ платьѣ. Стройная, какъ иглы, ножки

въ красныхъ чулкахъ сидѣли въ крошечныхъ, почти дѣтскихъ башмачкахъ. Круглыя плечи ея все время, пока я любовался ею, кокетливо ежились, словно имъ было холодно и словно ихъ кусаль мой взглядъ.

— При такомъ молодомъ лицѣ и такія развитыя формы! — шепнулъ мнѣ графъ, потерявшій еще въ самой ранней молодости способность уважать женщинъ и не глядѣть на нихъ съ точки зрѣнiя испорченнаго животнаго.

У меня же, помню, затеплилось въ груди хорошее чувство. Я былъ еще поэтомъ и въ обществѣ лѣсовъ, майскаго вечера и начинающей мерцать вечерней звѣзды могъ глядѣть на женщину только поэтомъ... Я смотрѣлъ на дѣвушку въ красномъ съ тѣмъ же благоговѣнiемъ, съ какимъ привыкъ глядѣть на лѣса, горы, лазурное небо. У меня еще тогда осталась иѣкоторая доля сентиментальности, полученная мною въ наслѣдство отъ моей матери-нѣмки.

— Кто это? — спросилъ графъ.

— Это дочь лѣсничаго Скворцова, ваше сiятельство! — сказалъ Урбенинъ.

— Это та Оленька, о которой говорилъ одноглазый мужикъ?

— Да, онъ упомянулъ ея имя, — отвѣтилъ управляющiй, глядя на меня умоляющими, большими глазами.

Дѣвушка въ красномъ пропустила насъ мимо себя, по-видимому, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманiя. Глаза ея глядѣли куда-то въ сторону, но я, человекъ, знающiй женщинъ, чувствовалъ на своемъ лицѣ ея зрачки.

— Кто изъ нихъ графъ? — услышалъ я позади насъ ея шопотъ.

— Вотъ этотъ, съ длинными усами, — отвѣчалъ гимназистъ.

И мы услышали сзади себя серебристый смѣхъ... То былъ смѣхъ разочарованной... Она думала, что графъ, владѣлецъ этихъ громаднхъ лѣсовъ и широкаго озера — я, а не этотъ пигмей съ испытимъ лицомъ и длинными усами...

Я услышалъ глубокии вздохъ, вышедшии изъ коренастой груди Урбенина. Желѣзный человекъ еле двигался.

— Отпусти управляющаго, — шепнулъ я графу. — Онъ боленъ или... пьянъ.

— Вы, кажется, больны, Петръ Егорычъ! — обратился

графъ къ Урбенину. — Вы миѣ не пужны, а поэтому я васъ не задерживаю.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство. Благодарю васъ за ваше вниманіе, но я не боленъ.

Я оглянулся... Красное пятно не двигалось и глядѣло намъ вслѣдъ...

Бѣдная бѣлокурая головка! Думалъ ли я въ этотъ тихій, полный покоя майскій вечеръ, что она впоследствии будетъ героиней моего безпокойнаго романа?

Теперь, когда я пишу эти строки, въ мои теплыя окна злобно стучитъ осенній дождь и гдѣ-то надо мной воетъ вѣтеръ. Я гляжу на темное окно и на фонѣ ночного мрака силюсь создать силою воображенія мою милую героиню... И я вижу ее съ ея невинно-дѣтскимъ, наивнымъ, добрымъ личикомъ и любящими глазами. Миѣ хочется бросить перо и разорвать, сжечь то, что уже написано.

Но тутъ же, около моей чернильницы, стоитъ ея фотографическій портретъ. Здѣсь бѣлокурая головка представлена во всемъ суетномъ величій глубоко павшей, красивой женщины. Глаза, утомленные, но гордые развратомъ, неподвижны. Здѣсь она именно та змѣя, вредъ отъ укушенія которой Урбенинъ не назвалъ бы преувеличеннымъ.

Она дала бурѣ поцѣлуй, и буря сломала цвѣтокъ у самаго корня. Много взято, но зато слишкомъ дорого и заплачено. Читатель проститъ ей ея грѣхи...

Мы пошли по лѣсу.

Сосны скучны своимъ молчаливымъ однообразіемъ. Всѣ онѣ одинаковаго роста, похожи одна на другую и во всѣ времена года сохраняютъ свой видъ, не зная ни смерти ни весенняго обновленія. Но зато привлекательны онѣ своею угрюмостью: неподвижны, безшумны, словно унылую думу думаютъ.

— Не воротиться ли намъ? — предложилъ графъ.

На этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта. Поляку было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни быть. Урбенинъ не считалъ своего голоса рѣшающимъ, а я слишкомъ обрадовался лѣсной прохладѣ и смолисту воздуху, чтобы поворотить назадъ. Къ тому же, нужно было убить чѣмъ-нибудь, хотя бы простою прогулкой, время до ночи. Мысль о приближающейся дикой ночи сопровождалась сладкимъ замираніемъ сердца. Я, стыдно сознаваясь, мечталъ о ней и мысленно уже предвкушалъ наслажденіе. А по тому нетерпѣнію, съ какимъ графъ то и дѣло посматривалъ на

часы, видно было, что и его терзало ожиданіе. Мы чувствовали, что понимали другъ друга.

Около домика лѣсничаго, ютившагося между сосенъ на маленькой квадратной площадкѣ, насъ встрѣтили созвонкимъ, лѣвучимъ лаемъ двѣ маленькія собаки желто-огненнаго цвѣта, неизвѣстной миѣ породы, гибкія, какъ угри, и лоснящіяся. Узнавъ Урбенина, онѣ весело замахали хвостами и побѣжали къ нему, изъ чего можно было заключить, что управляющій часто посѣщалъ домикъ лѣсничаго. Тутъ же около домика встрѣтилъ насъ какой-то паренъ безъ сапогъ и безъ шапки, съ крупными веснушками на удивленномъ лицѣ. Минуту онъ глядѣлъ на насъ молча, выпучивъ глаза, потомъ же, узнавъ, вѣроятно, графа, ахнулъ и опрометью побѣжалъ въ домикъ.

— Я знаю, зачѣмъ онъ побѣжалъ, — засмѣялся графъ. — Я его помню... Это Митька.

Графъ не обознался. Меньше чѣмъ черезъ минуту Митька вышелъ изъ домика, неся на подносѣ рюмку водки и полъ-стакана воды.

— На доброе здоровье, ваше сіятельство! — сказала онъ, поднося и улыбаясь во все свое глушое, удивленное лицо.

Графъ выпилъ водку, «закусилъ» водой, но на этотъ разъ не поморщился. Въ ста шагахъ отъ домика стояла чугунная скамья, такая же старая, какъ и сосны. Мы сѣли на нее и занялись созерцаніемъ майскаго вечера во всей его тихой красотѣ... Надъ нашими головами съ карканьемъ летали испуганныя вороны, съ разныхъ сторонъ доносилось соловьиное пѣніе; это только и нарушало всеобщую тишину.

Графъ не умѣетъ молчать даже въ тихій весенній вечеръ, когда человѣческій голосъ мѣлѣе всего приятенъ.

— Я не знаю, останешься ли ты доволенъ? — обратился онъ ко миѣ. — Я заказалъ къ ужину уху изъ ершей и дичь. Къ водкѣ будетъ холодная осетрина и поросенокъ съ хрѣномъ.

Словно разсердясь на эту прозу, поэтическія сосны вдругъ зашевелили своими верхушками, и по лѣсу проиесся тихій ропотъ. Свѣжій вѣтерокъ пробѣжалъ по протѣкѣ и поигралъ травой.

— Будетъ вамъ! — крикнулъ Урбенинъ собачонкамъ огненнаго цвѣта, мѣшавшимъ ему своими ласками закурить папиросу. — А миѣ сдается, что сегодня будетъ дождь.

По воздуху чувствую. Сегодня была такая ужасная жара, что не нужно быть ученым профессором, чтобы предсказать дождь. Для хлѣба будетъ хорошо.

«А на что тебѣ хлѣбъ,—подумалъ я:—если его графъ пропьетъ? Не зачѣмъ дождю и трудиться».

По лѣсу еще разъ пробѣжалъ вѣтерокъ, но на этотъ разъ болѣе рѣзкій. Сосны и трава зароптали громче.

— Пойдемте домой.

Мы встали и лѣниво поплелись назадъ, къ домику.

— Лучше быть этой бѣлокурой Оленькой, — обратился я къ Урбенину: — и жить здѣсь со звѣрями, чѣмъ судебнымъ слѣдователемъ и жить съ людьми... Покойнѣе. Не правда ли, Петръ Егорычъ?

— Чѣмъ ни быть, лишь бы на душѣ было покойно, Сергѣй Петровичъ.

— А у этой хорошенькой Оленьки покойно на душѣ?

— Одному только Богу вѣдома чужая душа, но мнѣ кажется, что ей не изъ чего беспокоиться. Горя не много, грѣховъ — какъ у малолѣтка... Это очень хорошая дѣвушка! Но вотъ наконецъ и небо про дождь заговорило...

Послышался грохотъ не то далекаго экипажа, не то игры въ кегли... Прогремѣлъ гдѣ-то вдали за лѣсомъ громъ... Митька, все время слѣдившій за нами, вздрогнулъ и быстро закрестился...

— Гроза! — встрепенулся графъ. — Вотъ сюрпризъ! Этакъ насъ дорогой дождь захватитъ... И темно какъ стало! Говорилъ: воротимся! Такъ нѣтъ, дальше пошелъ...

— Мы въ домикъ грозу переждемъ, — предложилъ я.

— Зачѣмъ же въ домикъ? — заговорилъ Урбенинъ, какъ-то странно мигая глазами. — Дождь будетъ итти всю ночь, такъ и вы всю ночь въ домикъ просидите? А вы не извольте беспокоиться... Идите себѣ, а Митька побѣжитъ впередъ, экипажъ вамъ навстрѣчу вышлетъ.

— Ничего, авось и не всю ночь дождь будетъ хлестать... Грозовые тучи обыкновенно скоро проходятъ... Кстати же я незнакомъ еще съ новымъ лѣсничимъ, и хотѣлось бы съ этой Оленькой поболтать... узнать, чтò за птичка...

— Я не прочь! — согласился графъ.

— Но какъ вы туда пойдете, ежели... ежели тамъ того... не прибрано? — залепеталъ встревоженно Урбенинъ. — Просидѣтъ тамъ въ духотѣ, ваше сіятельство, въ то время, когда дома быть можно... Не понимаю, чтò за удоволь-

ствіе!.. А знакомиться съ лѣсничимъ, ежели онъ боленъ...

Очевидно было, что управляющему сильно не хотѣлось, чтобы мы вошли въ домикъ лѣсничаго. Онъ даже растопырилъ руки, точно желая загородить намъ дорогу... Я понялъ по его лицу, что у него были причины не впускать насъ. Уважаю я чужія причины и тайны, но на этотъ разъ меня сильно подстрекнуло любопытство. Я настоялъ, и мы вошли въ домикъ.

— Въ залу пожалуйте! — не сказалъ, а какъ-то особенно икнулъ, захлебываясь отъ радости, босой Митька...

Представьте вы себѣ самую маленькую въ мірѣ залу съ некрашеными деревянными стѣнами. Стѣны увѣшаны олеографіями «Нивы», фотографіями въ раковинныхъ, или, какъ онѣ у насъ называются, ракушковыхъ рамочкахъ и аттестатами... Одинъ аттестатъ — благодарность какого-то барона за долготѣнную службу, остальные — лошадиные. Кое-гдѣ по стѣнамъ вьется плющъ... Въ углу передъ маленькимъ образомъ тихо теплится и слабо отражается въ серебряной оправѣ синій огонекъ. У стѣнъ жмутся стулья, повидимому, недавно купленные. Куплено много лишнихъ, но ихъ поставили: дѣвать некуда... Тутъ же тѣснятся кресла съ диваномъ въ бѣлоснѣжныхъ чехлахъ съ оборками и кружевами и круглый лакированный столъ. На диванѣ дремлетъ ручной заяцъ... Уютно, чистенько и тепло... На всемъ замѣтно присутствіе женщины. Даже этажерочка съ книгами глядитъ какъ-то невинно, по-женски, словно ей такъ и хочется сказать, что на ней нѣтъ ничего, кромѣ слабенькихъ романовъ и смирныхъ стиховъ... Прелесть такихъ уютныхъ, теплыхъ комнатокъ чувствуется не такъ весною, какъ осенью, когда ищешь приюта отъ холода, сырости...

Митька съ шумомъ, сопя, дуя и громко чиркая спичками, зажегъ двѣ свѣчи и осторожно, какъ молоко, поставилъ ихъ на столъ. Мы сѣли на кресла, переглянулись и засмѣялись...

— Николай Ефимычъ большой лежитъ, — пояснилъ отсутствіе хозяевъ Урбенинъ: — а Ольга Николаевна, должно-быть, моихъ дѣтей пошла провожать...

— Митька, двери заперты? — услышали мы слабый теноръ изъ сосѣдней комнаты.

— Заперты-съ, Николай Ефимычъ! — прохрипѣлъ Митька и полетѣлъ опрومتью въ сосѣдную комнату.

— То-то... Смотри, чтобы все заперты были... — сказала тот же слабый голос. — На ключъ, крѣпко-накрѣпко... Если воры будутъ лѣзть, то ты мнѣ скажешь... И ихъ, мерзавцевъ, ружьемъ... подлецовъ такихъ...

— Безпремѣнно-съ, Николай Ефимыч!

Мы засмѣялись и вопросительно поглядѣли на Урбенина. Тотъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть свое смущеніе, началъ поправлять на окнѣ занавѣску... Что сей сонъ значилъ? Мы опять переглянулись.

Но недоумѣвать было некогда. На дворѣ послышались поспѣшные шаги, затѣмъ шумъ па крыльцѣ и хлопанье дверью. Въ «залу» влетѣла дѣвушка въ красномъ.

— «Люб-лю гро-зу въ на-ча-лѣ мая!» — запѣла она высокимъ, визжащимъ сопрано, прерывая свой визгъ смѣхомъ, но, увидѣвъ насъ, она вдругъ остановилась и умолкла.

Она сконфузилась и тихо, какъ овечка, пошла въ комнату, откуда только-что слышался голосъ ея отца. Николая Ефимыча.

— Не ожидала! — усмѣхнулся Урбенинъ.

Черезъ нѣсколько времени она тихо вошла, сѣла на стулъ, ближайшій къ двери, и стала насъ разсматривать. Смотрѣла она на насъ смѣло, въ упоръ, словно мы были не новые для нея люди, а животныя зоологическаго сада. Минуту и мы глядѣли на нее молча, не двигаясь... Я еогласился бы и годъ просидѣть неподвижно и глядѣть на нее — до того хороша она была въ этотъ вечеръ. Свѣжій, какъ воздухъ, румянецъ, часто дышащая, поднимающаяся грудь, кудри, разбросанныя на лобъ, на плечи, на правую руку, поправляющую воротничокъ, большіе, блестящіе глаза... все это на одномъ маленькомъ тѣлѣ, поглощаемое однимъ взглядомъ... Поглядишь одинъ разъ на это маленькое пространство и увидишь больше, чѣмъ если бы глядѣлъ цѣлые вѣка на нескончаемый горизонтъ... На меня глядѣла она серьезно, снизу вверхъ, вопрошающе; когда же ея глаза переходили съ меня на графа или поляка, то я начиналъ читать въ нихъ обратное: взглядъ сверху внизъ и смѣхъ...

Первый заговорилъ я.

— Рекомендуюсь, — сказалъ я, вставая и подходя къ ней: — Зиновьевъ... А это, рекомендую, мой другъ, графъ Карѣевъ... Просимъ прощенія, что безъ приглашенія вломились въ вашъ хорошенькій домикъ... Мы, конечно, не сдѣлали бы этого, если бы насъ не загнала гроза...

— Но вѣдь отъ этого не развалится нашъ домикъ!— сказала она, смѣясь и подавая мнѣ руку.

Она показала мнѣ прелестные зубы. Я сѣлъ рядомъ съ ней на стулъ и рассказалъ ей о томъ, какъ неожиданно встрѣтилась на нашемъ пути гроза. Начался разговоръ о погодѣ—началъ всѣхъ началъ. Пока мы съ ней бесѣдовали, Митька уже успѣлъ два раза поднести графу водки и неразлучной съ ней воды. Пользуясь тѣмъ, что я на него не смотрю, графъ послѣ обѣихъ рюмокъ сладко поморщился и покачалъ головой.

— Вы, можетъ-быть, закусить желаете? — спросила меня Оленька и, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ комнаты.

Первыя капли застучали по стекламъ... Я подошелъ къ окну... Было уже совсѣмъ темно, и сквозь стекло я не увидѣлъ ничего, кромѣ ползущихъ внизъ дождевыхъ капель и отраженія собственнаго носа. Блеснулъ свѣтъ отъ молніи и освѣтилъ нѣсколько ближайшихъ сосенъ.

— Двери заперты? — услышалъ я опять слабый теноръ. — Митька, поди, подлая твоя душа, запри двери! Мученіе мое, Господи!

Баба съ двойнымъ, перетянутымъ животомъ и съ глупымъ озабоченнымъ лицомъ вошла въ залу, низко поклонилась графу и покрыла столъ бѣлой скатертью. За ней осторожно двигался Митька, неся закуски. Черезъ минуту на столѣ стояли водка, ромъ, сыръ и тарелка съ какой-то жареной птицей. Графъ выпилъ рюмку водки, но ѣсть не сталъ. Полякъ недовѣрчиво понюхалъ птицу и принялся ее рѣзать.

— Уже начался дождь! Поглядите! — сказалъ я вошедшей Оленькѣ.

Дѣвушка въ красномъ подошла къ моему окну, и въ это самое время насъ освѣтило на мгновеніе бѣлымъ сіяніемъ... Раздался наверху трескъ, и мнѣ показалось, что что-то большое, тяжелое сорвалось на небѣ съ мѣста и съ грохотомъ покатилося на землю... Оконныя стекла и рюмки, стоявшія передъ графомъ, содрогнулись и издали свой стеклянный звукъ... Ударъ былъ сильный...

— Вы боитесь грозы? — спросилъ я Оленьку.

Та прижала щеку къ круглому плечу и поглядѣла на меня дѣтеки-довѣрчиво.

— Боюсь, — прошептала она, немного подумавъ. — Гроза убила у меня мою мать... Въ газетахъ даже пи-

сали объ этомъ... Моя мать шла по полю и плакала... Ей очень горько жилось на этомъ свѣтѣ... Вогъ сжалился надъ ней и убилъ ее Своимъ небеснымъ электричествомъ.

— Откуда вы знаете, что тамъ электричество?

— Я училась... Вы знаете?—Убитые грозой и на войнѣ и умершія отъ тяжелыхъ родовъ попадаютъ въ рай... Это нигдѣ не написано въ книгахъ, но это вѣрно. Мать моя теперь въ раю. Миѣ кажется, что и меня убьетъ гроза когда-нибудь, и что и я буду въ раю... Вы образованный человѣкъ?

— Да!

— Стало-быть, вы не будете смѣяться... Миѣ вотъ какъ хотѣлось бы умереть: одѣться въ самое дорогое, модное платье, какое я на-дняхъ видѣла на здѣшной богачкѣ, номѣщицѣ Шефферъ, надѣть на руки браслеты... Потомъ стать на самый верхъ Каменной Могилы и дать себя убить молніи такъ, чтобы всѣ люди видѣли... Страшный громъ, знаете, и конецъ...

— Какая дикая фантазія!—усмѣхнулся я, заглядывая въ глаза, полные священнаго ужаса передъ страшной, но эффектной смертью.—А въ обыкновенномъ платьѣ вы не хотите умирать?

— Нѣтъ...—покачала головой Оленька.—И такъ, чтобы всѣ люди видѣли.

— Ваше теперешнее платье лучше всякихъ модныхъ и дорогихъ платьевъ... Оно идетъ къ вамъ. Въ немъ вы похожи на красный цвѣтокъ зеленого лѣса.

— Нѣтъ, это неправда!—наивно вздохнула Оленька.—Это платье дешевое, не можетъ быть оно хорошимъ.

Къ нашему окну подошелъ графъ съ явнымъ намѣреніемъ поговорить съ хорошенькой Оленькой. Мой другъ говоритъ на трехъ европейскихъ языкахъ, но не умѣетъ говорить съ женщинами. Онъ какъ-то некстати постоялъ около насъ, пелѣно улыбнулся, промычалъ «мда» и отошелъ вспять, къ графину съ водкой.

— Вы, когда входили сюда въ комнату, — сказалъ я Оленькѣ:—пѣли: «Люблю грозу въ началѣ мая». Развѣ эти стихи переложены въ пѣсню?

— Нѣтъ, я пою по-своему всѣ стихи, какіе только знаю.

Я случайно оглянулся назадъ. На насъ глядѣлъ Урбенинъ. Въ глазахъ его я прочелъ ненависть, злобу, которія вовсе не идутъ къ его доброму, мягкому лицу.

«Ревнуетъ онъ, что ли?» — подумалъ я.

Бѣдняга, уловивъ мой вопросительный взглядъ, поднялся со стула и пошелъ зачѣмъ-то въ переднюю... Даже по его походкѣ было замѣтно, что онъ былъ взволнованъ. Удары грома, одинъ другого сильнѣе и раскати- стѣе, стали повторяться все чаще и чаще... Молнія без- прерывно красила въ свой пріятный, ослѣпительный свѣтъ небо и сосны и мокрую почву... До конца дождя было еще далеко. Я отошелъ отъ окна къ этажеркѣ съ кни- гами и занялся осмотромъ Оленькиной библіотеки. «Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», — но изъ добра, сим- метрично покоившагося на этажеркѣ, трудно было вы- вести какое бы то ни было заключеніе объ умственномъ уровнѣ и «образовательномъ цензѣ» Оленьки. Тутъ была какая-то странная смѣсь. Три хрестоматіи, одна книжка Борна, задачникъ Евтушевскаго, второй томъ Лермонтова, Шкляревскій, журналъ «Дѣло», поваренная книга, «Склад- чина»... Я могъ бы насчитать вамъ еще болѣе книгъ, но въ то время, когда я взялъ съ этажерки «Складчину» и началъ ее перелистывать, дверь изъ другой комнаты створилась, и въ залу вошелъ субъектъ, сразу отвлек- шій мое вниманіе отъ Оленькина образовательнаго ценза. Это былъ высокій, жилистый человекъ въ ситцевомъ ха- латѣ и порванныхъ туфляхъ, съ достаточно оригиналь- нымъ лицомъ. Лицо его, исписанное синими жилочками, было украшено фельдфебельскими усами и бачками и въ общемъ напоминало птичью физиономію. Все лицо было вытянуто впередъ, словно стремилось къ кончику носа... Такія лица называютъ, кажется, «кувшинными ры- лами». Маленькая головка этого субъекта сидѣла на длин- ной, худощавой шейкѣ съ большимъ кадыкомъ и пока- чивалась, какъ скворечня на вѣтрѣ... Станный человекъ обвелъ насъ мутными, зелеными глазами и уставился на графа.

— Двери заперты?—спросилъ онъ умоляющимъ голо- сомъ.

Графъ поглядѣлъ на меня и пожалъ плечами...

— Не безпокойся, палаша!— сказала Оленька. — Все заперто... Иди въ свою комнату!

— А сарай запертъ?

— Онъ неможко тово... Трогается иногда, — шепнулъ Урбенинъ, показываясь изъ передней. — Боятся воровъ и вотъ, какъ видите, все насчетъ дверей хлопочеть... Николай Ефимычъ, — обратился онъ къ странному

субъекту: — иди къ себѣ въ комнату и ложись спать! Не безпокойся, все заперто!

— А окна заперты?

Николай Ефимычъ быстро обѣгалъ все окна, попробовалъ ихъ запоры и, не взглянувъ на насъ, зашаркалъ туфлями въ свою комнату.

— Находить на него иногда, на бѣднягу, — началъ пояснять по его уходѣ Урбенинъ. — Хорошій, славный такой человекъ, знаете ли, семейный — и такая напасть! Чуть ли не каждое лѣто въ умѣ мѣшается...

Я посмотрѣлъ на Оленьку. Та конфузливо, спрятавъ отъ насъ свое лицо, приводила въ порядокъ свои потревоженные книги. Ей, повидимому, стыдно было за своего сумасшедшаго отца.

— А экипажъ пріѣхалъ, ваше сіятельство! — сказали Урбенинъ. — Можете ѣхать, если желаете!

— Откуда же этотъ экипажъ взялся? — спросилъ я.

— Я посылалъ за нимъ...

Черезъ минуту я сидѣлъ съ графомъ въ каретѣ, слушалъ раскаты грома и злился...

— Выжилъ-таки насъ изъ домика этотъ Петръ Егорычъ, чортъ его возьми! — ворчалъ я, не на шутку разсердясь. — Такъ и не далъ разглядѣть эту Оленьку! Я не съѣлъ бы ея у него... Старый дуракъ! Все время отъ ревности лопался... Онъ влюбленъ въ эту дѣвочку...

— Да, да, да... Представь, и я это замѣтилъ! И не впускалъ онъ насъ въ домикъ только изъ ревности и за экипажемъ послалъ изъ ревности... Ха-ха!

— Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... Впрочемъ, братъ, трудно не влюбиться въ эту дѣвушку въ красномъ, видя ее каждый день такой, какой мы ее сегодня видѣли! Чертовски хорошенькая! Только не по его рылу она... Онъ долженъ это понимать и не ревновать такъ эгоистически... Люби, но не мѣшай и другимъ, тѣмъ болѣе, что знаешь, что она не про тебя писана... Этакій вѣдь старый болванъ!

— Помнишь, какъ онъ вскипѣлъ, когда Кузьма за чаемъ упомянулъ ея имя? — хихикнулъ графъ. — Я думалъ, что онъ всѣхъ насъ побьетъ тогда... Такъ горячо не заступаются за честное имя женщины, къ которой равнодушны...

— Заступаются, братъ... Но дѣло не въ этомъ... Важно вотъ что... Если онъ нами такъ командовалъ сегодня,

то что выдѣлываетъ онъ съ маленькими людьми, съ тѣми, которые находятся въ его распоряженіи! Небось, ключникамъ, экономамъ, охотникамъ и прочимъ малымъ міра сего и подступиться къ ней не даетъ! Любовь и ревность дѣлають человека несправедливымъ, безсердечнымъ, чело-вѣконенавистникомъ... Держу пари, что онъ заѣлъ ужъ изъ-за этой Оленьки не одного служащаго подъ его начальствомъ. Умно поэтому сдѣлаешь, если будешь давать поменьше вѣры его жалобамъ на служащихъ и докладамъ о необходимости изгнанія того или другого. Вообще на время ограичь его власть... Любовь пройдетъ.— ну, тогда нечего будетъ бояться. Онъ добрый и честный малый...

— А какъ тебѣ правится ея панепька? — засмѣялся графъ.

— Сумасшедшій... Ему нужно въ сумасшедшемъ домѣ сидѣть, а не лѣсами завѣдывать... Вообще не солжешь, если на воротахъ своей усадьбы повѣсишь вывѣску: «Сумасшедшій домъ»... У тебя здѣсь настоящій Бедламъ! Лѣсничій этотъ, Сычиха, Францъ, помѣшанный на картахъ, влюбленный старикъ, экзальтированная дѣвушка, сившійся графъ... чего лучше?

— А вѣдь этотъ лѣсничій жалованье получаетъ! Какъ же онъ служить, если онъ сумасшедшій?

— Очевидно, Урбенинъ держитъ его только изъ-за дочери... Урбенинъ говоритъ, что на Николая Ефимыча находитъ почти каждое лѣто... Но это едва ли... Не каждое лѣто, а постоянно боленъ этотъ лѣсничій... Къ счастью, твой Петръ Егорычъ рѣдко лжетъ и выдаетъ себя, если совреть что-нибудь...

— Въ прошломъ году Урбенинъ увѣдомлялъ меня, что старый лѣсничій Ахметьевъ ѣдетъ въ монахи на Аоонъ, и рекомендовалъ мнѣ «опытнаго, честнаго и заслуженнаго» Скворцова... Я, конечно, далъ согласіе, какъ и всегда его даю. Письма вѣдь не лица: не выдаютъ себя, если лгутъ.

Карета въѣхала во дворъ и остановилась у подъѣзда. Мы вышли изъ нея. Дождь уже прошелъ. Громовая туча, сверкая молніями и издавая сердитый ропоть, спѣшила на сѣверо-востокъ, все болѣе и болѣе открывая голубое, звѣздное небо. Казалось, тяжело вооруженная сила, произведя опустошенія и взявши страшную дань, стремилась къ новымъ побѣдамъ... Отставшія тучки гнались

за ней и спѣшили, словно боялись не догнать... Природа получила обратно свой мирь.

И этотъ мирь чудился въ тихомъ, ароматномъ воздухѣ, полномъ нѣги и соловьиныхъ мелодій, въ молчаніи спящаго сада, въ ласкающемъ свѣтѣ поднимающейся луны... Озеро проснулось послѣ дневного сна и легкимъ ворчаньемъ давало знать о себѣ человѣческому слуху...

Въ такое время хорошо кататься по полю въ покойной коляскѣ или работать на озерѣ веслами... Но мы пошли въ домъ... Тамъ насъ ожидала иного рода «поэзія».

Самоубійцей называется тотъ, кто, подъ вліяніемъ психической боли или угнетаемый невыносимымъ страданіемъ, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; для тѣхъ же, кто даетъ волю своимъ жалкимъ, опошляющимъ душу страстямъ въ святые дни весны и молодости, нѣтъ названія на человѣческомъ языкѣ. За пулей слѣдуетъ могильный покой, за погубленной молодостью слѣдуютъ годы скорби и мучительныхъ воспоминаній. Кто профанировалъ свою весну, тотъ понимаетъ теперешнее состояніе моей души. Я еще не старъ, не сѣдъ, но я уже не живу. Психіатры рассказываютъ, что одинъ солдатъ, раненый при Ватерлоо, сошелъ съ ума и впослѣдствіи увѣрялъ всѣхъ и самъ въ то вѣрилъ, что онъ убитъ при Ватерлоо, а что то, что теперь считаютъ за него, есть только его тѣнь, отраженіе прошлаго. Нѣчто похожее на эту полусмерть переживаю теперь и я...

— Я очень радъ, что ты ничего не ѣлъ у лѣсничаго и не испортилъ себѣ аппетита, — сказалъ мнѣ графъ, когда мы входили въ домъ.—Мы отлично поужинаемъ... по-старому... Подавать!—приказалъ онъ Ильѣ, стаскивавшему съ него сюртукъ и надѣвавшему халатъ.

Мы отправились въ столовую. Тутъ, на сервированномъ столѣ, уже «кипѣла жизнь». Бутылки всѣхъ цвѣтовъ и всевозможнаго роста стояли рядами, какъ на полкахъ въ театральныхъ буфетахъ, и, отражая въ себѣ ламповый свѣтъ, ждали нашего вниманія. Соленая, маршинованная и всякая другая закуска стояла на другомъ столѣ съ графиномъ водки и англійской горькой. Около же винныхъ бутылокъ стояли два блюда: одно съ поросенкомъ, другое съ холодной осетриной.

— Ну-съ,—началъ графъ, наливая три рюмки и пожимаясь какъ отъ холода.—Будемъ здоровы! Бери свою рюмку, Каэтанъ Казимировичъ!

Я выпилъ, полякъ же отрицательно покачалъ головой. Онъ придвинулъ къ себѣ осетрину, понюхалъ ее и началъ ѣсть.

Прошу извиненія у читателя. Сейчасъ мнѣ придется описывать совѣзмъ не «романическое».

— Ну-съ... они выпили по другой, — сказалъ графъ, наливая вторыя рюмки. — Дерзай, Лекокъ!

Я взялъ свою рюмку, поглядѣлъ на нее и поставилъ...

— Чортъ возьми, давно уже я не пилъ, — сказалъ я. — Не вспомнить ли старину?

И, недолго думая, я налилъ пять рюмокъ и одну за другой опрокинулъ себѣ въ ротъ. Иначе я не умѣлъ пить. Маленькіе школьники учатся у большихъ курить папирсы: графъ, глядя на меня, налилъ себѣ пять рюмокъ и, согнувшись дугой, сморщившись и качая головой, выпилъ ихъ. Мои пять рюмокъ показались ему ухарствомъ, но я пилъ вовсе не для того, чтобы прихвастнуть талантомъ пить... Мнѣ хотѣлось опьянѣнія, хорошаго, сильнаго опьянѣнія, какого я давно уже не испытывалъ, живя у себя въ деревенькѣ. Выпивши, я сѣлъ за столъ и принялся за поросенка.

Опьянѣніе не заставило долго ждать себя. Скоро я почувствовалъ легкое головокруженіе. Въ груди заигралъ пріятный холодокъ — начало счастливаго, экспансивнаго состоянія. Мнѣ вдругъ, безъ особенно замѣтнаго перехода, стало ужасно весело. Чувство пустоты, скуки уступило свое мѣсто ощущенію полного веселья, радости. Я началъ улыбаться. Захотѣлось мнѣ вдругъ болтовни, смѣха, людей. Жюя поросенка, я сталъ чувствовать полноту жизни, чуть ли не самодовольство жизнью, чуть ли не счастье.

— Отчего же вы ничего не выпьете? — обратился я къ поляку.

— Онъ ничего не пьетъ, — сказалъ графъ. — Ты не принуждай его.

— Но все-таки хоть что-нибудь да пьете же!

Полякъ положилъ себѣ въ ротъ большой кусокъ осетрины и отрицательно покачалъ головой. Молчаніе его меня подзадорило.

— Послушайте, Каэтанъ... какъ васъ по батюшкѣ... отчего вы все молчите? — спросилъ я его. — Я не имѣлъ еще удовольствія слышать вашего голоса.

Двѣ брови его, похожія на летящую ласточку, поднялись, и онъ поглядѣлъ на меня.

— А вамъ желательно, чтобъ я говорилъ? — спросилъ онъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ.

— Весьма желательно.

— А на что вамъ?

— Помилуйте! На пароходахъ за обѣдомъ чужіе и незнакомые люди поднимаютъ между собой разговоръ, а мы съ вами знакомы уже нѣсколько часовъ, разматриваемъ другъ друга и не проговорили между собой еще ни одного слова! На что это похоже?

Полякъ молчалъ.

— Отчего же вы молчите? — спросилъ я, обождавъ немного. — Отвѣтите что-нибудь!

— Я не желаю отвѣчать вамъ. Въ вашемъ голосѣ я слышу смѣхъ, а я не люблю насмѣшекъ.

— Онъ нисколько не смѣется! — встревожился графъ. — Откуда это ты взялъ, Каэтанъ? Онъ дружески...

— Со мной графы и князья не говорили такимъ тономъ! — сказалъ Каэтанъ, хмурясь. — Я не люблю такого тона.

— Стало-быть, не удостоите бесѣдой? — продолжалъ я приставать, выпивая еще рюмку и смѣясь.

— Знаешь, зачѣмъ, собственно, я пріѣхалъ сюда? — перебилъ графъ, желая переменить разговоръ. — Я тебѣ не говорилъ еще объ этомъ? Прихожу я въ Петербургъ къ одному знакомому доктору, у котораго я лѣчусь постоянно, и жалуясь на свою болѣзнь. Онъ выслушалъ, выстукалъ, ощупалъ, знаешь ли, всего и говоритъ: «Вы не трусь?» Я хоть не трусь, но, знаешь, поблѣднѣлъ: «Не трусь», — говорю.

— Короче, братъ... Надоѣло.

— Предсказалъ скорую смерть, если я не оставлю Петербурга и не уѣду! У меня вся печень испорчена отъ долгаго питья... Я и рѣшилъ ѣхать сюда. Да и глупо тамъ сидѣть... Здѣсь имѣнье такое роскошное, богатое... Климатъ одинъ чего стоитъ!.. Дѣломъ, по крайней мѣрѣ, можно заняться! Трудъ самое лучшее, самое радикальное лѣкарство. Не правда ли, Каэтанъ? Займусь хозяйствомъ и брошу пить... Докторъ не велѣлъ мнѣ ни одной рюмки... ни одной!

— Ну, и не пей.

— Я и не пью... Сегодня въ послѣдній разъ, ради

свиданія съ тобою (графъ потянулся ко мнѣ и чмокнулъ меня въ щеку)... съ моимъ милымъ хорошимъ другомъ, завтра же — ни капли! Вахусъ прощается сегодня со мною навѣки... На прощанье, Сережа, коньячку... выпьемъ?

Мы выпили коньяку.

— Вылѣчусь, Сережа-голубчикъ, и займусь хозяйствомъ... Рациональнымъ хозяйствомъ! Урбенингъ—добрый, милый... понимаетъ все, но развѣ онъ хозяинъ? Онъ рутинеръ! Надо журналы выписывать, читать, слѣдить за всѣмъ, участвовать на сельскохозяйственныхъ выставкахъ, а онъ необразованъ для этого! Въ Оленьку... неужели онъ влюбленъ? Ха-ха! Я самъ займусь, а его помощникомъ своимъ сдѣлаю... Въ выборахъ буду участвовать, общество веселить... а? Вѣдь и тутъ можно счастливо прожить! Ты какъ думаешь? Ну, вотъ ты ужъ и смѣешься! Ужъ и смѣешься! Право, съ тобою нельзя ни о чемъ говорить!

Мнѣ было весело, смѣшно. Смѣшили меня графъ, смѣшили свѣчи, бутылки, лѣпные зайцы и утки, украшавшіе стѣны столовой... Не смѣшила меня одна только трезвая фізіономія Каэтана Казимировича. Присутствіе этого человѣка раздражало меня.

— Нельзя ли этого шляхтича въ чорту? — шепнулъ я графу.

— Чтѣ ты! Ради Бога... — залепеталъ графъ, хватая меня за обѣ руки, словно я собирался колотить его поляка. — Пусть себѣ сидитъ!

— Но я не могу его видѣть! Послушайте! — обратился я къ Пшехоцкому. — Вы отказались со мною говорить, но, простите меня, я не потерялъ еще надежды покороче познакомиться съ вашей разговорной способностью.

— Оставь!—дернулъ меня графъ за рукавъ.—Умоляю!

— Я буду приставать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не станете отвѣчать мнѣ, — продолжалъ я. — Чтѣ вы хмуритесь? Нешто и теперъ слышите въ моемъ голосѣ смѣхъ?

— Если бъ я выпилъ столько, сколько вы, то я сталъ бы съ вами разговаривать, а то мы съ вами не пара...— пророчалъ полякъ.

— Мы съ вами не пара, чтѣ и требовалось доказать... Я хотѣлъ сказать именно то же самое... Гусь свинѣ не товарищъ, пьяный трезвому не родня... Пьяный мѣшаетъ трезвому, трезвый пьяному. Въ сосѣдней гостиной

есть отличные мягкіе диваны! На нихъ хорошо полежать послѣ осетринки съ хрѣномъ. Туда не слышенъ мой голосъ. Не желаете ли вы туда отправиться?

Графъ всплеснулъ руками и, мигая глазами, заходилъ по столовой.

Онъ трусь и боится «крупныхъ» разговоровъ... Меня же, когда я бывалъ пьянъ, тѣшили недоразумѣнія и неудовольствія.

— Я не понимаю! Я не по-ни-маю! — простоналъ графъ, не зная, что сказать и что предпринять.

Онъ зналъ, что меня трудно было остановить.

— Я съ вами еще мало знакомъ, — продолжалъ я: — можетъ-быть, вы прекраснѣйшій человекъ, а потому мнѣ и не хотѣлось бы съ вами спозаранку ссориться... Я не ссорюсь съ вами... Я приглашаю васъ только понять, что трезвымъ не мѣсто среди пьяныхъ... Присутствіе трезваго дѣйствуетъ раздражающе на пьяный организмъ!.. Поймите вы это!

— Говорите, что вамъ угодно! — вздохнулъ Пшехоцкій. — Меня ничѣмъ не примете, молодой человекъ.

— Будто бы ничѣмъ? А если я назову васъ упрямой свиньей, вы тоже не обидитесь?

Полякъ покраснѣлъ — и только. Графъ, блѣдный, подошелъ ко мнѣ, сдѣлалъ умоляющее лицо и развелъ руками.

— Ну, прошу тебя! Умѣрь свой языкъ!

Я вошелъ уже въ свою пьяную роль и хотѣлъ продолжать, но на счастье графа и поляка послышались шаги и въ столовую вошелъ Урбенинъ.

— Приятнаго аппетита! — началъ онъ. — Я пришелъ узнать, ваше сіятельство, не будетъ ли какихъ приказаній?

— Приказаній пока нѣтъ, а просьба есть... — отвѣчалъ графъ. — Очень радъ, что вы пришли, Петръ Егорычъ... Садитесь съ нами ужинать и давайте толковать о хозяйствѣ..

Урбенинъ сѣлъ. Графъ выпилъ коньяку и началъ излагать ему планъ своихъ будущихъ дѣйствій въ области рациональнаго хозяйства. Говорилъ онъ долго, утомительно, то и дѣло повторяясь и мѣняя тему. Урбенинъ слушалъ его, какъ серьезные люди слушаютъ болтовню дѣтей и женщинъ, лѣниво и внимательно. Онъ ѣлъ еришовую уху и печально глядѣлъ въ свою тарелку.

— Я привезъ съ собою прекрасные чертежи! — сказалъ, между прочимъ, графъ. — Замѣчательные чѣртежи! Хотите, я вамъ покажу?

Карнѣевъ вскочилъ и побѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ за чертежами. Урбенинъ, пользуясь его отсутствіемъ, быстро налилъ себѣ полъ чайнаго стакана водки, выпилъ и не закусилъ.

— Противная эта водка! — сказалъ онъ, глядя съ ненавистью на графинъ.

— Отчего вы при графѣ не пьете, Петръ Егорычъ? — спросилъ я его. — Неужто вы боитесь?

— Лучше, Сергѣй Петровичъ, лицемѣрить и пить тайкомъ, чѣмъ пить при графѣ. Вы знаете, у графа странный характеръ... Укради я у него завѣдомо двадцать тысячъ, онъ 'ничего, по своей безпечности, не скажетъ, а забудь я дать ему отчетъ въ иотраченномъ гривенникѣ, или выней при немъ водки, онъ начнетъ плакаться, что у него разбойникъ-управляющій. Вы его хорошо знаете.

Урбенинъ налилъ себѣ еще полъ-стакана и выпилъ.

— Вы, кажется, прежде не пили, Петръ Егорычъ? — сказалъ я.

— Да, а теперъ пью... Ужасно пью! — шепнулъ онъ. — Ужасно, день и ночь, не давая себѣ ни минуты отдыха! И графъ никогда не пилъ въ такой мѣрѣ, въ какой я теперъ пью... Ужасно тяжело, Сергѣй Петровичъ! Одному только Богу вѣдомо, какъ тяжело у меня на сердцѣ! Ужъ именно, что съ горя пью... Я васъ всегда любилъ и уважалъ, Сергѣй Петровичъ, и, откровенно вамъ скажу... повѣситься радъ бы!

— Отчего же это?

— Глупость моя... Не одни только дѣти бываютъ глупы... Бываютъ дураки и въ пятьдесятъ лѣтъ. Причинъ не спрашивайте.

Вошелъ графъ и прекратилъ его изліянія.

— Отличнѣйшій ликеръ, — сказалъ онъ, ставя на столъ, вмѣсто «замѣчательныхъ» чертежей, пузатую бутылку съ сургучной печатью бенедиктинцевъ. — Проѣздомъ черезъ Москву у Депре взялъ. Не желаешь ли, Сережа?

— Ты вѣдь, кажется, за чертежами ходилъ! — сказалъ я.

— Я? За какими чертежами? Ахъ, да! По, братъ, самъ чортъ ничего не разберетъ въ моихъ чемоданахъ... Рылся-рылся и бросилъ... Ликеръ очень милъ. Не хочешь ли?

Урбенинъ посидѣлъ еще немного, простился и вышелъ.

Но уходъ его мы принялись за красное. Это вино окончательно меня разобрало. Получилось опьянѣніе, какого я именно и хотѣлъ, когда ѣхалъ къ графу. Я сталъ чрезвычайно бодръ душою, подвиженъ, необычайно веселъ. Мнѣ захотѣлось подвига неестественнаго, смѣшнаго, пускающаго пыль въ глаза... Въ эти минуты, мнѣ казалось, я могъ бы переплыть все озеро, открыть самое запутанное дѣло, побѣдить любую женщину... Миръ съ его жизнями приводилъ меня въ восторгъ, я любилъ его, но въ то же время хотѣлось придираться, жечь ядовитыми островами, издѣваться... Смѣшнаго черноброваго поляка и графа нужно было осмѣять, заѣздить ѣдкой острою, обратиться въ порошокъ.

— Что же вы молчите?—началь я. — Говорите, я слушаю васъ! Ха-ха! Я ужасно люблю, когда люди съ серьезными, солидными физиономіями говорятъ дѣтскую чушь!.. Это такая насмѣшка, такая насмѣшка надъ человѣчьими мозгами!.. Лица не соответствуютъ мозгамъ! Чтобы не лгать, надо имѣть идиотскую физиономію, а у васъ лица греческихъ мудрецовъ!

Я не кончилъ... Языкъ у меня запутался отъ мысли, что я говорю съ людьми ничтожными, не стоящими и полуслова! Мнѣ нужна была зала, полная людей, блестящихъ женщинъ, тысячи огней... Я поднялся, взялъ свой стаканъ и пошелъ ходить по комнатамъ. Когда мы кутимъ, мы не стѣсняемъ себя пространствомъ, не ограничиваемся одной столовой, а беремъ весь домъ и часто даже всю усадьбу.

Въ «мозаиковой» гостиной я выбралъ себѣ турецкую софу, легъ на нее и отдалъ себя во власть фантази и воздушныхъ замковъ. Мечты няныя, но одна другой грандіознѣе и безграничнѣе, охватили мой молодой мозгъ. Получился новый миръ, полный олурающей прелести и неподдающихся описанію красотъ.

Недоставало только, чтобы я заговорилъ рѣчами и сталъ видѣть галлюцинаціи.

Графъ подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на край софы... Ему хотѣлось что-то сказать мнѣ. Это желаніе сообщить мнѣ что-то особенное я началъ читать въ его глазахъ уже вскорѣ послѣ выше описанныхъ пяти рюмокъ. Я зналъ, о чемъ онъ хотѣлъ говорить.

— Какъ я много выпилъ сегодня!—сказалъ онъ мнѣ.— Это для меня вреднѣе всякаго яда... Но сегодня въ по-

слѣдній разъ... Честное слово. въ послѣдній разъ... У меня есть воля...

— Ладно, ладно...

— Въ послѣдній... Сережа, другъ, въ послѣдній разъ не послать ли въ городъ телеграмму?

— Пожалуй, пошли...

— Кутнемъ ужъ въ послѣдній разъ, какъ слѣдуетъ... Ну, встань же, напиши.

Самъ графъ не умѣетъ писать телеграммъ. У него выходятъ слишкомъ длинны и неполны. Я поднялся и написалъ:

«С... Ресторанъ «Лондонъ». Содержателю хора Карпову. Оставить все и ѣхать немедленно съ двухчасовымъ поѣздомъ. Графъ».

— Теперь безъ четверти одиннадцать, — сказала графъ. — Человѣкъ будетъ скакать до станціи три четверти часа, тахитимъ часъ... Телеграмму получить Карповъ въ первомъ часу... На поѣздъ, стало-быть, поспѣетъ... Если на этотъ не поспѣетъ, то пріѣдетъ съ товарнымъ... Да?

Телеграмма была послана съ одноглазымъ Кузьмой. Ильѣ было приказано, чтобы черезъ часъ были посланы экипажи на станцію. Я, чтобы убить чѣмъ-нибудь время, началъ медленно зажигать лампы и свѣчи во всѣхъ комнатахъ, затѣмъ отперъ рояль и попробовалъ клавиши.

Затѣмъ, помню, я лежалъ на той же софѣ, ни о чемъ не думалъ и молча отстранялъ рукой пристававшаго съ разговорами графа... Былъ я въ какомъ-то забытьѣ, полудремотѣ, чувствуя только яркій свѣтъ лампъ и веселое, покойное настроеніе... Образъ дѣвушки въ красномъ, склопившей головку на плечо, съ глазами, полными ужаса передъ эффектною смертью, постоялъ передо мной и тихо погрозилъ мнѣ маленькимъ пальцемъ... Образъ другой дѣвушки, въ черномъ платьѣ и съ блѣднымъ, гордымъ лицомъ, прошелъ мимо меня и поглядѣлъ на меня не то съ мольбой, не то съ укоризной.

Далѣе я слышалъ шумъ, смѣхъ, бѣготню... Черные, глубокіе глаза заслонили мнѣ свѣтъ. Я видѣлъ ихъ блескъ, ихъ смѣхъ... На сочныхъ губахъ играла радостная улыбка... То улыбалась моя цыганка Тина.

— Это ты? — спросилъ ея голосъ. — Ты спишь? Вставай, милый... Я давно уже тебя не видѣла.

Я молча пожалъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ...

— Пойдемъ же туда... Всѣ наши пріѣхали...
— Останься... Миѣ тутъ хорошо, Тина...
— Но... здѣсь много свѣта... Ты сумасшедшій... Могутъ
войти...

— Кто войдетъ, тому я сверну шею... Миѣ хорошо,
Тина... Два года уже прошло, какъ я тебя не видалъ...

Въ залѣ заиграли на роялѣ.

— «Ахъ, Москва, Москва, Москва... бѣлокаменная...»—
заорало нѣсколько голосовъ.

— Видишь, они всѣ поютъ тамъ... Никто не войдетъ...

— Да, да...

Свиданіе съ Тиной вывело меня изъ забытья... Черезъ
десять минутъ она ввела меня въ залу, гдѣ полукругомъ
стоялъ хоръ... Графъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и отби-
валъ руками тактъ... Пшехоцкій стоялъ позади его стула
и удивленными глазами глядѣлъ на пѣвчихъ птицъ... Я
вырвалъ изъ рукъ Карпова его балалайку, махнулъ ру-
кой и затянулъ:

— «Внизъ по матушкѣ... па-а-а В-о-о-о...»

— «Па-а В-о-о-о-лгѣ...» — подхватилъ хоръ...

— «Ай, жги, говори... говори...»

Я махнулъ рукой, и мгновенно, съ быстротой молніи, на-
ступилъ новый переходъ...

— «Ночи безумныя, ночи веселыя...»

Ничто такъ раздражающе и щекочуще не дѣйствуетъ
на мои нервы, какъ подобные рѣзкіе переходы. Я за-
дрожалъ отъ восторга и, охвативъ Тину одной рукой,
а другой махая въ воздухѣ балалайкой, допѣлъ до конца
«Ночи безумныя»... Балалайка съ трескомъ ударилась о
полъ и разлетѣлась на мелкія щепки...

— Вина!

Далѣе мои воспоминанія приближаются къ хаосу... Все
перемѣшалось, спуталось, все мутно, неясно... Помню я
сѣрое небо ранняго утра... Мы ѣдемъ на лодкахъ... Озеро
слегка волнуется и словно ворчитъ, глядя на наши де-
боширства... Я стою по срединѣ лодки и качаюсь... Тина
увѣряетъ меня, что я могу упасть въ воду, и просить
сѣсть... Я же громко изъявляю сожалѣніе, что на озерѣ
нѣтъ такихъ высокихъ волнъ, какъ Каменная Могила, и
пугаю своимъ крикомъ мартиновъ, мелькающихъ бѣлыми
пятнами на синей поверхности озера. Далѣе слѣдуетъ
длинный жаркій день съ его нескончаемыми завтраками,
десятилѣтними наливками, пуншами, дебошемъ... Изъ этого

дня я помню только нѣсколько моментовъ... Я помню себя качающимся съ Тиной въ саду на качеляхъ. Я стою на одномъ концѣ доски, она на другомъ. Я работаю всѣмъ своимъ туловищемъ съ ожесточеніемъ, насколько хватаетъ силъ, и самъ не знаю, чтó именно мнѣ нужно: чтобы Тина сорвалась съ качелей и убилась, или же чтобъ она взлетѣла подъ самую облака? Тина стоитъ блѣдная, какъ смерть, но, гордая и самолюбивая, она стиснула зубы, чтобы ни однимъ звукомъ не выдать своего страха. Мы взлетаемъ все выше и выше и... не помню, чѣмъ кончилось. Далѣе слѣдуетъ прогулка съ Тиной въ далекую аллею съ зеленымъ сводомъ, скрывающимъ отъ солнца. Поэтический полумракъ, черныя косы, сочныя губы, шопоть... Затѣмъ рядомъ со мной идетъ маленькое контральто, блондинка съ острымъ носикомъ, дѣтскими глазками и очень тонкой таліей. Я гуляю съ ней до тѣхъ поръ, пока Тина, прослѣдивъ насъ, не дѣлаетъ мнѣ сцены... Цыганка блѣдна, взбѣшена... Она называетъ меня «проклятымъ» и, обиженная, собирается ѣхать въ городъ. Графъ, блѣдный, съ дрожащими руками, бѣгаетъ около насъ и, по обыкновенію, не находитъ словъ, чтобъ уговорить Тину остаться... Та въ концѣ концовъ даетъ мнѣ пощечину... Странно: я прихожу въ бѣшенство отъ малѣйшаго, едва оскорбительнаго слова, сказаннаго женщиной, и совершенно индифферентенъ къ пощечинамъ, которыя даютъ мнѣ женщины... Опять длинное «послѣ обѣда», опять змѣя на лѣстницѣ, опять сияющій Францъ съ мухами около рта, опять калитка... Дѣвушка въ красномъ стоитъ на Каменной Могилѣ, но, завидѣвъ насъ, исчезаетъ какъ ящерица.

Къ вечеру мы опять друзья съ Тиной. За вечеромъ слѣдуетъ та же буйная ночь, съ музыкой, залихватскимъ пѣніемъ, съ щекочущими нервы переходами... и ни одной минуты сна!

— Это самоистребленіе! — шеннулъ мнѣ Урбенинъ, зашедшій на минутку послушать наше пѣніе.

Онъ, конечно, правъ. Далѣе, помню, я и графъ стоимъ въ саду другъ противъ друга и споримъ. Около насъ прохаживается чернобровый Каэтанъ, все время не принимавшій никакого участія въ нашемъ весельѣ, но тѣмъ не менѣе не спавшій и ходившій все время за нами, какъ тѣнь... Небо уже бѣло, и на верхушкѣ самаго высокаго дерева уже начинаютъ золотиться лучи восходящаго

солнца. Кругомъ возня воробьевъ, пѣніе скворцовъ, шелестъ, хлопанье отяжелѣвшихъ за ночь крыльевъ... Слышно мычанье стада и крики пастуховъ. Около насъ столикъ съ мраморной доской. На столикѣ свѣча Шандора съ блѣднымъ огнемъ. Окурки, бумажки отъ конфетъ, разбитыя рюмки, апельсиныя корки...

— Ты долженъ это взять! — говорю я, подавая графу пачку кредитныхъ билетовъ. — Я заставлю тебя взять!

— Вѣдь я же ихъ приглашалъ, а не ты! — убѣждаетъ графъ, стараясь уловить мою пуговицу. — Я здѣсь хозяинъ... я угощалъ тебя, — съ какой же стати тебѣ платить? Пойми, что ты даже оскорбляешь меня этимъ!

— Я тоже нанималъ ихъ, потому и плачѣю половину. Не берешь? Не понимаю этого, одолженія! Неужели ты думаешь, что если ты богатъ, какъ дьяволъ, то имѣешь право дѣлать мнѣ такія одолженія? Чортъ возьми, я нанималъ Карпова, я ему и заплачу! Не нужно твоей половины! Я писалъ телеграмму!

— Въ ресторалѣ, Сережа, ты можешь платить, сколько тебѣ угодно, въ моемъ же домѣ не ресторанъ... И потомъ я рѣшительно не понимаю, изъ-за чего ты хлопочешь, не понимаю твоей прыти. У тебя мало денегъ, у меня же добра этого куры не клюютъ... Сама справедливость на моей сторонѣ!

— Такъ ты не возьмешь? Нѣтъ? Не нужно...

Я подношу къ блѣдному огню Шандора кредитныя бумажки, зажигаю ихъ и бросаю на землю. Изъ груди Каэтана вдругъ вырывается стопъ. Онъ дѣлаетъ большіе глаза, блѣднѣетъ и падаетъ своимъ тяжелымъ тѣломъ на землю, стараясь затушить ладонями огонь на деньгахъ... Это ему удается.

— Я не понимаю! — говорить онъ, кладя въ карманъ обожженные кредитки. — Жечь деньги?! Словно это прошлогоднее полово, или любовныя письма... Лучше я блѣдному отдамъ кому-нибудь, чѣмъ отдавать ихъ огню.

Я иду въ домъ... Тамъ во всѣхъ комнатахъ, на диванахъ и коврахъ, спятъ въ развалку изнеможенные, заѣзженные пѣвцы... Моя Тина спитъ на софѣ въ «мозаиковой» гостиной.

Она раскинулась и тяжело дышитъ... Зубы ея стиснуты, лицо блѣдно... Вѣроятно, ей снятся качели... По всѣмъ комнатамъ ходитъ Сычиха и злобно поглядываетъ своими острыми глазками на людей, такъ внезапно на-

рушившихъ мертвую тишину забытой усадьбы... Она не даромъ ходитъ и утруждаетъ свои старыя кости...

Вотъ все то, что осталось въ моей памяти послѣ двухъ дикихъ ночей, остальное же не удержалось въ пьяныхъ мозгахъ, или же неудобно для описанія... Но довольно и этого!

Никогда въ другое время Зорька не несла меня съ такимъ усердіемъ, какъ въ утро послѣ сожженія кредитокъ... Ей тоже хотѣлось домой... Озеро тихо катило свои пѣнящіяся волны и, отражая въ себѣ поднимающееся солнце, готовилось къ дневному спу... Лѣса и прибрежныя ивы стояли недвижимо, словно на утренней молитвѣ... Трудно описать тогдашнее состояніе моей души... Много не распространяясь, скажу только, что я несказанно обрадовался и въ то же время чуть не сгорѣлъ со стыда, когда при поворотѣ отъ графской усадьбы увидѣлъ на берегу старое, изможденное честнымъ трудомъ и болѣзнями, святое лицо старика Михея... Михей своею наружностью напоминаетъ библейскихъ рыболововъ... Онъ сѣдъ, какъ лунь, бородачь и созерцательно глядитъ на небо... Когда онъ стоитъ неподвижно на берегу и слѣдитъ взоромъ за бѣгущими облаками, то можно подумать, что онъ видитъ въ небѣ ангеловъ... Я люблю такія лица...

Увидѣвъ его, я осадилъ свою Зорьку и подалъ ему руку, какъ бы желая очиститься прикосновеніемъ къ его честной, мозолистой рукѣ... Онъ поднялъ на меня свои маленькіе, прозорливые глаза и усмѣхнулся.

— Здравствуй, хорошій баринъ! — сказалъ онъ, неумѣло подавая мнѣ руку. — Что опять заекакалъ? Аль тотъ лодарь пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ.

— То-то... по лицу вижу... А я стою вотъ тутъ и гляжу... Міръ и есть міръ. Суета суетъ... Взглянь-ка! Нѣмцу помирать надо, а онъ о суетѣ заботится... Видишь?

Старикъ указалъ палкой на графскую купальню. Отъ купальни быстро плыла лодка. Въ пей сидѣлъ человекъ въ жокейскомъ картузикѣ и синей курткѣ. То былъ садовникъ Францъ.

— Каждое утро на островъ деньги возитъ и прячетъ... Нѣтъ у глухаго понятія въ головѣ, что для него, что песокъ, что деньги — одна цѣна. Умереть — не возьметъ съ собой. Дай, баринъ, цыгарку!

Я подалъ ему портсигаръ. Онъ взялъ три папироски и сунулъ ихъ за пазуху.

— Это я племяннику... Пушай покурить.

Нетерпѣливая Зорька задвигалась и полетѣла. Я поклонился старику, благодарный, что онъ далъ моимъ глазамъ отдохнуть на его лицѣ. Онъ долго глядѣлъ мнѣ въ слѣдъ.

Дома встрѣтилъ меня Ноликарпъ. Презрительнымъ, сокрушающимъ взглядомъ онъ измѣрилъ мое барское тѣло, словно желая узнать, купался ли я на этотъ разъ во всемъ костюмѣ, или нѣтъ?

— Поздравляемъ! — проворчалъ онъ. — Получилъ удовольствие!

— Молчи, дуракъ! — сказала я.

Меня злила его глупая физиономія. Быстро раздѣвшись, я укрылся одеяломъ и закрылъ глаза.

Голова закружилась, и мѣръ окутался туманомъ. Въ туманѣ промелькнули знакомые образы... Графъ, змѣя, Францъ, собаки огненнаго цвѣта, дѣвушка въ красномъ, сумасшедшій Николай Ефимычъ.

— Мужъ убилъ свою жену! Ахъ, какъ вы глупы!

Дѣвушка въ красномъ погрозила мнѣ пальцемъ. Тина заслонила мнѣ свѣтъ своими черными глазами и... я уснулъ...

— Какъ сладко и безмятежно онъ спитъ! Глядя на это блѣдное, утомленное лицо, на эту невинно-дѣтскую улыбку и прислушиваясь къ этому ровному дыханію, можно подумать, что здѣсь на кровати лежитъ не судебный слѣдователь, а сама спокойная совѣсть! Можно подумать, что графъ Каритѣвъ еще не пріѣхалъ, что не было ни пьянства, ни цыганокъ, ни скандаловъ на озерѣ... Вставляйте, ехиднѣйшій человекъ! Вы не стѣдите, чтобъ пользоваться такимъ благомъ, какъ покойный сонъ! Поднимайтесь!

Я открылъ глаза и сладко потянулся... Отъ окна до моей кровати шелъ широкій солнечный лучъ, въ которомъ, гоняясь одна за другой и волнуясь, летали бѣлыя пылинки, отчего и самъ лучъ казался подернутымъ матовой бѣлизной... Лучъ то исчезалъ съ моихъ глазъ, то опять появлялся, смотря по тому, входилъ ли въ область луча или выходилъ изъ нея шагавшій по моей спальнѣ нашъ милѣйшій уѣздный врачъ Павелъ Ивановичъ Воз-

несенскій. Въ длинномъ, разстегнутомъ сюртукѣ, болтаю- щемся на немъ, какъ на вѣшалкѣ, заложивъ руки въ кар- маны своихъ необыкновенно длинныхъ брюкъ, докторъ ходилъ изъ угла въ уголь, отъ стула къ стулу, отъ портрета къ портрету и шурилъ свои близорукіе глаза на все, чтò только попадалось на пути его взгляду. По- корный своей привычкѣ совать свой носъ и запускать «гла- зенапа» всюду, гдѣ только возможно. — онъ, то нагибаясь, то вытягиваясь, заглядывалъ въ рукомоиникъ, въ складки опущенной шторы, въ дверныя щели, въ лампу... словно искалъ чего-то или желалъ удостовѣриться, все ли цѣло... Вглядываясь пристально сквозь очки въ какую-нибудь щель или пятно на обояхъ, онъ хмурился, принималъ озабо- ченное выраженіе, нюхалъ своимъ длиннымъ носомъ, стар- рательно скоблилъ ножомъ... Все это продѣлывалъ онъ машинально, безсознательно и по привычкѣ, но тѣмъ не менѣе, быстро перебѣгая глазами съ одного предмета на другой онъ имѣлъ видъ знатока, производящаго эксперти- тизу.

— Поднимайтесь, вамъ говорятъ! — будилъ онъ меня своимъ пѣвучимъ теноромъ, заглядывая въ мыльницу и снимая съ мыла ногтемъ волосокъ.

— А... а... а... здравствуйте, господинъ щуръ! — зѣв- нулъ я, увидѣвъ его, нагнувшася надъ рукомоини- комъ. — Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

Весь уѣздъ дразнить доктора «щуромъ» за его вѣчно прищуренные глаза; дразнилъ и я. Увидѣвъ, что я про- снулся, Вознесенскій подошелъ ко мнѣ, сѣлъ на край кровати и тотчасъ же потянулъ къ своимъ прищуреннымъ глазамъ коробку со спичками.

— Такъ спятъ одни только лѣнтяи да люди со спокой- ною совѣстью, — сказалъ онъ: — а такъ какъ вы ни то ни другое, то вамъ подобало бы, друже, вставать немножко пораньше...

— А который теперь часъ?

— Одиннадцатый на исходѣ.

— Чортъ васъ возьми, щуренька! Никто не просилъ васъ будить меня такъ рано! Вы знаете, я уснулъ сего- дня только въ шестомъ часу, и если бы не вы, то про- спалъ бы до вечера.

— Такъ! — услышалъ я изъ сосѣдней комнаты басъ Ноликаarpa. — Мало онъ еще спалъ! Вторыя сутки спить, и все ему мало! Да вы знаете, какой сегодня день? — спро-

силъ Поликарнъ, входя въ спальную и глядя на меня такъ, какъ умные глядятъ на дураковъ.

— Среда, — сказалъ я.

— Какъ же, безпремѣнно. Нарочно для васъ такъ и сдѣлали, чтобы въ недѣлѣ двѣ среды было...

— Сегодня четвергъ! — сказалъ докторъ. — Такъ это, голубчикъ, вы изволили всю среду проспять? Мило! Очень мило! Сколько же это вы выпили, позвольте васъ спросить?

— Я двое сутокъ не спалъ, а выпилъ... не помню, сколько я вынулъ.

Уславши Поликарна, я началъ одѣваться и описывать доктору пережитыя мною такъ недавно «ночи безумныя, рѣчи безсвязныя», которыя такъ хороши и чувствительны въ романахъ и такъ безобразны на дѣлѣ. Въ своихъ описаніяхъ я старался не выходить изъ предѣловъ «легкаго жанра», держаться фактовъ и не вдаваться въ мораль, хотя все это и противно натурѣ человѣка, питающаго страсть къ итогам и выводамъ... Я говорилъ и дѣлалъ видъ, что говорю о пустякахъ, нимало меня не тревожащихъ. Шадя дѣломудріе Павла Ивановича и зная его отвращеніе къ графу, я многое скрылъ, многого консулъ только слегка, но тѣмъ не менѣе, несмотря даже на игривость моего тона, на карикатурный пошибъ моей рѣчи, докторъ во все время моего разсказа глядѣлъ мнѣ въ лицо серьезно, то и дѣло покачивая головой и нетерпѣливо подергивая плечами. Онъ ни разу не улыбнулся... Очевидно, мой «легкій жанръ» произвелъ на него далеко не легкое впечатлѣніе.

— Что же вы не смѣтаетесь, шуренька? — спросилъ я, покончивъ со своими описаніями...

— Если бы все это не вы мнѣ разсказывали, и если бы не одинъ случай, то я не повѣрилъ бы всему этому. Ужъ больно безобразно, друже!

— О какомъ случаѣ вы говорите?

— Вчера подъ вечеръ былъ у меня мужикъ, котораго вы такъ не деликатно попотчевали весломъ... Иванъ Осиповъ...

— Иванъ Осиповъ... — пожалъ я плечами. — Первый разъ слышу!

— Высокій такой, рыжій... съ веснушками на лицѣ... Припомните-ка! Вы ударили его весломъ по головѣ.

— Ничего не понимаю! Никакого Осипова не знаю, весломъ никого не потчевалъ... Все это вамъ снилось, дядя!

— Дай Богъ, чтобы случилось... Онъ явился ко мнѣ съ отношеніемъ отъ карѣвскаго волостного правленія и попросилъ медицинскаго свидѣтельства... Въ отношеніи написано, да и самъ онъ не вретъ, что рана нанесена ему вами... И теперь не помните? Рана ушибленная, повыше лба, на границѣ съ волосистой частью... До кости хватили, батенька!

— Не помню!—прошептала я...—Кто онъ? Чѣмъ занимается?

— Обыкновенный карѣвскій мужикъ, у васъ же тамъ на озерѣ былъ гребцомъ, когда вы кутили.

— Гм... можетъ-быть! Не помню... Вѣроятно, былъ пьянъ и какъ-нибудь печально.

— Нѣтъ-съ, не нечаянно... Онъ говоритъ, что вы разсердились на него за что-то, долго бранились и потомъ, разсвирѣпѣвъ, подскочили къ нему и при свидѣтеляхъ хватили... Мало того, вы крикнули: «я убью тебя, шельму этакую!»

Я покрасилъ и прошелся изъ угла въ уголъ.

— Хоть убей, не помню!—проговорилъ я, изо всѣхъ силъ напрягая память.— Не помню! Вы говорите «разсвирѣпѣвъ»... Въ пьяномъ видѣ я бываю непростительно мерзокъ!

— Чего же лучше!

— Мужикъ, очевидно, хочетъ затѣять скандалъ, но не это важно... Важенъ самъ фактъ, побои... Неужели я способенъ драться? И за что я ударилъ бѣднаго мужика?

— Да-съ... Свидѣтельства, конечно, я не могъ ему дать, но не преминулъ посоветовать ему обратиться къ вамъ... Вы сойдите съ нимъ какъ-нибудь... Побои легкіе, но, разсуждая неофициально, рана головы, проникающая до черепа, штука серьезная... Черѣдки случаи, когда, по-видимому, самая пустая рана головы, отнесенная къ легкимъ побоямъ, оканчивалась омертвѣніемъ костей черепа и, стало-быть, путешествіемъ *ad patres*.

И «щуръ», увлекшись, поднялся, зашагалъ около стѣнъ и, размахивая руками, началъ выкладывать передо мною свои познанія по хирургической патологіи... Омертвѣніе костей черепа, воспаленіе мозга, смерть и другіе ужасы такъ и сыпались изъ его рта съ безконечными объясненіями макроскопическихъ и микроскопическихъ процессовъ, сопровождающихъ эту туманную и неинтересную для меня *terram incognitam*.

— Будетъ вамъ, барабошка! — остановилъ я его медицинскую болтовню. — Неужели вы не знаете, какъ все это скучно?

— Это ничего, что скучно... Вы слушайте и казнитесь... Авось въ другой разъ будете поосторожнѣй и не станете дѣлать ненужныхъ глупостей... Изъ-за этого паршивца Осипова, если вы съ нимъ не сойдетесь, вы можете мѣсто потерять! Жрецу Ѳемиды судиться за побои... Вѣдь это скандалъ!

Павель Ивановичъ — единственный человѣкъ, сентенцій котораго я выслушиваю съ легкой душою, не морщась, которому дозволяется вопросительно заглядывать въ мои глаза и запускать изслѣдующую руку въ дебри моей души... Мы съ нимъ пріятели въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова и уважаемъ другъ друга, хотя у насъ съ нимъ и существуютъ счеты непріятнаго, щекотливаго свойства... Между мною и имъ, какъ черная кошка, прошла женщина. Этотъ вѣчный *casus belli* породилъ между нами счеты, но не поссорилъ насъ, и мы продолжаемъ быть въ мирѣ. «Щуръ» — очень хорошій малый... Я люблю его простое, далеко не пластическое лицо съ большимъ носомъ, прищуренными глазами и жидкой, рыжей бородкой. Я люблю его высокую, тонкую, узкоплечую фигуру, на которой сюртуки и пальто болтаются, какъ на вѣшалкѣ.

Его уродливо сшитыя брюки собираются безобразными складками у колѣнъ и безбожно тончутся сапогами; его бѣлый галстукъ вѣчно сидитъ не на мѣстѣ... Но вы не подумайте, что онъ перяха... Взглянувши разъ на его доброе, сосредоточенное лицо, вы поймете, что ему некогда хлопотать о своей наружности, да и не умѣетъ онъ... Онъ молодъ, честенъ, не суетенъ, любитъ свою медицину, вѣчно въ развѣздахъ, — этого достаточно, чтобъ объяснить въ его пользу все промахи его незатѣйливаго туалета. Онъ, какъ артистъ, не знаетъ цѣны деньгамъ и невозмутимо жертвуетъ своимъ комфортомъ и благами жизни кое-какимъ своимъ страстишкамъ, и оттого-то онъ даетъ впечатлѣніе человѣка неимущаго, еле сводящаго концы съ концами... Онъ не курить, не пьетъ, не платитъ женщинамъ, но тѣмъ не менѣе двѣ тысячи, которыя вырабатываетъ онъ службой и практикой, уходятъ отъ него такъ же быстро, какъ уходятъ мои деньги, когда я переживаю періодъ кутежа. Двѣ страсти обираютъ его: страсть давать взаймы и страсть выписывать по га-

зетнымъ объявленіямъ... Взаимы даетъ онъ всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь объ обратной полувѣ... Никакимъ гвоздемъ не выковыришь изъ него безшабашной вѣры въ людскую добросовѣстность, и эта вѣра еще рельефнѣе сказывается въ его постоянныхъ выписываніяхъ вещей, воспѣваемыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ... Онъ выписываетъ все, нужное и ненужное. Выписываетъ книги, зрительныя трубки, юмористическіе журналы, столовые приборы, «состоящіе изъ 100 вещей», хронометры... И немудрено, если больные, приходящіе къ Павлу Ивановичу, принимаютъ его комнату за арсеналъ или музей... Его надували и надувають, но вѣра попрежнему сильна и безшабашна... Малый онъ славный, и мы еще не разъ встрѣтимся съ нимъ на страницахъ этого романа.

— Какъ однако я у васъ засидѣлся, — спохватился онъ, взглянувъ на свои дешевые, съ одной крышкой, часы, выписанные имъ изъ Москвы «съ ручательствомъ на 5 лѣтъ», но тѣмъ не менѣе два раза уже бывшіе въ починкѣ. — Миѣ пора, друже! Прощайте и смотрите вы миѣ! Эти графскіе кутежи добромъ не кончатся! Не говорю ужъ о вашемъ здоровьѣ... Ахъ, да! Будете завтра въ Тѣневѣ?

— А что тамъ завтра?

— Престольный праздникъ! Всѣ тамъ будутъ, и вы пріѣзжайте! Обязательно пріѣзжайте! Я далъ слово, что вы непременно пріѣдете. Не сдѣлайте же меня лгуномъ...

Кому далъ онъ слово — не нужно было спрашивать. Мы понимали другъ друга. Простившись со мной, докторъ надѣлъ свое поношенное пальто и уѣхалъ.

Я остался одинъ... Чтобы заглушить непріятныя мысли, начинавшія копошиться въ моей головѣ, я подошелъ къ своему письменному столу и, стараясь не думать, не отдавать себѣ отчета, занялся полученными бумагами... Конвертъ, первый попавшійся миѣ на глаза, содержалъ въ себѣ слѣдующее письмо:

«Душечка мой Сережа! Извени, что я тебя беспокою, но я такъ удивлена, что не знаю, къ кому и обратиться... Это ни на что непохоже. Конечно, теперь не варотишь, и миѣ не жалко, но посуди самъ, что если ворами дѣлать поблашку, то порядочной женщине нигдѣ нельзя быть покойной. Послѣ того, какъ ты уѣхалъ, я проснулась на диванѣ и не нашла на себѣ многихъ вещей. Украли

браслетъ, золотую запонку, десять жемчужинъ изъ ожерелья и вынули изъ партмонета рублей сто денгъ. Я хотела жаловаться графу, но онъ спалъ, и такъ и уѣхала. Это нехорошо. Графскій домъ, а воруютъ какъ въ трактирѣ. Ты скажи графу. Цѣлую тебя и кланяюсь. Твоя любящая Тина».

Что домъ его сѣятельства изобиловалъ ворами,—для меня не было новостью, и я приобщилъ письмо Тины къ свѣдѣнiямъ, уже имѣвшимся у меня на этотъ счетъ въ памяти. Рано или поздно — я долженъ былъ пустить въ дѣло эти свѣдѣнiя... Я зналъ воровъ.

Письмо черноглазой Тины, ея жирный, сочный почеркъ напомнили мозаиковую гостиную и вызвали во мнѣ желанiе, похожее на желанiе опохмелиться, но я превозмогъ себя и силою своей воли заставилъ себя работать. Сначала мнѣ было невыразимо скучно разбирать размашистые почерки приставовъ, но потомъ мое вниманiе мало-по-малу фиксировалось на кражѣ со взломомъ, и я сталъ работать съ наслажденiемъ. Цѣлый день сидѣлъ я за своимъ письменнымъ столомъ, а Поликарпъ то и дѣло проходилъ мимо меня и недовѣрчиво поглядывалъ на мою работу. Въ мое степенство ему не вѣрилось, и онъ каждую минуту ждалъ, что я поднимусь изъ-за стола и прикажу сѣдлатъ Зорьку; но къ вечеру, видя мое упорство, онъ довѣрилъ и выраженiе угрюмости на лицѣ смѣнилъ выраженiемъ удовольствiя... Онъ сталъ ходить на цыпочкахъ, говорилъ шопотомъ... Когда мимо моихъ оконъ прошли парни съ гармоникой, онъ вышелъ на улицу и прокричалъ:

— Чего вы, черти, здѣсь расходились? Ходите другой улицей! Нешто не знаете, махаметы, что баринъ занимается.

Вечеромъ, подавъ въ столовой самоваръ, онъ тихо отворилъ мою дверь и ласково позвалъ меня пить чай.

— Пожалуйте чай кушать! — сказалъ онъ, нѣжно вздохнувъ и почтительно улыбаясь.

А когда я пилъ чай, онъ тихо подошелъ сзади ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ плечо...

— Вотъ этакъ лучше, Сергѣй Петровичъ, — забормоталъ онъ.— Паццуйте на того бѣлобрысаго чорта, чтобъ ему... Статочное ли дѣло при вашемъ высокомъ понятiи

и при вашей образованности малодушіемъ заниматься? Ваше дѣло благородное... Надо, чтобы все насъ ублажали, боялись, а ежели будете съ тѣмъ чортомъ людямъ головы проламывать да въ озерѣ въ одежѣ купаться, то всякій скажетъ: «Никакого ума! Пустяковый человѣкъ!» И пойдетъ тогда по міру слава! Удадь купцу къ лицу, а не благородному.... Благородному наука требуется, служба...

— Ну, будетъ, будетъ...

— Не путайтесь съ графомъ, Сергѣй Петровичъ! А коли желаете дружитья, то чѣмъ не человѣкъ докторъ Павелъ Ивановичъ? Только что оборванный ходитъ, да зато вѣдь ума много!

Искренность Поликарпа меня растеплила... Миѣ захотѣлось сказать ему ласковое слово...

— Ты какой романъ теперь читаешь?—спросилъ я его.

— Графа Монте-Кристова. Вотъ графъ! Такъ это настоящий графъ! Непохожъ на вашего замазурю!

Послѣ чаю я опять сѣлъ за работу и работалъ до тѣхъ поръ, пока мои вѣки не стали опускаться и закрывать утомленные глаза... Ложась спать, я приказалъ Поликарпу разбудить меня въ пять часовъ.

На другой день, въ шестомъ часу утра, я, весело навистывая и сбивая тростью головки цвѣтовъ, шелъ пѣшкомъ въ Тѣнево, гдѣ въ этотъ день былъ престольный праздникъ и куда приглашалъ меня мой другъ «щуръ», Павелъ Ивановичъ. Утро было прелестное. Само счастье, казалось, висѣло надъ землей и, отражаясь въ брильянтовыхъ росинкахъ, манило къ себѣ душу прохожаго... Лѣсъ, окутанный утреннимъ свѣтомъ, былъ тихъ и неподвиженъ, словно прислушивался къ моимъ шагамъ и чириканью птичьей братіи, встрѣчавшей меня выраженіями недовѣрія и испуга... Воздухъ былъ пропитанъ испареніями весенней зелени и своей нѣжностью ласкалъ мои здоровыя легкія. Я дышалъ имъ и, окидывая восторженными глазами просторъ, чувствовалъ весиу, молодость, и миѣ казалось, что молодья березки, придорожная травка и гудѣвшіе безъ умолку майскіе жуки раздѣляли это мое чувство.

«И къ чему тамъ въ мірѣ, — думалъ я: — тѣснитея человѣкъ въ своихъ тѣсныхъ лачугахъ, въ своихъ узкихъ и тѣсныхъ идейкахъ, если здѣсь такой просторъ для жизни и мысли? Отчего онъ не идетъ сюда?»

И мое напоэтизированное воображеніе не хотѣло мѣшать себѣ мыслью о зимѣ и хлѣбѣ, этихъ двухъ печаляхъ, загоняющихъ поэтовъ въ холодный, прозаическій Петербургъ и въ нечистоплотную Москву, гдѣ платятъ гонораръ за стихи, но не даютъ вдохновенія.

Мимо меня проѣзжали крестьянскіе обозы и помѣщичьи брички, сѣшшіе къ обѣднѣ и на ярмарку. То и дѣло приходилось снимать шапку и отвѣчать на привѣтливые поклоны мужиковъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Всякій предлагалъ «подвезти», но идти было лучше, чѣмъ ѣхать, и я всякій разъ отказывался. Мимо меня, между прочими, проѣхалъ на бѣговыхъ дрожжахъ и графскій садовникъ Францъ, въ синей курткѣ и жокейскомъ картузикѣ... Онъ лѣниво поглядѣлъ на меня сонными, прокисшими глазками и еще лѣнивѣе сдѣлалъ подь козырекъ. Сзади него былъ привязанъ пятиведерный боченокъ съ желѣзными обручами, очевидно, водочный... Противная рожа Франца и его боченокъ разстроили нѣсколько мое поэтическое настроеніе, но скоро поэзія опять восторжествовала, когда я услышалъ сзади себя шумъ экипажа и, оглянувшись, увидѣлъ тяжелый шарабанъ, запряженный въ пару гнѣдыхъ лошадокъ, а въ тяжеломъ шарабанѣ на кожаномъ, ящикообразномъ сидѣньи — мою новую знакомку, «дѣвушку въ красномъ», говорившую со мной за два дня до этого про «электричество», убившее ея мать... Хорошенькое, свѣже-вымытое и нѣсколько заспанное личико Оленьки просіяло и слегка зарумянилось, когда она увидѣла меня, шагавшаго по краю межи, отдѣлявшей лѣсъ отъ дороги. Она весело закивала мнѣ головой и улыбнулась такъ привѣтливо, какъ улыбаются только старые знакомые.

— Доброе утро! — крикнулъ я ей.

Она сдѣлала мнѣ ручкой и вмѣстѣ со своимъ тяжелымъ шарабаномъ исчезла съ моихъ глазъ, не давъ мнѣ наглядѣться на ея хорошенькое, свѣжее личико. На этотъ разъ она не была одѣта въ красное. На ней былъ какой-то темно-зеленый турнюръ съ большими пуговицами да широкополая соломенная шляпа, но тѣмъ не менѣе она мнѣ понравилась не меньше прежняго. Я съ удовольствіемъ поговорилъ бы съ ней и послушалъ ея голосъ. Я хотѣлъ бы заглянуть въ ея глубокіе глаза при блескѣ солнца, какъ заглядывалъ въ нихъ тогда вечеромъ, при сверкавшей молніи. Мнѣ хотѣлось посадить ее изъ не-

красиваго шарабана и предложить ей пройти остальной путь рядомъ со мной, что я и сдѣлалъ бы, если бы не «условія» свѣта. Миѣ почему-то казалось, что она охотно согласилась бы на это предложеніе... Недаромъ она два скія приличія, или, вѣрнѣе, деревенская порядочность за высокія ольхи!..

До Тѣнева отъ мѣста моего жительства было шесть верстѣ—разстояніе для человѣка молодого въ хорошее утро почти незамѣтное. Въ началѣ седьмого часа я уже пробирался между возами и ярмарочными балаганами къ тѣневской церкви. Торговый шумъ, несмотря на раннее утро и на то, что обѣдня еще не кончилась, уже стоялъ въ воздухѣ. Скрипѣнье возовъ, ржанье лошадей, мычанье коровъ, игра въ игрушечныя трубы—все это мѣшалось съ возгласами барышниковъ-цыганъ и пѣніемъ уже успѣвшихъ «налимониться» мужиковъ. Сколько веселыхъ, праздничныхъ лицъ, сколько типовъ! Сколько прелести и движенія въ этой массѣ, нестрѣющей яркими цвѣтами платьевъ, залитой свѣтомъ утренняго солнца! Все это, многотысячное, копошилось, двигалось, шумѣло, чтобы въ нѣсколько часовъ сдѣлать свое дѣло и къ вечеру разъѣхаться, оставивъ послѣ себя на площади, какъ бы воспоминаніе, сѣнные отбросы, кое-гдѣ разсыпанный овесъ и орѣховую скорлупу... Народъ густыми толпами валилъ къ церкви и отъ церкви

Церковный крестъ испускалъ изъ себя золотые лучи, такіе же яркіе, какъ и само солнце. Онъ сверкалъ и, казалось, сгоралъ золотымъ огнемъ. Ниже его горѣла тѣмъ же огнемъ церковная глава и лоснился на солнцѣ свѣже-выкрашенный зеленый куполь, а за сверкающимъ крестомъ широко разстилалась прозрачная, далекая синева. Я, пройдя черезъ ограду, наполненную народомъ, пробрался въ церковь. Обѣдня недавно еще началась, и, когда я вошелъ, читали еще только апостолъ. Въ церкви стояла тишина, нарушаемая чтеніемъ да шагами кадившаго дьякона. Народъ стоялъ тихо, неподвижно, съ благоговѣніемъ всматриваясь въ открытыя царскія врата и прислушиваясь къ протяжному чтенію. Деревенскія приличія, или, вѣрнѣе, деревенская порядочность строго преслѣдуетъ всякое поповское посяганіе на нарушенію въ церкви благоговѣйной тишины. Миѣ всегда становилось совѣстно, когда меня вынуждало что-нибудь улыбаться въ церкви или разговаривать. Къ несчастью, въ рѣд-

кихъ только случаяхъ я не встрѣчалъ въ церкви своихъ знакомыхъ, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, было очень много; обыкновенно же, чуть только, бывало, входилъ я въ церковь, какъ ко мнѣ тотчасъ же подходилъ какой-нибудь «интеллигентъ» и, послѣ длинныхъ предисловій о погодѣ, начиналъ разговоръ о своихъ грошовыхъ дѣлахъ. Я отвѣчалъ «да» и «нѣтъ», но былъ такъ щепетилень, что былъ не въ силахъ совсѣмъ отказать своему собесѣднику во вниманіи. И моя щепетильность не дешево мнѣ стоила: я бесѣдовалъ и конфузливо косился на молящихся сосѣдей, боясь, что я оскорбляю ихъ своею праздною болтовней.

И на этотъ разъ не обошлось безъ знакомыхъ. Войдя въ церковь, я у самаго входа увидѣлъ мою героиню, ту самую «дѣвушку въ красномъ», которую я встрѣтилъ, пробираясь въ Тѣнево.

Бѣдняжка, красная, какъ ракъ, и вспотѣвшая, стояла въ толпѣ и обводила умоляющими глазами всѣ лица, ища избавителя. Она застряла въ тѣсной толпѣ и, не двигаясь ни взадъ ни впередъ, походила на птичку, которую сильно стиснули въ кулакѣ. Увидѣвъ меня, она горько улыбнулась и закивала мнѣ своимъ хорошенькимъ подбородкомъ.

— Проводите меня ради Бога впередъ! — заговорила она, хватая меня за рукавъ. — Здѣсь ужасная духота и... тѣсно... Прошу васъ!

— Но вѣдь и впереди тѣсно! — сказала я.

— Но тамъ все чисто одѣтые, приличные... Здѣсь простой народъ, а для насъ отведено мѣсто впереди... И вы тамъ должны быть...

Стало-быть, красна она была не потому, что въ церкви душно и тѣсно. Ея маленькую головку мучилъ вопросъ мѣстничества! Я внялъ мольбамъ суетной дѣвочки и, осторожно расталкивая народъ, провелъ ее до самаго амвона, гдѣ былъ уже въ сборѣ весь цвѣтъ нашего уѣзднаго бомонда. Поставивъ Оленьку на подобающее ей аристократическимъ поползновеніямъ мѣсто, я сталъ позади бомонда и занялся наблюденіями.

Мужчины и дамы, по обыкновенію, шептались и хихикали. Мировой судья Калининъ, жестикулируя пальцами и поматывая головой, вполголоса рассказывалъ помѣщику Деряеву о своихъ болѣзняхъ. Деряевъ почти вслухъ бранилъ докторовъ и совѣтовалъ мировому по-

дѣлаться у какого-то Евстрата Иваныча. Дамы, увидѣвъ Оленьку, ухватились за нее, какъ за хорошую тему, и зашушукали. Одна только дѣвушка, повидимому, молилась... Она стояла на колѣняхъ и, устремивъ свои черные глаза впередъ, шевелила губами. Она не замѣтила, какъ изъ-подъ ея шляпки выпалъ локонъ и безпорядочно повисъ на блѣдномъ вискѣ... Она не замѣтила, какъ около нея остановился я съ Оленькой.

Это была дочь мирового Калинина, Надежда Николаевна. Когда я ранѣе говорилъ о женщицѣ, черной кошкой пробѣжавшей между мною и докторомъ, то говорилъ о ней... Докторъ любилъ ее такъ, какъ способны любить только такія хорошія натуры, какъ мой милый «щуръ» Павелъ Ивановичъ... Теперь онъ, какъ шесть, стоялъ около нея, держа руки по швамъ и вытянувъ шею. Изрѣдка онъ вскидывалъ свои любящія вопрошающіе глаза на ея сосредоточенное лицо. Онъ словно сторожилъ ея молитву, и въ его глазахъ свѣтилось страстное, тоскующее желаніе быть предметомъ ея молитвы. Но, къ его несчастью, онъ зналъ, за кого она молилась... Не за него...

Я кивнулъ Павлу Ивановичу, когда тотъ оглянулся на меня, и мы оба вышли изъ церкви.

— Давайте шляться по ярмаркѣ, — предложилъ я.

Мы закурили папирсы и пошли по лавкамъ.

— Какъ поживаетъ Надежда Николаевна? — спросилъ я доктора, входя съ нимъ въ палатку, въ которой продавались игрушки.

— Ничего себѣ... Кажется, здорова... — отвѣчалъ докторъ, щурясь на маленькаго солдатика съ лиловымъ лицомъ и въ пунцовомъ мундирѣ. — О васъ спрашивала...

— Что же она обо мнѣ спрашивала?

— Такъ, вообще... Сердится, что вы давно у нихъ не бывали... Ей хочется повидаться съ вами и спросить васъ о причинахъ такого внезапнаго охлажденія къ ихъ дому... Бздили почти каждый день и потомъ — на тебѣ! Словно отрѣзать... И не кланяется даже.

— Врете, щурь... Дѣйствительно, я за неимѣніемъ досуга пересталъ посѣщать Калининыхъ. Что правда, то правда. Отношенія же мои съ этой семьей попрежнему отчужденныя... Всегда кланяюсь, если встрѣчаю кого-нибудь изъ нихъ.

— Однако, встрѣтившись въ прошлый четвергъ съ ей

отцомъ, вы почему-то не нашли нужнымъ отвѣтить на его поклонъ.

— Я не люблю этого болвана мирового, — сказала я: — и не могу равнодушно глядѣть на его рожу, но все-таки у меня еще хватаетъ силы кланяться ему и пожимать протягиваемую имъ руку. Вѣроятно, я не замѣтилъ его въ четвергъ, или не узналъ. Вы сегодня не въ духѣ, щуренька, и придираетесь...

— Люблю я васъ, голубчикъ, — вздохнулъ Павелъ Ивановичъ: — но не вѣрю вамъ... «Не замѣтилъ, не узналъ...» Не нужно мнѣ ни нашихъ оправданій ни отговорокъ... Къ чему они, если въ нихъ такъ мало правды? Вы славный, хорошій человекъ, но въ вашемъ больномъ мозгу есть, торчитъ гвоздемъ маленькій кусочекъ, который, простите, способенъ на всякую пакость...

— Покорнѣе благодаримъ.

— Вы не сердитесь, голубчикъ... Дай Богъ, чтобъ я заблуждался, но мнѣ кажется, что вы немножко психопатъ. У васъ иногда, вопреки волѣ и направленію валей хорошей натуры, вырываются такіе желанія и поступки, что всѣ, знающіе васъ за порядочнаго человека, становятся втупикъ... Диву даешься, какъ это ваши высоко-нравственные принципы, которые я имѣю честь знать, могутъ уживаться съ тѣми вашими внезапными побужденіями, которыя въ исходѣ даютъ кричащую мерзость! Какой это звѣрь? — обратился вдругъ Павелъ Ивановичъ къ торговцу, перемѣнивъ тонъ и поднося къ глазамъ деревяннаго звѣря съ человѣческимъ носомъ, гривой и сѣрыми полосами на спинѣ.

— Левъ, — зѣвнулъ продавецъ. — А може, и другая какая тварь. Шутъ ихъ разбереть!

Отъ игрушечныхъ балагановъ мы направились къ «краснымъ» лавкамъ, гдѣ уже кипѣла торговля.

— Эти игрушки только обманываютъ дѣтей, — сказала докторъ. — Онѣ даютъ самыя превратныя понятія о флорѣ и фаунѣ. Этотъ левъ, напримѣръ... Полосать, багровъ и пищать... Нешто лвы пищать?

— Послушайте, щуренька, — сказала я. — Повидимому, вамъ хочется мнѣ что-то сказать, и вы словно не рѣшаетесь... Говорите... Мнѣ пріятно васъ слушать даже тогда, когда вы говорите непріятныя вещи...

— Пріятно, друже, или непріятно, а ужъ вы послу-

шайте... Миѣ о многомъ хотѣлось бы съ вами погово-
рить...

— Начинайте... Я обращаюсь въ одно очень боль-
шое ухо.

— Я уже высказалъ вамъ свое предположеніе относи-
тельно того, что вы психопатъ. Теперь не угодно ли вы-
слушать доказательство?.. Я буду говорить откровенно,
быть-можетъ, иногда нѣсколько рѣзко... васъ покоробитъ
стѣ моихъ словъ, но вы не сердитесь, друже... Вы знаете
мой къ вамъ чувства: люблю васъ больше всѣхъ въ
уѣздѣ и уважаю... Говорю вамъ не ради упрека и осу-
жденій, не для того, чтобъ колоть васъ. Будемъ оба
объективны, друже... Станемъ разсматривать вашу пси-
хию безпристрастнымъ окомъ, какъ печенку или желу-
докъ...

— Хорошо, будемъ объективны, — согласился я.

— Превосходно... Начнемъ хоть съ вашихъ отноше-
ній съ Калининымъ... Если вы справитесь у вашей па-
мяти, то она скажетъ вамъ, что вы начали посѣщать
Калининыхъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ нашъ богоспасае-
мый уѣздъ. Вашего знакомства не искали... Вы съ пер-
ваго же раза не понравились мировому своимъ надмен-
нымъ видомъ, насмѣшливымъ тономъ и дружбой съ кути-
лой-графомъ, и вамъ не бывать бы у мирового, если
бы вы сами не сдѣлали ему визита. Помните? Вы позна-
комились съ Надеждой Николаевной и стали ѣздить къ
мировому чуть ли не каждый день... Бывало, когда ни
придешь, вы вѣчно тамъ... Приѣмъ оказывался вамъ са-
мый радушный. Люди ласкали васъ, какъ только умѣли...
И отецъ, и мать, и маленькія сестры... Привязались къ
вамъ, какъ къ родному... Вами восторгаются, васъ но-
сятъ на рукахъ, хохочутъ отъ малѣйшей вашей остроты...
Вы для нихъ образецъ ума, благородства, джентльмен-
ства. Вы словно понимаете все это и за привязанность
платите привязанностью—ѣздите каждый день, даже въ
дни подпразничныхъ приборовъ и суматохъ. Наконецъ,
для васъ не секретъ та несчастная любовь, которую вы
возбудили къ себѣ въ Наденькѣ... Вѣдь не секретъ?
Вы, знающій, что она въ васъ по уши влюблена, все
ѣздите и ѣздите... И что же, друже? Годъ тому назадъ
вы вдругъ, ни съ того ни съ сего, внезапно прекра-
щаете свои визиты. Васъ ждуть недѣлю... мѣсяць... ждуть
до сегодня, а вы все не показываетесь... Вамъ пишутъ,

вы не отвѣчаете... Наконецъ вы даже не кланяетесь... Вамъ, придающему большое значеніе приличіямъ, эти ваши поступки должны показаться верхомъ невѣжливости! Отчего вы такъ рѣзко и круто отчалили отъ Калининыхъ? Васъ обидѣли? Нѣтъ... Вамъ надоѣло? Въ такомъ случаѣ вы могли бы отчалить постепенно безъ этой обидной, ничѣмъ не мотивированной рѣзкости...

— Пересталъ въ гости ѣздить, — усмѣхнулся я: — и попалъ въ психопаты. Какъ вы наивны, щуренька! Не все ли равно — сразу ли прекратить знакомство, или постепенно? Сразу даже честнѣе — лицемѣрія меньше. Какіе все это пустяки однако!

— Допустимъ, что все это пустяки, или что васъ заставили такъ круто повернуть причины скрытыя, до которыхъ нѣтъ дѣла постороннему оку. Но чѣмъ объяснить ваши дальнѣйшіе поступки?

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вы являетесь однажды въ нашу земскую управу — не знаю, какое было у васъ тамъ дѣло — и на вопросъ предсѣдателя, отчего васъ не стало видно у Калининыхъ, вы сказали... Припомните-ка, что вы сказали! «Боюсь, что меня женятъ!» Вотъ что сорвалось съ вашего языка! И это вы сказали во время засѣданія, громко, отчетливо, — такъ, что могли васъ слышать всѣ сто человѣкъ, бывшіе въ залѣ засѣданія! Красиво? Въ отвѣтъ на ваши слова слышатся смѣхъ и слабые остроты на тему о доллѣ жениховъ. Вашу фразу подхватываетъ какой-то мерзавецъ, идетъ къ Калининымъ и подноситъ ее Наденькѣ во время обѣда... За что такая обида, Сергѣй Петровичъ?

Навелъ Ивановичъ загородилъ мнѣ дорогу, сталъ передо мной и продолжалъ, глядя мнѣ въ лицо умоляющими, почти плачущими глазами:

— За что такая обида? За что? За то, что эта хорошая дѣвушка васъ любитъ? Допустимъ, что отецъ, какъ и всякій отецъ, имѣлъ попользованія на вашу особу... Онъ, по-отечески, всѣхъ имѣетъ въ виду: и васъ, и меня, и Маркузина... Всѣ родители одинаковы... Нѣтъ сомнѣнія, что и она, по уши влюбленная, быть-можетъ, падѣялась стать вашей женой... Такъ за это давать такую звонкую пощечину? Дяденька, дяденька! Не вы ли сами добивались этихъ попользованій на вашу особу? Вы каждый день ѣздили, обыкновенные гости

такъ часто не ѣздить. Днемъ вы удили съ нею рыбу, вечерами гуляли въ саду, ревниво оберегая ваше tête-à-tête... Вы узнали, что она любитъ васъ, и ни на юту не измѣнили вашего поведенія... Можно было послѣ этого не подозрѣвать въ васъ добрыхъ намѣреній? Я былъ увѣренъ, что вы на ней женитесь! И вы... вы пожаловались, посмѣялись! За что? Что она вамъ сдѣлала?

— Не кричите, щуренька, народъ смотритъ, — сказалъ я, обходя Павла Ивановича. — Прекратимъ этотъ разговоръ. Это бабій разговоръ... Скажу вамъ только три строчки, и будетъ съ васъ. Ѣздилъ я къ Калининымъ, потому что скучалъ и интересовался Наденькой... Она очень интересная дѣвица... Можетъ-быть, я и женился бы на ней, но, узнавъ, что вы ранѣе меня попали въ претенденты ея сердца, узнавъ, что вы къ ней равнодушны, я порѣшилъ ступешаться... Жестоко было бы съ моей стороны мѣшать такому хорошему малому, какъ вы...

— Мерсі за одолженіе! Я васъ не просилъ объ этой милостивой подачкѣ и, насколько могу судить теперь по выраженію вашего лица, вы говорите сейчасъ неправду, говорите зря, не вдумываясь въ ваши слова... И потому то обстоятельство, что я славный малый, не помѣшало вамъ однако въ одно изъ послѣднихъ вашихъ посвѣщеній сдѣлать Наденькѣ въ бесѣдкѣ предложеніе, отъ котораго не поздоровилось бы славному малому, если бы онъ на ней женился!

— Эге-ге!.. Откуда вамъ извѣстно объ этомъ предложеніи, щуренька? Стало-быть, ваши дѣла недурно идутъ, если вамъ стали уже повѣрять такія тайны!.. Но однако вы поблѣднѣли отъ злости и чуть ли не собираетесь бить меня... А еще то же уговаривался быть объективнымъ! Какой вы смѣшной, щуренька! Ну, бросимъ эту галиматью... Пойдемъ на почту...

Мы направились къ почтовому отдѣленію, которое весело глядѣло своими тремя окошечками на базарную площадь. Сквозь сѣрый палисадникъ пестрѣлъ цвѣтникъ нашего пріемщика Максима Федоровича, извѣстнаго въ нашемъ уѣздѣ знатока по части устройства клумбъ, грядъ, газоновъ и проч.

Максима Федоровича мы застали за очень пріятнымъ занятіемъ... Красный отъ удовольствія и улыбающійся, онъ сидѣлъ за своимъ зеленымъ столомъ и, какъ книгу, перелистывалъ толстую пачку сторублевыхъ бумажекъ.

Повидимому, на расположение его духа могъ вліять видъ даже чужихъ денегъ.

— Здравствуйте, Максимъ Ѳедорычъ! — поздоровался я съ нимъ. — Откуда это у васъ такая куча денегъ?

— А вотъ-съ въ Санктъ-Петербургъ отправляютъ! — сладенько улыбнулся пріемщикъ и указаль подбородкомъ въ уголъ, гдѣ на единственномъ, имѣвшемся въ почтовомъ отдѣленіи, стулѣ сидѣла темная человѣческая фигура.

Увидѣвъ меня, эта фигура поднялась и подошла ко мнѣ. Въ ней я узналъ моего новаго знакомаго, моего новопеченнаго врага, котораго я такъ обидѣлъ, когда напился у графа.

— Мое почтеніе, — сказалъ онъ.

— Здравствуйте, Каэтанъ Казимировичъ, — отвѣтилъ я, дѣлая видъ, что не вижу протянутой имъ руки. — Графъ здоровъ?

— Слава Богу... Скучаетъ только немножко... Васъ ждетъ къ себѣ каждую минуту...

На лицѣ Пшехоцкаго я прочелъ желаніе побесѣдовать со мною. Откуда могло явиться такое желаніе послѣ той «свиньи», которой я угостилъ его въ тотъ вечеръ, и откуда такая перемена въ обращеніи?

— Какъ много у васъ денегъ! — сказали я, глядя на посылаемыя имъ пачки сторублевокъ.

И словно кто толкнулъ меня по мозгамъ! У одной изъ сторублевокъ я увидѣлъ обожженные края и совершенно сгорѣвшій уголь... Это была та самая сторублевка, которую я хотѣлъ сжечь на огнѣ Шандора, когда графъ отказался взять ее у меня на уплату цыганамъ, и которую поднялъ Пшехоцкій, когда я бросилъ ее на землю.

— Лучше я бѣдному отдамъ кому-нибудь, — сказалъ онъ тогда: — чѣмъ отдавать ихъ огню.

Какимъ же «бѣднымъ» посылалъ онъ ее теперь?

— Семь тысячъ пятьсотъ рублей, — протяжно сосчиталъ Максимъ Ѳедоровичъ. — Совершенно вѣрно!

Неловко вторгаться въ чужія тайны, но ужасно мнѣ хотѣлось узнать, кому и чьи это деньги посылалъ въ Петербургъ чернобровый полякъ? Деньги эти во всякомъ случаѣ были не его, графу же некому было посылать ихъ.

«Обобраль пьянаго графа, — подумалъ я. — Если графа умѣетъ обирать глухая и глупая Сычиха, то что стоить этому гусю запустить въ его карманъ свою лапу?»

— Ахъ... кстати, и я пшлю деньги, — спохватился Павелъ Ивановичъ. — Знаете, господа? Даже невѣроятно! За пятнадцать рублей пять вещей съ пересылкой! Зрительная труба, хронометръ, календарь и еще что-то... Максимъ Федорычъ, одолжите мнѣ листикъ бумажки и конвертъ!

Щуръ послалъ свои пятнадцать рублей, я получилъ газеты и письма, и мы вышли изъ почтовой конторы.

Мы направились къ церкви. Щуренька шагаль за мной блѣдный и унылый, какъ осенній день. Сверхъ ожиданія, его сильно встревожилъ разговоръ, въ которомъ онъ старался показать себя «объективнымъ».

Въ церкви трезвонили. Съ паперти медленно спускалась густая толпа, которой, казалось, и конца не было. Изъ толпы высились ветхія хоругви и темный крестъ, предшествовавшіе крестному ходу. Солнце весело играло на ризахъ духовенства, а образъ Божьей Матери испускалъ отъ себя ослѣпительные лучи.

— А вонъ и наши! — сказалъ докторъ, указывая на нашъ уѣздный бомондъ, отдѣлившійся отъ толпы и стоявшій въ сторонѣ.

— Ваши, а не наши, — сказалъ я.

— Это все равно... Подойдемте къ нимъ...

Я подошелъ къ знакомымъ и сталъ раскланиваться. Мировой судья Калининъ, высокій, плечистый человекъ съ сѣдой бородой и выпуклыми рачьими глазами, стоялъ впереди всѣхъ и что-то шепталъ на ухо своей дочери. Дѣлая видъ, что онъ меня не замѣчаетъ, онъ ни однимъ движеніемъ не отвѣтилъ на мой «общій» поклонъ, направленный въ его сторону.

— Прощай же, ангелочекъ, — проговорилъ онъ плачущимъ голосомъ, цѣлуя дочь въ ея блѣдный лобъ. — Поѣзжай домой одна, а къ вечеру я возвращусь. Визиты мои будутъ продолжаться очень недолго.

Поцѣловавъ дочь еще разъ и сладенько улыбувшись бомонду, онъ строго нахмурилъ брови и круто повернулся на одномъ каблукѣ къ стоявшему позади него мужику съ бляхой сотскаго.

— Скоро же наконецъ подадутъ мнѣ лошадей? — прохрипѣлъ онъ.

Сотскій вздрогнулъ и замахалъ руками.

— Берегись!

Толпа, шедшая за крестнымъ ходомъ, раздвинулась, и

лошади мирового съ шикомъ и звономъ бубенчиковъ подкатили къ Калинину. Тотъ съль, величественно поклонился и, тревожа толпу своимъ «берегись», скрылся изъ глазъ, не подаривъ меня ни однимъ взглядомъ.

— Этакая величественная свинья, — прошепталъ я на ухо доктору. — Пойдемте отсюда!

— А разеѣ вы не хотите поговорить съ Надеждой Николаевной? — спросилъ Навель Ивановичъ.

— Миѣ ужъ пора домой. Некогда.

Докторъ сердито поглядѣлъ на меня, вздохнулъ и отошелъ. Я отдалъ общій поклонъ и направился къ балаганамъ. Пробираясь сквозь густую толпу, я оглянулся и поглядѣлъ на дочь мирового. Она глядѣла мнѣ вездѣ и словно пробовала, вынесу я, или нѣтъ, ея чистый, пронизывающій взглядъ, полный горькой обиды и упрека.

— За что?! — говорили ея глаза.

Что-то законошилось въ моей груди, и мнѣ стало больно и стыдно за свое глупое поведеніе. Мнѣ захотѣлось вдругъ воротиться и всѣми силами своей мягкой, не сосеѣмъ еще испорченной души приласкать и приглубить эту горячо меня любившую, мною обиженную дѣвушку и сказать ей, что виновать не я, а моя проклятая гордость, не дающая мнѣ жить, дышать, ступить шагъ. Гордость, глухая, фатовская, полная суетности. Могъ ли я, пустой человекъ, протянуть руку примиренія, если я зналъ и видѣлъ, что за каждымъ моимъ движеніемъ слѣдили глаза уѣздныхъ кумушекъ и «старухъ зловѣщихъ»? Пусть лучше онѣ осыплютъ ее насмѣшливыми взглядами и улыбками, чѣмъ разувѣрятъ въ «непреклонности» моего характера и гордости, которая такъ нравятся во мнѣ глупымъ женщинамъ.

Говоря ранѣе съ Павломъ Ивановичемъ о причинахъ, заставившихъ меня внезапно прекратить свои поѣздки къ Калининымъ, я былъ неоткровененъ и совсѣмъ неточенъ... Я скрылъ настоящую причину, скрылъ ее потому, что стыдился ея ничтожности... Причина была мелка, какъ порошокъ... Заключалась она въ слѣдующемъ. Когда я въ послѣднюю мою поѣздку, отдавъ кучеру Зорьку, входилъ въ калининскій домъ, до моихъ ушей донеслась фраза:

— Наденька, гдѣ ты? — твой женихъ пріѣхалъ!

Это говорилъ ея отецъ, мировой, не рассчитывая, вѣроятно, что я могу услышать его. Но я услышалъ, и самолюбіе мое заговорило.

«Я женихъ? — подумалъ я... — Кто же тебѣ позволилъ называть меня женихомъ? На какомъ основаніи?»

И словно что оторвалось въ моей груди... Гордость забушевала во мнѣ, и я забылъ все, что помнилъ, ѣдучи къ Калининымъ... Я забылъ, что я увлекъ дѣвушку и самъ началъ уже увлекаться ею до того, что ни одного вечера не былъ въ состояніи провести безъ ея общества... Я забылъ ея хорошіе глаза, которые дещ и ночь не выходили изъ моей памяти, ея добрую улыбку, мелодичный голосъ... Забылъ тихіе, лѣтніе вечера, которые уже никогда не повторятся ни для меня ни для нея... Все рухнуло подъ напоромъ дьявольской гордыни, возбужденной глупой фразой простака-отца... Взбѣшенный, я воротился изъ дому, сѣлъ на Зорьку и ускакалъ, давая себѣ клятву «утереть носъ» Калинину, осмѣлившемуся безъ моего позволенія записать меня въ женихи своей дочери.

«Кстати же, Вознесенскій любитъ ее... — оправдывалъ я свой внезапный отъѣздъ, ѣдучи домой. — Онъ ранѣе меня началъ вертѣться около нея и уже считался женихомъ, когда я съ нею познакомился. Не стану ему мѣшать!»

И съ тѣхъ поръ я ни разу не былъ у Калининныхъ, хотя и бывали минуты, когда я страдалъ отъ тоски о Надѣ, и рвалась душа моя, рвалась къ возобновленію прошлаго... Но весь уѣздъ зналъ о происшедшемъ разрывѣ, зналъ, что я «удралъ» отъ женитьбы... Не могла же моя гордость сдѣлать уступки!

Кто знаетъ? Не скажи Калининъ той фразы, и не будь я такъ глупо гордъ и щепетиленъ, быть-можетъ, мнѣ не понадобилось бы оглядываться, а ей — глядѣть на меня такими глазами... Но пусть лучше такіе глаза, пусть лучше это чувство обиды и упрекъ, чѣмъ то, что я увидѣлъ въ этихъ глазахъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ встрѣчи у тѣневской церкви! Горе, свѣтившееся теперь въ глубинѣ этихъ черныхъ глазъ, было только началомъ того страшнаго несчастья, которое, какъ внезапно налетѣвшій поѣздъ, стерло съ лица земли эту дѣвушку... Что цвѣтки передъ тѣми ягодками, которыя уже созрѣвали для того, чтобы влить страшную отраву въ ея хрупкое тѣло и тоскующую душу!

Выйдя изъ Тѣнева, я пошелъ той же дорожкой, что шелъ утромъ. Солнце показывало уже полдень... Крестьян-

скія телѣги и помѣщичьи брички, какъ и утромъ, услаждали мой слухъ своимъ скрипомъ и металлическимъ ворчаньемъ бубенчиковъ. Опять проѣхалъ садовникъ Францъ съ водочнымъ боченкомъ, на этотъ разъ, вѣроятно, полнымъ... Опять онъ взглянулъ на меня своими кислыми глазками и сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ. Меня покорило отъ его противной фizioноміи, но и на этотъ разъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное встрѣчей съ нимъ, какъ рукой сняла дочка лѣсничаго Оленька, догнавшая меня на своемъ тяжеломъ шарабанѣ.

— Подвезите меня! — крикнулъ я ей.

Она весело закивала мнѣ головой и остановила возницу. Я сѣлъ рядомъ съ ней, и шарабанъ съ трескомъ покотился по дорогѣ, свѣтлой полосой тянувшейся черезъ трехверстную просѣку тѣневскаго лѣса. Минуты двѣ мы молча разглядывали другъ друга.

«Какая сна, въ самомъ дѣлѣ, хорошенькая! — думалъ я, глядя на ея шейку и пухленькій подбородокъ. — Если бы мнѣ предложили выбирать кого-нибудь изъ двухъ — Наденьку или ее, то я остановился бы на этой... Эта естественнѣе, свѣжее, натура у нея шире и размашистѣй... Попадись она въ хорошія руки, — изъ нея многое можно было бы сдѣлать! А та угрюма, мечтательна... умна.

У ногъ Оленьки лежали двѣ штуки полотна и нѣсколько свертковъ.

— Сколько у васъ покупокъ! — сказала я. — На что вамъ столько полотна?

— Мнѣ еще не столько нужно! — отвѣтила Оленька. — Это я такъ купила, между прочимъ... Вы не можете себѣ представить, сколько хлопотъ! Сегодня вотъ по ярмаркѣ цѣлый часъ ходила, а завтра придется въ городъ ѣхать за покупками... А потомъ извольте шить... Послушайте, у васъ нѣтъ такихъ знакомыхъ женщинъ, которыхъ можно было бы нанять шить?

— Кажется, нѣтъ... Но для чего вамъ столько покупокъ? Къ чему шить? Вѣдь у васъ семья не Богъ вѣсть какъ велика... Разъ, два... да и обчелся...

— Какіе вы, всѣ мужчины, странные! И ничего вы не понимаете! Вотъ, когда женитесь, такъ сами же будете сердиться, если жена ваша послѣ вѣнца придетъ къ вамъ растрепкой. Я знаю, Петръ Егорычъ не нуждается, но все-таки неловко какъ-то съ перваго же раза себя не хозяйкой показать...

— При чемъ же тутъ Петръ Егорычъ?

— Гм... Смѣется, точно и не знаетъ! — сказала Оленька, слегка краснѣя.

— Вы, барышня, говорите загадками.

— Да развѣ вы не слышали? Вѣдь я выхожу замужъ за Петра Егорыча!

— Замужъ?—удивился я, дѣлая большіе глаза.—За какого Петра Егорыча?

— Фу, Боже мой! Да за Урбенина!

Я поглядѣлъ на ея краснѣющее и улыбающееся лицо.

— Вы... замужъ? За Урбенина? Этакая вѣдь шутница!

— Никакихъ тутъ шутокъ нѣтъ... Не понимаю даже, что тутъ шуточного...

— Вы замужъ... за Урбенина... — проговорилъ я, блѣднѣя, самъ не зная отчего.—Если это не шутка, то что же это такое?

— Какія шутки!.. Не знаю даже, что тутъ такого удивительнаго, странаго...—проговорила Оленька, надувая губки.

Минута прошла въ молчаніи... Я глядѣлъ на красивую дѣвушку, на ея молодое, почти дѣтское лицо и удивлялся, какъ это она можетъ такъ страшно шутить? Сразу я представилъ себѣ рядомъ съ нею пожилого, толстаго, краснолицаго Урбенина съ оттопыренными ушами и жесткими руками, прикосновеніе которыхъ можетъ только царапать молодое, только-что еще начавшее жить женское тѣло... Неужели мысль о подобной картинѣ не можетъ пугать хорошенькую лѣсную фею, умѣющую поэтически глядѣть на небо, когда на немъ бѣгають молнии и сердито ворчитъ громъ? Я — и то испугался!

— Правда, онъ нѣсколько старъ, — вздохнула Оленька:—но зато вѣдь онъ меня любитъ... Его любовь надежная.

— Дѣло не въ надежной любви, а въ счастьѣ...

— Съ нимъ я буду счастлива... Состояніе у него — слава Богу, и не голякъ онъ какой-нибудь, не нищій, а дворянищъ. Я въ него, конечно, не влюблена, но развѣ только тѣ и счастливы, которые по любви женятся? Знаю я эти браки по любви!

— Дитя мое, — спросилъ я, съ ужасомъ глядя въ ея свѣтлые глаза:—когда вы успѣли нафаршировать вашу бѣдную головку этой ужасной житейской мудростью?

Допустимъ, что вы шутите со мной, но гдѣ вы научились такъ старчески-грубо шутить?.. Гдѣ? Когда?

Оленька поглядѣла на меня съ удивленіемъ и пожала плечамн.

— Я не понимаю, что вы говорите... — сказала она. — Вамъ непріятно, что молодая дѣвушка выходитъ за старика? Да?

Оленька вдругъ вспыхнула, задвигала нервно подбородкомъ, и, не дожидаясь моего отвѣта, проговорила быстро:

— Вамъ это не нравится? Такъ извольте вы сами итти въ лѣсъ... въ эту скуку, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ кобчиковъ да сумасшедшаго отца... и ждите тамъ, пока придетъ молодой женихъ! Вамъ понравилось тогда вечеромъ, а поглядѣли бы вы зимой, когда рада бываешь... что вотъ-вотъ смерть придетъ..

— Ахъ, все это нелѣпо, Оленька, все это незрѣло, глупо! Если вы не шутите, то... я ужъ не знаю, что и говорить! Замолчите лучше и не оскорбляйте воздуха вашимъ язычкомъ! Я, на вашемъ бы мѣстѣ, на семи осинахъ удавился, а вы полотно покупаете... улыбаетесь! Аа-ахъ!

— По крайней мѣрѣ, онъ на свои средства отца лѣчить будетъ... — прошептала она.

— Сколько вамъ нужно на лѣченіе отца? — закричалъ я. — Возьмите у меня! Сто? Двѣсти?.. Тысячу? Лжете вы, Оленька! Вамъ не лѣченіе отца нужно!

Новость, сообщенная мнѣ Оленькой, такъ меня взволновала, что я и не замѣтилъ, какъ шарабанъ нашъ проѣхалъ мимо моей деревеньки, какъ онъ вѣхалъ на графскій дворъ и остановился у крыльца управляющаго. Увидѣвъ выбѣжавшихъ дѣтишекъ и улыбающееся лицо Урбенина, подскочившаго высаживать Оленьку, я выпрыгнулъ изъ шарабана и, не простившись, побѣжалъ къ графскому дому. Здѣсь ждала меня новая новость.

— Какъ кетати! Какъ кетати! — встрѣтилъ меня графъ, царапая мою щеку своими длинными, колючими усами. — Удачнѣе времени ты и выбрать не могъ! Мы только сію минуту сѣли завтракать... Ты, конечно, знакомъ вотъ... Не разъ ужъ, небось, имѣлъ столкновение по вашей судейской части... Ха-ха!

Графъ обѣими руками указалъ мнѣ на двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ на мягкихъ креслахъ и ѣвшихъ хо-

лодный языкъ. Въ одномъ я имѣлъ неудовольствіе узнать мирового судью Калинина, другой же, маленькій, сѣденькій старичокъ съ большой, лунообразной лысиной, былъ мой хорошій знакомый, Бабаевъ, богатый помѣщикъ, занимавшій въ нашемъ уѣздѣ должность непремѣннаго члена. Расклапываясь, я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Калинина. Я зналъ, какъ ненавидѣлъ онъ графа и какіе слухи пускалъ онъ по уѣздѣ про того, у котораго теперь ѣлъ съ такимъ аппетитомъ языкъ съ горошкомъ и пилъ десятилѣтнюю наливку. Какъ могъ порядочный человѣкъ объяснить этотъ его визитъ? Мировой уловилъ мой взглядъ и, вѣроятно, понялъ его.

— Сегодняшній день посвятилъ я визитамъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Весь уѣздъ объѣзжаю... И къ его сіятельству заѣхалъ, какъ видите...

Илья подаль четвертый приборъ. Я съѣлъ, выпилъ рюмку водки и сталъ завтракать.

— Нехорошо, ваше сіятельство... Нехорошо! — продолжалъ Калининъ разговоръ, прерванный моимъ приходомъ. — Намъ, маленькимъ людямъ, не грѣхъ, а вы человѣкъ знатный, богатый, блестящій... Вамъ грѣхъ манкировать.

— Это вѣрно, что грѣхъ... — согласился Бабаевъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я.

— Хорошую мысль подаль мнѣ Николай Игнатьичъ! — кивнулъ графъ на мирового. — Приходитъ онъ ко мнѣ... садится завтракать, и жалуюсь я ему на скуку...

— И жалуются они мнѣ на скуку... — перебилъ графа Калининъ. — Скучно, грустно... то да се... Однимъ словомъ, разочарованъ... Онѣгинъ нѣкоторымъ образомъ... Сами, говорю, виноваты, ваше сіятельство... Какъ такъ? Очень просто... Вы, говорю, чтобы скучно не было, служите... хозяйствомъ занимайтесь... Хозяйство превосходное, дивное... Говорятъ, что они намѣрены заняться хозяйствомъ, но все-таки скучно... Нѣтъ у нихъ, такъ сказать, увеселяющаго, возбуждающаго элемента. Нѣтъ этого... какъ бы такъ выразиться... ээ... того... сильныхъ ощущеній...

— Ну, такъ какую же мысль вы подали?

— Собственно говоря, я не подавалъ никакой мысли, но только осмѣлился сдѣлать его сіятельству упрекъ. Какъ это, говорю, вы, ваше сіятельство, такой молодой... образованный, блестящій, можете жить въ такой замкну-

тости? Развѣ, говорю, это не грѣхъ? Вы никуда не выѣзжаете, сами никого не принимаете, нигдѣ васъ не видно... какъ старикъ какой-нибудь, или отшельникъ... Что стоитъ, говорю, вамъ устраивать у себя собранія... журфиксы, такъ сказать?

— Для чего же ему сдались эти журфиксы? — спросилъ я.

— Какъ для чего? Во-первыхъ, тогда его сіятельство, ежели у него будутъ вечера, познакомится съ обществомъ... изучитъ, такъ сказать... Во-вторыхъ, и общество будетъ имѣть честь поближе познакомиться съ однимъ изъ наибогатѣйшихъ нашихъ землевладѣльцевъ... Взаимный, такъ сказать, обмѣлъ мыслей, разговоры, веселье... А сколько у насъ, ежели разсуждать, образованныхъ барышень, кавалеровъ!.. Какіе можно задавать музыкальные вечера, танцы, пикники — посудите только! Залы огромныя, въ саду бесѣдки и... прочее... Такіе любительскіе спектакли и концерты можно задавать, что никому въ губерніи не снилось... Да ей-Богу! Посудите сами!.. Теперь все это почти пропадаетъ даромъ, въ землю законано, а тогда... понять только нужно! Имѣй я такія средства, какъ у его сіятельства, я показалъ бы, какъ надо жить! А они говорятъ: скучно! Даже ей-Богу... слушать смѣшно... совѣстно даже..

И Калининъ заморгалъ глазами, желая показать видъ, что ему дѣйствительно совѣстно..

— Это вполнѣ справедливо, — сказалъ графъ, вставая и засовывая руку въ карманы. — У меня могутъ выходить отличные вечера... Концерты, любительскіе спектакли... все это дѣйствительно можно прелестно устроить. И къ тому же эти вечера будутъ не только веселить общество, но они будутъ имѣть и воспитывающее вліяніе!.. Не правда ли?

— Ну, да, — согласился я. — Какъ посмотреть наши барышни на твою усатую физиономію, такъ сразу и проникнутся духомъ цивилизаціи..

— Ты все шутишь, Сережа, — обидѣлся графъ: — а никогда ты мнѣ дружески не посоветуешь! Все тебѣ смѣшно! Пора, мой другъ, оставить эти студенческія замашки!

Графъ зашагалъ изъ угла въ уголь и въ длинныхъ, скучныхъ предположеніяхъ началъ описывать мнѣ пользу, какую могутъ принести человѣчеству его вечера. Музыка,

литература, сцена, верховая ѣзда, охота. Одна охота может сплотить воедино все лучшія силы уѣзда!..

— Мы съ вами поговоримъ еще объ этомъ! — сказалъ графъ Калинину, прощаясь съ нимъ послѣ завтрака.

— Такъ позволите, стало-быть, уѣзду надѣяться, ваше сіятельство? — спросилъ мировой.

— Конечно, конечно... Я разовью эту мысль, постараюсь... Я радъ... даже очень... Такъ всемъ и скажите...

Нужно было видѣть то блаженство, которое было написано на лицѣ мирового, когда онъ садился въ свой экипажъ и говорилъ: «пошелъ!». Онъ такъ обрадовался, что забылъ даже наши съ нимъ контры и на прощаньи назвалъ меня голубчикомъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

По отѣздѣ визитеровъ, я и графъ сѣли за столъ и продолжали завтракать. Завтракали мы до семи часовъ вечера, когда съ нашего стола сияли посуду и подали намъ обѣдъ. Молодые пьяницы знаютъ, какъ коротать длинные антракты. Мы все время пили и ѣли по маленькому кусочку, чѣмъ поддерживали аппетитъ, который пропалъ бы у насъ, если бы мы всемъ бросили ѣсть.

— Ты посылалъ сегодня кому-нибудь деньги? — спросилъ я графа, вспомнивъ тѣ пачки сторублевокъ, которыя видѣлъ утромъ въ тѣневскомъ почтовомъ отдѣленіи.

— Никому.

— Скажи, пожалуйста, а твой этотъ... какъ его?.. новый другъ, Казимиръ Каэтанычъ, или Каэтанъ Казимировичъ, богатый человекъ?

— Нѣтъ, Сережа. Это, бѣднякъ!.. Но зато какая душа, какое сердце! Ты напрасно такъ презрительно говоришь о немъ и... нападаешь на него... Надо, братъ, научиться различать людей. Выьемъ еще по рюмкѣ?

Къ обѣду воротился Пшехоцкій. Увидѣвъ меня, сидящаго за столомъ и пьющаго, онъ поморщился и, повертываясь около нашего стола, нашелъ лучшимъ удалиться въ свою комнату. Отъ обѣда онъ отказался, ссылаясь на головную боль, но не выразилъ ничего противъ, когда графъ посоветовалъ ему пообѣдать въ своей комнатѣ, въ постели.

Во время второго блюда вошелъ Урбенинъ. Я не узналъ его. Его широкое, красное лицо сияло удовольствіемъ. Довольная улыбка, казалось, играла даже на оттопыренныхъ ушахъ и толстыхъ пальцахъ, которыми онъ то и дѣло поправлялъ свой новыи, французскій галстукъ.

— Корова у насъ заболѣла, ваше сіятельство, — доложилъ онъ. — Посылалъ я за нашимъ ветеринаромъ, а оказывается, что онъ уѣхалъ. Не послать ли, ваше сіятельство, за городскимъ ветеринаромъ? Если я пошлю, то онъ не послушается, не поѣдетъ, а если вы ему напишете, то тогда другое дѣло. Можетъ-быть, у коровы пустякъ, а можетъ, и что другое.

— Хорошо, я напишу... — пробормоталъ графъ.

— Поздравляю васъ, Петръ Егорычъ, — сказалъ я, вставая и протягивая управляющему руку.

— Съ чѣмъ-съ? — прошепталъ онъ.

— Вѣдь вы женитесь!

— Да, да, представь себѣ, женитесь! — заговорилъ графъ, мигая глазомъ на краснѣющаго Урбенина. — Какое? Ха-ха-ха! Молчалъ-молчалъ, да вдругъ — на тебѣ! И знаешь, на комъ онъ женится? Мы тогда вечеромъ съ тобой угадали! Мы, Петръ Егорычъ, тогда же еще порѣшили, что въ нашемъ шалунишкѣ-сердцѣ творится что-то такое неладное. Какъ поглядѣлъ онъ на васъ и Оленьку, «ну, говоритъ, втюрился малый!» Ха-ха! Садитесь съ нами обѣдать, Петръ Егорычъ!

Урбенинъ осторожно и почтительно сѣлъ, позвалъ глазами Илью и приказалъ ему подать себѣ супу. Я налилъ ему рюмку водки.

— Я не пью-съ, — сказалъ онъ.

— Полноте, вы еще больше нашего пьете.

— Пилъ-съ, а теперь ужъ не пью, — улыбнулся управляющій. — Теперь мнѣ нельзя пить... Не зачѣмъ... Все слава Богу, прошло благополучно, все устроилось, и такъ именно, какъ хотѣло мое сердце, даже больше, чѣмъ могъ я ожидать.

— Ну, на радостяхъ хоть этого выпейте, — сказала я, наливая ему хересу.

— Этого, пожалуй. А пилъ я дѣйствительно много. Теперь могу покаяться передъ его сіятельствомъ. Отъ утра до ночи, бывало. Какъ встанешь утромъ, вспомнишь это самое... ну и, естественно, къ шкапчику сейчасъ же. Теперь, слава Богу, нечего водкой заглушать.

Урбенинъ выпилъ стаканъ хересу. Я налилъ ему другой. Онъ выпилъ и этотъ и незамѣтно опьянѣлъ...

— Даже не вѣрится... — сказалъ онъ, засмѣявшись вдругъ счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ. — Гляжу вотъ на это кольцо, припоминаю ея слова, которыми она вы-

разила свое согласіе, и не вѣрю... Смѣшно даже... Ну могъ ли я въ свои годы, при своей такой наружности, надѣяться, что эта достойная дѣвушка не побрезгуетъ стать моею... матерью моихъ сиротокъ? Вѣдь она красавица, какъ изволили вы видѣть, ангелъ во плоти! Чудеса да и только! Вы еще мнѣ налили?... Пожалуй, въ послѣдній разъ ужь... Съ горя пилъ, выпью и на радостяхъ. А какъ я мучился, господа, сколько горя вынесъ! Увидаль ее годъ тому назадъ и—вѣрите ли?—съ той поры не было ни одной ночи, чтобъ я спалъ спокойно, не было дня, чтобъ я не заливалъ водкой этой... слабости глупой, не бранилъ себя за глупость... Бывало, гляжу на нее въ окно, люблюсь и... волосы рву у себя на головѣ... Въ пору бы вѣшаться... Но, слава Богу... рискнулъ, сдѣлалъ предложеніе, и точно, знаете ли, меня обухомъ! Ха-ха! Слышу и ушамъ не вѣрю... Она говоритъ: «согласна», а мнѣ кажется: «убирайся ты, старый хрѣнь, къ чорту»... Послѣ, когда ужь она меня поцѣловала, убѣдился...

Пятидесятилѣтній Урбенинъ при воспоминаніи о первомъ поцѣлѣ съ поэтической Оленькой закрылъ глаза и зардѣлся, какъ мальчишка... Мнѣ показалось это противнымъ.

— Господа, — сказалъ онъ, глядя на насъ счастливыми, ласковыми глазами. — Отчего вы не женитесь? Зачѣмъ вы тратите попусту, кидаете за окно свои жизни? Отчего вы такъ чуждаетесь того, что составляетъ лучшее благо всего живущаго на землѣ? Вѣдь наслажденія, которыя даетъ развратъ, не даютъ и сотой доли того, что дала бы вамъ тихая, семейная жизнь! Молодые люди... ваше сіятельство и вы, Сергѣй Петровичъ... я счастливъ теперь и... видитъ Богъ, какъ я люблю васъ обоихъ! Простите мнѣ мои глупые совѣты, но... счастья вѣдь я хочу для васъ! Отчего вы не женитесь? Семейная жизнь есть благо... Она — долгъ всякаго!..

Счастливый и умильный видъ старика, жепящагося на молоденькой и совѣтующаго намъ переимѣнить нашу развратную жизнь на тихую, семейную, сталъ мнѣ невыносимъ.

— Да, — сказалъ я: — семейная жизнь есть долгъ. Я съ вами согласенъ. Стало-быть, этотъ долгъ вы исполняете уже во второй разъ?

— Да, во второй. Я вообще люблю семейную жизнь.

Быть холостымъ или вдовымъ для меня—жизнь наполнивину. Чтò ни говорите, господа, а супружество—великое дѣло!

— Конечно... Даже и тогда, если мужъ чуть ли не въ три раза старше своей супруги?

Урбенинъ покраснѣлъ. Рука, несшая ко рту ложку съ супомъ, задрожала, и супъ вылился обратно въ тарелку.

— Я понимаю, чтò вы хотите сказать, Сергѣй Петровичъ, — пробормоталъ онъ. — Благодарю васъ за откровенность. Я и самъ себя спрашиваю: не подло-ли? Мучаюсь! Но гдѣ тутъ спрашивать себя, рѣшать разные вопросы, когда каждую минуту чувствуешь, что ты счастливъ, когда ты забываешь свою старость, уродство... все homo sum, Сергѣй Петровичъ! А когда на секундочку забѣгаетъ въ мою башку вопросъ о неравенствѣ лѣтъ, я не лѣзу въ карманъ за отвѣтомъ и успокаиваю себя, какъ умѣю. Мнѣ кажется, что я далъ Ольгѣ счастье. Я далъ ей отца, а дѣтямъ моимъ мать. Впрочемъ, все это на романъ похоже, и... у меня кружится голова. Напрасно вы меня хересомъ напоили.

Урбенинъ всталъ, вытеръ салфеткой лицо и опять сѣлъ. Черезъ минуту онъ выпилъ залпомъ стаканъ, поглядѣлъ на меня продолжительнымъ, умоляющимъ взглядомъ, словно прося у меня пощады, потомъ вдругъ плечи его задрожали, и онъ неожиданно зарыдалъ, какъ мальчикъ.

— Это ничего-съ... Ничего-съ, — забормоталъ онъ, пересиливая рыданье. — Не беспокойтесь. Мое сердце, послѣ вашихъ словъ, сжало какое-то предчувствіе. Но это ничего-съ.

Предчувствіе Урбенина сбылось, сбылось такъ скоро, что я не успѣваю переменить перо и начать новую страницу. Съ слѣдующей главы моя покойная муза выраженіе покоя на лицѣ смѣняетъ выраженіемъ гнѣва и скорби. Предисловіе кончено, и начинается драма.

Преступная воля человѣка вступаетъ въ свои права.

Я помню хорошее воскресное утро. Въ окна графской церкви видно прозрачное голубое небо, а всю церковь, отъ расписного купола до пола, пронизываетъ матовый лучъ, въ которомъ весело играютъ клубы ладаннаго дыма... Въ открытыя окна и двери несетя пѣніе ласточекъ и скворцовъ... Одинъ воробей, повидному, смѣльчакъ большой руки, влетѣлъ въ дверь и, покружи-

вшисъ съ чирканьемъ надъ нашими головами, окунувшись нѣсколько разъ въ матовый лучъ, вылетѣлъ въ окно... Въ самой церкви тоже пѣніе... Поютъ складно, съ чувствомъ и съ тѣмъ увлеченіемъ, на которое способны наши пѣвцы-малороссы, когда чувствуютъ себя героями минуты и когда видятъ, что на нихъ то и дѣло оглядываются... Мотивы все больше веселые, игривые, какъ свѣтлые, солнечные «зайчики», играющіе на стѣнахъ и одеждахъ слушающихъ... Въ необработанномъ, но мягкомъ и свѣжемъ тенорѣ мое ухо, несмотря на веселый свадебный мотивъ, улавливаетъ грудную, унылую струнку, словно этому тенору жаль, что рядомъ съ хорошенькой, поэтической Оленькой стоитъ тяжелый, медвѣдеобразный и отживающій свой вѣкъ Урбенинь... Да и не одному тенору жалко глядѣть на эту неравную пару... На многочисленныхъ лицахъ, которыми усѣяно мое поле зрѣніе, какъ бы они ни старались казаться веселыми и безпечными, даже идіотъ могъ бы прочесть сожалѣніе.

Я, облеченный въ новую фракную пару, стою позади Оленьки и держу надъ нею вѣнецъ. Я блѣденъ и не совсемъ здоровъ... Голова трещитъ отъ вчерашней попойки и прогулки по озеру, и я то и дѣло поглядываю, не дрожить ли моя рука, держащая вѣнецъ... На душѣ моей скверно и жутко, какъ въ лѣсу въ дождливую осеннюю ночь. Мнѣ досадно, противно, жалко... За сердце скребутъ кошки, напоминающія нѣсколько угрызения совѣсти... Тамъ, въ глубинѣ, на самомъ днѣ моей души сидитъ бѣсенокъ и упрямо, настойчиво шепчетъ мнѣ, что если бракъ Оленьки съ неуклюжимъ Урбениньмъ — грѣхъ, то и я повиненъ въ этомъ грѣхѣ... Откуда могутъ быть такія мысли? Развѣ я могъ спасти эту юную дурочку отъ ея непонятнаго риска и несомнѣнной ошибки?..

— А кто знаетъ! — шепчетъ бѣсенокъ. — Тебѣ это лучше знать! Видалъ я на своемъ вѣку много неравныхъ браковъ, не разъ стоялъ передъ картиной Пукирева, читалъ много романовъ, построенныхъ на несоотвѣтствіи между мужемъ и женой, зналъ, наконецъ, физиологию, безапелляціонно казнящую неравные браки, но ни разу еще въ жизни не испытывалъ того отвратительнаго душевнаго состоянія, отъ котораго никакими силами не могу отдѣлаться теперь, стоя за спиной Оленьки

и исполняя обязанности шафера... Если мою душу волнуетъ одно только сожалѣніе, то отчего же я не зналъ этого сожалѣнія ранѣе, присутствуя на другихъ свадьбахъ?..

— Тутъ не сожалѣніе, — шепчетъ бѣсенокъ. — Ревность...

Но ревновать можно только тѣхъ, кого любишь, а развѣ я люблю дѣвушку въ красномъ? Если любить всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я встрѣчаю, живя подлѣ луной, то не хватитъ сердца, да и слишкомъ жирно...

Мой другъ, графъ Каргѣвъ, стоитъ позади у самой церковной двери за ктиторскимъ шкапомъ и продаетъ свѣчи. Онъ прилизанъ, примазанъ и испускаетъ изъ себя наркотическій, удушливый запахъ духовъ. Сегодня онъ выглядываетъ такимъ душкой, что, здороваясь съ нимъ утромъ, я не удержался, чтобы не сказать:

— Сегодня ты, Алексѣй, выглядываешь идеальнымъ кадрилищикомъ!

Каждога входящаго и выходящаго онъ провскажетъ слащавой улыбкой, и я слышу, какими тяжеловѣсными комплиментами награждаетъ онъ всякую даму, покупающую у него свѣчку. Онъ, баловель судьбы, никогда не имѣвшій мѣдныхъ денегъ и не умѣющій обращаться съ ними, то и дѣло роняетъ на полъ пятаки и трешники. Около него, облокотившись о шкаль, стоитъ величественный Калининъ съ Станиславомъ на шеѣ. Физиономія его сіяетъ и лоснится. Онъ радъ, что его идея о «журффиксахъ» пала на добрую почву и уже начинаетъ давать плодъ. Въ глубинѣ души онъ сыплетъ Урбенину тысячу благодарностей: его свадьба цѣлѣность, но тѣмъ не менѣе къ ней легко придратъся, чтобы устроить первый журффиксъ.

Тщеславная Оленька должна была радоваться... Отъ вѣнчальнаго аналога до самыхъ царскихъ вратъ тянутся два ряда представительницъ нашего уѣзднаго цвѣтника... Гости разодѣты такъ, какъ разодѣлись бы онѣ, если бы женился самъ графъ: лучшихъ нарядовъ и желать нельзя... Тутъ все больше аристократки... Ни одной попадѣи, ни одной купчихи... Есть даже такія, которымъ Оленька ранѣе не считала себя въ правѣ даже кланяться... Женихъ Оленьки — управляющій, привилегированный слуга, но отъ этого не можетъ страдать ея тщеславіе... Онъ дворянинъ и имѣетъ въ сосѣднемъ уѣздѣ заложен-

ное имѣніе. Отецъ его былъ уѣзднымъ предводителемъ, а самъ онъ уже девять лѣтъ состоитъ мировымъ судьей своего роднаго уѣзда... Чего же еще нужно честолюбію дочери личнаго дворянина? Даже ея шаферъ, извѣстный всей губерніи бонвиванъ и Донъ-Жуанъ, можетъ пощекотать ея гордость... На него заглядываются всѣ гости... Онъ эффектенъ, какъ сорокъ тысячъ шаферовъ взятыхъ вмѣстѣ, и, что не маловажнѣе всего, не отказался быть у нея, простушки, шаферомъ, когда извѣстно, что онъ даже и аристократкамъ отказывается, когда онѣ приглашаютъ его въ шафера...

Но тщеславная Оленька не радуется... Она блѣдна, какъ полотно, которое она недавно везла съ тѣневской ярмарки. Рука ея, держащая свѣчу, слегка дрожить, подбородокъ изрѣдка вздрагиваетъ. Въ глазахъ какое-то оупѣніе, словно она внезапно чему-то изумилась, испугалась... Нѣтъ и слѣда той веселости, которая свѣтилась въ ея глазахъ, когда она не дальше какъ вчера бѣгала по саду и съ увлеченіемъ рассказывала, какіе обои будутъ въ ея гостиной, въ какіе дни она будетъ приглашать къ себѣ гостей и проч. Лицо ея теперь слишкомъ серьезно, болѣе, чѣмъ того требуетъ торжественность случая...

Урбенинъ въ новой фрачной парѣ. Одѣтъ онъ прилично, но причесанъ такъ, какъ причесывались православные въ двѣнадцатомъ году. Онъ, по обыкновенію, красенъ и серьезенъ. Его глаза молятся, и тѣ крестныя знаменія, которыя дѣлаетъ онъ послѣ каждаго «Господи, помилуй», не машинальны.

Позади меня стоятъ дѣти Урбенина отъ перваго брака — гимназистъ Гриша и бѣлокурая дѣвочка Саша. Они глядятъ на красный затылокъ и оттопыренные уши отца, и лица ихъ изображаютъ вопросительные знаки. Имъ непонятно, на что ихъ отцу «далась тетя Оля и зачѣмъ онъ беретъ ее къ себѣ въ домъ. Саша только удивлена, четырнадцатилѣтній же Гриша нахмуренъ и глядитъ исподлобья. Навѣрное, онъ отвѣтилъ бы отказомъ, если бы отецъ попросилъ у него позволенія жепиться...

Вѣнчальный обрядъ совершаютъ съ особенной торжественностью. Служать три священника и два дьякона. Служать долго, до того долго, что рука моя устааетъ держать вѣнецъ, и дамы, любящія вообще смотрѣть вѣнчанье, перестаютъ глядѣть на молодыхъ. Благодѣнный читаетъ

молитвы съ разстановкой, не пропуская ни одной; пѣвчіе поютъ что-то длинное, нотное; дьячокъ, пользуясь случаемъ прихвастнуть своей октавой, читаетъ апостола съ «сугубою протяжностью»... Но вотъ наконецъ благочинный беретъ изъ моихъ рукъ вѣнецъ... молодые цѣлуются... Гости волнуются, разстраиваются правильные ряды, слышатся поздравленія, поцѣлуи, аханья. Урбенинъ, сіяющій и улыбающійся, беретъ подъ руку молодую, и мы выходимъ на воздухъ...

Если кто изъ бывшихъ со мною въ церкви найдетъ это описаніе неполнымъ и не совсѣмъ точнымъ, тотъ пусть припишетъ эти промахи головной боли и названному душевному настроенію, мѣшавшимъ мнѣ наблюдать и подмѣчать... Конечно, знай я тогда, что мнѣ придется писать романъ, я не глядѣлъ бы въ землю, какъ въ описываемое утро, и не обратилъ бы вниманія на головную боль!

Судьба позволяетъ себѣ иногда ѣдкія, ядовитыя шутки! Не успѣли молодые выйти изъ церкви, какъ навстрѣчу имъ неся нежелательный и неожиданный сюрпризъ... Когда свадебный кортежъ, пестрѣя на солнцѣ сотнями цвѣтовъ и отгѣнковъ, двигался отъ церкви къ графскому дому, Оленька вдругъ сдѣлала шагъ назадъ, остановилась и такъ дернула своего мужа за локоть, что тотъ покачнулся.

— Его выпустили! — сказала она вслухъ, поглядѣвъ на меня съ ужасомъ.

Бѣдняжка! Навстрѣчу кортежу, по аллеѣ бѣжалъ ея сумасшедшій отецъ, лѣсничій Скворцовъ. Размахивая руками, спотыкаясь и безумно поводя глазами, онъ представлялъ собою достаточно непривлекательную картину. Все бы это еще, пожалуй, было прилично, если бы онъ не былъ въ своемъ ситцевомъ халатѣ и въ туфляхъ-шлепанцахъ, ветхость которыхъ плохо вязалась съ роскошью вѣнчальнаго наряда его дочери. Лицо его было заспано, волосы развѣвались отъ вѣтра, ночная сорочка была разстегнута.

— Оленька! — залепеталъ онъ, поровнявшись съ ними. — Зачѣмъ ты ушла?

Оленька покраснѣла и искоса поглядѣла на улыбающихся дамъ. Бѣдняжка сгорѣла отъ стыда.

— Митька дверей не заперъ, — продолжалъ лѣсничій, обращаясь къ намъ. — Трудно ли ворамъ забраться?..

Изъ кухни самоваръ унесли въ прошломъ году, такъ вотъ она хочетъ, чтобъ и теперь насъ обокрали!

— Не знаю, кто его выпустилъ! — шепталь мнѣ Урбенинъ. — Я велѣлъ его запереть... Голубчикъ, Сергѣй Петровичъ, будьте милостивы, выведите насъ какъ-нибудь изъ неловкаго положенія! Какъ-нибудь!

— Я знаю, кто укралъ у васъ самоваръ, — обратился я къ лѣсническому. — Пойдемте, я вамъ укажу.

И, обнявъ Скворцова за талію, я повелъ его къ церкви. Заведя его въ ограду, я поговорилъ съ нимъ, и когда, по моему расчету, свадебный кортежъ былъ уже въ домѣ, — оставилъ его, не указавъ ему мѣста, гдѣ находится украденный у него самоваръ.

Какъ ни неожиданна и ни экстраординарна была встрѣча съ сумасшедшимъ, но тѣмъ не менѣе скоро она была забыта... Новый сюрпризъ, который былъ поднесенъ молодымъ ихъ судьбою, былъ еще диковиннѣе.

Черезъ часъ всѣ мы сидѣли за длинными столами и обѣдали.

Кто привыкъ къ паутинѣ, плѣсени и цыганскому гиканью графскихъ апартаментовъ, тому странно было глядѣть на эту будничную, прозаическую толпу, нарушавшую своей обыденной болтовней тишину ветхихъ, оставленныхъ покоевъ. Эта пестрая, шумная толпа походила на стаю скворцовъ, мимолетомъ опустившуюся отдохнуть на заброшенное кладбище, или — да проститъ мнѣ это сравненіе благородная птица! — на стаю аистовъ, опустившихся въ однѣ изъ сумерекъ перелетныхъ дней на развалины заброшеннаго замка.

Я сидѣлъ и ненавидѣлъ эту толпу, съ суетнымъ любопытствомъ разсматривавшую гнѣющее богатство графовъ Карнѣевыхъ. Мозаиковыя стѣны, скульптурные потолки, роскошные персидскіе ковры и мебель въ стилѣ рококо вызывали восторгъ и изумленіе. Усатая фізіономія графа, не переставая, осклаблялась самодовольной улыбкой... Восторженную лесть своихъ гостей принималъ онъ, какъ нѣчто заслуженное, хотя въ сущности онъ нимало не былъ повиненъ въ богатствѣ и роскоши своего брошеннаго имъ гнѣзда, а, напротивъ, заслуживалъ самыхъ горькихъ упрековъ и даже презрѣнія за свой варварски-тупой индифферентизмъ по отношенію къ добру, собранному его отцомъ и дѣдами, собранному не днями, а десятками лѣтъ! Только душевно слѣпой и нищій духомъ

на каждой посѣрѣвшей мраморной плитѣ, въ каждой картинѣ, въ каждомъ темномъ уголкѣ графскаго сада не видѣлъ пота, слезъ и мозолей людей, дѣти которыхъ ютились теперь въ избенкахъ графской деревеньки... И изъ большого числа людей, сидѣвшихъ за свадебнымъ столомъ, людей богатыхъ, независимыхъ, которымъ ничто не мѣшало говорить даже самую рѣзкую правду, не нашлось ни одного человѣка, который сказалъ бы графу, что его самодовольная улыбка глупа и неумѣстна... Каждый находилъ нужнымъ льстиво улыбаться и курить грошовый еимамъ! Если это была «простая» вѣжливость (у насъ любятъ многое сваливать на вѣжливость и приличія), то я этимъ франтамъ предпочелъ бы невѣжь, вѣдящихъ руками, берущихъ хлѣбъ съ чужого куверта и сморкающихся посредствомъ двухъ пальцевъ.

Урбениппъ улыбался, но на это у него были свои причины. Онъ улыбался и льстиво, и почтительно, и дѣтски-счастливо. Его широкая улыбка была суррогатомъ собачьяго счастья. Преданную и любящую собаку приласкали, осчастливили, и теперь она въ знакъ благодарности весело и искренно виляетъ хвостомъ.

Онъ, какъ Рислеръ старшій въ романѣ Альфонса Доде, сіяя и потирая отъ удовольствія руки, глядѣлъ на свою молодую жену и отъ избытка чувствъ не могъ удержаться, чтобы не задавать вопросъ за вопросомъ:

«Кто бы могъ подумать, что эта молодая красавица полюбитъ такого старика, какъ я? И неужели она не могла найти кого-нибудь помоложе и изящнѣе? Непостижимы эти женскія сердца!»

И онъ даже имѣлъ храбрость обратиться ко мнѣ и сболтнуть:

— Да и вѣкъ же насталь, какъ посмотришь! Хе-хе! Старикъ изъ-подъ носа молодежи утаскиваетъ этакую фею! Чего же смотрѣли вы? Хе-хе... Нѣтъ, нынче уже не та молодежь!

Не зная, куда дѣваться отъ избытка чувствъ благодарности, расправившихъ его широкую грудь, онъ то и дѣло поднимался, протягивалъ къ бокалу графа свой бокалъ и говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Чувства мои къ вамъ извѣстны, ваше сіятельство... Въ сегодняшній же день вы столько сдѣлали для меня, что моя любовь къ вамъ является просто прахомъ. Чѣмъ я заслужилъ такое вниманіе вашего сіятельства,

что вы приняли такое участіе въ моей радости? Такъ только графы да банкиры празднуютъ свои свадьбы! Эта роскошь, собраніе именитыхъ гостей... Ахъ, да что говорить!.. Вѣрите, ваше сіятельство, что моя память не оставитъ васъ, какъ не оставитъ она этотъ лучшій и счастливѣйшій изъ дней моей жизни.

И такъ далѣе... Оленькѣ, повидимому, была не по душѣ витіеватая почтительность мужа. Она замѣтно тяготилась его рѣчами, вызывавшими улыбки на лицахъ обѣдавшихъ, и даже, кажется, стыдилась ихъ... Несмотря на выпитый бокаль шампанскаго, она была невесела и угрюма попрежнему... Та же блѣдность, что и въ церкви, тотъ же испугъ въ глазахъ... Она молчала, лѣниво отвѣчала на всѣ вопросы, насильно улыбалась остроумамъ графа и едва касалась дорогихъ кушаній... Насколько пьянѣющій Урбенинъ считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, настолько несчастно было ея хорошенькое личико. Мнѣ было просто жаль глядѣть на него, и я, чтобы не видѣть этого личика, старался глядѣть себѣ въ тарелку.

Чѣмъ нужно было объяснить эту ея печаль? Не начало ли раскаяніе грызть бѣдную дѣвушку? Или, быть-можетъ, ея тщеславіе ожидало еще большей помпы?

Поднявъ во время второго блюда на нее глаза, я былъ пораженъ до боли въ сердцѣ. Бѣдная дѣвочка, отвѣчая на какой-то пустой вопросъ графа, дѣлала усиленные глотательныя движенія: въ ея горлѣ накопились рыданія. Она не отрывала платка отъ своего рта и робко, какъ испуганный звѣрекъ, поглядывала на насъ: не замѣчаемъ ли мы, что ей хочется плакать?

— Чего вы такая кислая сегодня?—спросилъ графъ.— Эге! Петръ Егорычъ, это вы виноваты! Извольте-ка развеселить жену! Господа, я требую поцѣлуя. Ха-ха!.. Не для себя поцѣлуя, конечно, а того... чтобы они поцѣлювались! Горько!

— Горько! — подхватилъ Калининъ.

Урбенинъ, улыбаясь во все свое красное лицо, поднялся и замигалъ глазами. Оленька, понуждаемая возгласами и гиканьемъ гостей, слегка привстала и подставила Урбенину свои неподвижныя, безжизненныя губы... Тотъ поцѣловалъ... Оленька стиснула свои губы, точно боясь, чтобъ ихъ не поцѣловалъ въ другой разъ, и взглянула на меня... Въ этотъ моментъ мой взглядъ былъ нехорошъ.

Уловивъ его, она вдругъ покраснѣла, потянулась за платкомъ и стала сморкаться, желая хоть чѣмъ-нибудь скрыть свое страшное замѣшательство... Миѣ пришло въ голову, что она стыдится передо мной, стыдится за этотъ поцѣлуй, за бракъ...

«Какое миѣ дѣло до тебя?» — думалъ я, но самъ въ то же время не спускалъ съ нея глазъ, стараясь уловить причину ея замѣшательства.

Бѣдняжка не вынесла моего взгляда. Правда, краска стыда скоро сошла съ ея лица, но зато изъ глазъ выжались слезы, настоящія слезы, какихъ я никогда раньше не видывалъ на ея лицѣ. Прижавъ платокъ къ лицу, она поднялась и выбѣжала изъ столовой

— У Ольги Николаевны голова болитъ, — поспѣшилъ я объяснить ея уходъ. — Она миѣ еще утромъ жаловалась...

— Оставь, братъ! — сострилъ графъ. — Головная боль тутъ ни при чемъ... Поцѣлуй все надѣлалъ, сконфузилась. Объявляю, господа, жениху строгій выговоръ! Онъ не приучилъ свою невѣсту къ поцѣлуямъ! Ха-ха!

Гости, восхищенные графской остротой, захохотали... Но не слѣдовало хохотать...

Прошло пять, десять минутъ, а молодая не возвращалась... Наступило молчаніе... Даже графъ пересталъ острить... Отсутствіе Оленьки было тѣмъ болѣе замѣтно, что она ушла внезапно, не сказавъ ни слова... Не говоря ужъ объ этикетѣ, который былъ оскорбленъ тутъ прежде всего, Оленька вышла изъ-за стола тотчасъ же послѣ поцѣлуя, словно она разсердилась, что ее заставили цѣловаться съ мужемъ... Нельзя было допустить, что она ушла оттого, что сконфузилась... Сконфузиться можно на минуту, на двѣ, но не на цѣлую вѣчность, какую показали намъ первыя десять минутъ ея отсутствія... Сколько нехорошихъ мыслей промелькнуло въ хмельныхъ головахъ мужчинъ и сколько сплетенъ было уже наготовѣ у милыхъ дамъ! Невѣста встала изъ-за стола и ушла — какое эффектное и сценическое мѣсто для «великосвѣтскаго» уѣзднаго романа!

Урбенинъ сталъ безпокойно поглядывать по сторонамъ.

— Нервы... — бормоталъ онъ. — Или, можетъ, развязалось что-нибудь изъ туалета... Кто ихъ знаетъ, этихъ женщинъ! Сейчасъ придетъ... Сію минуту.

Но, когда прошло еще десять минутъ и она не появля-

лась, онъ посмотрѣть на меня такими несчастными, умоляющими глазами, что мнѣ стало жаль его.

«Ничего, если я пойду поинцу ее? — говорили его глаза. — Не поможете ли вы мнѣ, голубчикъ, выйти изъ этого ужаснаго положенія? Вы здѣсь самый умный, смѣлый и находчивый человѣкъ, помогите же мнѣ!»

Я внялъ мольбѣ его несчастныхъ глазъ и рѣшился помочь ему. Какъ я помогъ ему, читатель увидитъ далѣе... Скажу только, что крыловскій медвѣдь, оказавшій услугу пустынноку, въ моихъ глазахъ теряетъ все свое звѣриное величiе, блѣднѣетъ и обращается въ невинную инфузорию, когда я вспоминаю себя въ роли «услужливаго дурака»... Сходство между мной и медвѣдемъ заключается только въ томъ, что оба мы шли на помощь искренно, не предвидя дурныхъ послѣдствій нашей услуги, разница же между нами громадная... Мой камень, которымъ я хватилъ по лбу Урбенина, во много разъ увѣснѣе...

— Гдѣ Ольга Николаевна? — спросилъ я лакея, подававшего мнѣ салатъ.

— Въ садъ вышли, — отвѣчалъ онъ.

— Это ни на что непохоже, mesdames! — сказалъ я шутивымъ тономъ, обращаясь къ дамамъ. — Невѣста ушла — и мое вино прокисло!.. Я долженъ пойти ее отыскать и привести ее сюда, хотя бы у нея болѣли все зубы! Шаферъ — должностное лицо, и онъ идетъ показать свою власть!

Я всталъ и при громкихъ аплодисментахъ моего друга графа вышелъ изъ столовой въ садъ. Въ мою разгоряченную виномъ голову ударили прямые, жгучіе лучи полуденнаго солнца. Въ лицо пахнуло зноемъ и духотой. Я наудачу пошелъ по одной изъ боковыхъ аллей и, насвистывая какой-то мотивъ, далъ «полный паръ» своимъ слѣдовательскимъ способностямъ въ роли простой ищейки. Я осмотрѣлъ все кустики, бесѣдки, пещеры, и когда уже меня начало мучивать раскаяніе, что я пошелъ вправо, а не влѣво, я вдругъ услышалъ страшные звуки. Кто-то смѣялся или плакалъ. Звуки исходили изъ одной пещеры, которую я хотѣлъ осмотрѣть послѣдней. Быстро войдя въ нее, я, охваченный сыростью, запахомъ плѣсени, грибовъ и известки, увидѣлъ ту, которую искалъ.

Она стояла, облокотившись о деревянную колонну, по-

крытую чернымъ мохомъ, и, поднявъ на меня глаза, полные ужаса и отчаянiя, рвала на себѣ волосы. Изъ ея глазъ лились слезы, какъ изъ губки, когда ее жмутъ.

— Что я надѣлала? Что надѣлала! — бормотала она.

— Да, Оля, что вы надѣлали! — сказалъ я, ставши передъ ней и скрестивъ руки.

— Зачѣмъ я вышла за него замужъ? Гдѣ у меня были глаза? Гдѣ былъ мой умъ?

— Да, Оля... Трудно объяснить этотъ вашъ шагъ... Объяснять его неопытностью—слишкомъ снисходительно, объяснять испорченностью — не хочется...

— Я сегодня только поняла... сегодня! Отчего я не поняла этого вчера? Теперь все безвозвратно, все потеряно! Все, все! Я могла бы выйти за человѣка, котораго я люблю, который меня любитъ!

— За кого же это, Оля? — спросилъ я.

— За васъ! — сказала она, посмотрѣвъ на меня прямо, открыто. — Но я поспѣшила! Я была глупа! Вы умны, благородны, молоды... Вы богаты... Вы казались мнѣ недоступны!

— Ну, довольно, Оля, — сказалъ я, беря ее за руку. — Утремъ свои глазки и пойдемъ... Тамъ ждутъ... Ну, будетъ плакать, будетъ... — Я поцѣловалъ ея руку... — Будетъ, дѣвочка! Ты сдѣлала глупость и теперь расплачивайся за нее... Ты виновата... Ну, будетъ, успокойся...

— Вѣдь ты меня любишь? Да? Ты такой большой, красивый! Вѣдь любишь?

— Пора итти, душа моя... — сказалъ я, замѣчая къ своему великому ужасу, что я цѣлую ее въ лобъ, беру ее за талию, что она ожигаетъ меня своимъ горячимъ дыханiемъ и повисаетъ на моей шеѣ.

— Будетъ тебѣ! — бормочу я. — Довольно!..

Когда минутъ черезъ пять я вынесъ ее на рукахъ изъ пещеры и, замученную новыми впечатлѣнiями, поставилъ на землю, почти у самаго порога я увидѣлъ Пшехоцкаго... Онъ стоялъ, ехидно глядѣлъ на меня и тихо аплодировалъ... Я смѣрилъ его взглядомъ и, взявъ Ольгу подъ руку, направился къ дому.

— Сегодня же васъ здѣсь не будетъ! — сказалъ я, оглянувшись, Пшехоцкому. — Ваше шпионство не пройдетъ вамъ даромъ!

Поцѣлуи мои, вѣроятно, были горячи, потому что лицо

Ольги горѣло какъ въ огнѣ. На немъ не было и слѣда только-что пролитыхъ слезъ.

— Теперь мнѣ, какъ говорится, море по колѣно! — бормотала она, идя со мной къ дому и судорожно сжимаемая мой локоть. — Утромъ я не знала, куда дѣваться отъ ужаса, а сейчасъ... сейчасъ, мой хорошій великанъ, я не знаю, куда дѣваться отъ счастья! Тамъ сидитъ и ждетъ меня мужъ... Ха-ха... Мнѣ-то чтò? Хоть бы онъ даже былъ крокодилъ, страшная змѣя... ничего не боюсь! Я тебя люблю и знать ничего не хочу!

Я поглядѣлъ на ея пылавшее счастьемъ лицо, на глаза, полные счастливой, удовлетворенной любви, и сердце мое сжалось отъ страха за будущее этого хорошенькаго, счастливаго существа: любовь ея ко мнѣ была только лишнимъ толчкомъ въ пропасть... Чѣмъ кончить эта смѣющаяся, не думающая о будущемъ женщина?.. Сердце мое сжалось и перевернулось отъ чувства, которое нельзя назвать ни жалостью ни состраданіемъ, потому что оно было сильнѣе этихъ чувствъ. Я остановился и взялъ Ольгу за плечо... Никогда въ другое время я не видѣлъ ничего прекраснѣе, граціознѣе и въ то же время жалче... Некогда было разсуждать, разсчитывать, думать, и я, охваченный чувствомъ, сказалъ:

— Сію минуту ѣдемъ ко мнѣ, Ольга! Сейчасъ же!

— Какъ? Чтò ты сказалъ? — спросила она, не понявъ моего нѣсколько торжественнаго тона...

— Ёдемъ немедленно ко мнѣ!

Ольга улыбнулась и показала мнѣ на домъ...

— Ну такъ чтò же? — сказалъ я. — Сегодня ли я возьму тебя, или завтра — не все ли равно? Но чѣмъ раньше, тѣмъ лучше... Идемъ!

— Но... это какъ-то странно...

— Ты, дѣвочка, боишься скандала? Да, скандалъ будетъ необыкновенный, грандіозный, но лучше тысяча скандаловъ, чѣмъ оставаться тебѣ здѣсь! Я тебя здѣсь не оставляю! Я не могу тебя здѣсь оставить! Понимаешь, Ольга? Брось твое малодушіе, твою женскую логику и слушайся! Слушайся, если не желаешь своей гибели!

Глаза Ольги говорили, что она меня не понимала... А время между тѣмъ не ждало, шло своимъ чередомъ, и стоять намъ въ аллеѣ въ то время, когда насъ тамъ ждали, было некогда. Нужно было рѣшать... Я прижалъ къ себѣ «дѣвушку въ красномъ», которая фактически

была теперь моей женой, и въ эти минуты мнѣ казалось, что я дѣйствительно люблю ее, люблю любовью мужа, что она моя, и судьба ея лежитъ на моей совѣсти... Я увидѣлъ, что я связанъ съ этимъ созданьемъ навѣки, безповоротно.

— Послушай, моя дорогая, мое сокровище! — сказалъ я. — Шагъ этотъ смѣлъ... Онъ рассоритъ насъ съ близкими людьми, вызоветъ на наши головы тысячи попрековъ, слезныхъ жалобъ. Онъ, быть-можетъ, даже испортитъ мою карьеру, причинитъ мнѣ тысячи непроходимыхъ неудобствъ, но, милая моя, рѣшено! Ты будешь моей женой... Лучшей жены мнѣ не нужно, да и Богъ съ ними, съ этими женщинами! Я сдѣлаю тебя счастливой, буду хранить тебя, какъ зѣницу ока, пока живъ буду, я воспитаю тебя, сдѣлаю изъ тебя женщину! Обѣщаю тебѣ это, и вотъ тебѣ моя честная рука!

Я говорилъ съ искреннимъ увлеченіемъ, съ чувствомъ, какъ *jeune premier*, исполняющій самое патетическое мѣсто въ своей роли. Говорилъ я прекрасно, и не даромъ похлопала мнѣ крыльями пролетѣвшая надъ нашими головами орлица. А моя Оля взяла мою протянутую руку, подержала ее въ своихъ маленькихъ рукахъ и съ нѣжностью поцѣловала. Но это не было знакомъ согласія... На глупенькомъ личикѣ неопытной, никогда ранѣе не слышавшей рѣчей женщины выражалось недоумѣніе... Она все еще продолжала не понимать меня.

— Ты говоришь, итти къ тебѣ... — проговорила она, думая. — Я тебя не совсѣмъ понимаю... Развѣ ты не знаешь, что скажетъ онъ?

— Да какое тебѣ дѣло до того, что онъ скажетъ?

— Какъ какое? Нѣтъ, Сережа, и не говори лучше... Оставь это, пожалуйста... Ты меня любишь, и больше мнѣ ничего не нужно. Съ твоей любовью хоть въ аду жить...

— Но какъ же ты будешь, дурочка?

— Я буду жить здѣсь, а ты... будешь пріѣзжать каждый день... Я буду выходить тебя встрѣчать.

— Но я безъ содроганія не могу представить себѣ этой твоей жизни!.. Ночью — онъ, днемъ — я... Нѣтъ, это невозможно! Оля, я такъ люблю тебя въ настоящую минуту, что... я даже безумно ревнивъ... Я даже и не подозрѣвалъ за собой способности на такія чувства.

Но какая неосторожность! Я держалъ ее за талію, а она нѣжно гладила мою руку въ то время, когда во

всякую минуту можно было ждать, что кто-нибудь пройдет по аллеѣ и увидитъ насъ.

— Идемъ, — сказала я, отдергивая свои руки. — Одѣнься и ѣдемъ!

— Но какъ ты все это скоро... — промычала она плаксивымъ голосомъ. — Спѣшишь, словно на пожаръ... И Богъ знаетъ, что выдумалъ! Убѣжать сейчасъ же послѣ вѣнца! Что люди скажутъ!

И Оленька пожала плечами. На лицѣ ея было столько недоумѣнія, удивленія и непониманія, что я махнулъ рукой и отложилъ рѣшеніе ея «жизненнаго вопроса» до слѣдующаго раза. Да и некогда уже было продолжать нашу бесѣду: мы всходили по каменнымъ ступенямъ террасы и слышали людской говоръ. Передъ дверью въ столовую Оля поправила свою прическу, оглядѣла платье и вошла. На лицѣ ея незамѣтно было смущенія. Вошла она, сверхъ ожиданія моего, очень храбро.

— Возвращаю вамъ, господа, бѣглянку, — сказалъ я, входя и сядя на свое мѣсто. — Насилу нашелъ... Даже утомился... Выхожу въ садъ, смотрю, а она изволить прохаживаться по аллеѣ... «Зачѣмъ вы здѣсь?» — спрашиваю... — «Да такъ, говорить, душно!..»

Оля поглядѣла на меня, на гостей, на мужа... и захохотала. Ей стало вдругъ смѣшно, весело. На лицѣ ея я прочелъ желаніе подѣлиться со всей этой обѣдающей толпой своимъ внезапно набѣжавшимъ на нее счастьемъ, и, не имѣя возможности передать его на словахъ, она вылила его въ своемъ смѣхѣ.

— Какая я смѣшная! — сказала она. — Хохочу и сама не знаю, чего хохочу... Графъ, смѣйтесь!

— Горько! — крикнулъ Калининъ.

Урбенинъ кашлянулъ и поглядѣлъ вопросительно на Олю.

— Ну? — спросила она, на секунду нахмуривъ брови.

— Кричатъ-съ — «горько», — ухмыльнулся Урбенинъ, поднимаясь и вытирая салфеткой губы.

Ольга поднялась и дала ему поцѣловать себя въ неподвижныя губы... Поцѣлуй этотъ былъ холоденъ, но еще болѣе онъ поджегъ костеръ, тлѣвшій въ моей груди и готовый каждую минуту вспыхнуть пламенемъ... Я отвернулся и, стиснувъ губы, сталъ ждать конца обѣда... Конецъ этотъ наступилъ, къ счастью, скоро, иначе бы я не выдержалъ.

— Поди сюда! — сказала я грубо, подходя послѣ сбѣда къ графу.

Графъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на меня и послѣдовалъ за мной въ пустую комнату, куда я повелъ его.

— Чтѣ тебѣ нужно, дружочекъ? — спросилъ онъ, разстегивая жилетку и отрыгнувъ.

— Выбериай кого-нибудь изъ двухъ... — сказала я, едва держась на ногахъ отъ охватившаго меня гнѣва. — Или я, или Пшехоцкій! Если ты не общаешься мнѣ, что черезъ часъ этотъ подлецъ оставитъ твою деревню, я къ тебѣ болѣе ни ногой!.. Даю тебѣ на отвѣтъ полъ-минуты!

Графъ выронилъ изъ рта сигару и разставилъ руки...

— Чтѣ съ тобой, Сережа? — спросилъ онъ, дѣлая большіе глаза. — На тебѣ лица нѣтъ!

— Безъ лишннихъ словъ, пожалуйста! Я не выношу шпіона, негодяя, подлеца и друга твоего Пшехоцкаго и во имя нашихъ хорошихъ съ тобой отношеній требую, чтобъ его не было здѣсь сейчасъ же!

— Но чтѣ онъ тебѣ сдѣлалъ? — встревожился графъ. — За что ты на него такъ нападаешь?

— Я тебя спрашиваю: я или онъ?

— Но, голубчикъ, ты ставишь меня въ ужасно-щекотливое положеніе... Постой, у тебя на фракѣ перышко... Ты требуешь отъ меня невозможнаго!

— Прощай! — сказала я. — Я съ тобой больше незнакомъ.

И, круто повернувшись, я пошелъ въ переднюю, одѣлся и быстро вышелъ. Проходя черезъ садъ въ людскую кухню, гдѣ я хотѣлъ приказать запрячь мнѣ лошадь, я былъ остановленъ встрѣчей. Навстрѣчу мнѣ съ маленькой чашечкой кофе шла Надя Калинина. Она тоже была на свадьбѣ Урбенина, но какой-то неясный страхъ заставлялъ меня избѣгать съ ней разговора, и за весь день я ни разу не подошелъ къ ней и не сказалъ съ нею ни одного слова.

— Сергѣй Петровичъ! — сказала она неестественно низкимъ голосомъ, когда я прошелъ мимо нея и слегка приподнялъ шляпу. — Постойте!

— Чтѣ прикажете? — спросилъ я, подходя къ ней.

— Приказывать мнѣ нечего... да вы и не лакей, — сказала она, глядя мнѣ въ упоръ въ лицо и страшно блѣднѣя. — Вы куда-то спѣшите, но если вамъ не хъ спѣху, можно задержать васъ на минуту?

— Конечно... Я не знаю даже, зачѣмъ вы спрашиваете...

— Въ такомъ случаѣ сядемте... Вы, Сергѣй Петровичъ, — продолжала она, когда мы сѣли: — сегодня все время старались не замѣчать меня, обходили, словно боялись встрѣтиться, а какъ нарочно сегодня-то я и порѣшила поговорить съ вами... Я горда и самолюбива... не умѣю навязываться встрѣчей... но разъ въ жизни можно пожертвовать гордостью.

— О чемъ вы это?

— Я порѣшила сегодня спросить васъ... Вопросъ унижительный, тяжелый для меня... не знаю, какъ и перенесу... Вы отвѣчайте, не глядя на меня... Неужели вамъ не жаль меня, Сергѣй Петровичъ?

Надя поглядѣла на меня и слабо покачала головой. Лицо ея еще болѣе поблѣднѣло, верхняя губа задрожала и покривилась.

— Сергѣй Петровичъ! Мнѣ все кажется, что васъ... отдѣлало отъ меня какое-то недоразумѣніе, капризь... Мнѣ кажется, что выскажись мы—и все пойдет по-старому... Если бы мнѣ такъ не казалось, то у меня не хватило бы рѣшимости задать вамъ вопросъ, который вы сейчасъ услышите... Я, Сергѣй Петровичъ, несчастна... Вы должны это видѣть... Жизнь моя не въ жизнь... Вся высохла... А главное — какая-то неопредѣленность: не знаешь, надѣяться, или пѣть... Поведеніе ваше по отношенію ко мнѣ такъ непонятно, что невозможно вывести никакого опредѣленнаго заключенія... Скажите мнѣ, и я буду знать, что мнѣ дѣлать... Тогда моя жизнь получитъ хотя какое-нибудь направленіе... Я тогда рѣшусь на что-нибудь.

— Вы хотите, Надежда Николаевна, спросить меня о чемъ-то, — сказала я, готова мысленно отвѣтъ на вопросъ который предчувствовала.

— Да, я хочу спросить... Вопросъ унижительный... Если кто подслушаетъ, то подумаетъ, что я навязываюсь, словно... пушкинская Татьяна... Но это вымученный вопросъ...

Дѣйствительно, вопросъ былъ вымученный. Когда Надя повернула ко мнѣ лицо, чтобы задать этотъ вопросъ, я испугался: Надя дрожала, судорожно сжимала свои пальцы и съ тоскливой медленностью выжимала изъ себя роковое слово. Ея блѣдность была страшна.

— Могу я надѣяться? — прошептала она наконецъ.—

Вы не бойтесь говорить прямо... Какой бы ни былъ отвѣтъ, но онъ лучше неопредѣленности. Такъ какъ же? Могу я надѣяться?

Она ждала отвѣта, а между тѣмъ настроеніе моего духа было таково, что я не былъ способенъ на разумный отвѣтъ. Пьяный, взволнованный случаемъ въ пещерѣ, взбѣшенный шпионствомъ Пшехоцкаго и нерѣшительностью Ольги, пережившій глупую бесѣду съ графомъ, я едва слушалъ Надю.

— Могу я надѣяться? — повторила она. — Отвѣчайте же!

— Ахъ, мнѣ не до отвѣтовъ, Надежда Николаевна! — махнулъ я рукой, поднимаясь. — Я неспособенъ давать теперя какіе бы то ни было отвѣты. Простите меня, но я васъ не слышалъ и не понималъ. Я глупъ и взбѣшенъ... Напрасно только вы и безпокоились, право.

Я еще разъ махнулъ рукой и оставилъ Надю. Только впослѣдствіи, придя въ себя, я понималъ, какъ глупъ и жестокъ я былъ, не давъ дѣвушкѣ отвѣта на ея простой, незамысловатый вопросъ. Отчего я не отвѣтилъ?

Теперь, когда я могу глядѣть безпристрастно на прошлое, я не объясняю свою жестокость состояніемъ души... Мнѣ сдается, что, не давая ей отвѣта, я кокетничалъ, ломался. Трудно понять человѣческую душу, но душу свою собственную понять еще труднѣй. Если дѣйствительно я ломался, то да проститъ мнѣ Богъ! Хотя, впрочемъ, издѣвательство надъ чужими страданіями не должно быть прощаемо.

Три дня ходилъ я изъ угла въ уголь, какъ волкъ въ клѣткѣ, и всѣми силами своей недюжинной воли старался не пускать себя изъ дому. Я не касался груды бумагъ, лежавшихъ на столѣ и терпѣливо ожидавшихъ моего вниманія, никого не принималъ, брался съ Поликарпомъ, раздражался... Я не пускалъ себя въ графскую усадьбу, и это упорство стоило мнѣ сильной первой работы. Я тысячу разъ брался за шляпу и столько же разъ бросалъ ее... То я рѣшался пренебречь всѣмъ на свѣтѣ и ѣхать къ Ольгѣ во что бы то ни стало, то окачивалъ себя холодомъ рѣшенія сидѣть дома...

Разсудокъ мой былъ противъ поѣздки въ графскую усадьбу. Разъ я поклялся графу не бывать у него, могъ ли я жертвовать своимъ самолюбіемъ, гордостью? Чтѣ бы подумалъ этотъ усатый фатъ, если бы я послѣ того

нашего глупаго разговора, отправился къ нему, какъ ни въ чемъ не бывало? Не значило бы это сознаться въ своей неправотѣ?

Далѣе, какъ честный человѣкъ, я долженъ былъ бы порвать всякія сношенія съ Ольгой. Наша дальнѣйшая связь не могла бы ей дать ничего, кромѣ гибели. Выйдя замужъ за Урбенина, она сдѣлала ошибку, сойдясь же со мной, она ошиблась въ другой разъ. Живя съ мужемъ-старикомъ и имѣя въ то же время тайкомъ отъ него любовника, не походила бы она на развратную куклу? Не говоря уже о томъ, какъ мерзка въ принципѣ подобная жизнь, нужно было подумать и о послѣдствіяхъ.

Какой я трусъ! Я боялся и послѣдствій, и настоящаго, и прошлаго... Обыкновенный человѣкъ посмѣется надъ моими разсужденіями. Онъ не ходилъ бы изъ угла въ уголь, не хваталъ бы себя за голову и не строилъ бы всевозможныхъ плановъ, а предоставилъ бы все жизни, которая мелеть въ муку даже жерновы. Жизнь переварила бы все, не спрашивая ни его помощи ни позволенія... Но я мнителенъ до трусости... Ходилъ я изъ угла въ уголь, болѣлъ отъ состраданія къ Ольгѣ и въ то же время ужасался мысли, что она пойметъ мое предложеніе, которое сдѣлалъ я ей въ минуты увлеченія, и явится ко мнѣ въ домъ, какъ обѣщала я ей, навсегда! Чтò было бы, если бы она послушалась меня и пошла за мной? Какъ долго продолжалось бы это «навсегда», и чтò дала бы бѣдной Ольгѣ жизнь со мною? Я не далъ бы ей семьи, а стало-быть, не далъ бы и счастья. Нѣтъ, не слѣдовало мнѣ ѣхать къ Ольгѣ!

А между тѣмъ душа моя неистово рвалась къ ней... Я тосковалъ, какъ впервые влюбившійся мальчишка, котораго не пускаютъ на rendez-vous. Искушенный происшествіемъ въ пещерѣ, я жаждалъ поваго свиданія, и изъ головы моей ни на минуту не выходилъ вызывающій образъ Ольги, которая, какъ я зналъ, тоже ждала меня и изнывала отъ тоски.

Графъ слалъ письмо за письмомъ, одно другого плачевнѣе и унижательнѣе... Онъ умолялъ меня «забыть все» и пріѣхать, извинялся за Пшехоцкаго, просилъ простить этого «добраго, простаго, но нѣсколько ограниченнаго человѣка», удивлялся, что я изъ-за пустяковъ рѣшаюсь прервать старинныя, дружескія отношенія. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ онъ обѣщался самъ прі-

ѣхать и, если я пожелаю, привезти съ собою Пшехоцкаго, который попросить у меня извиненія, «хотя и не чувствуетъ за собой никакой вины». Я читалъ письма и въ отвѣтъ на нихъ просилъ každаго посланнаго оставить меня въ покоѣ. Умѣлъ я ломаться!

И въ самый разгаръ моей нервной работы, когда я, стоя у окна, рѣшалъ уже уѣхать куда-нибудь, помимо графской усадьбы, терзалъ себя разсужденіями, самопопреками и представленіями картинъ любви, которыя ожидали меня у Ольги, моя дверь тихо отворилась, сзади меня послышались легкіе шаги, и скоро шею мою обвивали двѣ маленькія, хорошенькія руки.

— Это ты, Ольга? — спросилъ я, оглядываясь.

Я узналъ ее по ея горячему дыханію, по манерѣ, съ которой она повисла на моей шеѣ, и даже по запаху. Припавъ своей головкой къ моей щекѣ, она казалась мнѣ необыкновенно счастливой... Отъ счастья она не могла выговорить ни слова... Я прижалъ ее къ груди, и—куда дѣвались тоска и вопросы, мучившіе меня цѣлыхъ три дня. Я отъ удовольствія захохоталъ и запрыгалъ, какъ школьникъ.

Ольга была въ голубомъ шелковомъ платьѣ, которое очень шло къ ея блѣдному цвѣту лица и роскошнымъ льянымъ волосамъ. Платье это было модно и ужасно дорого. Урбенину стоило оно, вѣроятно, четверти годового жалованья.

— Какая ты хорошенькая сегодня!.. — сказалъ я, поднимая Ольгу на руки и цѣлуя ее въ шею. — Ну, что? Какъ? Здорова?

— Какъ однако у тебя здѣсь нехорошо! — проговорила она, окидывая взглядомъ мой кабинетъ. — Богатый человекъ, жалованье большое получаешь, а какъ... просто живешь!

— Не всёжъ же, душа моя, жить такъ роскошно, какъ графъ, — сказала я. — Но оставимъ въ покоѣ мое богатство. Какой добрый геній занесъ тебя въ мою берлогу?

— Пойстой, Сережа, ты помнешь мнѣ мое платье... Опусти меня наземь... Къ тебѣ я, голубчикъ, на минутку! Дома я всёжъ сказала, что поѣду къ Акатыхѣ, графской прачкѣ, что тутъ живетъ недалеко, за три дома отъ тебя... Ты меня отпусти, голубчикъ, а то неловко... Почему ты не пріѣзжалъ такъ долго?

Я отвѣтилъ что-то, посадилъ ее противъ себя и за-

нялся созерцаніемъ ея красоты... Минуту мы глядѣли другъ на друга и молчали...

— Ты очень хорошенькая, Оля! — вздохнулъ я. — Даже жаль и обидно, что ты такая хорошенькая!

— Почему же жаль?

— Досталась чортъ знаетъ кому.

— Но чего же тебѣ еще! Вѣдь я твоя! Пришла вотъ... Послушай, Сережа... Ты мнѣ правду скажешь, если тебя спрошу?

— Конечно, правду.

— Ты женился бы на мнѣ, если бы я не вышла за Петра Егорыча?

«Вѣроятно, нѣтъ», — хотѣлось мнѣ сказать, но къ чему было ковырять и безъ того ужъ больную ранку, мучившую сердце бѣдной Оли?

— Конечно, — сказалъ я тономъ человѣка, говорящаго правду.

Оля вздохнула и потупилась.

— Какъ я ошиблась, какъ ошиблась! И что хуже всего, нельзя поправить! Развестись вѣдь съ нимъ нельзя?

— Нельзя...

— И къ чему я спѣшила, не понимаю! Мы, дѣвушки, такъ глупы и вѣтрены... Бить насъ некому! Впрочемъ, не воротишь, и разсуждать тутъ нечего... Ни разсужденія ни слезы не помогутъ. Я, Сережа, сегодня всю ночь плакала! Онъ тутъ... около лежитъ, а я про тебя думаю... спать не могу... Хотѣла даже бѣжать ночью, хоть въ лѣсъ къ отцу... Лучше жить у сумасшедшаго отца, чѣмъ съ этимъ... какъ его...

— Разсужденія, Оля, не помогутъ... Нужно было тогда разсуждать, когда ты ѣхала со мной изъ Тѣнева и радовалась, что выходишь за богатаго человѣка... Теперь же поздно упражняться въ краснорѣчіи...

— Поздно... но такъ тому и быть! — сказала Оля, рѣшительно махнувъ рукой. — Лишь бы только хуже не было, а то еще можно жить... Прощай! Пора ужъ идти...

— Нѣтъ, не прощай...

Я привлекъ къ себѣ Олю и сталъ осыпать ея лицо поцѣлуями, словно стараясь вознаградить себя за утерянные три дня. Она жалась ко мнѣ, какъ озябшій барашекъ, грѣла мое лицо своимъ горячимъ дыханіемъ... Наступила тишина...

— Мужъ убилъ свою жену! — гаркнулъ мой попугай...

Оля вздрогнула, высвободилась изъ моихъ объятій и вопросительно поглядѣла на меня...

— Это попугай, душа моя,—сказаль я.—Успокойся.

— Мужъ убилъ свою жену! — повторилъ Иванъ Демьянычъ.

Оля поднялась, молча надѣла шляпу и подала мнѣ руку... На лицѣ ея былъ написанъ испугъ.

— А чтѣ, если Урбенинъ узидеть? — спросила она, глядя на меня большими глазами. — Вѣдь онъ убьетъ меня!

— Ну, полно... — засмѣялся я. — Хорошъ былъ бы я, если бы позволилъ ему убить тебя! Да едва ли онъ способенъ на такое необыкновенное дѣло, какъ убійство... Ты уходишь? Ну, прощай же, дитя мое... Жду... Завтра буду въ лѣсу около домика, гдѣ ты жила... Встрѣтимся...

Проводивши Ольгу и воротясь въ кабинетъ, я встрѣтилъ тамъ Поликарпа. Онъ стоялъ посреди комнаты, сурово глядѣлъ на меня и презрительно покачивалъ головой...

— Чтобы въ другой разъ у меня этого не было, Сергѣй Петровичъ! — сказалъ онъ тономъ строгаго родителя. — Я этого не желаю...

— Чего это?

— Того самаго... Вы думаете, я не видѣлъ? Все видѣлъ... Чтѣбъ она не смѣла сюда ходить! Нечего тутъ шуры-муры заводить! На это другія мѣста есть...

Я былъ въ великолѣпнѣйшемъ настроеніи духа, а потому иншонство и менторскій тонъ Поликарпа не разсердили меня. Я засмѣялся и услаъ его въ кухню.

Не успѣлъ я еще опомниться послѣ посѣщенія Ольги, какъ ко мнѣ пожаловалъ новый гость. Къ моей квартирѣ подѣхала съ шумомъ карета, и Поликарпъ, плюя по сторонамъ и бормоча ругательства, доложилъ мнѣ о пріѣздѣ «того... энтото, чтѣбъ его!..», т.-е. графа, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души. Графъ вошелъ, слезливо поглядѣлъ на меня и покачалъ головой.

— Ты отворачиваешься... Не хочешь говорить...

— Я не отворачиваюсь, — сказалъ я.

— Я такъ любилъ тебя, Сережа, а ты... изъ-за пустяка! За что ты меня оскорбляешь? За что?

Графъ смѣлъ, вздохнулъ и покачалъ головой...

— Ну, будетъ тебѣ дурака ломать! — сказалъ я. — Ладно!

Сильно было мое вліяніе надъ этимъ слабымъ, тщедушнымъ человѣчишкой, такъ же сильно, какъ и презрѣніе къ нему... Мой презрительный тонъ не оскорбилъ его, а напротивъ... Услышавъ мое «ладно!», онъ вскочилъ и принялся обнимать меня.

— Я привезъ его съ собой... Онъ сидитъ въ каретѣ... хочешь, чтобъ онъ передъ тобой извинился?

— А ты знаешь его вину?

— Нѣтъ...

— И отлично. Пусть не извиняется, но только предупреди его, что если случится впредь еще разъ что-либо подобное, то я ужъ кипятиться не стану, а приму мѣры.

— Стало-быть, миръ, Сережа? И отлично! Такъ бы и давно, а то чортъ знаетъ изъ-за чего поссорились! Словно институтки! Ахъ, да, голубчикъ! Нѣтъ ли у тебя... поль-рюмки водки? Ужасно пересохло въ горлѣ!

Я приказалъ подать водки. Графъ выпилъ двѣ рюмки, развалился на диванѣ и сталъ болтать.

— Сейчасъ я, братъ, встрѣтился съ Олей... Чудо-женщина! Надо тебѣ сказать, что я начинаю ненавидѣть Урбенина... Это значить, что Оленька начинаетъ мнѣ нравиться... Чертовски хорошенькая! Я думаю приволокнуться за ней.

— Не слѣдуетъ трогать замужнихъ! — вздохнулъ я.

— Ну, у старика... У Петра-то Егорыча не грѣхъ его супругу подтибрить... Она ему не пара... Онъ, какъ собака: и самъ не трескается и другимъ не даетъ... Сегодня же начну свои приступы и начну систематически... Такая душонка... гм... просто шикъ, братецъ! Пальчики оближешь!

Графъ выпилъ третью рюмку и продолжалъ:

— Знаешь, кто мнѣ еще нравится изъ здѣшнихъ?.. Наденька, дочка этого дурака Калинина... Жгучая брюнетка, блѣдная, знаешь, съ такими глазами... Тоже нужно будетъ удочку закинуть... На Троицу дѣлаю вечеръ... музыкально-вокально-литературный... нарочно, чтобъ ее позвать... А здѣсь, братъ, какъ оказывается, ничего себѣ, весело! И общество, и женщины... и... Можно у тебя здѣсь уснуть... на минутку?

— Можно... Но какъ же Пшехоцкій съ каретой?

— Пусть ждетъ, чортъ съ нимъ!.. Я самъ, братъ, его не люблю.

Графъ приподнялся на локоть и проговорилъ таинственно :

— Держу только по необходимости... по нуждѣ... Ну, да чортъ съ нимъ!

Локоть графа подвернулся, и голова упала на подушку. Черезъ минуту послышался храпъ.

Вечеромъ, когда графъ уѣхалъ, у меня былъ третій гость : докторъ Павелъ Ивановичъ. Онъ пріѣзжалъ извѣстить меня о болѣзни Надежды Николаевны и о томъ, что она... окончательно отказала ему въ своей рукѣ. Бѣдняга былъ печаленъ и походилъ на мокрую курицу.

Прошелъ поэтическій май...

Отцвѣли сирень и тюльпаны, а съ ними суждено было отцвѣсти и восторгамъ любви, которая, несмотря на свою преступность и мучительность, все-таки изрѣдка доставляла намъ сладкія минуты, неизгладимыя изъ памяти. А бываютъ минуты, за которыя можно отдать мѣсяцы и годы!

Въ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ, когда солнце уже зашло, но широкій слѣдъ его — багрово-золотистая полоса еще красила далекій западъ и пророчила на завтра тихій и ясный день, я подѣхалъ на Зорькѣ къ флигелю, въ которомъ жилъ Урбенинъ. Въ этотъ вечеръ у графа предполагался «музыкальный» вечеръ. Гости уже начали съѣзжаться, но графа не было дома: онъ поѣхалъ кататься и обѣщалъ скоро вернуться.

Немного погодя я, держа свою лошадь за поводъ, стоялъ у крылечка и бесѣдовалъ съ дочкой Урбенина, Сашей. Самъ Урбенинъ сидѣлъ на ступенькѣ и, подперевъ кулаками голову, всматривался въ даль, которую видно было въ ворота. Онъ былъ угрюмъ, неохотно отвѣчалъ на мои вопросы. Я оставилъ его въ покоѣ и занялся Сашей.

— Гдѣ твоя новая мама? — спросилъ я ее.

— Поѣхала съ графомъ кататься. Она каждый день съ нимъ ѣздитъ.

— Каждый день, — пробормоталъ Урбенинъ, вздохнувъ.

Многое слышалось въ этомъ вздохѣ. Слышалось въ немъ то же самое, что волновало и мою душу, что старался я объяснить себѣ, но не могъ объяснить и терялся въ догадкахъ.

Каждый день Ольга ѣздила съ графомъ кататься верхомъ. Но это пустяки. Ольга не могла полюбить графа,

и ревность Урбенина была неосновательна. Ревновать должны были мы не къ графу, а къ чему-то другому, чего я не могъ понять такъ долго. Это «что-то другое» стало между мной и Ольгой цѣлой стѣной. Она продолжала любить меня, но послѣ того носѣщенія, которое было описано въ предыдущей главѣ, она была у меня еще не болѣе двухъ разъ, а встрѣчаясь со мной внѣ моей квартиры, какъ-то странно вспыхивала и настойчиво уклонялась отъ отвѣтовъ на мои вопросы. На мои ласки она отвѣчала горячо, но отвѣты ея были такъ порывисты и пугливы, что отъ нашихъ короткихъ рапдеву осталось въ моей памяти одно только мучительное недоумѣніе. Совѣсть у нея была нечиста—это было ясно, но въ чемъ именно—нельзя было прочесть на виноватомъ лицѣ Ольги.

— Надѣюсь, твоя новая мама здорова? — спросилъ я Сашу.

— Здорова. Но только ночью у нея зубы болѣли. Она плакала.

— Плакала, — повернулъ Урбенинъ свое лицо къ Сашѣ. — Ты видѣла? Это тебѣ, милочка, приснилось.

Зубы у Ольги не болѣли. Если она плакала, то не отъ боли, а отъ чего-то другого... Я еще хотѣлъ поговорить съ Сашей, но это мнѣ не удалось, потому что послышался лошадиный топотъ, и скоро мы увидѣли всадника, некрасиво прыгавшаго на сѣдлѣ, и граціозную амазонку. Чтобы скрыть отъ Ольги свою радость, я поднялъ на руки Сашу и, перебирая пальцами ея бѣлокурые волосы, поцѣловалъ ее въ голову.

— Какая ты хорошенькая, Саша! — сказалъ я. — Какіе у тебя славные кудряшки!

Ольга мелькомъ взглянула на меня, молча отвѣтила на мой поклонъ и, опираясь о руку графа, вошла во флигель. Урбенинъ поднялся и пошелъ за ней.

Минуть черезъ пять изъ флигеля вышелъ графъ. Онъ былъ веселъ, какъ никогда. Даже лицо его казалось посвѣжѣвшимъ.

— Поздравь! — сказалъ онъ, беря меня подъ руку и хихикая.

— Съ чѣмъ?

— Съ побѣдой... Еще одна такая побѣдка и, клянусь прахомъ моихъ благородныхъ предковъ, съ этого цвѣтка я сорву лепестки.

— Но пока еще не сорвалъ?

— Пока?.. Чуть-чуть! Въ продолженіе десяти минутъ «твоя рука въ моей рукѣ», — запѣлъ графъ: — и... ни разу не отдернула ручки... Зацѣловалъ! Но подождемъ до завтра, а теперь идемъ. Меня ждуть. Ахъ, да! Мнѣ нужно поговорить съ тобой, голубчикъ, объ одной вещи. Скажи мнѣ, милый, правду ли говорятъ, что ты тово... питаешь злостныя намѣренія относительно Наденьки Калининой?

— А что?

— Если это правда, то мѣшать тебѣ я не стану. Подставлять другому ножку не въ моихъ правилахъ. Если же ты никакихъ видовъ не имѣешь, то, конечно...

— Не имѣю.

— Мерси, душа моя!

Графъ мечталъ убить сразу двухъ зайцевъ, вполнѣ увѣренный, что это ему удастся. И я въ описываемый вечеръ наблюдалъ погоню за этими зайцами. Погоня была глупа и смѣшна, какъ хорошая карикатура. Глядя на нее, можно было только смѣяться, или возмущаться пошлостью графа; но никто бы не могъ подумать, что эта мальчишеская погоня кончится нравственнымъ паденіемъ однихъ, гибелью другихъ и преступленіемъ третьихъ!

Графъ убилъ не двухъ зайцевъ, а больше! Онъ ихъ убилъ, но шкура и мясо достались не ему.

Я видѣлъ, какъ онъ тайкомъ пожималъ руку Ольгѣ, всякій разъ встрѣчавшей его дружеской улыбкой, а провожавшей презрительной гримасой. Разъ даже, желая показать, что между имъ и мною нѣтъ тайнъ, онъ поцѣловалъ ея руку при мнѣ.

— Какой болванъ! — прошептала она мнѣ на ухо, вытирая свою руку.

— Послушай, Ольга! — сказалъ я по уходѣ графа. — Мнѣ кажется, что тебѣ хочется что-то сказать мнѣ. Хочется?

Я иыгливо взглянулъ на ея лицо. Она вспыхнула и пугливо замигала глазами, какъ кошка, пойманная въ воровствѣ.

— Ольга, — сказалъ я строго: — ты должна сказать мнѣ! Я этого требую!

— Да, я хочу тебѣ кое-что сказать, — зашептала она, сжимая мнѣ руку, — Я тебя люблю, жить безъ тебя не могу, но... не ѣзди ко мнѣ, милый мой. Не люби меня больше и говори мнѣ «вы». Я не могу ужъ продолжать...

Нельзя... И не показывай даже виду, что ты меня любишь.

— Но почему же?

— Я такъ хочу. Причины знать тебѣ не нужно, и я ихъ не скажу. Идутъ... Отойди отъ меня.

Я не отошелъ отъ нея, и ей самой пришлось прекратить нашъ разговоръ. Взявъ подъ руку шедшаго мимо мужа, она съ лицемѣрной улыбкой кивнула мнѣ головой и ушла.

Другой графскій заяцъ — Наденька Калинина удостоилась въ этотъ вечеръ особеннаго графскаго вниманія. Онъ вертѣлся возлѣ нея весь вечеръ, рассказывалъ ей анекдоты, острилъ, кокетничалъ, а она, блѣдная, замученная, кривила свой ротъ въ насильственную улыбку. Мировой Калининъ все время наблюдалъ за ними, поглаживалъ бороду и значительно кашлялъ. Ухаживанье графа было ему понутру. У него зятемъ графъ! Что можетъ быть слаще этой мысли для уѣзднаго бонвивана? Послѣ того, какъ начались ухаживанья графа за его дочерью, онъ выросъ въ своихъ глазахъ на цѣлый аршинъ. А какими величественными взглядами измѣрялъ онъ меня, какъ ехидно покашливалъ, когда бесѣдовалъ со мною! «Ты вотъ, молъ, поцеремонился, ушелъ, а мы — наплевать! Теперь у насъ графъ есть!»

На другой день вечеромъ я опять былъ въ графской усадьбѣ. На этотъ разъ я бесѣдовалъ не съ Сашей, а съ ея братомъ-гимназистомъ. Мальчикъ повелъ меня въ садъ и вылилъ передо мной всю свою душу. Изліянія эти были вызваны моимъ вопросомъ о житьѣ его съ «новой мамашей».

— Она ваша хорошая знакомая, — началъ онъ, нервно разстегивая свой мундирчикъ: — вы ей расскажете, но я не боюсь. Рассказывайте, сколько угодно! Она злая низкая!

И онъ рассказалъ мнѣ, что Ольга отняла у него комнату, прогнала старуху-няню, служившую у Урбенина десять лѣтъ, вѣчно кричитъ и злится.

— Вчера вы похвалили волосы сестры Саши... Вѣдь хорошіе волосы? Настоящій лень! А она сегодня утромъ остригла ее!

«Это ревность!» — объяснилъ я себѣ это вторженіе Ольги въ чуждую ей парикмахерскую область.

— Ей словно завидно стало, что вы похвалили не ея

волосы, а Сашины!—подтвердилъ мальчикъ мою мысль.— Она и папашу замучила. Папаша страшно тратится на нее, отрывается отъ дѣла... и опять начать пить! Опять! Она дуручка... Весь день плачетъ, что ей приходится жить въ бѣдности, въ такомъ маленькомъ флигелѣ. А развѣ папаша виноватъ, что у него не много денегъ?

Мальчикъ разсказалъ мнѣ много печальнаго. Онъ видѣлъ то, чего не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть его ослабленный отецъ. У бѣдняжки былъ оскорбленъ отецъ, оскорблены были сестра, старуха-няня. У него отняли его маленький очагъ, гдѣ онъ привыкъ возиться надъ установкой своихъ книжекъ и кормежкой пойманныхъ щеглятъ. Все было обижено, надъ всею посмѣялась глупая и полновластная мачеха! Но бѣдному мальчику не могло и присниться то страшное оскорбленіе, которое было нанесено молодой мачехой его семьѣ, и свидѣтелемъ котораго я былъ въ тотъ же вечеръ, послѣ разговора съ нимъ. Все меркло передъ этимъ оскорбленіемъ, и остриженные волосы Саши въ сравненіи съ нимъ являются ничтожнымъ пустякомъ.

Поздно вечеромъ я сидѣлъ у графа. Мы, по обыкновенію, пили. Графъ былъ совершенно пьянъ, я же только слегка.

— Сегодня мнѣ уже позволили печально коснуться талии, — бормоталъ онъ. — Завтра, стало-быть, начнемъ еще дальше.

— Ну, а Надя? Съ Надей какъ?

— Шествуемъ! Съ нею пока только начало. Переживаемъ пока еще періодъ разговора глазами. Я, братъ, люблю читать въ ея черныхъ, печальныхъ глазахъ. Въ нихъ что-то написано этакое, чего на словахъ не передашь, а можешь понять только душой. Выпьемъ?

— Стало-быть, ты ей нравишься, если она имѣетъ терпѣніе бесѣдовать съ тобой по цѣлымъ часамъ. И папашѣ ея ты нравишься.

— Папашѣ? Это ты про того болвала? Ха-ха! Дуралей подозрѣваетъ во мнѣ честныя намѣренія!

Графъ закашлялся и выпилъ.

— Онъ думаетъ, что я женюсь! Не говорю ужъ о томъ, что мнѣ нельзя жениться, но если честно разсуждать, то для меня лично честнѣе обольстить дѣвушку, чѣмъ жениться на ней... Вѣчная жизнь съ пьянымъ, кашляющимъ полустарикомъ — брррр! Жена моя зачахла бы, или убѣжала бы на другой день... Но что это за шумъ?

Мы съ графомъ вскочили... Захлопали почти одновременно нѣсколько дверей, и къ намъ въ комнату вбѣжала Ольга. Она была блѣдна, какъ снѣгъ, и дрожала, какъ струна, по которой сильно ударили. Волосы ея были распущены, зрачки расширены. Она задыхалась и мяла между пальцами грудныя сборки своего ночного пенюара.

— Ольга, что съ тобой? — спросилъ я, хватая ее за руку и блѣднѣя.

Графа должно было удивить это нечаянно пророненное «тобой», но его онъ не слыхалъ. Весь обратившійся въ большой вопросительный знакъ, раскрывъ ротъ и выпуча глаза, онъ глядѣлъ на Ольгу, какъ на привидѣнiе.

— Что случилось? — спросилъ я.

— Онъ бьетъ меня! — проговорила Ольга и, зарывавъ, упала въ кресло. — Онъ бьетъ!

— Кто онъ?

— Мужъ! Я не могу съ нимъ жить! Я ушла!

— Это возмутительно! — стукнулъ графъ кулакомъ по столу. — Какое онъ имѣетъ право? Это тиранiя... это... это чортъ знаетъ что такое! Вить жену?! Бить! За что это онъ васъ?

— Ни за что ни про что, — заговорила Оля, утирая слезы. — Вынимаю я изъ кармана носовой платокъ, а изъ кармана и выпало то письмо, что вы мнѣ вчера прислали... Онъ подскочилъ, прочелъ и... сталъ бить... Схватилъ меня за руку, сдавилъ — посмотрите, до сихъ поръ на рукѣ красныя пятна — и потребовалъ объясненiй... Я, вмѣсто того, чтобъ объяснять, прибѣжала сюда... Хоть вы заступитесь! Онъ не имѣетъ права обращаться такъ грубо съ женой! Я не кухарка! Я дворянка!

Графъ заходилъ изъ угла въ уголъ и сталъ молотъ пьянымъ, путающимся языкомъ какую-то чушь, которая, въ переводѣ на трезвый языкъ, должна была бы означать: «о положенiи женщинъ въ Россiи».

— Это варварство! Это Новая Зеландiя! Не думаетъ ли также этотъ мужикъ, что на его похоронахъ будетъ зарѣзана его жена? Дикари вѣдь, уходя на тотъ свѣтъ, берутъ съ собой и своихъ женъ!..

Я же не могъ опомниться... Какъ нужно было понять внезапный визитъ Ольги въ ночномъ пенюарѣ, что нужно было думать, что рѣшить? Если ее нобили, если оскорбили ея достоинство, то почему она бѣжала не къ отцу, не къ экономкѣ... наконецъ не ко мнѣ, который для

нея былъ все-таки близокъ? Да и впрямь ли ее оскорбили? Сердце мое говорило о невинности простака-Урбенина; оно, чуя правду, сжималось тою болью, которую въ это время долженъ былъ чувствовать ошеломленный мужъ. Не задавая вопросовъ и не зная, съ чего начать, я сталъ успокаивать Ольгу и предложилъ ей вина.

— Какъ я ошиблась! Какъ ошиблась! — вздохнула она сквозь слезы, поднося рюмку къ губамъ. — А вѣдь какимъ тихоней прикидывался онъ, когда ухаживалъ за мной! Я думала, что это ангелъ, а не человѣкъ!

— А вы хотѣли, чтобъ ему понравилось то письмо, которое выпало изъ кармана? — сказалъ я. — Хотѣли, чтобъ онъ расхохотался?

— Не будемъ объ этомъ говорить! — перебилъ меня графъ. — Какъ бы тамъ ни было, а его поступокъ подлъ! Съ женщинами такъ не обращаются! Я его на дуэль вызову! Я ему покажу! Вѣрьте, Ольга Николаевна, что это не пройдетъ ему даромъ!

Графъ хорохорился, какъ молодой индюкъ, хотя его никто не уполномочивалъ становиться между мужемъ и женой. Я молчалъ и не противорѣчилъ ему, потому что зналъ, что мщеніе за чужую жену ограничится однимъ только пьянымъ словоизверженіемъ въ четырехъ стѣнахъ, и что о дуэли будетъ забыто завтра же. Но почему молчала Ольга?.. Не хотѣлось думать, что она была не прочь отъ услугъ, которыя предлагалъ ей графъ. Не хотѣлось вѣрить, что у этой глупой, красивой кошки было такъ мало достоинства, что она охотно согласится, чтобы пьяный графъ сталъ судьей мужа и жены..

— Я его съ грязью смѣшаю! — провизжалъ новоиспеченный рыцарь. — Наконецъ, я ему пощечину дамъ! Завтра же!

И она не зажала рта этому прохвосту, оскорблявшему спяна человѣка, который былъ виноватъ только въ томъ, что обманулся и былъ обманутъ! Урбенинъ сдавилъ сильно ей руку, и это вызвало скандальный побѣгъ въ графскій домъ, теперь же на ея глазахъ пьяный нравственный недоросль давилъ честное имя и лилъ грязными помоями на человѣка, который въ это время долженъ былъ изнывать отъ тоски и неизвѣстности, сознавать себя обманутымъ, и она хоть бы бровью двинула!

Пока графъ изливалъ свой гнѣвъ, а Ольга утирала слезы, человѣкъ подалъ жареныхъ куропатокъ. Графъ по-

ложилъ гостѣй поль-куропатки. Она отрицательно покачала головой, потомъ же какъ бы машинально взяла вилку и ножъ и начала ѣсть. За куропаткой слѣдовала большая рюмка вина, и скоро отъ слезъ не осталось никакого слѣда, кромѣ розовыхъ пятенъ около глазъ да рѣдкихъ глубокихъ вздоховъ.

Скоро мы услышали смѣхъ... Ольга смѣялась, какъ утѣшенное, забывшее обиду дитя. Графъ, глядя на нее, тоже смѣялся.

— Знаете, что я надумалъ? — началъ онъ, подсаживаясь къ ней. — Я хочу устроить у себя любительскій спектакль. Дадимъ пьесу съ хорошими женскими ролями. А? Какъ вы думаете?

Начали говорить о любительскомъ спектаклѣ. Какъ эта глупая бесѣда не вязалась съ тѣмъ недавнимъ ужасомъ, который былъ написанъ на лицѣ Ольги, когда она вѣжала часъ тому назадъ блѣдная, плачущая, съ распущенными волосами! Какъ дешево этотъ ужасъ, эти слезы!

А время, между тѣмъ шло. Пробыло двѣнадцать. Порядочныя женщины въ эту пору ложатся спать. Ольгѣ пора уже было уходить. Но пробыло половину перваго, пробыло часъ, а она все сидѣла и бесѣдовала съ графомъ.

— Пора уже спать, — сказалъ я, взглянувъ на часы. — Я ухожу... Вы позволите проводить васъ, Ольга Николаевна?

Ольга поглядѣла на меня, на графа.

— Куда же я пойду? — прошептала она. — Къ нему я не могу итти.

— Да, да, конечно, къ нему вы уже не можете итти, — сказалъ графъ. — Кто поручится, что онъ не побьетъ васъ еще разъ? Нѣтъ, нѣтъ!

Я прошелся по комнатѣ. Наступила тишина. Я ходилъ изъ угла въ уголь, а мой другъ и моя любовница слѣдили за моими шагами. Минъ казалось, что я понималъ и эту тишину и эти взгляды. Въ нихъ было что-то выжидательное, нетерпѣливое. Я положилъ шляпу и сѣлъ на диванъ.

— Тэкъ-съ, — бормоталъ графъ, нетерпѣливо потирая руки. — Тэкъ-съ... Такія-то дѣла...

Пробыло половину втораго. Графъ быстро взглянулъ на часы, нахмурился и зашагалъ по комнатѣ. По взглядамъ, которые онъ бросалъ на меня, видно было, что

ему хотѣлось что-то сказать мнѣ, что-то нужное, но щекотливое, неприятное.

— Послушай, Сережа! — рѣшился онъ наконецъ, садясь рядомъ со мной и шепча мнѣ на ухо. — Ты, голубчикъ, не обижайся... Ты, конечно, поймешь мое положеніе, и тебѣ не покажется странной и дерзкой моя просьба.

— Говори поскорѣй! Нечего мочалу жевать!

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... тово... Уйди, голубчикъ! Ты намъ мѣшаешь... Она у меня останется... Ты меня извини за то, что я тебя тою, но... ты поймешь мое нетерпѣніе.

— Ладно.

Другъ мой былъ отвратителенъ. Не будь я брезгливъ, я, быть-можетъ, раздавилъ бы его, какъ жука, когда онъ, трясаясь какъ въ лихорадкѣ, просилъ меня оставить его съ Урбениной. Поэтическую «дѣвушку въ красномъ», мечтавшую объ эффектной смерти, воспитанную лѣсами и сердитымъ озеромъ, хотѣлъ взять онъ, разслабленный анахоретъ, пропитанный насквозь спиртомъ и больно! Нѣтъ, она не должна быть даже за версту отъ него!

Я подошелъ къ ней.

— Я ухожу, — сказалъ я.

Она кивнула головой.

— Мнѣ уйти отсюда? Да? — спросилъ я, стараясь прочесть истину на ея хорошенькомъ, разгорѣвшемся личикѣ. — Да?

Чуть замѣтнымъ движеніемъ своихъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ она отвѣтила: «да».

— Ты обдумала?

Она отвернулась отъ меня, какъ отворачиваются отъ надоѣвнаго вѣтра. Ей не хотѣлось говорить. Да и къ чему было говорить? Нельзя на длинную тему отвѣтить коротко, а для длинныхъ рѣчей не было ни мѣста ни времени.

Я взялъ шляпу и, не простясь, вышелъ. Впослѣдствіи Ольга рассказывала мнѣ, что тотчасъ же послѣ моего ухода, какъ только шумъ отъ моихъ шаговъ смѣшался съ шумомъ вѣтра и сада, пьяный графъ сжималъ уже ее въ своихъ объятіяхъ. А она, закрывъ глаза, зажавъ себѣ ротъ и ноздри, едва стояла на ногахъ отъ чувства отвращенія. Была даже минута, когда она чуть-было не вырвалась изъ его объятій и не убѣжала въ озеро. Были минуты, когда она рвала волосы на головѣ, плакала. Не легко продаваться.

Выйдя изъ дома и направляясь къ конюшнѣ, гдѣ стояла моя Зорька, я долженъ былъ проходить мимо дома управляющаго. Я заглянулъ въ окно. При тускломъ свѣтѣ сильно пущенной, коптящей лампы, за столомъ сидѣлъ Петръ Егорычъ. Лица его я не видѣлъ. Оно было закрыто руками. Но во всей его толстой, неуклюжей фигурѣ чудилось столько горя, тоски и отчаянія, что не нужно было видѣть лица, чтобы понять состояніе души. Передъ нимъ стояли двѣ бутылки. Одна пустая, другая только-что начатая. Обѣ были водочныя. Бѣдняга искалъ мира не въ себѣ самомъ, не въ людяхъ, а въ алко-голѣ.

Черезъ пять минутъ я ѣхалъ домой. Темнота была ужасная. Озеро сердито бурлило и, казалось, гнѣвалось, что я, такой грѣшникъ, бывший сейчасъ свидѣтелемъ грѣшнаго дѣла, дерзалъ нарушать его суровый покой. Въ потемкахъ не видалъ я озера. Казалось, что ревѣло невидимое чудовище, ревѣла сама окутывавшая меня тьма.

Я остановилъ Зорьку, закрылъ глаза и задумался подъ ревъ чудовища.

— А чтѣ, если я ворочусь сейчасъ и упицтожу ихъ?

Страшная злоба бушевала въ душѣ моей... Все то небольшое хорошее и честное, чтѣ осталось во мнѣ послѣ продолжительной жизненной порчи, все то, чтѣ уцѣлѣло отъ тлѣнія, чтѣ я берегъ, лелѣялъ, чѣмъ гордился, было оскорблено, оплевано, обрызгано грязью!

Ранѣе знавалъ я продажныхъ женщинъ, покупалъ ихъ, изучалъ, но у тѣхъ не было невиннаго румянца и искреннихъ голубыхъ глазъ, которые видѣлъ я въ то майское утро, когда шелъ лѣсомъ на тѣневскую ярмарку... Я, самъ испорченный до мозга костей, прощалъ, проповѣдывалъ терпимость ко всему порочному, снисходилъ до слабости... Былъ я того убѣжденія, что нельзя требовать отъ грязи, чтобы она не была грязью, и нельзя винить тѣ червонцы, которые силою обстоятельствъ падаютъ въ грязь... Но ранѣе не зналъ я, что червонцы могутъ растворяться въ грязи и смѣшиваться съ нею въ одну массу. Растворимо, значить, и золото!

Сильный порывъ вѣтра сорвалъ съ меня шляпу и унесъ ее въ окружающій мракъ. Сорвавшаяся шляпа налету шмыгнула по мордѣ Зорьки. Она испугалась, взвилась на дыбы и понеслась по знакомой дорогѣ.

Приѣхавъ домой, я повалился въ постель. Полицаричъ,

предложившій мнѣ раздѣваться, былъ ни за что ни про что обруганъ чортомъ.

— Самъ — чортъ, — проворчалъ Поликарпъ, отходя отъ кровати.

— Что ты сказалъ? Что ты сказалъ? — вскочилъ я.

— Глухому попы двѣ обѣдни не служать.

— Ааа... ты еще смѣешь говорить мнѣ дерзости! — задрожалъ я, выливая всю свою желчь на бѣднаго лакея. — Вонъ! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было, негодяй! Вонъ!

И, не дожидаясь, пока человѣкъ выйдетъ изъ комнаты, я повалился въ постель и зарыдалъ, какъ мальчишка. Напряженные нервы не вынесли. Бессильная злоба, оскорбленное чувство, ревность, — все должно было вылиться такъ или иначе.

— Мужъ убилъ свою жену! — горланилъ мой попугай, ероша свои жидкія перья.

Подъ вліяніемъ этого крика мнѣ пришла въ голову мысль, что Урбенинъ могъ убить свою жену.

Засыпая, я видѣлъ убійство. Кошмаръ былъ душаций, мучительный... Мнѣ казалось, что руки мои гладили что-то холодное, и что стоило бы мнѣ только открыть глаза, и я увидѣлъ бы трупъ... Мерещилось мнѣ, что у изголовья стоитъ Урбенинъ и глядитъ на меня умоляющими глазами.

Послѣ описанной ночи наступило затишье.

Я засѣлъ дома, позволяя себѣ выходить и выѣзжать только по дѣламъ службы. Дѣлъ у меня накопилось пропасть, а потому скучать было невозможно. Отъ утра до вечера я сидѣлъ за столомъ и усердно строчилъ, или же допрашивалъ понавшій въ мои слѣдовательскія когти людъ. Въ Кариѣвку, въ графскую усадьбу, меня болѣе уже не тянуло.

На Сльгу я махнулъ рукой. Что съ воза упало, то пропало; а она была именно тѣмъ, что упало съ моего воза и, какъ я думалъ, безвозвратно пропало. Я не думалъ о ней и думать не хотѣлъ.

«Глупая, развратная дрянъ!» — третиговалъ я ее всякій разъ, когда она во время моихъ усиленныхъ занятій появлялась въ моемъ воображеніи.

Изрѣдка развѣ, когда я ложился спать или просыпался утромъ, мнѣ приходили на память различные моменты изъ знакомства и непродолжительнаго житья моего съ Ольгой. Мнѣ вспоминались: Каменная Могила, лѣсной до-

микъ, въ которомъ жила «дѣвушка въ красномъ», дорога въ Тѣнево, свиданіе въ пещерѣ... и сердце мое начинало усиленно биться... Я ощущалъ щемящую боль... Но все это было непродолжительно... Свѣтлыя воспоминанія быстро ступшеывались подъ напоромъ тяжелыхъ воспоминаній. Какая поэзія прошлаго могла устоять передъ грязью настоящаго? И теперь, покончивъ съ Ольгой, я далеко уже не такъ глядѣлъ на эту «поэзію», какъ прежде... Теперь я глядѣлъ на нее, какъ на оптическій обманъ, ложь, фарисейство... и она утратила въ моихъ глазахъ половину прелести.

Графъ же мнѣ опротивѣлъ окончательно. Я радъ былъ, что не вижу его, и меня всегда злило, когда его усатая фізіономія робко появлялась въ моемъ воображеніи. Онъ каждый день присылалъ мнѣ письма, въ которыхъ умолялъ меня не хандрить и посѣтить «уже не одинокаго отшельника». Послушаться его писемъ—значило бы сдѣлать для себя непріятность.

«Кончено! — думалъ я. — И слава Богу... Надоѣло...»

Я рѣшилъ прервать съ графомъ сношенія, и эта рѣшимость не стоила мнѣ ни малѣйшей борьбы. Теперь я былъ уже не тотъ, что недѣли три тому назадъ, когда послѣ ссоры изъ-за Пшехоцкаго едва сидѣлъ дома. Примаяки уже не было.

Посидѣвъ безвыходно дома, я заскучалъ и написалъ доктору Павлу Ивановичу письмо съ просьбой пріѣхать поболтать. Отвѣта на письмо я почему-то не получилъ и послалъ другое. На второе былъ такой же отвѣтъ, какъ и на первое... Очевидно, милый «щуръ» дѣлалъ видъ, что сердится... Бѣдняга, получивъ отказъ отъ Наденьки Калининой, причиной своего несчастья считалъ меня. Онъ имѣлъ право сердиться, и если ранѣе никогда не сердился, то потому, что не умѣлъ.

«Когда же это онъ успѣлъ научиться?»—недоумѣвалъ я, не получая отвѣта на свои письма.

На третьей недѣлѣ моего упорнаго, безвыходнаго сидѣнья меня посѣтилъ графъ. Побранивъ меня за то, что я не ѣзжу къ нему и не отвѣчаю на его письма, онъ разлегся на диванѣ и прежде, чѣмъ захрапѣтъ, поговорилъ на свою любимую тему — о женщинахъ...

— Я понимаю, — сказалъ онъ, томно щуря глаза и кладя подъ голову руки: — ты деликатенъ и щепетилень. Ты не ѣздишь ко мнѣ изъ боязни нарушить нашъ дуэтъ...

помѣшать... Гость не во-время хуже татарина, гость же въ медовый мѣсяцъ хуже чорта рогатаго. Я тебя понимаю. Но, другъ мой, ты забываешь, что ты другъ, а не гость, что тебя любятъ, уважаютъ... Да своимъ присутствіемъ ты только дополнилъ бы гармонію... А ужъ и гармонія, братецъ ты мой! Такая гармонія, что и описать тебѣ не могу!

Графъ вытащилъ изъ-подъ головы руку и махнулъ ею.

— Самъ не разберу, хорошо ли миѣ съ нею живетъ, или скверно. И чортъ не разберетъ! Бываютъ дѣйствительно минуты, когда полжизни бы отдалъ за «bis», но зато бываютъ деньки, когда ходишь изъ угла въ уголь, какъ очумѣлый, и ревѣть готовъ...

— Чего же ради?

— Не понимаю, братъ, я этой Ольги. Какая-то лихорадка, а не женщина... Въ лихорадкѣ то жаръ, то ознобъ, такъ вотъ и у нея, пять перемѣнъ на день. То ей весело, то скучно до того, что глотаетъ слезы и молится... То любитъ меня, то нѣтъ... Бываютъ минуты, когда она ласкаетъ меня, какъ отъ роду не ласкала меня еще ни одна женщина. Но зато бываетъ и такъ. Проснешься нечаянно, откроешь глаза и видишь обращенное на тебя лицо... этакое какое-то ужасное, дикое... Перекошено оно, это лицо, злобой, отвращеніемъ... Какъ увидишь этакую штуку, все обаяніе пропало... И часто она такъ на меня смотреть...

— Съ отвращеніемъ?

— Ну да!.. Не пойму никакъ... Сошлась со мной, какъ увѣряетъ, только по любви, а между тѣмъ не проходитъ ночи, чтобъ я этакого лица не видѣлъ. Чѣмъ объяснить? Миѣ начинаетъ казаться, чему я, конечно, вѣрить не хочу, что она меня терпѣть не можетъ, а отдалась миѣ только изъ-за тѣхъ тряпокъ, которыя я теперь ей покупаю. Ужасно любить тряпки! Въ новомъ платьѣ она въ состояши простоять передъ зеркаломъ отъ утра до вечера; изъ-за испорченной оборки она въ состояши проплакать день и ночь... Ужасно суетна! Болѣе всего во миѣ нравится ей то, что я графъ. Не будь я графомъ, она не полюбила бы меня. Не проходитъ ни одного обѣда и ужина, чтобъ она не упрекнула меня со слезами, что я не окружаю себя аристократическимъ обществомъ. Ей, видишь, хотѣлось бы царить въ этомъ обществѣ... Странная!

Графъ устремилъ свой мутный взоръ въ потолокъ и

задумался. Къ великому моему удивленію, я замѣтилъ, что онъ на этотъ разъ, сверхъ обыкновенія, былъ трезвъ. Это меня поразило и даже тронуло.

— А ты сегодня нормаленъ, — сказалъ я: — и не пьянъ, и водки не просишь. Что сей сонъ означаетъ?

— Да такъ! Некогда было пить, все время думаль... Я, надо сказать тебѣ, Сережа, увлекся серьезно, не на шутку. Она миѣ понравилась страшно. Да оно и понятно... Женщина она рѣдкая, недюжинная, не говоря ужъ о наружности. Умишко неособенный, но сколько чувства, изящества, свѣжести! Сравнить ее съ моими обычными Амалиями, Анжеликами да Грушами, любовью которыхъ я доселѣ пользовался, невозможно. Она нѣчто изъ другого міра, міра, который миѣ незнакомъ.

— Философствуй! — засмѣялся я.

— Увлекся, въ родѣ какъ бы полюбилъ! Но теперь вижу, что напрасно стараюсь ноль возвести въ квадратную степень. То была маска, вызвавшая во миѣ фальшивую тревогу. Яркій румянецъ невинности оказывается сурикомъ, поцѣлуй любви — просьбой купить новое платье... Я взялъ ее въ домъ, какъ жену, она же держитъ себя, какъ любовница, которой платятъ деньги. Но теперь шабашъ! Смиряю въ душѣ тревогу и начинаю видѣть въ Ольгѣ любовницу... Шабашъ!

— Ну, что? Какъ мужъ?

— Мужъ? Гм... А какъ ты думаешь, что съ нимъ?

— Я думаю, что несчастіе его человѣка и вообразить теперь трудно.

— Ты думаешь? Напрасно... Это такой негодяй, такая шельма, что я нисколько его не жалѣю... Шельма никогда не можетъ быть несчастлива, она всегда найдетъ себѣ выходъ.

— За что же ты его такъ ругаешь?

— За то, что онъ плутъ. Ты знаешь, что я его уважалъ, я ему вѣрилъ, какъ другу... Я и даже ты — всѣ вообще считали его человѣкомъ честнымъ, порядочнымъ, неспособнымъ на обманъ. А между тѣмъ онъ меня обкрадывалъ, грабилъ! Пользуясь своимъ положеніемъ управляющаго, онъ распоряжался моимъ добромъ, какъ хотѣлъ. Не бралъ только то, чего нельзя было сдвинуть съ мѣста.

Я, знавшій Урбенина, какъ человѣка въ высшей степени честнаго и безкорыстнаго, услышавъ слова графа, вскопился, какъ ужаленный, и подошелъ къ графу.

— Ты поймалъ его на воровствѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но я знаю о его воровскихъ продѣлкахъ изъ достовѣрныхъ источниковъ.

— Изъ какихъ же это источниковъ, позвольте узнать?

— Не безпокойся, напрасно не стану обвинять человека. Мнѣ Ольга все про него рассказала. Она, еще не бывши его женой, собственными глазами видѣла, какъ онъ отправлялъ въ городъ возы битыхъ куръ и гусей. Не разъ она видѣла, какъ мои гуси и куры шли въ подарокъ какимъ-то благодѣтелямъ, у которыхъ квартируетъ его сынъ-гимназистъ. Мало того, она видѣла, какъ онъ туда же отправлялъ муку, просо, сало. Допустимъ, что все это пустяки, но развѣ эти пустяки ему принадлежать? Тутъ дѣло не въ стоимости, а въ принципѣ. Принципъ оскорбленъ! Потомъ-съ. Она видѣла у него въ шкапу пачку денегъ. На вопросъ ея, чьи это деньги и откуда онъ ихъ взялъ, онъ попросилъ ее не проболтаться, что у него есть деньги. Милый мой, ты знаешь, что онъ голъ, какъ соколъ! Жалованья его едва хватаетъ на пропитаніе. Объясни же мнѣ, откуда у него взялись эти деньги?

— И ты, глупецъ, даешь вѣру словамъ этой маленькой гадины?—закричалъ я, возмущенный до глубины души.— Ей мало того, что она бѣжала отъ него, опозорила его на весь уѣздъ. Ей нужно было еще предать его! Такое маленькое, необъемистое тѣло, а сколько въ немъ таятся всякой мерзости! Куры, гуси, просо... хозяйнъ, хозяйнъ! Твое политико-экономическое чувство, твоя сельскохозяйственная глупость оскорблены тѣмъ, что онъ къ празднику посылалъ въ подарокъ битую птицу, которую съѣли бы лисицы да хорьки, если бы ее не били да не дарили, но провѣрялъ ли ты хоть разъ тѣ громадные отчеты, которые подаетъ тебѣ Урбенинъ? Считалъ ли тысячи и десятки тысячъ? Нѣтъ! Да что съ тобой говорить? Ты глупъ и животень. Радъ бы уечь мужа своей любовницы, да не знаешь какъ!

— Моя связь съ Ольгой тутъ ни при чемъ. Мужъ онъ ей, или не мужъ, но, разъ онъ укралъ, я долженъ открыто назвать его воромъ. Но оставимъ наутовство въ сторонѣ. Скажи мнѣ: честно или не честно получать жалованье и по цѣлымъ днямъ валяться безъ просыпу пьянымъ? Онъ пьянъ каждый день! Нѣтъ того дня, чтобъ я не видѣлъ, какъ онъ пишетъ мыслете! Гадко и низко! Такъ дѣла порядочные люди не дѣлають.

— Потому-то онъ и пьетъ, что онъ порядочный,—сказаль я.

— У тебя какая-то страсть заступаться за подобныхъ господъ. Но я порѣшилъ быть безошаднымъ. Сегодня я отослалъ ему расчетъ и попросилъ очистить мѣсто для другого. Терпѣние мое лопнуло.

Убѣждать графа въ томъ, что онъ несправедливъ, непрактиченъ и глупъ, я почелъ излишнимъ. Не передъ графомъ заступаться за Урбенина.

Дней черезъ пять я услышалъ, что Урбенинъ съ сыномъ-гимназистомъ и съ дочкой переѣхалъ на житье въ городъ. Говорили мнѣ, что онъ ѣхалъ въ городъ пьяный, полумертвый, и что два раза сваливался съ телеги. Гимназистъ и Саша всю дорогу плакали.

Немного спустя послѣ отъѣзда Урбенина мнѣ, противъ моей воли, довелось побывать въ графской усадьбѣ. У одной изъ графскихъ конюшенъ воры сломали замокъ и утащили нѣсколько дорогихъ сѣделъ. Дали знать судебному слѣдователю, т.-е. мнѣ, и я volens-nolens долженъ былъ ѣхать.

Графа засталъ я пьянымъ и сердитымъ. Онъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, искалъ убѣжища отъ тоски и не находилъ его.

— Замучился я съ этой Ольгой! — сказалъ онъ, махнувъ рукой. — Разсердилась на меня сегодня утромъ, пригрозила утопиться, ушла изъ дому, и вотъ, какъ видишь, до сихъ поръ ея нѣтъ. Я знаю, что она не утопится, но все-таки скверно. Вчера цѣлый день куксилась и била посуду, третьяго-дня объѣлась шоколаду. Чортъ знаетъ, что за натура!

Я утѣшилъ графа, какъ умѣлъ, и сѣлъ съ нимъ обѣдать.

— Нѣтъ, пора бросить эти ребячества, — бормоталъ онъ во все время обѣда. — Пора, а то глупо и смѣшно. И къ тому же, признаться, она начинаетъ уже мнѣ надѣдать своими рѣзкими переходами. Мнѣ хочется чего-нибудь тихаго, постояннаго, скромнаго, въ родѣ Наденьки Калининой, знаешь ли... чудная дѣвушка!

Послѣ обѣда, гуляя въ саду, я встрѣтился съ «утопленницей». Увидѣвъ меня, она страшно покраснѣла и — странная женщина — засмѣялась отъ счастья. Стыдъ на ея лицѣ

смѣшался съ радостью, горе съ счастьемъ. Поглядѣвъ на меня искоса, она разбѣжалась и, не говоря ни слова, повисла мнѣ на шеѣ.

— Я люблю тебя, — зашептала она, сжимая мою шею. — Я по тебѣ такъ соскучилась, что если бы ты не пріѣхалъ, то я бы умерла!

Я обнялъ ее и молча повелъ къ бесѣдкѣ. Черезъ десять минутъ, разставаясь съ нею, я вынулъ изъ кармана четвертной билетъ и подаль ей. Она сдѣлала большіе глаза.

— Зачѣмъ это?

— Это я плачу тебѣ за сегодняшнюю любовь.

Ольга не поняла и продолжала глядѣть на меня съ удивленіемъ.

— Есть, видишь ли, женщины, — пояснилъ я: — которыя любятъ за деньги. Онѣ продажныя. Имъ слѣдуетъ платить деньги. Бери же! Если ты берешь у другихъ, почему же не хочешь взять отъ меня? Я не желаю одолженій!

Какъ я ни былъ циниченъ, нанося это оскорбленіе, но Ольга не поняла меня. Она не знала еще жизни и не понимала, что значить «продажныя» женщины.

Былъ хорошій августовскій день.

Солнце грѣло по-лѣтнему, голубое небо ласково манило вдаль, но въ воздухѣ уже висѣло предчувствіе осени. Въ зеленой листвѣ задумчивыхъ лѣсовъ уже золотились отжившіе листья, а потемнѣвшія поля глядѣли тоскливо и печально.

Предчувствіе неизбѣжной тяжелой осени залегало и въ насъ самихъ. Нетрудно было предвидѣть, что развязка была уже близка. Долженъ же когда-нибудь ударить громъ и брызнуть дождь, чтобъ освѣжить душную атмосферу! Передъ грозой, когда на небѣ надвигаются темныя, свинцовыя тучи, бываетъ душно, а нравственная духота уже сидѣла въ насъ. Она сказывалась во всемъ: въ нашихъ движеніяхъ, улыбкахъ, рѣчахъ.

Я ѣхалъ въ легкомъ шарабанѣ. Возлѣ меня сидѣла Наденька, дочь мирового. Она была блѣдна, какъ снѣгъ, подбородокъ и губы ея вздрагивали, какъ передъ плачемъ, глубокіе глаза были полны скорби, а между тѣмъ она всю дорогу смѣялась и дѣлала видъ, что ей чрезвычайно весело.

Впереди и сзади насъ двигались экипажи всѣхъ родовъ,

время и калибровъ. По бокамъ скакали всадники и амазонки. Графъ Карнѣевъ, облеченный въ зеленый охотничій костюмъ, похожій болѣе на шутовской, чѣмъ на охотничій, согнувшись впередъ и набокъ, немилосердно подпрыгивалъ на своемъ ворономъ. Глядя на его согнувшееся тѣло и на выраженіе боли, то и дѣло мелькавшее на его испитомъ лицѣ, можно было подумать, что онъ ѣздилъ верхомъ впервые. На спинѣ его болталась новенькая двустволка, а на боку висѣла сумка, въ которой ворочался подстрѣленный куликъ.

Украшеніемъ кавалькады была Оленька Урбенина. Сидя на ворономъ конѣ, подаренномъ ей графомъ, одѣтая въ черную амазонку и съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, она уже не походила на ту дѣвушку въ красномъ, которая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, встрѣтилась намъ въ лѣсу. Теперь въ ея фигурѣ было что-то величественное, «грандамское». Каждый взмахъ хлыстомъ, каждая улыбка — все было рассчитано на аристократизмъ, на величественность. Въ ея движеніяхъ и улыбкахъ было что-то вызывающее, зажигательное. Она надменно-фатовски поднимала вверхъ голову и съ высоты своего копы обливала все общество презрѣніемъ, словно ей ни почемъ были громкія замѣчанія, посылаемая по ея адресу нашими добродѣтельными дамами. Она бравировала и кокетничала своимъ нахальствомъ, своимъ положеніемъ «при графѣ», словно ей было неизвѣстно, что она уже надоѣла графу, и что послѣдній каждую минуту ждалъ случая, чтобъ отвязаться отъ нея.

— Меня графъ хочетъ прогнать! — сказала мнѣ она съ громкимъ смѣхомъ, когда кавалькада выѣзжала съ двора; стало-быть, ей было извѣстно ея положеніе, и она понимала его.

Но къ чему же громкій смѣхъ? Я глядѣлъ на нее и недоумѣвалъ: откуда у этой лѣсной мѣщаночки могло взяться столько прыти? Когда она успѣла научиться такъ граціозно покачиваться на сѣдлѣ, гордо шевелить ноздрями и щеголять повелительными жестами?

— Развратная женщина — та же свинья, — сказалъ мнѣ докторъ Павелъ Ивановичъ. — Когда ее сажаютъ за столъ, она и ноги на столъ.

Но это объясненіе было слишкомъ просто. Никто не могъ быть такъ пристрастенъ къ Ольгѣ, какъ я, и я первый готовъ былъ бы бросить въ нее камень; но смутный го-

лось правды шепталъ мнѣ, что то была не притъ, це бахвальство сытой, довольной женщины, а отчаянность, предчувствіе близкой и неизбежной развязки.

Мы возвращались съ охоты, на которую отправились съ самаго утра. Охота вышла неудачна. Около болотъ, на которыя мы возлагали большія надежды, мы встрѣтили компанію охотниковъ, которые объявили намъ, что дичь распугана. Намъ удалось отправить на тотъ свѣтъ трехъ куликовъ и одного утенка — вотъ и все, что выпало на долю десятка охотниковъ. Въ концѣ концовъ у одной изъ амазонокъ разболѣлись зубы, и мы должны были поспѣшить обратно. Возвращались мы прекрасной дорѳгой по полю, на которомъ желтѣли снопы недавно сжатой ржи, въ виду угрюмыхъ лѣсовъ... На горизонтѣ бѣлѣли графская церковь и домъ. Вправо отъ нихъ широко разстилалась зеркальная поверхность озера, влѣво темнѣла Каменная Могила...

— Какая ужасная женщина! — шептала мнѣ Наденька всякій разъ, когда Ольга ровнялась съ нашимъ шарабаномъ. — Какая ужасная! Она столько же зла, сколько и красива... Давно ли вы были шаферомъ на ея свадьбѣ? Не услѣла она износить съ тѣхъ поръ башмаковъ, какъ ходитъ уже въ чужомъ шелку и щеголяетъ чужими брильянтами... Если ужъ у нея такіе инстинкты, то была бы хоть тактична и подождала бы годъ, два...

— Торопитесь жить! Ждать некогда! — вздохнулъ я.

— А знаете, что дѣлается съ ея мужемъ?

— Говорятъ, пьянствуетъ....

— Да... Папа третьяго-дня былъ въ городѣ и видѣлъ, какъ онъ откуда-то ѣхалъ на извозчикѣ. Голова, знаете ли, набокъ, шапки нѣтъ, на лицѣ грязь... Погибъ чловѣкъ! Бѣдность, говорятъ, страшная: ѣсть нечего, за квартиру не заплачено. Бѣдная дѣвочка Саша по цѣлымъ днямъ сидитъ не ѣвши. Папа описалъ все это графу... Но въды вы знаете графа! Онъ честный, добрый, но не любитъ задумываться и разсуждать. «Я, говоритъ, пошлю ему сто рублей». Взялъ и послалъ... Я думаю, что большаго оскорбленія нельзя было нанести Урбенину, какъ послать денегъ... Онъ оскорбится этой графской подачкой и станетъ пить еще больше...

— Да, графъ глупъ, — сказалъ я. — Онъ могъ бы послать эти деньги черезъ меня и отъ моего имени.

— Онъ не имѣлъ права посылать ему денегъ! Имѣю ли

я право кормить васъ, если я васъ душу и вы меня не навидите?

— Это правда...

Мы умолкли и задумались... Мысль о судьбѣ Урбенина была для меня всегда тяжела; теперь же, когда передъ моими глазами тарцовала погубившая его женщина, эта мысль породила во мнѣ цѣлый рядъ тяжелыхъ мыслей... Что станетъ съ нимъ и съ его дѣтьми? Чѣмъ въ концѣ концовъ кончитъ она? Въ какой нравственной лужѣ кончить свой вѣкъ этотъ щедушный, жалкій графъ?

Возлѣ меня сидѣло существо, единственно порядочное и достойное уваженія... Двухъ только людей зналъ я въ нашемъ уѣздѣ, которыхъ я въ силахъ былъ любить и уважать, которые одни только имѣли право отвернуться отъ меня, потому что стояли выше меня... Это были Надежда Калинина и докторъ Павелъ Ивановичъ... Что ожидало ихъ?

— Надежда Николаевна! — сказалъ я ей. — Самъ того не желая, я причинилъ вамъ немало зла и менѣе, чѣмъ кто-либо, имѣю права расчитывать на вашу откровенность. Но, клянусь вамъ, никто не пойметъ васъ такъ, какъ я пойму. Ваше горе — мое горе, ваше счастье — мое счастье... Если я задамъ вамъ сейчасъ вопросъ, то не подозрейте въ немъ праздно любопытство. Скажите мнѣ, моя дорогая, зачѣмъ вы позволяете этому пигмею-графу приближаться къ вамъ? Что вамъ мѣшаетъ гнать его отъ себя и не слушать его гнусныхъ любезностей? Вѣдь его ухаживанія не дѣлаютъ чести порядочной женщинѣ! Зачѣмъ вы даете поводъ этимъ сплетницамъ ставить ваше имя рядомъ съ его именемъ?

Наденька поглядѣла на меня своими ясными глазами и, словно прочитавъ на моемъ лицѣ искренность, весело улыбнулась.

— Что же онѣ говорятъ? — спросила она.

— Онѣ говорятъ, что вашъ папенька и вы ловите графа, и что графъ въ концѣ концовъ натянетъ вамъ носъ.

— Не знаютъ онѣ графа, а потому такъ и говорятъ! — вспыхнула Наденька. — Безстыдныя сплетницы! Онѣ привыкли видѣть въ людяхъ одно только дурное... Хорошее недоступно ихъ пониманію!

— А вы нашли въ немъ хорошее?

— Да, я нашла! Вы первый должны были бы знать, что я не допустила бы его къ себѣ, если бы не была увѣрена въ его честныхъ намѣреніяхъ!

— Стало-быть, у васъ дѣло дошло уже до «честныхъ намѣреній»,—удивился я.—Скоро... А на что вамъ сдались его 'честныя намѣренія?

— Вы хотите знать?—спросила она, и глаза ея заблистали. — Тѣ сплетницы не лгутъ: я хочу выйти за него замужъ! Не стройте удивленной фізіономіи и не улыбайтесь! Вы скажете, что выходитъ не любя нечестно и прочее, что уже тысячу разъ было сказано, но... что же мнѣ дѣлать? Чувствовать себя на этомъ свѣтѣ лишнею мебелью очень тяжело... Жутко жить, не зная цѣли... Когда же этотъ человѣкъ, котораго вы такъ не любите, сдѣлаетъ меня своей женой, то у меня уже будетъ задача жизни... Я исправлю его, я отучу его пить, научу работать... Взгляните на него! Теперь онъ непохожъ на человѣка, а я сдѣлаю его человѣкомъ.

— И такъ далѣе и такъ далѣе, — сказалъ я. — Вы сбережете его громадное состояніе, будете творить благія дѣла... Весь уѣздъ будетъ благословлять васъ и видѣть въ васъ ангела, ниспосланнаго на утѣшеніе несчастныхъ... Вы будете матерью и воспитаеете его дѣтей... Да, великая задача! Умная вы дѣвушка, а рассуждаете, какъ гимназистъ!

— Пусть моя идея никуда не годится, пусть она смѣшна и наивна, но я живу ею... Подъ вліяніемъ ея я стала здоровѣй и веселѣй... Не разочаровывайте же меня! Пусть я сама разочаруюсь, но не теперь, а когда-нибудь... послѣ, въ далекомъ будущемъ... Оставимъ этотъ разговоръ!

— Еще одинъ нескромный вопросъ: вы ждете предложенія руки?

— Да... Судя по его запискѣ, которую я сегодня получила отъ него, судьба моя рѣшится вечеромъ... сегодня... Онъ пишетъ мнѣ, что имѣетъ сказать что-то очень важное... Отъ моего отвѣта, пишетъ онъ, будетъ зависѣть счастье всей его жизни.

— Спасибо за откровенность, — сказалъ я.

Смысль записки, полученной Наденькой, для меня былъ ясенъ. Бѣдную дѣвушку ожидало гнусное предложеніе... Я порѣшилъ избавить ее отъ него.

— Мы уже пріѣхали къ нашему лѣсу, — сказалъ графъ, поровнявшись съ нашимъ шарабаномъ.—Не желаете ли, Надежда Николаевна, устроить приваль?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ захлопалъ въ ладоши и скомандовалъ громкимъ, дребезжащимъ теноркомъ:

— Прива-а-алъ!

Мы расположились на опушкѣ лѣса. Солнце спряталось за деревья, крася въ золотистый пурпурь одиѣ только верхушки самыхъ высокихъ ольхъ да играя на золотомъ крестѣ виднѣвшейся вдали графской церкви. Надъ нашими головами залетали встревоженные копчики и иволги. Кто-то изъ мужчинъ выстрѣлилъ и еще болѣе встревожилъ пернатое царство. Поднялся неутомонный птичій концертъ. Этотъ концертъ имѣетъ свою прелесть весною и лѣтомъ, но, когда въ воздухѣ чувствуется приближеніе холодной осени, онъ раздражаетъ нервы и напоминаетъ о скоромъ перелетѣ.

Изъ чащи потянуло вечернею свѣжестью. Носы дамъ носинѣли, и зябкій графъ сталъ потирать руки. Какъ нельзя болѣе кстати запахло самоварной гарью и зазвучала чайная посуда. Одноглазый Кузьма, пыхтя и путаясь въ высокой травѣ, притащилъ ящикъ съ коньякомъ. Мы принялись грѣться.

Предолжительная прогулка на свѣжемъ, прохладномъ воздухѣ дѣйствуетъ на аппетитъ лучше всякихъ аппетитныхъ капель. Послѣ нея балыкъ, икра, жаренныя куропатки и прочая снѣдь ласкаютъ взоръ, какъ розы въ раннее весеннее утро.

— Ты сегодня уменъ, — сказалъ я графу, отрѣзывая себѣ кусокъ балыка. — Уменъ, какъ никогда. Трудно распорядиться умнѣ...

— Это мы вмѣстѣ съ графомъ распорядились! — захихикалъ Калининъ, мигнувъ глазомъ на кучеровъ, таскавшихъ изъ шарабановъ кульки съ закуской, вина и посуду. — Пикничокъ выйдетъ на славу... Къ концу шампанея будетъ.

Лицо мирового на этотъ разъ лоснилось такимъ довольствомъ, какъ никогда. Не думалъ ли онъ, что въ этотъ вечеръ его Наденькѣ будетъ сдѣлано предложеніе? Не для того ли онъ припасъ и шампанскаго, чтобы поздравить молодыхъ? Я пристально взглянулъ на его фізіономію, но, по обыкновенію, не прочелъ ничего, кромѣ безшабашнаго довольства, сытости и тупой важности, разлитой по всей его солидной фигурѣ.

Мы весело набросились на закуски. Къ сѣдобной роскоши, лежавшей передъ нами на коврахъ, отнеслись безучастно только двое: Ольга и Наденька Калинина. Первая стояла въ сторонѣ и, облокотившись о задокъ шара-

бана, неподвижно и молча глядѣла на ягдташъ, сброшенный на землю графомъ. Въ ягдташѣ ворочался подстрѣленный куликъ. Ольга слѣдила за движеніями несчастной птицы и словно ждала ея смерти.

Надя сидѣла рядомъ со мною и безучастно глядѣла на весело жевавшіе рты.

— Когда же все это кончится? — говорили ея утомленные глаза.

Я предложилъ ей бутербродъ съ икрой. Она поблагодарила и положила его въ сторону. Очевидно, ей было не до ѣды.

— Ольга Николаевна! Вы же чего не садитесь? — крикнулъ графъ Ольгѣ.

Ольга не отвѣтила и продолжала стоять неподвижно, какъ статуя, и глядѣть на птицу.

— Какіе есть безсердечные люди, — сказалъ я, подходя къ Ольгѣ. — Неужели вы, женщина, въ состояніи равнодушно созерцать мученія этого кулика? Чѣмъ глядѣть, какъ онъ корчится, вы бы лучше приказали его добить.

— Другія мучатся, пусть и онъ мучится, — сказала Ольга, не глядя на меня и хмурия брови.

— Кто же еще мучится?

— Оставь меня въ покоѣ! — прохрипѣла она. — Я не расположена сегодня говорить ни съ тобой... ни съ твоимъ дуракомъ-графомъ! Отойди отъ меня прочь!

Она вскинула на меня глазами, полными злобы и слезъ. Лицо ея было блѣдно, губы дрожали.

— Какая перемена! — сказалъ я, поднимая ягдташъ и добывая кулика. — Какой тонъ! Пораженъ! Совсѣмъ пораженъ!

— Оставь меня въ покоѣ, говорятъ тебѣ! Миѣ не до шутокъ!

— Чтѣ же съ тобой, моя прелесть?

Ольга окинула меня взоромъ снизу вверхъ и отвернулась.

— Такимъ тономъ разговариваютъ съ развратными и продажными женщинами, — проговорила она. — Ты меня такой считаешь... ну и ступай къ тѣмъ святымъ!.. Я здѣсь хуже, подлѣе всѣхъ... ты, когда ѣхалъ съ этой добродѣтельной Наденькой, боялся глядѣть на меня... Ну, и иди къ нимъ! Чего же стоишь? Иди!

— Да, ты здѣсь хуже и подлѣе всѣхъ, — сказалъ я,

чувствую, какъ мною постепенно овладѣваетъ гнѣвъ. — Да, ты развратная и продажная.

— Да, я помню, какъ ты предлагалъ мнѣ проклятыя деньги... Тогда я не понимала значенія ихъ, теперь же понимаю...

Гнѣвъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ. И этотъ гнѣвъ былъ такъ же силенъ, какъ та любовь, которая начинала когда-то зарождаться во мнѣ къ дѣвушкѣ въ красномъ... Да и кто бы, какой камень остался бы равнодушенъ? Я видѣлъ передъ собою красоту, брошенную немилосердной судьбою въ грязь. Не были пощажены ни молодость, ни красота, ни грація... Теперь, когда эта женщина казалась мнѣ прекраснѣй, чѣмъ когда-либо, я чувствовалъ, какую потерю въ лицѣ ея понесла природа, и мучительная злость на несправедливость судьбы, на порядокъ вещей наполняла мою душу...

Въ минуты гнѣва я не умѣю себя сдерживать. Не знаю, что бы еще пришлось Ольгѣ выслушать отъ меня, если бы она, повернувшись ко мнѣ спиной, не отошла. Она тихо направилась къ деревьямъ и скоро скрылась за ними... Мнѣ казалось, что она заплакала...

— Вы, милостивыя государыни и милостивые государи! — услышалъ я рѣчь Калинина. — Въ сей день, въ который мы всѣ соединились для... для того, чтобъ объединиться... Мы здѣсь въ сборѣ, всѣ между собою знакомы, всѣ веселимся и этимъ давно желаннымъ объединеніемъ нашимъ мы обязаны не кому другому, какъ нашему свѣтилу, звѣздѣ нашей губерніи... Вы, графъ, не конфузьтесь... Дамы понимаютъ, о комъ я говорю... Хе-хе-хе!.. Ну-съ, будемъ продолжать... Такъ какъ всѣмъ этимъ мы обязаны нашему просвѣщенному и юному... юному... графу Карнѣеву, то предлагаю выпить сей тостъ за... Но кто-то ѣдетъ! Кто это?

Къ опушкѣ, гдѣ мы сидѣли, по направленію отъ графской усадьбы катила коляска.

— Кто бы это могъ быть? — удивился графъ, направляя свой бинокль въ сторону коляски. — Гм... странно... Это, должно-быть, проѣзжіе... Ахъ, нѣтъ! Я вижу рожу Баэтана Казимировича... Съ кѣмъ это онъ?

И графъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный... Лицо его покрылось смертельною блѣдностью, изъ рукъ выпалъ бинокль. Глаза его забѣгали, какъ у пойманной мыши, и, словно прося о помощи, останавливались то

на мнѣ, то на Надѣ... Не всѣ уловили его смущеніе, потому что вниманіе большинства было отвлечено приближавшейся коляской.

— Сережа, поди сюда на минуту! — зашепталъ онъ, хватая меня подъ руку и отводя въ сторону. — Голубчикъ, умоляю тебя, какъ друга, какъ лучшаго изъ людей... Ни вопросовъ, ни вопрошающихъ взглядовъ, ни удивленія! Все разскажу послѣ! Клянусь, что ни одна юта не останется для тебя тайной... Это такое несчастье въ моей жизни, такое несчастье, что и выразить тебѣ не могу! Все узнаешь, а теперь безъ вопросовъ! Помоги мнѣ!

Между тѣмъ коляска была все ближе и ближе... Наконецъ она остановилась, и глупая тайна нашего графа стала достояніемъ уѣзда. Изъ коляски, пыхтя и улыбаясь, выльзъ Пшехоцкій, облеченный въ новый чечунчевый костюмъ. За нимъ ловко выпрыгнула молодая дама, лѣтъ 23-хъ. Это была высокая стройная блондинка съ правильными, но несимпатичными чертами лица и съ синими глазами. Я помню только эти синіе, ничего не выражающіе глаза, напудренный носъ, тяжелое, но роскошное платье и нѣсколько массивныхъ браслетовъ на обѣихъ рукахъ... Я помню, что запахъ вечерней сырости и пролитаго коньяка уступилъ свое мѣсто пронзительному запаху какихъ-то духовъ.

— Какъ васъ здѣсь много! — проговорила незнакомка ломанымъ русскимъ языкомъ. — Должно-быть, очень весело! Здравствуй, Алексисъ!

Она подошла къ Алексису и подставила ему свою щеку. Графъ быстро чмокнулъ и тревожно взглянулъ на своихъ гостей.

— Моя жена, рекомендую! — забормоталъ онъ. — А это, Зося, мои хорошіе знакомые... Гм... Кашель у меня.

— А я только-что пріѣхала! Каэтанъ говоритъ мнѣ: отдохни! Но я говорю, зачѣмъ мнѣ отдыхать, если я всю дорогу спала! И я лучше поѣду на охоту! Одѣлась и поѣхала... Каэтанъ, гдѣ мои сигареты?

Пшехоцкій подскочилъ къ блондинкѣ и подаль ей золотой портсигаръ.

— А это — братъ моей жены... — продолжалъ графъ бормотать, указывая на Пшехоцкаго. — Да помоги же мнѣ! — толкнулъ онъ меня подъ локоть. — Выручи, ради Бога!

Говорять, что съ Калининымъ сдѣлалось дурно, и что Надя, желая помочь ему, не могла подняться съ мѣста. Говорять, что многіе поспѣшили сѣсть въ свои экипажи и уѣхать. Я всего этого не видѣлъ. Помню, что я пошелъ въ лѣсъ и, ища тропинки, не глядя впередъ, направился, куда ноги пойдутъ *).

На ногахъ моихъ висѣли куски липкой глины, и весь я былъ въ грязи, когда вышелъ изъ лѣсу. Вѣроятно, мнѣ приходилось перепрыгивать черезъ ручей, но обстоятельства этого я не помню. Словно меня сильно избили палками, до того я чувствовалъ себя утомленнымъ и замученнымъ. Нужно было отправиться въ графскую усадьбу, сѣсть на Зорьку и ѣхать. Но я этого не сдѣлалъ, а отправился домой пѣшкомъ. Не могъ я видѣть ни графа ни его проклятой усадьбы **).

Дорога моя лежала по берегу озера. Водяное чудовище уже начинало ревѣть свою вечернюю пѣсню. Высокія волны съ бѣлыми гребнями покрывали всю громадную поверхность. Въ воздухѣ стояли гуль и рокоть. Холодный, сырой вѣтеръ пронизывалъ меня до костей. Слѣва было сердитое озеро, а справа неся монотонный шумъ суроваго лѣса. Я чувствовалъ себя съ природой одинъ-на-одинъ, какъ на очной ставкѣ. Казалось, весь ея гнѣвъ, весь этотъ шумъ и ревъ были для одной только моей головы. При другихъ обстоятельствахъ я, быть-можетъ, ощутилъ бы робость, но теперь я едва замѣчалъ окружающихъ меня великановъ. Чтѣ гнѣвъ природы былъ въ сравненіи съ той бурей, которая кипѣла во мнѣ? ***).

Придя домой, я, не раздѣваясь, повалился въ постель. — Опять, безстыжіе глаза, въ озерѣ въ одежѣ купался! — заворчалъ Поликарпъ, стаскивая съ меня мокрую и грязную одежду. — Опять наказаніе мое! Еще тоже

*) Тутъ въ рукописи Камышева зачеркнуто сто строкъ. А. Ч.

**) На этомъ мѣстѣ рукописи нарисована чернилами хорошенькая женская головка съ искаженными отъ ужаса чертами. Все, написанное ниже ея, старательно зачеркнуто. Верхняя половина слѣдующей страницы тоже зачеркнута, и сквозь сплошную чернильную кляксу можно разобрать одно только слово: «високъ». А. Ч.

***) Тутъ тоже зачеркнуто. А. Ч.

благородный, образованный, а хуже всякаго трубочиста... Не знаю, чему тамъ въ университетѣ васъ учили.

Я, не вынося ни человѣческаго голоса ни лица, хотѣлъ крикнуть на Поликарпа, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ, но слово мое застряло въ горлѣ. Языкъ былъ такъ же обезсиленъ и изнеможенъ, какъ и все тѣло. Какъ это ни мучительно было, но пришлось позволить Поликарпу стащить съ меня все, даже измокшее нижнее бѣлье.

— И хоть бы повернулся! — ворчалъ мой слуга, ворочая меня съ боку на бокъ, какъ маленькую куклу. — Завтра же расчетъ! Ни-ни... ни за какія деньги! Будетъ съ меня, дурака! Чтобы мнѣ провалиться, ежели останусь!

Свѣжее, теплое бѣлье не согрѣло и не успокоило меня. Я дрожалъ и отъ гнѣва и отъ страха до того сильно, что у меня стучали зубы. Страхъ былъ необъяснимый... Не пугали меня ни привидѣнія, ни выходцы изъ могилъ, ни даже портретъ моего предшественника, Пospѣлова, висѣвшій надъ моей головой. Онъ не спускалъ съ меня своихъ безжизненныхъ глазъ и, казалось, мигалъ ими, но меня нимало не коробило, когда я глядѣлъ на него. Будущее мое было не прозрачно, но все-таки можно было съ большею вѣроятностью сказать, что мнѣ ничто не угрожаетъ, что черныхъ тучъ вблизи нѣтъ. Смерть не скоро, болѣзни мнѣ были не страшны, личнымъ несчастьямъ я не придавалъ значенія... Чего же я боялся, и отчего стучали мои зубы?

Не былъ мнѣ понятенъ и мой гнѣвъ...

«Тайна» графа не могла разозлить меня такъ сильно. Мнѣ не было дѣла ни до графа, ни до его женитьбы, которую онъ скрылъ отъ меня.

Остается объяснить тогдашнее состоянiе моей души нервнымъ разстройствомъ и утомленiемъ. Иное объясненiе мнѣ не подъ силу.

По уходѣ Поликарпа я укрывся съ головой, намѣреваясь уснуть. Было темно и тихо. Безпокойно ворочался въ своей клѣткѣ попугай, да доносилось мѣрное постукиванiе стѣнныхъ часовъ изъ Поликарповой комнаты, во всемъ же остальномъ царили миръ и тишина. Физическое и душевное утомленiе взяли свое, и я сталъ засыпать... Я чувствовалъ, какъ съ меня постепенно спадала какая-то тяжесть, какъ ненавистные образы смѣнялись въ сознании туманомъ... Помню, я даже начиналъ видѣть

сонъ. Снилось мнѣ, что въ свѣтлое, зимнее утро шель я по Невскому въ Петербургѣ и, отъ-нечего-дѣлать, за-сматривалъ въ окна магазиновъ. На душѣ моей было легко, весело... Некуда было спѣшить, дѣлать было нечего—свобода абсолютная... Сознаніе, что я далеко отъ своей деревни, отъ графской усадьбы и сердитаго, холоднаго озера, еще болѣе паstraивало меня на мирный, веселый ладъ. Я остановился у самаго большого окна и сталъ разсматривать женскія шляпки... Шляпки были мнѣ знакомы... Въ одной изъ нихъ я видѣлъ Ольгу, въ другой Надю, третью я видѣлъ въ день охоты на бѣлокурой головѣ внезапно прѣхавшей Зоси... Подъ шляпками заулыбались знакомыя фізіономіи... Когда я хотѣлъ имъ что-то сказать, онѣ все три слились въ одну большую, красную фізіономію. Эта сердито задвигала своими глазами и высунула языкъ... Кто-то сзади сдавила мнѣ шею...

— Мужъ убилъ свою жену!—крикнула красная фізіономія.

Я вздрогнулъ, вскрикнулъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ постели... Сердце мое страшно билось, на лбу выступилъ холодный потъ.

— Мужъ убилъ свою жену!—повторилъ попугай.— Дай же мнѣ сахару! Какъ вы глупы! Дуракъ!

— Это попугай...—успокоилъ я себя, ложась въ постель.— Слава Богу...

Слышался монотонный ропотъ... То о кровлю стучалъ дождь... Тучи, которыя я видѣлъ на западѣ, когда шель по берегу озера, заволокли теперь все небо. Слабо блеснула молнія и освѣтила портретъ покойнаго Поспѣлова... Надъ самой моей головой прогремѣлъ громъ...

«Послѣдняя гроза за это лѣто»,—подумалъ я.

Вспомнилась мнѣ одна изъ первыхъ грезъ... Точно такой же громъ гремѣлъ когда-то въ лѣсу, когда я первый разъ былъ въ домикѣ лѣсничаго... Я и дѣвушка въ красномъ стояли тогда у окна и глядѣли на сосны, которыя освѣщала молнія... Въ глазахъ прекраснаго созданія свѣтился страхъ. Она сказала мнѣ, что мать ея умерла отъ молніи, и что она сама жаждетъ эффектной смерти... Хотѣлось бы ей одѣться такъ, какъ одѣваются богатѣйшія аристократки уѣзда. Она чуяла, что къ ея красотѣ шла роскошь наряда. И, сознавая свое суетное величіе, гордая имъ, она хотѣла бы взойти на Каменную Могилу и тамъ эффектно умереть.

Мечта ея сб..... хотя и не на камен... *)

Потерявъ всякую надежду уснуть, я поднялся и сѣлъ на кровати. Тихій ропотъ дождя постепенно обращался въ сердитый ревъ, который я такъ любилъ, когда душа моя была свободна отъ страха и злости... Теперь же этотъ ревъ казался мнѣ зловѣщимъ. Ударъ грома слѣдовалъ за ударомъ.

— Мужъ убилъ свою жену! — каркнулъ попугай.

Это была послѣдняя его фраза... Закрывъ въ малодушномъ страхѣ глаза, я нащупалъ въ темнотѣ клѣтку и швырнулъ ее въ уголь...

— Черти бы тебя взяли! — крикнулъ я, услышавъ звонъ клѣтки и пискъ попугая.

Бѣдная, благородная птица! Полетъ въ уголь не обошелся ему даромъ... На другой день его клѣтка содержала въ себѣ холодный трупъ. За что я убилъ его? Если его любимая фраза о мужѣ, убившемъ свою жену, напомн... **).

Мать моего предшественника, Поспѣлова, уступая мнѣ квартиру, взяла съ меня деньги за всю обстановку, даже за фотографическія изображенія незнакомыхъ мнѣ людей. Но она ни копейки не взяла съ меня за дорогого попугая. Наканунѣ своего отъѣзда въ Финляндію она всю ночь прощалась со своей благородной птицей. Я помню всхлипыванья и причитыванья, которыми сопровождалось это прощанье. Помню слезы, съ которыми она просила меня сберечь ея друга до ея возвращенія. Я далъ ей честное слово, что ея попугай не пожалѣетъ о томъ, что познакомился со мною. И не сдержалъ я этого слова. Я убилъ птицу. Воображаю, что сказала бы старуха, если бы узнала о судьбѣ своего крикуна!

Кто-то осторожно постучался въ мое окно. Домишко, въ которомъ я жилъ, стоялъ по дорогѣ однимъ изъ крайнихъ, и стукъ въ окно приходилось мнѣ слышать нерѣдко, въ особенности въ дурную погоду, когда проѣзжіе искали ночлега. На сей разъ стучались ко мнѣ не проѣзжіе. Пройдя къ окну и дождавшись, когда блеснетъ молнія,

*) Тутъ, къ сожалѣнію, опять зачеркнуто. Замѣтно, что Камышевъ зачеркивалъ не во время писанія, а послѣ... Къ концу повѣсти я обращаю на эти зачеркиванія особое вниманіе. А. Ч.

**) Тутъ безпорядочно зачеркнута почти цѣлая страница. Пощажены только нѣсколько словъ, не дающихъ ключа къ уразумѣнію зачеркнутого. А. Ч.

я увидѣлъ темный силуэтъ какого-то высокаго и тонкаго человѣка. Онъ стоялъ передъ окномъ и, казалось, ежился отъ холода. Я отворилъ окно.

— Кто здѣсь? Что нужно? — спросилъ я.

— Сергѣй Петровичъ, это я! — услышалъ я жалобный голосъ, какимъ говорятъ сильно иззябшіе и испуганные люди. — Это я! Къ вамъ, мой дорогой!

Въ жалобномъ голосѣ темнаго силуэта узналъ я, къ своему великому удивленію, голосъ моего друга, доктора Павла Ивановича. Посѣщеніе «щура», ведущаго регулярную жизнь и лежащаго спать раньше двѣнадцати, было непонятно. Что могло заставить его измѣнить своимъ правиламъ и явиться ко мнѣ въ два часа ночи, да вдобавокъ еще въ такую ужасную погоду?

— Что вамъ нужно? — спросилъ я, пославъ въ глубинѣ души нежданнаго гостя къ чорту.

— Извините, голубчикъ... Я хотѣлъ постучать въ дверь, но вашъ Поликарпъ навѣрное спитъ теперь, какъ мертвецъ. Я рѣшилъ постучать въ окно.

— Да что вамъ нужно?

Павель Ивановичъ подошелъ ближе къ моему окну и забормоталъ что-то непонятное. Онъ дрожалъ и походилъ на пьянаго.

— Я васъ слушаю! — сказалъ я, теряя терпѣніе.

— Вы... вы, я вижу, сердитесь, но... если бы вы знали все, что случилось, то вы перестали бы сердиться на такіе пустяки, какъ прерванный сонъ и визитъ не въ пору. Не до сна теперь! Господи Боже мой! Жилъ я на свѣтѣ три десятка лѣтъ и только впервые сегодня такъ страшно несчастливъ! Я несчастливъ, Сергѣй Петровичъ!

— Ахъ, да что же случилось? И какое мнѣ дѣло? Я самъ еле стою на ногахъ... Не до людей мнѣ!

— Сергѣй Петровичъ! — проговорилъ «щуръ» плачущимъ голосомъ, протягивая къ моему лицу мокрую отъ дождя руку. — Честный человѣкъ! Другъ мой!

И засимъ я услышалъ мужской плачь. Плакалъ докторъ.

— Павель Ивановичъ, идите домой! — сказалъ я послѣ нѣкотораго молчанія. — Сейчасъ я не могу съ вами говорить... Я боюсь и своего и вашего настроенія. Мы не поймемъ другъ друга...

— Дорогой мой! — проговорилъ докторъ умоляющимъ голосомъ. — Женитесь на ней.

— Вы съ ума сошли! — сказалъ я, захлопывая окно...
Послѣ попугая, докторъ былъ второй пострадавшій отъ моего настроенія. Я не пригласилъ его въ комнату и захлопнулъ передъ его носомъ окно. Двѣ грубыя, неприличные выходки, за которыя я вызвалъ бы на дуэль даже женщину *). Но кроткій и незлобный «щуръ» не имѣлъ понятія о дуэли. Онъ не зналъ, что значитъ сердиться.

Минуты черезъ двѣ блеснула молнія, и я, взглянувъ на окно, увидѣлъ согнувшуюся фигуру моего гостя. Поза его на этотъ разъ была просительная, выжидательная, какъ у нищаго, стерегущаго милостыню. Онъ ждалъ, вѣроятно, что я прощу его и позволю ему высказаться.

Къ счастью, во мнѣ зашевелилась совѣсть. Мнѣ стало жаль себя, жаль, что природа всадила въ меня столько жестокости и мерзости! Низкая душа моя была такой же камень, какъ и мое здоровое тѣло **). Я подошелъ къ окну и открылъ его.

— Войдите въ комнату! — сказалъ я.

— Некогда!.. Каждая минута дорога! Бѣдная Надя отравилась, и врачу нельзя отходить отъ нея... Едва удалось спасти бѣдняжку... Это ли не несчастье? И вы можете не слушать, захлопывать окно?

— Она жива все-таки?

— «Все-таки»... Такимъ тономъ не говорить о несчастныхъ, мой хорошій другъ! Кто бы могъ подумать, что эта умная, честная натура захочетъ разстаться съ жизнью изъ-за такого субъекта, какъ графъ? Нѣтъ, другъ мой, къ несчастью людей, женщины не могутъ быть совершенны! Какъ бы ни была умна женщина, какими бы совершенствами она ни была одарена, въ ней все-таки сидитъ гвоздь, мѣшающій жить и ей и людямъ... Возьмемъ хоть Надю... Ну къ чему она это сдѣлала? Самолюбіе и самолюбіе! Болѣзненное самолюбіе! Чтобы уколоть васъ, она задумала выйти за этого графа... Не

*) Последняя фраза написана выше зачеркнутой строки, въ которой можно разобрать: «сорвалъ бы съ плечъ голову и вышибъ все окна».

А. Ч.

***) Далѣе слѣдуетъ пластически-вычурное толкованіе о душевной выносливости автора. Видѣ Человѣческихъ скорбей, кровь, судебныя вскрытія и пр. не производить якобы на него никакого впечатлѣнія. Все это мѣсто носить отбѣнокъ хвастливой наивности, неискренности. Оно поражаетъ своей грубостью, и я вынулъ его. Даи характеристики Камышева оно не важно. А. Ч.

пужно ей было ни его денегъ ни знатности... Ей нужно было только удовлетворить свое чудовищное самолюбіе... И вдругъ неудача!.. Вы знаете, что пріѣхала его жена... Оказывается, что этотъ развратникъ женатъ... А еще тоже говорятъ, что женщины выносливы, что онѣ умѣютъ терпѣть лучше мужчинъ! Гдѣ же тутъ выносливость, если такая жалкая причина заставляетъ хвататься за фосфорныя спички? Это не выносливость, а суетность!

— Вы простудитесь...

— То, что я видѣлъ сейчасъ, хуже всякой простуды... Глаза эти, блѣдность... а! Къ неудавшейся любви, къ неудавшейся попыткѣ насолить вамъ прибавилось еще неудавшееся самоубійство... Вольшее несчастье и вообразить себѣ трудно!.. Дорогой мой, если у васъ есть хотя капля состраданія, если... если бы вы ее увидѣли... ну, отчего бы вамъ не прійти къ ней? Вы любили ее! Если уже не любите, то отчего бы и не пожертвовать ей своей свободой? Жизнь человѣческая дорога, и за нее можно отдать... все! Спасите жизнь!

Кто-то сильно постучалъ въ мою дверь. Я вздрогнулъ... Сердце мое обливалось кровью... Я не вѣрю въ предчувствіе, но на этотъ разъ тревога моя была не напрасна... Стучались ко мнѣ съ улицы...

— Кто тамъ? — крикнулъ я въ окно.

— Къ вашей милости!

— Что нужно?

— Отъ графа письмо, ваше благородіе! Человѣка убили! Какая-то темная фигура, закутанная въ тулунъ, подошла къ окну и, ропща на погоду, подала мнѣ письмо... Я быстро отошелъ отъ окна, зажегъ свѣчу и прочелъ слѣдующее: «Забудь, ради Бога, все на свѣтѣ и пріѣзжай сейчасъ же. Убита Ольга. Я потерялъ голову и сейчасъ сойду съ ума. Твой А. К.»

Убита Ольга! Отъ этой короткой фразы у меня закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ... Я сѣлъ на кровать и, не имѣя силъ соображать, опустилъ руки.

— Это вы, Павелъ Ивановичъ? — услышалъ я голосъ присланнаго мужика: — а я только-что хотѣлъ къ вамъ ѣхать... И къ вамъ письмо есть.

Черезъ пять минутъ я и «щуръ» сидѣли въ крытомъ экипажѣ и ѣхали къ графской усадьбѣ... По верху экипажа стучалъ дождь, впереди насъ то и дѣло вспыхивала ослѣпительная молнія.

Слышался ревъ озера...

Начиналось послѣднее дѣйствіе драмы, и двое изъ дѣйствующихъ лицъ ѣхали, чтобы увидѣть раздирающую душу картину.

— Ну, какъ вы думаете, что насъ ждетъ? — спросилъ я дорѣгой Павла Ивановича.

— Ничего я не думаю... Не знаю...

— Я тоже не знаю...

— Гамлетъ жалѣлъ когда-то, что Господь земли и неба запретилъ грѣхъ самоубійства, такъ я теперь жалѣю, что судьба сдѣлала меня врачомъ... Глубоко сожалѣю!

— Боюсь, чтобы, въ свою очередь, мнѣ не пришлось пожалѣть, что я судебный слѣдователь, — сказалъ я. — Если графъ не смѣшалъ убійства съ самоубійствомъ, и если дѣйствительно Ольга убита, то достанется моимъ бѣднымъ нервамъ!

— Вамъ можно отказаться отъ этого дѣла...

Я вопросительно поглядѣлъ на Павла Ивановича и, конечно, благодаря потемкамъ, ничего не увидѣлъ... Откуда онъ зналъ, что я могу отказаться отъ этого дѣла? Я былъ любовникомъ Ольги, но кому это было извѣстно, кромѣ самой Ольги да, пожалуй, еще Пшехоцкаго, угостившего меня когда-то аллодисментами?

— Почему вы думаете, что мнѣ можно отказаться? — спросилъ я «щура».

— Такъ... Вы можете заболѣть, подать въ отставку... Все это нисколько не безчестно, потому что есть кому замѣнить васъ, врачъ же поставленъ совершенно въ другія условія...

«Только-то?» — подумалъ я.

Экипажъ послѣ долгой, убійственной ѣзды по глинистой почвѣ, остановился наконецъ у подъѣзда. Два окна надъ самымъ подъѣздомъ были ярко освѣщены, изъ крайняго праваго, выходившаго изъ спальни Ольги, слабо пробивался свѣтъ, всѣ же остальные окна глядѣли темными пятнами. На лѣстницѣ насъ встрѣтила Сычиха. Она поглядѣла на меня своими колючими глазками, и морщинистое лицо ея наморщилось въ злую, насмѣшливую улыбку.

— Ужо будетъ вамъ сюрпризъ! — говорили ея глаза.

Вѣроятно, она думала, что мы пріѣхали покутить и не знали, что въ домѣ горе.

— Рекомендую вашему вниманію, — сказала я Павлу Ивановичу, стаскивая со старухи чепецъ и обнажая совершенно лысую голову. — Этой вѣдмѣ девяносто лѣтъ, душа моя. Если бы намъ съ вами пришлось когда-нибудь вскрывать этого субъекта, то мы сильно разошлись бы во мнѣніяхъ. Вы нашли бы старческую атрофію мозга, я же увѣрилъ бы васъ, что это самое умное и хитрое существо во всемъ нашемъ уѣздѣ... Чортъ въ юбкѣ!

Войдя въ залу, я былъ пораженъ. Картина, которую я здѣсь увидѣлъ, была совсѣмъ неожиданная. Всѣ стулья и диваны были заняты людьми... Въ углахъ и около оконъ тоже стояли группы людей... Откуда они могли взяться? Если бы мнѣ ранѣе сказала кто-нибудь, что я встрѣчу здѣсь этихъ людей, то я бы расхохотался. До того невѣроятно и неумѣстно было ихъ присутствіе въ домѣ графа въ то время, когда, быть-можетъ, въ одной изъ комнатъ лежала умершая или умирающая Ольга. Это былъ цыганскій хоръ оберъ-цыгана Карпова изъ ресторана «Лондонъ», тотъ самый хоръ, который извѣстенъ читателю по одной изъ первыхъ главъ. Когда я вошелъ, отъ одной изъ группъ отдѣлилась моя старая пріятельница Тина и, узнавъ меня, радостно вскрикнула. По ея блѣдному, смуглому лицу разлилась улыбка, когда я подаль ей руку, и изъ глазъ брызнули слезы, когда она хотѣла мнѣ что-то сказать... Слезы не дали ей говорить, и я не добился отъ нея ни одного слова. И обратился къ другимъ цыганамъ, и они объяснили мнѣ свое присутствіе такимъ образомъ. Утромъ графъ прислалъ имъ въ городъ телеграмму, требуя, чтобы весь хоръ въ полномъ своемъ составѣ обязательно былъ въ графской усадьбѣ къ 9 часамъ вечера. Они, исполняя этотъ «заказъ», сѣли на поѣздъ и въ восемь часовъ были уже въ этой залѣ...

— И мы мечтали доставить его сіятельству и господамъ гостямъ удовольствіе... Мы знаемъ такъ много новыхъ романсовъ!... И вдругъ...

И вдругъ прилетѣлъ верхомъ мужикъ съ извѣстіемъ, что на охотѣ совершенно звѣрское убійство, и съ приказаніемъ приготовить постель для Ольги Николаевны. Мужикъ не повѣрили, потому что мужикъ былъ пьянъ, «какъ свинья», но когда на лѣстницѣ послышался шумъ и черезъ залу пронесли черное тѣло, сомнѣваться уже нельзя было...

— И теперь мы не знаемъ, что намъ дѣлать! Оставаться намъ здѣсь нельзя... Когда здѣсь священникъ, веселымъ людямъ нужно убираться... Да и къ тому же всѣ пѣвицы встревожены и плачутъ... Онѣ не могутъ быть въ томъ домѣ, гдѣ покойникъ... Нужно уѣхать, а между тѣмъ намъ не хотягь дать лошадей! Господинъ графъ лежатъ больны и никого къ себѣ не впускаютъ, а прислуга на просьбу о лошадяхъ отвѣчаетъ насмѣшками... Не идти же намъ пѣшкомъ въ такую погоду и въ такую темную ночь! Прислуга вообще ужасно груба!.. Когда мы попросили для нашихъ дамъ самоваръ, насъ послали къ чорту...

Всѣ эти жалобы кончились слезнымъ обращеніемъ къ моему великодушію: не выхлопочу ли я для нихъ экипажи, чтобы они могли убраться изъ этого «проклятаго» дома?

— Если лошади не въ загонѣ и если кучера не разосланы, то вы уѣдете, — сказалъ я. — Я прикажу...

Бѣднягамъ, одѣтымъ въ шутовскіе костюмы и привыкшимъ кокетничать своими ухарскими манерами, были очень не къ лицу ихъ постыныя фізіономіи и перфшиительныя позы. Своимъ обѣщаніемъ отпавить ихъ на станцію я нѣсколько расшевелить ихъ. Мужской шопоть обратился въ громкій говоръ, а женщины перестали плакать...

Затѣмъ, проходя въ графскій кабинетъ черезъ цѣлую анфиладу темныхъ, неосвѣщенныхъ комнатъ, я заглянулъ въ одну изъ многочисленныхъ дверей и увидѣлъ умиляющую душу картину. За столомъ около шумѣвшаго самовара сидѣли Зося и ея братъ Пшехоцкій... Зося, одѣтая въ легкую блузу, по все въ тѣхъ же браслетахъ и перстняхъ, нюхала что-то изъ флакона и, томичая, брезгливо отхлебывала изъ чашки. Глаза ея были заплаканы... Вѣроятно, событіе на охотѣ сильно разстроило ея первы и надолго испортило расположеніе ея духа. Пшехоцкій съ такимъ же деревяннымъ лицомъ, какъ и прежде, хлебаль большими глотками изъ блюдечка и что-то говорилъ сестрѣ. Судя по менторскому выраженію его лица и манерамъ, онъ уснокоивалъ и убѣждалъ не плакать.

Графа, само собою разумѣется, я засталъ въ самыхъ разлохмаченныхъ чувствахъ. Дряблый и хилый человекъ похудѣлъ и осунулся больше прежняго... Онъ былъ блѣ-

день, и губы его дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Голова была повязана бѣлымъ носовымъ платкомъ, отъ котораго на всю комнату разлило острымъ уксусомъ. При моемъ входѣ, онъ вскочилъ съ софы, на которой лежалъ, и, запахнувши полы халата, бросился ко мнѣ...

— А? А?—началъ онъ, дрожа и захлебываясь.—Ну?

И, издавъ нѣсколько неопредѣленныхъ звуковъ, онъ потащилъ меня за рукавъ къ софѣ и, дождавшись, когда я сяду, прижался ко мнѣ, какъ испуганная собачонка, и принялся изливать свою жалобу.

— Кто бы могъ ожидать? А? Постой, голубчикъ, я укроюсь пледомъ... у меня лихорадка... Убита бѣдная! И какъ варварски убита! Еще жива, но земскій врачъ говоритъ, что сегодня ночью умретъ... Ужасный день!.. Приѣхала ни къ селу ни къ городу эта... чортъ бы ее взялъ совсѣмъ... жена... Это моя несчастнѣйшая ошибка. Меня, Сережа, въ Петербургѣ пьянаго женили. Я скрывалъ отъ тебя, мнѣ совѣстно было, но вотъ она приѣхала, и ты можешь ее видѣть... Гляди и казнись... О, проклятая слабость! Подъ вліяніемъ минуты и водки я въ состояніи сдѣлать все, что хочешь! Приѣздъ жены — первый подарокъ, скандалъ съ Ольгой — второй... Жду третьяго... Я знаю, что еще случится... Знаю! Я сойду съ ума!

Всплакнувши, выпивши три рюмки водки и назвавъ себя осломъ, негодяемъ и пьяницей, графъ путалочимся отъ волненія языкомъ описалъ драму, имѣвшую мѣсто на охотѣ... Разказалъ онъ мнѣ приблизительно слѣдующее. Минутъ черезъ 20 — 30 послѣ моего ухода, когда удивленіе по поводу приѣзда Зоси нѣсколько поулеглось и когда Зося, познакомившись съ обществомъ, стала изображать изъ себя хозяйку, компанія услышала вдругъ произительный, раздирающій душу крикъ. Этотъ крикъ неся со стороны лѣса и раза четыре былъ повторенъ эхомъ. Былъ онъ до того необычаенъ, что люди, слышавшіе его, вскочили на ноги, собаки залаяли, а лошади наострили уши. Крикъ былъ неестественный, но графу удалось узнать въ немъ женскій голосъ... Звучали въ немъ отчаяніе, ужасъ... Такъ должны вскрикивать женщины, когда видятъ привидѣніе, или внезапную смерть ребенка... Встревоженные гости поглядѣли на графа, графъ на нихъ... Минуты три царило гробовое молчаніе...

И пока господа переглядывались и молчали, кучера и

лакен побѣжали къ тому мѣсту, откуда былъ слышенъ крикъ. Первымъ вѣстникомъ скорби былъ лакей, старый Илья. Онъ прибѣжалъ изъ лѣса къ опушкѣ и, блѣдный, съ расширенными зрачками, хотѣлъ что-то сказать, но одышка и волненіе долго мѣшали ему говорить. Наконецъ, поборовъ себя и перекрестившись, онъ выговорилъ:
— Убили барыню!

Какую барыню? Кто убилъ? Но Илья не далъ отвѣта на эти вопросы... Роль второго вѣстника выпала на долю человѣка, котораго не ожидали и появленіемъ котораго были страшно поражены. Были поразительны и неожиданное появленіе и видъ этого человѣка... Когда графъ увидѣлъ его и вспомнилъ, что Ольга гуляетъ въ лѣсу, то у него замерло сердце и подогнулись отъ страшнаго предчувствія ноги.

Это былъ Петръ Егорычъ Урбенинъ, бывшій управляющій графа и мужъ Ольги. Сначала компанія услышала тяжелые шаги и трескъ хвороста... Казалось, что изъ лѣса на опушку пробирался медвѣдь. Потомъ же показалось массивное тѣло несчастнаго Петра Егорыча... Выйдя на опушку и увидѣвъ компанію, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и остановился, какъ вкопанный. Минуты двѣ онъ молчалъ и не двигался и такимъ образомъ далъ себя осмотрѣть... На немъ были его обиходные сѣренскіе пиджакъ и брюки, достаточно уже поношенные... На головѣ шляпы не было, и включенные волосы прилипли къ вспотѣвшимъ лбу и вискамъ... Лицо его, обыкновенно багровое, а часто и багрово-синее, на этотъ разъ было блѣдно... Глаза смотрѣли безумно, неестественно-широко... Губы и руки дрожали...

Но что поразительнѣе всего, что прежде всего обратило на себя вниманіе ошеломленныхъ зрителей, такъ это окровавленные руки... Обѣ руки и манжеты были густо покрыты кровью, словно ихъ вымыли въ кровяной ваннѣ.

Послѣ трехминутнаго столбняка Урбенинъ, какъ бы очнувшись отъ сна, сѣлъ на траву по-турецки и простоналъ. Собаки, чуявшія что-то необычайное, окружили его и подняли лай... Обведя компанію мутными глазами, Урбенинъ закрылъ обѣими руками лицо, и наступилъ новый столбнякъ...

— Ольга, Ольга, что ты надѣлала! — простоналъ онъ.

Глухія рыданія вырвались изъ его груди и потрясли богатырскія плечи... Когда онъ отнял отъ лица руки,

то компанія увидѣла на его щекахъ и на лбу кровь, перешедшую съ рукъ на лицо.

Дойдя до этого мѣста, графъ махнулъ рукой, выпилъ судорожно рюмку водки и продолжалъ:

— Дальше мои воспоминанія путаются. Какъ ты можешь себѣ представить, все происшедшее такъ меня ошеломило, что я потерялъ способность мыслить... Ничего не помню, что потомъ было! Помню только, что мужчины принесли изъ лѣсу какое-то тѣло, одѣтое въ порванное, окровавленное платье... Я не могъ на него смотрѣть! Положили въ коляску и повезли... Не слышалъ я ни стонувъ ни плача... Говорятъ, что ей въ бокъ засадили тотъ кинжальчикъ, который при ней всегда былъ... помнишь его? Эту вещь я ей подарилъ. Тупой кинжалъ, тупѣе, чѣмъ этотъ край стакана... Какую, стало-быть, надо имѣть силу, чтобы всадить его! Любилъ я, братецъ, кавказское оружіе, но теперь Богъ съ нимъ, съ этимъ оружіемъ! Завтра же прикажу его выбросить вонъ!..

Графъ выпилъ еще рюмку водки и продолжалъ:

— Но какой срамъ! Какая мерзость! Подвозимъ мы ее къ дому... Всѣ, знаешь, въ отчаяніи, въ ужасѣ. И вдругъ, чортъ бы ихъ взялъ этихъ цыганъ, слышится разудалое пѣніе!.. Выстроились въ рядъ и давай, подлецы, орать!.. Хотѣли, видишь ли, съ шикомъ встрѣтить, а вышло очень некстати... Похоже на Иванушку-дурачка, который, встрѣтивши похороны, пришелъ въ восторгъ и заоралъ: «Таскать вамъ не перетаскать!» Да, братъ! Хотѣлъ угодить гостямъ, выписалъ цыганъ, а вышла ерунда. Не цыганъ нужно приглашать, а докторовъ да духовенство. И теперь я не знаю, что дѣлать! Что мнѣ дѣлать? Не знаю я этихъ формальностей, обычаевъ. Кого звать, за кѣмъ послать... Можетъ-быть, тутъ полиція нужна, прокуроръ... Ни черта не смыслю, хоть убей!.. Спасибо, отецъ Іеремія, узнавши про скандалъ, пришелъ приобщить, а самъ бы я не догадался его пригласить. Умоляю тебя, дружище, возьми на себя всѣ эти хлопоты! Ей-Богу, съ ума схожу! Приѣздъ жены, убійство... бррр!.. Гдѣ теперь моя жена? Ты ее не видѣлъ?

— Видѣлъ. Она съ Пшехоцкимъ чай пьетъ.

— Съ братцемъ, значить... Пшехоцкій — это шельма! Когда я удралъ изъ Петербурга тайкомъ, онъ пронюхалъ о моемъ бѣгствѣ и привязался... Сколько онъ у

меня денегъ выжудили за все это время, такъ это уму непостижимо!

Разговаривать долго съ графомъ мнѣ было некогда. Я поднялся и направился къ двери.

— Послушай, — остановилъ меня графъ. — Тово... а меня не пырнетъ этотъ Урбенинь?

— А Ольгу развѣ онъ пырнулъ?

— Понятно, онъ... Недоумѣваю только, откуда онъ взялся! Какіе черти его принесли въ лѣсъ? И почему именно въ этотъ самый лѣсъ! Допустимъ, что онъ притаился и тамъ поджидалъ насъ, но почему онъ зналъ, что я захочу остановиться именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ?

— Ты ничего не понимаешь, — сказалъ я. — Кстати, разъ навсегда прошу тебя... Если я возьму на себя это дѣло, то, пожалуйста, не высказывай мнѣ своихъ соображеній... Ты потрудишься только отвѣчать на мои вопросы, но не больше.

Оставивъ графа, я отправился въ комнату, гдѣ лежала Ольга *).

Въ комнатѣ горѣла маленькая голубая лампа, слабо освѣщавшая лица... Читать и писать при ея свѣтѣ было невозможно. Ольга лежала на своей кровати. Голова ея была въ повязкахъ; видны были только чрезвычайно блѣдный заостренный носъ да вѣки закрытыхъ глазъ. Грудь въ то время, когда я вошелъ, было обнажена: на нее клали пузырь со льдомъ **). Стало-быть, Ольга еще не умерла. Около нея хлопотали два врача. Когда я вошелъ, Павелъ Ивановичъ, щуря глаза, безконечно сопя и пыхтя, выслушивалъ ея сердце.

Земскій врачъ, чрезвычайно утомленный и на видъ больной человѣкъ, сидѣлъ около кровати въ креслѣ и, задумавшись, дѣлалъ видъ, что считаетъ пульсъ. Отецъ Іеремія, только-что кончившій свое дѣло, заворачивалъ въ епитрахиль крестъ и собирался уходить.

— А вы, Петръ Егорычъ, не скорбите!—говорилъ онъ,

*) Тутъ зачеркнуты двѣ строки. А. Ч.

**) Обращаю вниманіе читателя на одно обстоятельство. Камышевъ, любящій разглазговствовать о состояніи своей души всюду, даже въ описаніяхъ стычекъ своихъ съ Поликарномъ, ничего не говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него видомъ умирающей Ольги. Думаю, что это пробѣлъ преднамѣренный. А. Ч.

вздыхая и поглядывая въ уголь. — На все Божья воля, къ Богу и прибѣгите.

Въ углу на табуретѣ сидѣлъ Урбенинъ. Онъ до того измѣнился, что я едва узналъ его. Бездѣлье и пьянство послѣдняго времени сильно сказывались какъ на его платьѣ, такъ и на наружности: платье было изношено, лицо тоже.

Бѣдняга неподвижно сидѣлъ и, подперевъ кулаками голову, не отрывалъ глазъ отъ кровати... Руки и лицо его все еще были въ крови... О мытѣ было забыто...

О, пророчество моей души и моей бѣдной птицы!

Когда моя благородная, убитая мной птица выкрикивала фразу о мужѣ, убившемъ свою жену, въ моемъ воображеніи всегда появлялся на сцену Урбенинъ. Почему?.. Я зналъ, что ревнивые мужья часто убиваютъ женъ-измѣницъ, зналъ въ то же время, что Урбенины не убиваютъ людей... И я отгонялъ мысль о возможности убійства Ольги мужемъ, какъ абсурдъ.

«Онъ, или не онъ?»—задалъ я себѣ вопросъ, поглядѣвъ на его несчастное лицо.

И, откровенно говоря, я не далъ себѣ утвердительноаго отвѣта, несмотря даже на рассказъ графа, на кровь, которую я видѣлъ на рукахъ и лицѣ.

«Если бы онъ убилъ, то онъ давно бы уже смылъ съ рукъ и лица кровь... — вспомнилось мнѣ положеніе одного пріятеля-слѣдователя. — Убійцы не выносятъ крови своихъ жертвъ».

Если бы я захотѣлъ пошевелить мозгами, то я вспомнилъ бы немало сему подобныхъ положеній, но не слѣдовало забѣгать впередъ и набивать свою голову преждевременными заключеніями.

— Мое почтеніе! — обратился ко мнѣ земскій врачъ. — Очень радъ, что хоть вы пришли... Скажите, пожалуйста, кто здѣсь хозяинъ?

— Здѣсь нѣтъ хозяина... Здѣсь царить хаосъ... — сказалъ я.

— Изреченіе очень милое, но тѣмъ не менѣе мнѣ нисколько не легче, — желчно закашлялся земскій врачъ. — Три часа прошу, умоляю дать сюда бутылку портвейна, или шампанскаго, и хоть бы кто снизошелъ къ мольбамъ! Всѣ глухи, какъ тетерева! Льду только-что сейчасъ принесли, хотя я приказалъ достать его часа три тому назадъ. Что же это такое? Человѣкъ умираетъ, а они словно

смѣются! Графъ изволить въ своемъ кабинетѣ распивать ликеры, а сюда не могутъ дать рюмки! Посылаю въ городъ, въ аптеку,—говорять, что лошади заморены и ѣхать некому, потому что всѣ пьяны... Хочу послать къ себѣ въ больницу, за лѣкарствами и повязками, и мнѣ дѣлаютъ одолженіе: даютъ мнѣ какого-то пьяницу, который еле на ногахъ стоитъ. Послалъ его два часа тому назадъ, и что же? Говорять, что онъ только-что сейчасъ уѣхалъ! Ну не безобразіе ли это? Всѣ пьяны, грубы, неотесаны!.. Всѣ какіе-то идіоты! Клянусь Богомъ, первый разъ въ жизни вижу такихъ безсердечныхъ людей!

Негодование врача было справедливо. Онъ нисколько не преувеличивалъ, а напротивъ... Чтобъ излить желчь на всѣ безпорядки и безобразія, имѣвшія мѣсто въ графской усадьбѣ, не хватило бы цѣлой ночи. Деморализованная бездѣльемъ и безначальемъ прислуга была отвратительна. Не было того лакея, который не могъ бы служить типомъ зажившагося и зажирѣвшаго человѣка.

Я отправился добывать вино. Давъ двѣ-три оплеухи, я добылъ и шампанскаго и валерьяновыхъ капель, чѣмъ несказанно порадовалъ медиковъ. Черезъ часъ *) пріѣхалъ изъ больницы фельдшеръ и привезъ съ собою все необходимое.

Павлу Ивановичу удалось влить въ ротъ Ольгѣ столовую ложку шампанскаго. Она сдѣлала глотательное движеніе и простонала. Затѣмъ ей впрыснули подъ кожу что-то въ родѣ гофманскихъ капель.

— Ольга Николаевна! — крикнулъ земскій врачъ, нагнувшись къ ея уху. — Ольга Ни-ко-ла-евна!

— Трудно ожидать, чтобъ она пришла въ сознаніе! — вздохнулъ Павелъ Ивановичъ. — Крови много потеряно, да и, кромѣ того ударъ по головѣ какимъ-то тупымъ орудіемъ навѣрное сопровождался сотрясеніемъ мозга.

Было ли сотрясеніе мозга, или нѣтъ, не мое дѣло рѣ-

*) Я долженъ обратить вниманіе читателя еще на одно очень важное обстоятельство. Въ продолженіе 2—3-хъ часовъ г. Камышевъ занимается только тѣмъ, что ходитъ изъ комнаты въ комнату, возмущается съ врачами прислугой, щедро сыплетъ оплеухи и проч... Узнаете ли вы въ немъ судебного слѣдователя? Онъ, видимо, не спѣшитъ и старается чѣмъ-нибудь убить время. Очевидно, «ему убійца извѣстенъ». Затѣмъ описанный ниже ничѣмъ не мотивированный обыскъ у Сычихи и допросъ цыганъ, болѣе похожій на издѣвательство, чѣмъ на допросъ, могутъ быть продѣланы только для проволоочки времени. А. Ч.

шать, не только Ольга открыла глаза и попросила пить... Возбуждающія средства на нее подѣйствовали.

— Вы теперь можете спросить, что вамъ нужно... — толкнулъ меня подъ локоть Павелъ Ивановичъ. — Спрашивайте.

Я подошелъ къ кровати... Глаза Ольги были обращены на меня.

— Гдѣ я? — спрашивала она.

— Ольга Николаевна! — началъ я. — Вы узнаете меня?

Ольга нѣсколько секундъ поглядѣла на меня и закрыла глаза.

— Да! — простонала она. — Да!

— Я Зиновьевъ, судебный слѣдователь. Имѣлъ честь быть съ вами знакомъ и даже, если припомните, былъ шаферомъ на вашей свадьбѣ...

— Это ты? — прошептала Ольга, протягивая впередъ лѣвую руку. — Сядь...

— Бредить! — вздохнулъ «щуръ».

— Я Зиновьевъ, слѣдователь... — продолжалъ я. — Если помните, я присутствовалъ на охотѣ.. Какъ вы себя чувствуете?

— Задавайте вопросы по существу! — шепнулъ мнѣ земскій врачъ. — Я не ручаюсь, что сознание будетъ продолжительно...

— Прошу, пожалуйста, не учить! — обидѣлся я. — Я знаю, что мнѣ говорить... Ольга Николаевна, — продолжалъ я, обращаясь къ Ольгѣ: — вы потрудитесь припомнить событія истекшаго дня. Я помогу вамъ... Въ часъ дня вы сѣли на лошадь и поѣхали съ компаніей на охоту... Охота продолжалась часа четыре... Засимъ слѣдуетъ привалъ на опушкѣ лѣса... Помните?

— И ты... и ты... убилъ...

— Кулика? Послѣ того, какъ я добилъ подстрѣленнаго кулика, вы поморщились и удалились отъ компаніи... Вы пошли въ лѣсъ *)... Теперь потрудитесь собрать всѣ свои силы, поработать памятью. Въ лѣсу во время прогулки вы потерпѣли нападеніе отъ неизвѣстнаго намъ лица. Спрашиваю васъ, какъ судебный слѣдователь, это кто былъ?

*) Это уклоненіе отъ вопроса первой важности имѣло въ виду только одно: растянуть время и дожидаться потери сознания, когда Ольга не могла бы уже назвать имя убійцы. Пріемъ характерный, и удивительно, что врачи не одѣлили его по достоинству. А. Ч.

Ольга открыла глаза и поглядѣла на меня.

— Назовите намъ имя этого человѣка! Здѣсь, кромѣ меня, трое...

Ольга отрицательно покачала головой.

— Вы должны назвать его, — продолжалъ я. — Онъ понесетъ тяжелую кару. Законъ дорого взыщетъ за его звѣрство! Онъ пойдетъ въ каторжныя работы *)... Я жду.

Ольга улыбнулась и отрицательно покачала головой. Дальнѣйшій допросъ не привелъ ни къ чему. Больше я не добился отъ Ольги ни одного слова, ни одного движенія. Въ безъ четверти пять она скончалась.

Въ седьмомъ часу утра прибыли изъ деревни вытребованные мною староста и понятые. Бѣжать на мѣсто преступленія было невозможно: дождь, начавшійся ночью, все еще лилъ, какъ изъ ведра. Маленькія лужи обратились въ озера. Сѣрое небо глядѣло сурово и не обѣщало солнца; смоченныя деревья, уныло свѣсивъ свои вѣтви, сыпали цѣлый градъ крупныхъ брызгъ при каждомъ дуновеніи вѣтра. Бѣжать было невозможно, да и, пожалуй, не зачѣмъ: слѣды преступленія, какъ-то: кровавыя пятна, человѣческіе слѣды и проч., вѣроятно, были за ночь размыты дождемъ. Но формальность требовала, чтобы мѣсто преступленія было осмотрѣно, и я отложилъ эту поѣздку до пріѣзда полиціи, а пока занялся составленіемъ начерно протокола и допросомъ. Прежде всего я допросилъ цыганъ. Бѣдные пѣвцы всю ночь просидѣли въ залахъ, ожидая, что имъ дадутъ лошадей для поѣздки на станцію. Но лошадей имъ не дали; прислуга посылала ихъ къ графу, предупреждая въ то же время, что его сіятельство не велѣли никого «впущать». Не дали имъ и самовара, который они попросили утромъ. Это болѣе чѣмъ странное, неопредѣленное положеніе въ чужомъ домѣ, гдѣ лежала покойница, безызвѣстность относительно часа выѣзда и сырая, унылая погода — все это вогнало бѣдныхъ цыганъ и цыганокъ въ такую тоску, что они за одну ночь похудѣли и поблѣднѣли. Они слонялись изъ угла въ уголь, словно испуганные, или ожидающіе строгаго вердикта. Своимъ допросомъ я еще болѣе увеличилъ ихъ душевную тяжесть. Во-первыхъ, мой продолжительный допросъ на-

*) Все это наивно только на первый взглядъ. Очевидно, Камышеву нужно было дать понять Ольгѣ, какія тяжелыя послѣдствія для убійцы будетъ имѣть ся сознаніе. Если ей дорогъ убійца, ерго — она должна молчать. А. Ч.

долго отерочилъ ихъ отъѣздъ изъ «проклятаго» дома и, во-вторыхъ, испугалъ ихъ. Простые люди, вообразивъ, что ихъ сильно подозрѣваютъ въ убійствѣ, съ плачемъ стали увѣрять меня, что они не виноваты и знать ничего не знаютъ. Тина, увидавъ во мнѣ официальное лицо, совѣмъ забыла наши прежнія отношенія и, говоря со мной, дрожала и млѣла отъ страха, какъ высѣченная дѣвочка. На мою просьбу не волноваться и на увѣренія, что я вижу въ нихъ только свидѣтелей, помощниковъ правосудія, они въ одинъ голосъ заявили мнѣ, что никогда они свидѣтелями не были, знать ничего не знаютъ и надеются, что Богъ и на будущее время избавитъ ихъ отъ близкаго знакомства съ судейскимъ людомъ.

Я спросилъ ихъ, какой дорѣгой ѣхали они со станціи, не ѣхали ли они черезъ тотъ лѣсъ, гдѣ произошло убійство, не отдѣлялся ли кто-нибудь изъ нихъ отъ компаніи, хотя бы даже на короткое время, и не былъ ли имъ слышенъ раздирающій душу крикъ Ольги *). Допросъ этотъ не привелъ ни къ чему. Испуганные имъ цыгане отрядили изъ хора двухъ молодцовъ и послали ихъ въ деревню нанять подводы. Бѣдняги страстно желали уѣхать. Къ ихъ несчастію, въ деревнѣ, гдѣ уже шли разговоры объ убійствѣ въ лѣсу, подозрительно взглянули на смуглыхъ пословъ и, задержавъ ихъ, привели ко мнѣ. Только вечеромъ измученный хоръ избавился отъ кошмара и вздохнулъ свободно, нанявъ втридорога пять мужицкихъ подводъ и выѣхавъ изъ графскаго дома. Впослѣдствіи за ихъ пріѣздъ было имъ заплачено, но никто не заплатилъ имъ за нравственные муки, которыя претерпѣли они въ графскихъ хоромахъ...

Допросивъ ихъ, я произвелъ у Сычихи обыскъ **). Въ ея сундукахъ я нашелъ пропасть всякаго старушечьяго хлама, но, перебравъ все поношенные чепцы и перешитые чулки, я не нашелъ ни денегъ ни драгоценныхъ вещей, которыя старуха воровала у графа и его гостей... Не нашелъ я и вещей, которыя были когда-то украдены у Тины... Очевидно, у Яги было другое складочное мѣсто, извѣстное ей одной.

*) Если все это нужно было г. Камышеву, то не легче ли бы допросить кучеровъ, которые везли цыганъ? А. Ч.

**) Къ чему? Допустимъ, что все это продѣлано судебнымъ слѣдователемъ съяна или спросонокъ, тогда зачѣмъ же объ этомъ писать? Не лучше ли скрыть отъ читателя эти грубыя ошибки? А. Ч.

Я не привожу здѣсь своего протокола, предварительныхъ свѣдѣній и осмотра... Длиннѣе онъ, да и забыть я его... Сообщаю его здѣсь въ общихъ чертахъ вкратцѣ... Прежде всего я описалъ, въ какомъ положеніи я засталъ Ольгу, и во всѣхъ подробностяхъ изложилъ приведенный мною допросъ ея. Изъ этого допроса видно было, что Ольга давала отвѣты мнѣ сознательно и сознательно же скрывала отъ меня имя убійцы. Она не хотѣла, чтобъ убійца понесъ кару, и это неминуемо наводитъ на предположеніе, что преступникъ былъ для нея дорогъ и близокъ.

Осмотръ платья, произведенный мною вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ векорѣ ставовымъ, далъ очень многое... Казакъ отъ амазонки, бархатный, на шелковой подкладкѣ, былъ еще влаженъ... Правый бокъ, гдѣ находилось отверстіе, сдѣланное кипжаломъ, былъ пропитанъ кровью и мѣстами носилъ на себѣ кровавые сгустки... Кровотеченіе было сильное, и удивительно, какъ это Ольга не умерла на мѣстѣ. Лѣвый бокъ былъ тоже въ крови... Лѣвый рукавъ былъ порванъ на плечѣ и у кисти руки... Верхнія двѣ пуговицы были оторваны, и при осмотрѣ мы ихъ не нашли. Юбка амазонки, черная кашемировая, найдена страшно измятой: ее смяли, когда несли Ольгу изъ лѣсу къ экипажу и изъ экипажа къ кровати. Потомъ ее стацили съ Ольги и, безобразно скомкавъ, швырнули подъ кровать. У пояса она была разорвана; этотъ продольный разрывъ, имѣвшій въ длину семь вершковъ, получился, вѣроятно, при переноскѣ и стаскиваніи; онъ могъ быть также сдѣланъ и при жизни: Ольга, не любившая заниматься починками и не зная, кому отдать починить юбку, могла прятать этотъ разрывъ подъ казакиномъ. Думаю, что здѣсь ни при чемъ дикое остервенѣніе преступника, на которое впоследствии напиралъ въ своей рѣчи товарищъ прокурора. Правая часть пояса и правый карманъ были пропитаны кровью. Носовой платокъ и перчатка, лежавшіе въ этомъ карманѣ, представляли собой два безформенныхъ комочка ржаваго цвѣта. На всей юбкѣ, отъ пояса до конца шлейфа, были разсыпаны кровавыя пятна различной величины и формы... Большинство изъ нихъ были отпечатками окровавленныхъ пальцевъ и ладоней, принадлежавшихъ, какъ потомъ выяснилось на допросѣ, кучерамъ и лакеямъ, несшимъ Ольгу... Сорочка была окровавлена, и болѣе всего на правой сторонѣ, гдѣ нахо-

дѣлась дыра, произведенная рѣзущимъ орудіемъ. Такъ же, какъ и въ казакѣ, на лѣвомъ плечѣ и около кисти были разрывы... Манжетка была наполовину оторвана.

Вещи, бывшія при Ольгѣ, какъ-то: золотые часы, длинная золотая иголка, брошка съ брилліантомъ, серьги, кольца и портмоне съ серебряной монетой, были найдены при одеждѣ. Ясно, что преступникомъ руководили не корыстные побужденія.

Судебно-медицинское вскрытіе, произведенное въ моемъ присутствіи «шуромъ» и земскимъ врачомъ, на другой день послѣ смерти Ольги, даю въ конечномъ результатѣ очень длинный протоколъ, который привожу здѣсь въ общихъ чертахъ. При наружномъ осмотрѣ были найдены врачами слѣдующія поврежденія. На головѣ, на границѣ съ лѣвой височной и теменной костями, — рана, имѣющая полтора дюйма длины и проникающая до кости. Края раны не ровны и не прямолінейны... Нанесена она тупымъ орудіемъ, вѣроятно, какъ мы потомъ порѣшили, клинкомъ кинжала. На шеѣ, на уровнѣ шейнаго позвонка, замѣчается красная полоса, имѣющая видъ полукруга и обхватывающая циркулярно заднюю половину шеи. На всемъ протяженіи этой полосы усмотрѣны поврежденія кожицы и незначительные кровоизліянія. На лѣвой рукѣ, на одинъ вершокъ выше кисти найдено четыре синихъ пятна: одно на тыльной сторонѣ, а другія три на ладонной. Произшли они отъ давленія и, вѣроятно, всего, пальцами... Последнее подтверждается еще тѣмъ, что на одномъ изъ пятенъ усмотрѣна маленькая ссадина, произведенная погтемъ... Соотвѣтственно мѣсту, гдѣ находились эти пятна, какъ припомнитъ читатель, былъ разорванъ лѣвый рукавъ казакіина и наполовину оторвана лѣвая манжетка сорочки... Между четвертымъ и пятымъ ребромъ на линіи, мысленно проведенной изъ середины подмышковой впадины вертикально внизъ, находится большая, зіяющая рана, длиною въ дюймъ. Края ея ровные, какъ бы порѣзанные, пропитаны жидкой и свернувшейся кровью... Рана проникающая... Произведена она рѣзущимъ орудіемъ и, какъ видно изъ собранныхъ предварительныхъ свѣдѣній, кинжаломъ, ширина котораго вполне соотвѣтствовала величинѣ раны.

Внутренній осмотръ показалъ пораненіе правыхъ легкаго и плевры, воспаленіе легкаго и кровоизліяніе въ полость плевры.

Врачи, насколько помню, дали приблизительно такое

заключеніе: а) смерть произошла отъ малокровія, которое послѣдовало за значительной потерей крови; потеря крови объясняется присутствіемъ на правой сторонѣ груди зіяющей раны; б) рану головы слѣдуетъ отнести къ тяжкимъ поврежденіямъ, а рану груди къ безусловно смертельнымъ; послѣднюю слѣдуетъ признать за непосредственную причину смерти; в) рана головы нанесена тупымъ орудіемъ, а рана груди—рѣзущимъ и при томъ, вѣроятно, обоюдоострымъ; д) всѣ вышеописанныя поврежденія не могли быть нанесены собственною рукой умершей, и е) покушенія на оскорбленіе женской чести, вѣроятно, не было.

Чтобы не откладывать въ долгій ящикъ и потомъ не повторяться, передамъ тутъ же читателю картину убійства, набросанную мною подъ первымъ впечатлѣніемъ осмотра, двухъ-трехъ допросовъ и чтенія протокола вскрытія.

Ольга, отдѣлившись отъ компаніи, гуляла въ лѣсу. Замечавшись, или поддавшись печальнымъ мыслямъ (читатель помнитъ ея настроеніе въ тотъ злополучный вечеръ), она забрела далеко въ чащу. Тутъ встрѣтился убійца. Когда она стояла подъ деревомъ и думала свои думы, къ ней подошелъ человекъ и заговорилъ съ ней... Человекъ этотъ не былъ подозрителенъ, иначе бы она крикнула на помощь, но этотъ крикъ не былъ бы раздражающимъ душу. Поговоривъ съ ней, убійца схватилъ ее за лѣвую руку, и такъ сильно, что порвалъ рукавъ казакина и сорочки и оставилъ слѣды въ видѣ четырехъ пятнышъ. Тутъ, вѣроятно, она вскрикнула тѣмъ крикомъ, который слышала компанія, — вскрикнула отъ боли и, вѣроятно, прочитавъ на лицѣ и въ движеніяхъ убійцы его намѣренія. Желая ли, чтобъ она не вскрикнула еще разъ, или, можетъ-быть, подъ вліяніемъ злобнаго чувства онъ схватилъ ее за грудь около воротника, о чемъ свидѣлствуютъ двѣ оторванныя верхнія пуговицы и красная полоса, найденная врачами на гѣлѣ... Убійца, хватая за грудь и потрясая, натянулъ золотую цѣпочку, бывшую на шеѣ... Отъ трепія и давленія цѣпочкой произошла полоса. Затѣмъ убійца наноситъ ей ударъ по головѣ какимъ-то тупымъ орудіемъ, напимѣръ, палкой или, быть-можетъ, даже клинкомъ кинжала, висѣвшаго у Ольги на поясѣ. Придя въ азартъ, или найдя, что одной раны недостаточно, онъ обнажаетъ кинжалъ и съ силой вонзаетъ

его въ правый бокъ, — я говорю: съ силой, потому что кинжалъ былъ тупъ.

Таковъ мрачный видъ картины, которую я имѣлъ право набросать, на основаніи вышеизложенныхъ данныхъ. Вопросъ, кто былъ убійцей, повидимому, не былъ труденъ и рѣшался самъ собою. Во-первыхъ, убійцей руководили не корыстные цѣли, а какія-то другія... Подозрѣвать, стало-быть, какого-нибудь заблудившагося бродягу, или оборванцевъ, занимавшихся на озерѣ рыбною ловлей, не было надобности. Крикъ жертвы не могъ обезоружить грабителя: снять брошку и часы было дѣломъ одной секунды...

Во-вторыхъ, Ольга намѣренно не назвала мнѣ убійцы, чего бы она не сдѣлала, если бы убійца былъ простымъ грабителемъ. Очевидно, убійца былъ ей дорогъ, и она не хотѣла, чтобы его подвергали изъ-за нея тяжелому наказанію... Такими людьми могли быть ея сумасшедшій отецъ, ея мужъ, котораго она не любила, но передъ которымъ, вѣроятно, чувствовала себя виноватой, графъ, которому она, быть-можетъ, въ душѣ чувствовала себя обязанной... Сумасшедшій отецъ въ вечеръ убійства, какъ показала потомъ прислуга, сидѣлъ у себя въ лѣсномъ домикѣ и весь вечеръ сочинялъ письмо къ исправнику, прося его обуздать мнимыхъ воровъ, день и ночь будто бы окружавшихъ квартиру сумасшедшаго... Графъ до и въ моментъ убійства не отдѣлялся отъ компаніи. Оставалось всю тяжесть подозрѣнія взвалить на одного только несчастнаго Урбенина. Его внезапное появленіе, видъ и прочее могли служить только хорошими уликами.

Въ-третьихъ, жизнь Ольги въ послѣднее время состояла изъ сплошнаго романа. Романъ этотъ былъ такого сорта, что обыкновенно оканчивается уголовщиной. Старый, любящій мужъ, измѣна, ревность, понои, бѣгство къ любовнику-графу черезъ мѣсяць-два послѣ свадьбы... Если прекрасная героиня такого романа убита, то не ищите воровъ и мошенниковъ, а поизслѣдуйте героевъ романа. По этому третьему пункту самымъ подходящимъ героемъ убійцей былъ все тотъ же Урбенинъ.

Предварительное дознаніе дѣлалъ я въ мозаиковой гостиной, въ которой любилъ когда-то валяться на мягкихъ диванахъ и любезничать съ цыганками.

Первымъ, кого я допросилъ, былъ Урбенинъ. Его привели ко мнѣ изъ комнаты Ольги, гдѣ онъ все еще продолжалъ сидѣть въ углу на табуретѣ и не отрывалъ глазъ

отъ опустѣвшей постели... Минуту онъ стоялъ передо мной молча, глядя на меня безучастно, потомъ же, догадавшись, вѣроятно, что я намѣреваюсь говорить съ нимъ, какъ судебный слѣдователь, онъ проговорилъ голосомъ утомленнаго, убитаго горемъ и тоскою человѣка:

— Допросите, Сергѣй Петровичъ, другихъ свидѣтелей, а меня ужъ послѣ... Не могу...

Урбенинъ считалъ себя свидѣтелемъ, или думалъ, что его таковымъ считаютъ...

— Нѣтъ, мнѣ нужно допросить васъ именно теперь, — сказалъ я. — Потрудитесь сѣсть...

Урбенинъ сѣлъ противъ меня и склонилъ голову. Онъ былъ утомленъ и боленъ, отвѣчалъ неохотно, и я съ большимъ трудомъ выжалъ изъ него показаніе.

Онъ показалъ, что онъ — Петръ Егорычъ Урбенинъ, дворянинъ, 50 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія. Имѣеть имѣніе въ сосѣднемъ К — мѣ уѣздѣ, гдѣ служилъ по выборамъ и два трехлѣтія состоялъ почетнымъ мировымъ судьей. Разорившись, заложилъ имѣніе и пошелъ за нужное поступить на службу. Въ управляющіе къ графу поступилъ онъ шесть лѣтъ тому назадъ. Любя агрономію, онъ не стыдился служить частному лицу и находить, что только глупцы стыдятся труда. Жалованье получалъ онъ отъ графа исправно, и жаловаться ему не на что. Отъ перваго брака имѣеть сына и дочь, и т. д. и т. д.

На Ольгѣ женился по страстной любви. Съ чувствомъ своимъ онъ долго и мучительно боролся, но ни здравый смыслъ ни логика практическаго пожилого ума — ничего не подѣлали: пришлось поддаться чувству и жениться. Что Ольга выходитъ за него не по любви, онъ зналъ, но, считая ее въ высокой степени нравственной, онъ рѣшилъ довольствоваться одной только ея вѣрностью и дружбою, которую надѣялся заслужить.

Дойдя до того мѣста, гдѣ начинаются разочарованіе и оскорбленіе сѣдинъ, Урбенинъ попросилъ позволенія не говорить о «прошломъ, которое ей простить Господь», или же, по крайней мѣрѣ, отложить разговоръ объ этомъ до будущаго.

— Не могу... Тяжело... Да и сами вы видѣли.

— Хорошо, оставимъ до будущаго раза... Теперь только скажите мнѣ: правда ли, что вы били вану жену? Говорятъ, что, найдя однажды у нея записку графа, вы ударили ее.

— Это неправда... Я только схватила ее за руку, она же расслабалась и побѣжала въ тотъ вечеръ съ жадобой...

— Отношенія ея къ графу были вамъ извѣстны?

— Я просилъ отложить этотъ разговоръ... Да и къ чему онъ?

— Отвѣтите мнѣ только на одинъ этотъ вопросъ, имѣющій большую важность... Были ли вамъ извѣстны отношенія вашей жены къ графу?

— Конечно...

— Я такъ и запишу, а объ остальномъ, касающемся невѣрности вашей жены, до слѣдующаго раза... Теперь мы перейдемъ къ другому, а именно, я попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ вы попали вчера въ лѣсъ, гдѣ была убита Ольга Николаевна... Вѣдь вы, какъ говорите, въ городѣ были... Какъ же вы очутились въ лѣсу?

— Да-съ, я въ городѣ живу, у двоюродной сестры, съ самаго того времени, какъ потерялъ мѣсто... Заппмался тѣмъ, что искалъ мѣста и пьянствовалъ съ горя... Особенно сильно пилъ въ этомъ мѣсяцѣ... Прошлой недѣли, напиримѣръ, совѣмъ не помню, потому что пилъ безъ просыпа... Третьяго-дня напился тоже... однимъ словомъ, пропалъ... Пропалъ безвозвратно!..

— Вы хотѣли разсказать, какимъ образомъ вы очутились вчера въ лѣсу.

— Да-съ... Вчера утромъ проснулся я рано, часа въ четыре... Голова болѣла отъ вчерашняго пьянства, тѣло все ломило, словно въ горячкѣ... Лежу я на постели, вижу въ окно, какъ солнце виходитъ, и вспомнилось мнѣ... разное... Тяжело стало... Захотѣлось вдругъ увидать ее, увидать хоть разъ, можетъ, въ послѣдній. И злоба охватила и тоска... Вытащилъ я изъ кармана сто рублей, что мнѣ графъ прислалъ, поглядѣлъ на нихъ и давай ногами топтать... Топталъ-топталъ и порѣшилъ пойти и бросить ему эту милостыню въ лицо. Какъ бы я ни былъ голоденъ и оборванъ, но чести своей я продать не могу и всякую попытку купить ее считаю оскорбленіемъ моей личности. Такъ вотъ-съ, захотѣлось взглянуть на Олю, а ему, оболъстителю, швырнуть въ харю деньги. И такъ охватило меня это желаніе, что я чуть съ ума не сошелъ. Чтобъ схватъ сюда, денегъ у меня не было. Его сто рублей на себя потратить я не могъ. Пошелъ иышкомъ. Спасибо, на пути попался мнѣ знакомый мужичонка, ко-

торый за гривенникъ провезъ меня восемнадцать верстъ, а то бы я до сихъ поръ пѣшкомъ шель. Мужичокъ ссадилъ меня въ Тѣнецѣ. Оттуда пошелъ я пѣшкомъ сюда и пришелъ этакъ часа въ четыре.

— Васъ видѣлъ кто-нибудь здѣсь въ это время?

— Да-съ. Сторожъ Николай сидѣлъ у воротъ и сказалъ мнѣ, что господъ дома нѣтъ и что они на охотѣ. Я изнемогалъ отъ усталости, но желаніе видѣть жену было сильнѣе боли. Пришлось, ни минуты не отдыхая, идти пѣшкомъ къ мѣсту, гдѣ охотились. По дорогѣ я не пошелъ, а отправился лѣсочками... Мнѣ каждое дерево знакомо, и заблудиться въ графскихъ лѣсахъ мнѣ такъ же трудно, какъ въ своей квартирѣ.

— Но, иди по лѣсу, а не по дорогѣ, вы могли разминуться съ охотниками.

— Нѣтъ-съ, я все время держался дороги и такъ близко, что могъ слышать не только выстрѣлы, но и разговоръ.

— Стало-быть, вы не предполагали, что встрѣтитесь въ лѣсу съ женой?

Урбенинъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ и, подумавъ немного, отвѣтилъ:

— Вопросъ, извините, странный. Нельзя предполагать, что съ волкомъ встрѣтншься, а предполагать страшныя несчастья невозможно и давно: Богъ посылаетъ ихъ внезапно. Взять хоть этотъ ужасный случай... Иду я по Ольховескому лѣсу, никакого горя не жду, потому что у меня и безъ того много горя, и вдругъ слышу странный крикъ. Крикъ былъ до того рѣзкій, что мнѣ показалось, что меня кто-то рѣзанулъ въ ухо... Бѣгу на крикъ...

Ротъ Урбенина перекосило въ сторону, подбородокъ его задрожалъ. Онъ замигалъ глазами и зарыдалъ.

— Бѣгу на крикъ и вдругъ вижу... лежитъ Оля. Волосы и лобъ въ крови, лицо ужасное. Начинаю кричать, звать ея по имени... Она не движется... Цѣлую ее, поднимаю...

Урбенинъ захлебнулся и закрылъ лицо рукавомъ. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Негодяя я не видалъ... когда бѣжалъ къ ней, слышалъ чьи-то поспѣшныя шаги... Вѣроятно, это онъ убѣгалъ.

— Все это прекрасно придумано, Петръ Егоровичъ,— сказалъ я.— Но знаете ли, слѣдователи плохо вѣрятъ въ такія рѣдкія случайности, какъ совпаденіе убійства съ

вашей случайной прогулкой и проч. Придуманно недурно, но объясняетъ очень мало.

— То-есть какъ придумано?—спросилъ Урбенинъ, дѣлая большіе глаза. — Я не придумываль-съ...

Урбенинъ вдругъ покраснѣлъ и поднялся.

— Словно вы подозрѣваете меня... — пробормоталъ онъ. — Подозрѣвать, конечно, всякаго можно, но вы-то, Сергѣй Петровичъ, знаете меня уже давно... Вамъ грѣхъ клеймить меня такимъ подозрѣніемъ... Вы меня вѣдь знаете.

— Я васъ знаю, — это такъ... но мои личныя мнѣнія тутъ ни при чемъ... Личныя мнѣнія законъ предоставляетъ однимъ только присяжнымъ засѣдателямъ, въ распоряженіе же слѣдователя отдашь одинъ только улики... Уликъ много, Петръ Егорычъ.

Урбенинъ испуганно поглядѣлъ на меня и пожалъ плечами.

— Да какія бы ни были улики, — проговорилъ онъ: — вы должны понимать... Ну развѣ я могу... Я! И кого же?! Убить перепелку или кулика еще, пожалуй, можно, а человѣка... человѣка, который дороже мнѣ жизни, моего спасенія... одна мысль о которомъ просвѣтляла мое мрачное состояніе, какъ солнце... И вдругъ вы подозрѣваете!

Урбенинъ махнулъ рукой и сѣлъ.

— Тутъ и такъ смерти хочется, а вы еще оскорбляете! Добро бы оскорблялъ незнакомый чиновникъ, а то вы, Сергѣй Петровичъ... Позвольте мнѣ уйти-съ!

— Можете... Еще разъ я допрошу васъ завтра, а пока, Петръ Егорычъ, я долженъ заключить васъ подъ стражу... Надѣюсь, что къ завтрашнему допросу вы оцѣните всю важность имѣющихся противъ васъ уликъ, не станете затягивать понапрасну времени и сознаетесь. Что Ольга Николаевна убита вами, я убѣжденъ... Больше я вамъ сегодня ничего не скажу... Можете идти.

Я проговорилъ это и нагнулся къ бумагамъ... Урбенинъ поглядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, поднялся и какъ-то странно растопырилъ руки.

— Вы это шутите или... серьезно? — проговорилъ онъ.

— Намъ съ вами не до шутокъ... — сказалъ я. — Можете идти.

Урбенинъ все еще продолжалъ стоять. Я взглянулъ на него. Онъ былъ блѣденъ и растерянно глядѣлъ на мои бумаги.

— А отчего это у васъ руки въ крови, Петръ Егорычъ?—спросилъ я.

Онъ взглянулъ на свои руки, на которыхъ все еще была кровь, и пошевелилъ пальцами.

— Отчего кровь?.. Гм... Если это одна изъ уликъ, то это плохая улика... Поднимая окровавленную Ольгу, я не могъ не опачкать рукъ въ крови. Не въ перчаткахъ же я былъ.

— Вы говорили сейчасъ мнѣ, что, увидавъ свою жену, вы кричали, звали на помощь... Отчего же никто не слышалъ вашего крика?

— Не знаю, меня такъ ошеломилъ видъ Оли, что я не могъ громко кричать... Впрочемъ, ничего не знаю... Не зачѣмъ мнѣ оправдываться, да и не въ моихъ это правлахъ.

— Едва ли вы кричали... Убивъ жену, вы побѣжали и были ужасно поражены, когда увидѣли на опушкѣ людей.

— Я и не замѣтилъ вашихъ людей. Не до людей мнѣ было.

Этимъ допросъ Урбенина на сей разъ кончился. Послѣ него Урбенинъ былъ взятъ подъ стражу. и запертъ въ одномъ изъ графскихъ флигелей.

На другой или на третій день прикатилъ изъ города товарищъ прокурора Полуградовъ — человѣкъ, котораго я не могу вспомнить безъ того, чтобы не испортить себѣ расположенія духа. Представьте себѣ высокаго и тощаго человѣка, лѣтъ тридцати, гладко выбритаго, завитаго, какъ барашекъ, и щегольски одѣтаго; черты лица его тонки, но до того сухи и малосодержательны, что по нимъ нетрудно угадать пустоту и хлыщеватость изображаемаго индивида; голосокъ тихій, слащавый и до приторности вѣжливый.

Приѣхавъ опъ рано утромъ въ наемной коляскѣ съ двумя чемоданами. Прежде всего опъ, съ сильно озабоченнымъ лицомъ и жеманно жалуясь на утомленіе, справился, есть ли въ графскомъ домѣ для него помѣщеніе. Ему по моей командѣ отвели маленькую, но очень уютную и свѣтлую комнату, гдѣ поставили для него все, начиная съ мраморнаго туалетнаго столика и кончая спичками.

— На-аслушайте, милый! Приготовьте мнѣ теплой воды! — началъ онъ, расположившись въ комнатѣ и брезгливо понюхивая воздухъ: — чаеэкъ, я вамъ говорю! Теплой воды, пожалуйста...

И, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, онъ долго одѣвался, умывался и причесывался; даже почистилъ себѣ зубы краснымъ порошкомъ и минуты три обрѣзалъ свои острые, розовые ногти.

— Ну-съ, — приступилъ онъ наконецъ къ дѣлу, перелистывая наши протоколы: — въ чемъ дѣло?

Я рассказала ему, въ чемъ дѣло, не пропуская ни одной подробности...

— А на мѣстѣ преступленія были?

— Нѣтъ, еще не было.

Товарищъ прокурора поморщился, провелъ своей бѣлой, женской рукой по свѣже-вымытому лбу и зашагалъ по комнатѣ.

— Миѣ непонятны соображенія, по которымъ вы еще тамъ не были. — забормоталъ онъ: — это прежде всего нужно было сдѣлать, полагаю. Вы забыли или не считали нужнымъ?

— Ни то ни другое: вчера ждалъ полицію, а сегодня поѣду.

— Тамъ теперь ничего не осталось: все дни идетъ дождь, да и вы дали время преступнику скрыть слѣды. По крайней мѣрѣ, вы поставили тамъ сторожа? Нѣтъ? И-не понимаю!

И франтъ авторитетно пожалъ плечами.

— Пейте чай, а то онъ простынетъ, — сказалъ я тономъ равнодушнаго человѣка.

— Я люблю холодный.

Товарищъ прокурора нагнулся къ бумагамъ и, сопя на всю комнату, сталъ читать вполголоса, изрѣдка вставляя свои замѣчанія и поправки. Раза два его ротъ покривился въ насмѣшливую улыбку: гусю лапчатому *) не нравились почему-то ни мой протоколъ ни протоколъ врачей. Въ вычищенномъ и вымытомъ чиновникѣ сильно высказывался неадантъ, нафаршированный самомиѣніемъ и чувствомъ собственнаго достоинства.

Въ полдень мы были на мѣстѣ преступленія. Шелъ проливной дождь. Конечно, не нашли мы ни пятенъ ни слѣдовъ: все было размыто дождемъ. Кое-какъ удалось миѣ найти нуговищу, недоставившую на амазонкѣ убитой Ольги,

*) Напрасно Камышевъ бранитъ товарища прокурора. Впирать этотъ прокуроръ только въ то, что его физиономія не понравилась г. Камышеву. Честнѣе было бы сознаться или въ неопытности, или же въ умышленныхъ ошибкахъ. А. Ч.

да товарищъ прокурора подобралъ какую-то красную мякоть, которая внослѣдствіи оказалась красной табачной оберткой. Сначала мы было-набрели на кустъ, у котораго были надломаны двѣ боковыя вѣточки; товарищъ прокурора обрадовался этимъ вѣточкамъ: онѣ могли быть сломаны преступникомъ, а потому указывали бы направле-ніе, по которому шелъ преступникъ, убивъ Ольгу. Но радость прокурора была напрасна: скоро мы нашли много кустовъ съ поломанными вѣтками и ощипанными ли-стьями; оказалось, что черезъ мѣсто преступленія про- ходилъ скотъ.

Набросавъ планъ мѣстности и разспросивъ взятыхъ съ нами кучеровъ о положеніи, въ которомъ была найдена Ольга, мы поѣхали обратно, чувствуя себя не солоно хлебавши. Когда мы изслѣдовали мѣсто, въ движеніяхъ нашихъ посторонній наблюдатель могъ бы уловить лѣнь, вялость... Быть-можетъ, движенія наши отчасти были па- рализованы тѣмъ обстоятельствомъ, что преступникъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, и, стало-быть, не было надоб-ности пускаться въ лекоковскіе анализы.

Возвратившись изъ лѣса, Полуградовъ опять долго умы- вался и одѣвался, опять требовалъ теплой воды. Покон- чивши съ туалетомъ, онъ изъявилъ желаніе допросить еще разъ Урбенина. На этомъ допросѣ бѣдный Петръ Егорычъ не сказалъ ничего новаго; онъ попрежнему отрицалъ свою виновность и ни во что ставилъ наши улики.

— Я даже удивляюсь, какъ это можно меня подозрѣ- вать, — сказалъ онъ, пожимая плечами: — странно!

— Не наивничайте, любезнѣйшій! — сказалъ ему По- луградовъ: — напрасно подозрѣвать никто не станетъ, а если подозрѣваютъ, то, значитъ, имѣютъ на то причины!

— Да какія бы ни были причины, какъ бы ни были тя- желы улики, но надо же вѣдь разсуждать по-человѣ- чески! Не могу я убить... понимаете? Не могу... Стало- бытъ, чего же стѣять ваши улики?

— Ну! — махнулъ рукой товарищъ прокурора: — бѣда съ этими интеллигентными преступниками: мужику втол- куешь, а извольте-ка съ этимъ поговорить! Не могу... по-человѣчески... такъ и бьютъ на психологію!

— Я не преступникъ, — обидѣлся Урбенинъ: — прошу васъ быть въ вашихъ выраженіяхъ поосторожнѣе...

— Замолчите, любезнѣйшій! Некогда намъ передъ вами извиняться и выслушивать ваши неудовольствія... Не

угодно вамъ сознаваться, такъ и не сознавайтесь, — только позвольте ужъ намъ считать васъ лгуномъ...

— Какъ вамъ угодно, — проворчалъ Урбенинъ: — вы можете продѣлывать теперь со мной, что вамъ угодно... ваша власть...

Урбенинъ махнулъ рукой и продолжалъ, глядя въ окно:

— Миѣ, впрочемъ, все равно: жизнь пропала.

— Послушайте, Петръ Егорычъ, — сказалъ я: — вчера и третьяго-дня вы были такъ убиты горемъ, что еле держались на ногахъ и едва выговаривали лаконическіе отвѣты; сегодня же, напротивъ, вы имѣете такой цвѣтушій, конечно, сравнительно, и веселый видъ и даже пускаетесь въ разглагольствованія. Обыкновенно вѣдь горюющимъ людямъ не до разговоровъ, а вы мало того, что длинно разговариваете, но еще и высказываете мелочное неудовольствіе. Чѣмъ объяснить такую рѣзкую перемену?

— А вы чѣмъ объясняете ее? — спросилъ Урбенинъ, насмѣшливо щури на меня глаза.

— Я это объясняю тѣмъ, что вы забыли свою роль. Трудно вѣдь долго актерствовать: или роль забудешь, или надоѣстъ...

— Это слѣдовательское измышленіе, — усмѣхнулся Урбенинъ: — и оно дѣлаетъ честь вашей находчивости... Да, вы правы: перемена произошла во миѣ большая...

— Вы можете объяснить ее?

— Извольте, скрывать не пахожу пужнымъ: вчера я былъ такъ убитъ и придавленъ своимъ горемъ, что думалъ наложить на себя руки или... сойти съ ума... но сегодня ночью я раздумался... миѣ пришла мысль, что смерть избавила Олю отъ развратной жизни, вырвала ее изъ грязныхъ рукъ того шелопаля, моего губителя; къ смерти я не ревную: пусть Ольга лучше ей достается, чѣмъ графу; эта мысль повеселила меня и подкрѣпила: теперь уже въ моей душѣ нѣтъ такой тяжести.

— Ловко придумано! — процѣдилъ сквозь зубы Полуградовъ, покачивая ногой: — за отвѣтомъ въ карманъ не лѣзеть!

— Я чувствую, что я говорю искренно, и миѣ удивительно, что вы, образованные люди, не можете отличить искренности отъ притворства! Впрочемъ, предубѣжденіе слишкомъ сильное чувство; подъ вліяніемъ его

не ошибаться трудно; я понимаю ваше положеніе, воображаю, что будетъ, когда, повѣривъ вашимъ уликамъ, станутъ меня судить... воображаю: возьмутъ во вниманіе мою звѣрскую фізіономію, мое пьянство... у меня не звѣрская наружность, но предубѣжденіе возьметъ свое...

— Хорошо, хорошо, довольно,—сказалъ Полуградовъ, нагибаясь къ бумагамъ:— ступайте...

По уходѣ Урбенина мы приступили къ допросу графа. Его сіятельство пожаловалъ къ допросу въ халатъ и съ укушенной повязкой на головѣ; познакомившись съ Полуградовымъ, онъ развалился въ креслѣ и сталъ давать показанія:

— Я вамъ все расскажу, съ самаго начала... Ну, что подѣлываетъ теперь вашъ предсѣдатель Ліонскій? Все еще не развелся съ женой? Я съ нимъ случайно въ Петербургѣ познакомился... Господа, да что же вы не велите себѣ ничего подать? Съ коньякомъ какъ-то веселѣе и разговаривать... а что въ этомъ убійствѣ виноватъ Урбенинъ, я не сомнѣваюсь.

И графъ рассказалъ намъ все то, что уже знакомо читателю. По просьбѣ прокурора, онъ во всѣхъ подробностяхъ рассказалъ свое житіе съ Ольгой и, описывая прелести житія съ хорошенькой женщиной, такъ увлекся, что нѣсколько разъ причмокнулъ губами и подмигнулъ глазомъ. Изъ его показанія я узналъ одну очень важную подробность, которая неизвѣстна читателю. Я узналъ, что Урбенинъ, живя въ городѣ, безпрестанно бомбардировалъ графа письмами; въ однихъ письмахъ онъ проклиналъ, въ другихъ умолялъ возвратить ему жену, обѣщая забыть все обиды и безчестія; бѣдняга хватался за эти письма, какъ за соломинку.

Допросивъ двухъ-трехъ кучеровъ, товарищъ прокурора плотно пообедалъ, прочелъ мнѣ цѣлую инструкцію и уѣхалъ. Передъ отъездомъ онъ заходилъ во флигель, гдѣ содержался заключенный Урбенинъ, и объявилъ послѣднему, что наше подозрѣніе въ его виновности стало увѣренностью. Урбенинъ махнулъ рукой и попросилъ позволенія присутствовать на похоронахъ жены; послѣднее ему было разрѣшено.

Полуградовъ не лгалъ Урбенину: да, наше подозрѣніе стало увѣренностью, мы были убѣждены, что намъ извѣстенъ преступникъ и что онъ уже въ нашихъ рукахъ; но недолго сидѣла въ насъ эта увѣренность!..

Въ одно прекрасное утро, когда я занечатывалъ пакеть, чтобы отправить съ нимъ Урбенина въ городъ, въ тюремный замокъ, я услышалъ странный шумъ. Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ занимательное зрѣлище: десятокъ дюжихъ молодцовъ волокли изъ людской кухни одноглазаго Кузьму.

Кузьма, блѣдный и растрепанный, упирался въ землю ногами и, не имѣя возможности обороняться руками, билъ своихъ противниковъ большой головой.

— Ваше благородіе, пожалуйста туда! — сказалъ мнѣ встревоженный Пля: — не хочетъ идти!

— Кто не хочетъ идти?

— Убивецъ.

— Какой убивецъ?

— Кузьма... онъ убитъ, ваше благородіе... Петръ Егорычъ занапрасну тернить... Ей-Богу-съ...

Я вышелъ на дворъ и направился къ людской кухнѣ, гдѣ Кузьма, вырвавшійся уже изъ дюжихъ рукъ, разсыпалъ пощечины направо и налево.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я, подойдя къ толпѣ...

И мнѣ рассказали нѣчто странное и неожиданное.

— Ваше благородіе, Кузьма убитъ!

— Врутъ! — завопилъ Кузьма: — побей Бога, врутъ!

— А зачѣмъ же ты, чортовъ сынъ, кровь отмывалъ, ежели у тебя совѣсть чистая? Постои, ихъ благородіе все разберуть!

Обѣздчикъ Трифонъ, проѣзжая мимо рѣки, замѣтилъ, что Кузьма что-то старательно мылъ. Трифонъ думалъ сначала, что тотъ стираетъ бѣлье, но, взглянувъ, онъ увидѣлъ поддевку и жилетку. Ему показалось это страннымъ: сухошного не стирають.

— Что ты дѣлаешь? — крикнулъ Трифонъ.

Кузьма смутился. Взглянувъ еще пристальнѣе, Трифонъ замѣтилъ на поддевкѣ бурья пятна.

— Я сейчасъ же догадался, что это кровь... пошелъ на кухню и рассказалъ нашимъ; тѣ подстерегли и видѣли, какъ онъ ночью сушилъ въ саду поддевку. Ну, извѣстно, испужались. Зачѣмъ ему мыть, ежели онъ не виноватъ? Стало-быть, крива душа, коли прячется... Думали мы, думали и потащили его къ вашему благородію... Его тащили, а онъ пятится и въ глаза плюетъ. Зачѣмъ ему пятиться, ежели онъ не виноватъ?

Изъ дальнѣйшаго допроса оказалось, что Кузьма не-

редь самымъ убійствомъ, въ то время, когда графъ съ гостями сидѣлъ на опушкѣ и пилъ чай, отпирившись въ лѣсъ. Въ переноскѣ Ольги онъ не участвовалъ, а стало-быть, испачкаться въ крови не могъ.

Приведенный ко мнѣ въ комнату, Кузьма сначала не могъ выговорить отъ волненія ни слова; вращая бѣлкомъ своего единственнаго глаза, онъ крестился и бормоталъ божбу.

— Ты успокойся, расскажи мнѣ, и я тебя отпущу, — сказалъ я ему.

Кузьма повалился мнѣ въ ноги и, заикаясь, сталъ божиться.

— Чтобы мнѣ сгинуть, ежели это я... Чтобы ни отцу ни матери моей... Ваше благородіе! Убей Богъ мою душу...

— Ты уходилъ въ лѣсъ?

— Это правильно-съ, я уходилъ... подавалъ господамъ коньякъ и, извините, хлебнулъ малость; ударило мнѣ въ голову и захотѣлось полежать, пошелъ, легъ и заснулъ... А кто убилъ и какъ, не знаю и вѣдать не вѣдаю... Истинно вамъ говорю!

— А зачѣмъ ты отмывалъ кровь?

— Боялся, чтобы чего не подумали... чтобы въ свидѣтели не забрали...

— А откуда на твоей поддевкѣ взялась кровь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ же не можешь знать? Вѣдь поддевка твоя?

— Это точно, что моя, но не могу знать: увидалъ кровь, когда уже былъ проснувшись.

— Такъ, стало-быть, ты во снѣ запачкалъ поддевку въ крови?

— Точно такъ...

— Ну, ступай, братецъ, подумай... Ты несешь чепуху; подумай, завтра мнѣ скажешь... Иди.

На другой день, когда я проснулся, мнѣ доложили, что Кузьма желаетъ со мной говорить. Я велѣлъ его привести.

— Надумалъ?—спросилъ я его.

— Точно такъ, — надумалъ...

— Откуда же у тебя на поддевкѣ кровь?

— Я вашескоблагородіе, какъ во снѣ помню: припоминается что-то, какъ въ туманѣ, а правда это или нѣтъ, не разберу.

— Чтѣ же тебѣ припоминается?

Кузьма поднялъ вверхъ свой глазъ, подумалъ и сказалъ:

— Чудное... словно, какъ во снѣ или въ туманѣ... Лежу я на травѣ пьяный и дремлю, не то я дремлю, не то совсѣмъ сплю... Только слышу, кто-то идетъ мимо и ногами сильно стучить... открываю глазъ и вижу, словно какъ бы въ безпамятствѣ или во снѣ: подходитъ ко мнѣ какой-то баринъ, нагинается и вытираетъ руки о мои полы... вытеръ о полы, а потомъ рукой по жилеткѣ мазнулъ... вотъ такъ.

— Какой же это баринъ?

— Не могу знать; помню только, что это былъ не мужикъ, а баринъ... въ господскомъ платьѣ, а какой это баринъ, какое у него было лицо, совсѣмъ не помню.

— Какого же цвѣта у него было платье?

— А кто его знаетъ! Можетъ, бѣлое, а можетъ, и черное... помнится только, что это былъ баринъ, а больше ничего не помню... Ахъ, да, вспомнилъ! Нагнувшись, они вытерли свои ручки и сказали: «Пьяная сволочь!»

— Это тебѣ снилось?

— Не знаю... можетъ, и снилось... Только откуда же кровь взялась?

— Баринъ, котораго ты видѣлъ, похожъ на Петра Егорыча?

— Словно какъ бы нѣтъ... а, можетъ-быть, это и они были... Только они сволочью ругаться не станутъ.

— Ты припомни... ступай, посиди и припомни... можетъ-быть, вспомнишь какъ-нибудь.

— Слушаю.

Это неожиданное вторженіе одноглазаго Кузьмы въ почти уже законченный романъ произвело неосвѣтимуую путаницу. Я рѣшительно потерялся и не зналъ, какъ понимать мнѣ Кузьму: виновность свою онъ отрицалъ безусловно, да и предварительное слѣдствіе было противъ его виновности: убита была Ольга не изъ корыстныхъ цѣлей, покушенія на ея честь, по мнѣнію врачей, «вѣроятно, не было»; можно было развѣ допустить, что Кузьма убилъ и не воспользовался ни одною изъ этихъ цѣлей только потому, что былъ сильно пьянъ и потерялъ соображеніе, — что не вязалось съ обстановкой убійства.

Но если Кузьма былъ не виноватъ, то почему же онъ не объяснялъ присутствія крови на его поддевкѣ и къ чему выдумывалъ сны и галлюцинаціи? Къ чему приплелъ онъ барина, котораго онъ видѣлъ, слышалъ, но не помнить настолько, что забылъ даже цвѣтъ его одежды?

Прилеталъ еще разъ Полуградовъ.

— Вотъ видите-съ! — сказалъ онъ: — осмотри въ мѣсто преступленія тотчасъ же, то, вѣрьте, теперь все было бы ясно, какъ на ладони! Допроси ты тотчасъ всю прислугу, мы еще тогда бы знали, кто песь Ольгу Николаевну, а кто пѣтъ, а теперь мы не можемъ даже опредѣлить, на какомъ разстоянн отъ мѣста происшествія лежалъ этотъ пьяница!

Часа два бился онъ съ Кузьмой, но послѣдннй не сообщилъ ему ничего новаго; сказалъ, что въ полуснѣ видѣлъ барина, что баринъ вытеръ о его полы руки и выбранилъ его «пьяной сволочью», но кто былъ этотъ баринъ, какія были у него лицо и одежда, онъ не сказалъ,

— Да ты сколько коньяку выпилъ?

— Я отпилъ полъ-бутылки.

— Да то, можетъ-быть, былъ не коньякъ?

— Нѣтъ-съ, настоящнй финъ-шампань...

— Ахъ, ты даже и названія вицъ знаешь! — усмѣхнулся товарицъ прокурора.

— Какъ не знать! Слава Богу, при господахъ ужъ три десятка служимъ, пора научиться...

Товарищу прокурора для чего-то понадобилась очная ставка Кузьмы съ Урбенинымъ... Кузьма долго глядѣлъ на Урбенина, помоталъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, не помню... можетъ-быть, Петръ Егорычъ, а можетъ, и не они... Кто его знаетъ!

Полуградовъ махнулъ рукой и уѣхалъ, предоставивъ мнѣ самому изъ двухъ убійцъ выбирать настоящаго.

Слѣдствне затянулось... Урбенинъ и Кузьма были заключены въ арестантскнй домъ, имѣвшнйся въ деревенькѣ, въ которой находилась моя квартира. Бѣдный Петръ Егорычъ сильно палъ духомъ, онъ осунулся, посѣдѣлъ и впалъ въ религнозное настроенн; раза два онъ присылалъ ко мнѣ съ просьбой прислать ему уставъ о наказанняхъ; очевидно, его интересовалъ размѣръ предстоящаго наказанн.

— Какъ же мои дѣти-то будутъ? — спросилъ онъ меня въ одинъ изъ допросовъ. — Будь я одинокъ, ваша ошибка не причинила бы мнѣ горя, но вѣдь мнѣ нужно жить... жить для дѣтей! Они погибнуть безъ меня, да и я... не въ состоянн съ ними разстаться! Чтѣ вы со мной дѣлаете?!

Когда стража стала ему говорить «ты», и когда раза два ему пришлось пройти пѣшкомъ изъ моей деревни

до города и обратно подъ стражей, на виду знакомого ему народа, онъ впалъ въ отчаяніе и сталъ нервничать.

— Это не юристы!—кричалъ онъ на весь арестантскій домъ:—это жестокіе, безсердечные мальчишки, не щадящіе ни людей ни правды! Я знаю, почему я здѣсь сижу, знаю! Сваливъ на меня вину, они хотятъ скрыть, настоящаго виновника! Графъ убилъ, а если не графъ, то его наемникъ!

Когда ему стало извѣстно о задержаніи Кузьмы, онъ на первыхъ порахъ очень обрадовался.

— Вотъ и нашелся наемникъ!—сказалъ онъ мнѣ:—вотъ и нашелся!

Но скоро, когда онъ увидѣлъ, что его не выпускаютъ, и когда сообщили ему показаніе Кузьмы, онъ опять запечалился.

— Теперь я погибъ, — говорилъ онъ: — окончательно погибъ: чтобъ выйти изъ заключенія, этотъ кривой чортъ, Кузьма, рано или поздно назоветъ меня, скажетъ, что это я утиралъ свои руки о его полы. Но вѣдь видѣли же, что у меня руки были не вытерты!

Рано или поздно наши сомнѣнія должны были разрѣшиться.

Въ концѣ ноября того же года, когда передъ окнами моими кружились снѣжинки, а озеро глядѣло безконечно-бѣлой пустыней, Кузьма пожелалъ меня видѣть: онъ прислалъ мнѣ сторожа сказать, что онъ «надумалъ». Я приказалъ привести его къ себѣ.

— Я очень радъ, что ты наконецъ надумалъ, — встрѣтилъ я его: — пора ужъ бросить скрытничать и водить насъ за носъ, какъ малыхъ ребятъ. Чтò же ты надумалъ?

Кузьма не отвѣчалъ; онъ стоялъ посреди моей комнаты и молча, не мигая глазами, глядѣлъ на меня... Въ глазахъ его свѣтился испугъ; да и самъ онъ имѣлъ видъ человѣка, сильно испуганнаго: онъ былъ блѣденъ и дрожалъ, съ лица его струился холодный потъ.

— Ну, говори, чтò ты надумалъ? — повторилъ я.

— Такое, что чуднѣе и выдумать нельзя... — выговорилъ онъ. — Вчера я вспомнилъ, какой на томъ баринѣ галстукъ былъ, а нынче ночью задумался и самое лицо вспомнилъ.

— Такъ кто же это былъ?

— Страшно сказать, ваше благородіе, ужъ позвольте

мнѣ не говорить: больно чудно и удивительно, думается, что это мнѣ снилось или причудилось...

— Но кто же тебѣ причудился?

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ не говорить: если скажу, то засудите... Дозвольте мнѣ подумать и завтра сказать... Боязно.

— Тьфу! — разсердился я: — зачѣмъ же ты меня безпокоишь, если ты не можешь говорить? Зачѣмъ ты шель сюда?

— Думалъ, что скажу, а теперь вотъ страшно. Нѣгъ, ваше благородіе, отпустите меня... лучше завтра скажу... Если я скажу, то вы такъ разгнѣваетесь, что мнѣ пуще Сибири достанется, — засудите...

Я разсердился и велѣлъ увести Кузьму*). Въ тотъ же день вечеромъ, чтобы не терять времени и покончить разъ навсегда съ надоѣвшимъ мнѣ «дѣломъ объ убійствѣ», я отправился въ арестантскій домъ и обманулъ Урбенина, сказавъ ему, что Кузьма назвалъ его убійцею.

— Я ждалъ этого... — сказалъ Урбенинъ, махнувъ рукой: — мнѣ все равно...

Одинокое заключеніе сильно повліяло на медвѣжье здоровье Урбенина: онъ пожелтѣлъ и убавился въ вѣсъ чуть ли не на половину. Я обѣщаль ему приказать сторожамъ пускать его гулять по коридору днемъ и даже ночью.

— Нѣтъ нужды опасаться, что вы уйдете, — сказалъ я.

Урбенинъ поблагодарилъ меня и послѣ моего ухода уже гулялъ по коридору: его дверь ужъ болѣе не запиралась.

Уходя отъ него, я постучался въ дверь, за которой сидѣлъ Кузьма.

— Ну что, надумалъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, баринъ... — послышался слабый голосъ: — пушай господинъ прокуроръ пріѣзжаетъ, ему объявлю, а вамъ не стану сказывать.

— Какъ знаешь...

Утромъ другого дня все рѣшилось.

Сторожъ Егоръ пріѣзжалъ ко мнѣ и сообщилъ, что

*) Хорошъ слѣдователь! Въмѣсто того, чтобы продолжать допросъ и вынудить полезное показаніе, онъ разсердился—занятіе не входящее въ кругъ обязанностей чиновника. Впрочемъ, я мало вѣрю всему этому... Если г. Камышеву были ни почемъ его обязанности, то продолжать допросъ должно было заставить его простое челоуѣческое любопытство. А. Ч.

одноглазый Кузьма найденъ въ своей постели мертвымъ. Я отправился въ арестантскую и убѣдился въ этомъ... Здоровый, рослый мужикъ, который еще вчера дышалъ здоровьемъ и измышлялъ ради своего освобожденія разныя сказки, былъ неподвиженъ и холоденъ, какъ камень... Не стану описывать ужасъ мой и стражи: онъ понятенъ читателю. Для меня дорогъ былъ Кузьма, какъ обвиняемый или свидѣтель, для сторожей же это былъ арестантъ, за смерть или побѣгъ котораго съ нихъ дорого взыскивалось... Ужасъ нашъ былъ тѣмъ сильнѣе, что произведенное вскрытіе констатировало смерть насильственную... Кузьма умеръ отъ задушенія... Убѣдились въ томъ, что онъ задушенъ, я сталъ искать виновника и искалъ его недолго... Онъ былъ близко...

Я отправился въ камеру Урбенина и, не имѣя силъ сдержатъ себя, забывъ, что я слѣдователь, назвалъ его въ самой рѣзкой и жестокой формѣ убійцей.

— Мало вамъ было, негодяй, смерти вашей несчастной жены, — сказалъ я: — вамъ понадобилась еще смерть человѣка, который уличилъ васъ! И вы станете послѣ этого продолжать вашу грязную воровскую комедію!

Урбенинъ страшно поблѣднѣлъ и покачнулся...

— Вы лжете! — крикнулъ онъ, ударяя себя кулакомъ по груди.

— Не лгу я! Вы проливали крокодиловы слезы на наши улики, издѣвались надъ ними... Бывали минуты, когда мнѣ хотѣлось вѣрить болѣе вамъ, чѣмъ уликамъ... о, вы хорошій актеръ!.. Но теперь я не повѣрю вамъ, даже если изъ вашихъ глазъ вмѣсто этихъ актерскихъ, фальшивыхъ слезъ потечетъ кровь! Говорите, вы убили Кузьму?

— Вы или пьяны, или же издѣваетесь надо мной! Сергѣй Петровичъ, всякое терпѣніе и смиреніе имѣетъ свои границы! Я этого не вынесу!

И Урбенинъ, сверкая глазами, застучалъ кулакомъ по столу.

— Вчера я имѣлъ неосторожность дать вамъ свободу, — продолжалъ я: — позволилъ вамъ то, чего не позволяютъ другимъ арестантамъ: гулять по коридору. И вотъ, словно въ благодарность, вы ночью идете къ двери этого несчастнаго Кузьмы и душите снящаго человѣка! Знайте, что вы погубили не одного только Кузьму: изъ-за васъ пропадутъ сторожа.

— Что же я сдѣлалъ такое, Боже мой? — проговорилъ Урбенинъ, хватая себя за голову.

— Вы хотите знать доказательства? Извольте... ваша дверь, по моему приказанію, была отперта... дурачье-прислуга отперла дверь и забыла припрятать замѣкъ... всѣ камеры запираются одинаковыми замками... вы ночью взяли свой ключъ и, выйдя въ коридоръ, отперли имъ дверь своего сосѣда... Задушивъ его, вы дверь заперли, а ключъ вставили въ свой замѣкъ.

— За что же я могъ задушить его? За что?

— За то, что онъ назвалъ васъ... Не сообщите вы мнѣ вчера этой новости, онъ остался бы живъ... Грѣшно и стыдно, Петръ Егорычъ!

— Сергѣй Петровичъ, молодой человѣкъ! — заговорилъ вдругъ нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ убійца, хватая меня за руку: — вы честный и порядочный человѣкъ... не губите и не пятняйте себя неправедными подозрѣніями и опрометчивыми обвиненіями! Вы не можете только понять, какъ жестоко и больно вы оскорбили меня, взваливъ на мою ни въ чемъ неповинную душу новое обвиненіе... Я мученикъ, Сергѣй Петровичъ! Бойтесь обидѣть мученика! Будетъ время, когда вамъ придется извиняться передо мной, и это время скоро... Не обвиняйте же меня въ самомъ дѣлѣ! Но извиненіе это не удовлетворитъ васъ... Чѣмъ набрасываться на меня и оскорблять такъ ужасно, вы бы лучше по-человѣчески, — не говорю, по-дружески: вы уже отказались отъ нашихъ хорошихъ отношеній, — вы бы лучше разспросили меня... Какъ свидѣтель и вашъ помощникъ, я для правосудія принесъ бы больше пользы, чѣмъ въ роли обвиняемаго. Взять бы хоть это новое обвиненіе... я могъ бы многое вамъ сообщить: ночью-то я не спалъ и все слышалъ.

— Что вы слышали?

— Ночью, часа въ два... были потемки... слышу, кто-то тихонько ходить по коридору и все за дверь мою трогаетъ... ходилъ-ходилъ, а потомъ отворилъ мою дверь и вошелъ.

— Кто?

— Не знаю: темно было, — не видалъ... Постоялъ въ моей камерѣ минутку и вышелъ... и именно такъ, какъ вотъ вы говорите, — вынулъ изъ двери моей ключъ и отперъ сосѣдскую камеру. Минутки черезъ двѣ я услышалъ хрипѣніе, а потомъ возню. Думалъ я, что это сто-

рожь ходитъ и возится, а хрипѣніе принялъ за храпъ, а то бы я поднялъ шумъ

— Басни! — сказалъ я: — некому тутъ, кромѣ васъ, Кузьму убивать. Дежурные сторожа спали. Жена одного изъ нихъ, не спавшая всю ночь, показала, что всѣ три сторожа въ теченіе ночи спали, какъ убитые, и не оставляли своихъ постелей ни на минуту; бѣдняги не знали, что въ этой жалкой арестантской могутъ водиться такіе звѣри. Служать они здѣсь уже болѣе двадцати лѣтъ, и за все это время у нихъ не было ни одного случая побѣга, не говорю ужъ о такой мерзости, какъ убійство. Теперь жизнь ихъ, благодаря вамъ, перевернута вверхъ дномъ; да и мнѣ достанется за то, что я не отправилъ васъ въ тюремный замокъ и далъ вамъ здѣсь свободу гулять по коридорамъ. Благодарю васъ!

Это была послѣдняя моя бесѣда съ Урбенинымъ. Больше я ужъ съ нимъ никогда не бесѣдовалъ, если не считать тѣхъ двухъ-трехъ вопросовъ, которые задалъ онъ мнѣ, какъ свидѣтелю, сидя на скамьѣ подсудимыхъ...

Мой романъ въ заголовкѣ названъ «уголовнымъ», и теперь, когда «дѣло объ убійствѣ Ольги Урбениной» осложнилось еще новымъ убійствомъ, мало понятнымъ и во многихъ отношеніяхъ таинственнымъ, читатель въ правѣ ожидать вступленія романа въ самый интересный и бойкій фазисъ. Открытіе преступника и мотивовъ преступленія составляетъ широкое поле для проявленія остроумія и мозговой гибкости. Тутъ злая воля и хитрость ведутъ войну съ знаніемъ, войну интересную во всѣхъ своихъ проявленіяхъ...

Я велъ войну, и читатель въ правѣ ожидать отъ меня описанія средствъ, которыя дали мнѣ побѣду, и онъ, навѣрное, ждетъ слѣдовательскихъ тонкостей, которыми такъ блещутъ романы Габорио и нашего Шкляревскаго; и я готовъ оправдать ожиданія читателя, но... одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ оставляетъ поле битвы, не дождавшись конца сраженія — его не дѣлаютъ участникомъ побѣды; все, что было имъ сдѣлано ранѣе, пропадаетъ даромъ, — и оно идетъ въ толпу зрителей. Это дѣйствующее лицо — вашъ покорнѣйшій слуга. На другой день, послѣ описанной бесѣды съ Урбенинымъ, я получилъ приглашеніе, или, вѣрнѣе, приказъ подать въ отставку. Сплетни и разговоры нашихъ уѣздныхъ кумушекъ сдѣлали свое дѣло... Моему увольненію много спо-

собствовали также убійство въ арестантскомъ домѣ, показанія, взятыя товарищемъ прокурора тайкомъ отъ меня у прислуги, и, если помнитъ читатель, ударъ, нанесенный мною мужику весломъ по головѣ въ одинъ изъ прошлыхъ ночныхъ кутежей. Мужикъ поднялъ дѣло. Произошла сильная перетасовка. Въ какіе-нибудь два дня я долженъ былъ сдать дѣло объ убійствѣ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ.

Благодаря толкамъ и газетнымъ корреспонденціямъ, поднялся на ноги весь прокурорскій надзоръ. Прокуроръ наѣзжалъ въ графскую усадьбу черезъ день и принималъ участіе въ допросахъ. Протоколы нашихъ врачей были отправлены во врачебную управу и далѣе. Поговаривали даже о вырытіи труповъ и новомъ осмотрѣ, который, кстати сказать, ни къ чему бы не повелъ.

Урбенина раза два таскали въ губернской городъ для освидѣтельствванія его умственныхъ способностей, и оба раза онъ былъ найденъ нормальнымъ. Я сталъ фигурировать въ качествѣ свидѣтеля *). Новые слѣдователи такъ увлеклись, что въ свидѣтели попалъ даже мой Поликарпъ.

Годъ спустя послѣ моей отставки, когда я жилъ въ Москвѣ, мною была получена повѣстка, звавшая меня на разбирательство урбенинскаго дѣла. Я обрадовался случаю повидать еще разъ мѣста, къ которымъ меня тянула привычка, и поѣхалъ. Графъ, жившій въ Петербургѣ, не поѣхалъ и послалъ вмѣсто себя медицинское свидѣтельство.

Дѣло разбиралось въ нашемъ уѣздномъ городѣ, въ отдѣленіи окружнаго суда. Обвинялъ Полуградовъ, тотъ самый, который раза четыре на день чистилъ свои зубы краснымъ порошкомъ; защищалъ нѣкій Смирняевъ, высокій, худощавый блондинъ, съ сентиментальнымъ лицомъ и длинными, гладкими волосами. Присяжные всплошную состояли изъ мѣщанъ и крестьянъ; изъ нихъ только четверо были грамотные, остальные же, когда имъ были поданы для просмотра письма Урбенина къ женѣ, потѣли и конфузились. Въ старшины попалъ лавочникъ Иванъ Демьянычъ, тотъ самый, который далъ имя моему покойному попугаю.

Войдя въ залу суда, я не узналъ Урбенина: онъ со-

*) Роль, конечно, болѣе подходящая г. Камышеву, чѣмъ роль слѣдователя: въ дѣлѣ Урбенина онъ не могъ быть слѣдователемъ. А. Ч.

вершено поѣдѣлъ и постарѣлъ тѣломъ лѣтъ на двадцать. Я ожидалъ прочесть на лицѣ его равнодушіе къ своей судьбѣ и апатію, но ожиданія мои были ошибочны, — Урбенинъ горячо отнесся къ суду: онъ отвелъ трехъ присяжныхъ, давалъ длинныя объясненія и допрашивалъ свидѣтелей; вину свою отрицалъ онъ безусловно и cadaго свидѣтеля, говорившаго не за него, допрашивалъ очень долго.

Свидѣтель Пшехоцкій показалъ на судѣ, что я жилъ съ покойной Ольгой.

— Это ложь! — крикнулъ Урбенинъ: — онъ лжець! Женѣ моей я не вѣрю, но ему я вѣрю!

Когда я давалъ показанія, защитникъ спросилъ меня, въ какихъ отношеніяхъ я находился съ Ольгой, и познакомилъ меня съ показаніемъ Пшехоцкаго, когда-то мнѣ аплодировавшаго. Сказать правду — значило бы дать показаніе въ пользу подсудимаго: чѣмъ развратнѣе жена, тѣмъ снисходительнѣе присяжные къ мужу-Отелло, — я понималъ это... Съ другой стороны, моя правда оскорбила бы Урбенина... онъ, услыхавъ ее, почувствовалъ бы неизлѣчимую боль... Я счелъ за лучшее солгать.

— Нѣтъ! — сказалъ я.

Прокуроръ въ своей рѣчи, описывая въ яркихъ краскахъ убійство Ольги, обращалъ особое вниманіе на звѣрство убійцы, на его злобу... «Старый, поношенный сластолюбець увидалъ дѣвушку, красивую собой и молодую. Зная весь ужасъ ея положенія въ домѣ сумасшедшаго отца, онъ манитъ ее къ себѣ кускомъ хлѣба, жильемъ и цвѣтными тряпками... Она соглашается: состоятельный мужъ-старикъ все-таки выносимѣ сумасшедшаго отца и бѣдности. Но она молода, а молодость, гг. присяжные, имѣетъ свои неотъемлемыя права... Дѣвушка, воспитанная на романахъ и среди природы, рано или поздно должна была полюбить...» и т. д. въ томъ же родѣ. Кончается тѣмъ, что «онъ, не давшій ей ничего, кромѣ своей старости и цвѣтныхъ тряпокъ, видя ускользящую добычу, впадаетъ въ ярость животнаго, къ носу котораго поднесли раскаленное желѣзо. Любилъ онъ животню и ненавидѣть долженъ животню» и проч.

Обвиняя Урбенина въ убійствѣ Кузмы, Полуградовъ указывалъ на тѣ воровскіе приемы, здраво обдуманые и взвѣшенные, которыми сопровождалось убійство «спящаго челоуѣка, имѣвшаго неосторожность показать на-

канунѣ противъ него. А что Кузьма хотѣлъ разсказать слѣдователю именно про него, въ этомъ вы, я полагаю, не сомнѣваетесь».

Защитникъ Смирняевъ не отрицалъ виновности Урбенина; онъ просилъ только признать, что Урбенинъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ аффекта, и дать ему снисхожденіе. Описывая, какъ мучительно бываетъ чувство ревности, онъ привелъ въ свидѣтели шекспировскаго Отелло. Взглянулъ онъ на этотъ «всечеловѣческій типъ» всесторонне, приводя цитаты изъ разныхъ критиковъ, и забрелъ въ такія дебри, что предсѣдатель долженъ былъ остановить его замѣчаніемъ, что «знаніе иностранной литературы для присяжныхъ необязательно».

Воспользовавшись послѣднимъ словомъ, Урбенинъ призвалъ Бога въ свидѣтели, что онъ не виноватъ ни дѣломъ ни мыслью.

— Мнѣ лично, все равно, гдѣ ни быть: въ этомъ ли уѣздѣ, гдѣ все напоминаетъ мнѣ мой незаслуженный позоръ или жену, или на каторгѣ, но меня смущаетъ судьба моихъ дѣтей.

И, повернувшись къ публикѣ, Урбенинъ заплакалъ и просилъ пріютить его дѣтей.

— Возьмите ихъ. Графъ, конечно, не упуститъ случая щегольнуть своимъ великодушіемъ, но я уже предупредилъ дѣтей: они не возьмутъ отъ него ни одной крохи.

Замѣтивъ меня среди публики, онъ поглядѣлъ на меня умоляющими глазами и сказалъ:

— Защитите моихъ дѣтей отъ благодѣяній графа!

Онъ, видимо, забылъ о предстоящемъ вердиктѣ и весь предался мысли о дѣтяхъ. Говорилъ онъ о нихъ до тѣхъ поръ, пока не былъ остановленъ предсѣдателемъ.

Присяжные совѣщались недолго. Урбенинъ былъ признанъ виновнымъ безусловно и ни на одинъ пунктъ не получилъ снисхожденія.

Приговоренъ онъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

Такъ дорого обошлась ему встрѣча въ майское утро съ поэтической «дѣвушкой въ красномъ»...

Со времени описанныхъ событій прошло уже болѣе восьми лѣтъ. Одни участники драмы умерли и уже сгнили, другіе несутъ наказаніе за свой грѣхъ, третьи влачатъ

жизнь, борясь съ будничной скукой и ожидая смерти со дня на день.

Въ восемь лѣтъ измѣнилось многое... Графъ Каряфевъ, не перестававшій питать ко мнѣ самую искреннюю дружбу, уже окончательно спился. Усадьба его, давшая мѣсто драмѣ, ушла отъ него въ руки жены и Пшехоцкаго. Онъ теперь бѣденъ и живетъ на мой счетъ. Иногда, подъ вечеръ, лежа у меня въ номерѣ на диванѣ, онъ любитъ вспомнить былое.

— Хорошо бы теперь цыганъ послушать, — бормочетъ онъ: — пошли, Сережа, за коньякомъ!

Я тоже измѣнился. Силы мои оставляютъ меня постепенно, и я чувствую, какъ выходить изъ моего тѣла здоровье и молодость. Нѣтъ ужъ той физической силы, нѣтъ ловкости, нѣтъ выносливости, которой я щеголялъ когда-то, бодрствуя нѣсколько ночей подъ рядъ и выпивая количество, которое я теперь едва ли подниму.

На лицѣ одна за другой появляются морщины, волосы рѣдѣютъ, голосъ грубѣетъ и слабѣетъ... Жизнь прошла...

Прошлое я помню, какъ вчерашнй день. Какъ въ туманѣ, вижу я мѣста и образы людей. Безпристрастно относиться къ нимъ нѣтъ у меня силъ; люблю и ненавижу я ихъ съ прежней силой, и не проходитъ того дня, чтобы я, охваченный чувствомъ негодованія или ненависти, не хваталъ бы себя за голову. Графъ для меня попрежнему гадокъ, Ольга отвратительна, Калининъ смѣшонъ своимъ тупымъ чванствомъ. Зло считаю я зломъ, грѣхъ — грѣхомъ.

Но бываютъ нерѣдко минуты, когда я, взглянувъ въ стоящй на моемъ столѣ портретъ, чувствую непреодолимое желаніе пройти съ «дѣвушкой въ красномъ» по лѣсу подъ шумокъ высокихъ сосенъ и прижать ее къ груди, несмотря ни на что. Въ эти минуты прошоаю я и ложъ и паденіе въ грязную пропасть, готовъ простить все для того, чтобы повторилась еще разъ хотя бы частица прошлаго... Утомленный городской скукой, я хотѣлъ бы еще разъ послушать ревъ великана-озера и промчаться по его берегу на моей Зорькѣ... Я простилъ и забылъ бы все, чтобы еще разъ пройти по тѣневской дорогѣ и встрѣтить садовника Франца съ его водочнымъ боченкомъ и жокейскимъ картузикомъ... Бываютъ минуты, когда я готовъ даже пожать руку, обогренную кровью, и потолковать съ благодушнымъ Петромъ Его-

рычемъ о религіи, урожаѣ, народномъ образованіи... Я хотѣлъ бы повидаться со «щуромъ», съ его Наденькой...

Жизнь бѣшеная, безпутная, безпокойная, какъ озеро въ августовскую ночь... Много жертвъ скрылось навсегда подъ ея темными волнами... На днѣ лежитъ тяжелый осадокъ...

Но за что я люблю ее въ инныя минуты? За что я прощаю и мчусь къ ней душой, какъ нѣжный сынъ, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки?

Жизнь, которую я вижу сейчасъ сквозь номерное окно, напоминаетъ мнѣ сѣрый кругъ: сѣрый цвѣтъ и никакихъ оттѣнковъ, никакихъ свѣтлыхъ проблесковъ...

Но, закрывъ глаза и припоминая прошлое, я вижу радугу, какую даетъ солнечный спектръ... Да, тамъ бурно, но тамъ свѣтлѣе...

С. Зиновьевъ.

Конецъ.

Внизу рукописи написано:

Милостивый государь, г. редакторъ! Предлагаемый романъ (или повѣсть, какъ хотите) прошу печатать, по возможности, безъ сокращеній, урѣзокъ и вставокъ. Впрочемъ, измѣненія можно дѣлать по соглашенію съ авторомъ. Въ случаѣ негодности прошу рукопись сохранить для возвращенія. Жительство (временное) имѣю въ Москвѣ, на Тверской, въ номерахъ «Англія». Иванъ Петровичъ Камышевъ. Р. S. Гонораръ по усмотрѣнію редакціи.

Годъ и число.

Теперь, познакомивъ читателя съ романомъ Камышева, продолжаю прерванную съ нимъ бесѣду. Прежде всего я долженъ предупредить, что обѣщаніе, данное мною читателю въ началѣ повѣсти, не сдержано: романъ Камышева напечатанъ не безъ пропусковъ, не *in toto*, какъ я обѣщаль, а по значительномъ сокращеніи. Дѣло въ томъ, что «Драма на охотѣ» не могла быть напечатана въ газетѣ, о которой шла рѣчь въ первой главѣ этой повѣсти: газета прекратила свое существованіе, когда рукопись постуила въ наборъ... Настоящая же редакція, давшая пріютъ роману Камышева, нашла невозможнымъ печатать его безъ урѣзокъ. Всякій разъ, во все время печатанія, она присылала мнѣ корректуры отдѣльных главъ съ просьбой «измѣнить». Я же не хотѣлъ брать грѣха на душу, измѣнять чужое, и находилъ луч-

шимъ и полезнымъ совсѣмъ выпускать, чѣмъ измѣнять неудобное мѣсто. По соглашенію со мной, редакція выпустила много мѣстъ, поражавшихъ своимъ цинизмомъ, длиннотами и небрежностью въ литературной отдѣлкѣ. Эти выпуски и урѣзки требовали осторожности и времени — причина, отчего многія главы запаздывали. Выпущены нами, между прочимъ, два описанія ночныхъ оргій. Одна оргія происходила въ домѣ графа, другая на озерѣ. Выпущено описаніе библиотеки Поликарпа и оригинальная манера его чтенія: это мѣсто найдено слишкомъ растянутымъ и утрированнымъ.

Болѣе всего я отстаивалъ, и редакція болѣе всего не взлюбила главу, въ которой описывается отчаянная игра въ карты, свирѣпствовавшая среди графской прислуги. Самыми страстными игроками были садовникъ Францъ и старуха Сычиха; играли они преимущественно въ стуколку и три листика. Въ періодъ слѣдствія Камышевъ, проходя однажды мимо одной изъ бесѣдокъ и заглянувъ въ нее, увидѣлъ сумасшедшую игру: играли Сычиха, Францъ и... Пшехоцкій. Играли въ стуколку, въ темную, со ставкой въ 90 коп.; ремизъ достигалъ до 30 руб. Камышевъ подсѣлъ къ игрокамъ и «обчистилъ» ихъ, какъ куропатокъ. Обыгранный Францъ, желая продолжать игру, отправился на озеро, гдѣ онъ пряталъ свои деньги. Камышевъ прослѣдилъ его путь и, подмѣтивъ, гдѣ онъ прячетъ свои деньги, обокралъ садовника, не оставивъ ему ни одной копейки. Взятые деньги онъ отдалъ рыбаку Михею. Эта странная благотворительность прекрасно характеризуетъ взбалмошнаго слѣдователя, но описана она такъ небрежно, и бесѣды партнеровъ пещрятъ такими перлами сквернословія, что редакція не согласилась даже на измѣненія.

Выпущено нѣсколько описаній свиданій Ольги съ Камышевымъ; пропущено одно объясненіе его съ Наденькой Калининой и т. д. Но думаю, что и напечатаннаго достаточно для характеристики моего героя. Sapienti sat...

Ровно черезъ три мѣсяца редакціонный сторожъ Андрей доложилъ мнѣ о приходѣ «господина съ кокардой».

— Проси! — сказалъ я.

Вошелъ Камышевъ, такой же краснощекій, здоровый и красивый, какъ и три мѣсяца назадъ. Шаги его были попрежнему безшумны... Онъ положилъ на окно свою шляпу такъ осторожно, что можно было подумать, что

онъ клалъ какую-нибудь тяжесть... Въ голубыхъ глазахъ его свѣтилось попрежнему что-то дѣтское, безконечно-добродушное.

— Опять я васъ беспокою! — началъ онъ, улыбаясь и осторожно садясь. — Простите ради Бога! Ну что? Какой приговоръ произнесенъ для моей рукописи?

— Виновна, но заслуживаетъ снисхожденія, — сказалъ я.

Камышевъ засмѣялся и высморкался въ душистый платокъ.

— Стало-быть, ссылка въ огонь камина? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ строго? Карательныхъ мѣръ она не заслуживаетъ, мы употребимъ исправительныя.

— Исправить нужно?

— Да, кое-что... по взаимному соглашенію...

Четверть минуты мы помолчали. У меня страшно билось сердце и стучало въ вискахъ, но подавать видъ, что я взволнованъ, не входило въ мои планы.

— По взаимному соглашенію, — повторилъ я. — Въ прошлый разъ вы говорили мнѣ, что фавулой своей повѣсти вы взяли истинное происшествіе.

— Да, и теперь я готовъ повторить это же самое. Если вы читали мой романъ, то... честь имѣю представиться: Зиновьевъ.

— Стало-быть, это вы были шаферомъ у Ольги Николаевны?

— И шаферомъ, и другомъ дома. Не правда ли, я симпатиченъ въ этой рукописи? — засмѣялся Камышевъ, поглаживая колѣно и краснѣя: — хорошъ? Бить бы нужно, да некому.

— Такъ-съ... Ваша повѣсть мнѣ нравится: она лучше и интереснѣе очень многихъ уголовныхъ романовъ... Только намъ съ вами, по взаимному соглашенію, придется произвести въ ней кое-какія весьма существенныя измѣненія.

— Это можно. Напримѣръ, что вы находите нужнымъ измѣнить?

— Самый habitus романа, его физиономію. Въ немъ, какъ въ уголовномъ романѣ, все есть: преступленіе, улики, слѣдствіе, даже пятнадцатилѣтняя каторга на закуску, но нѣтъ самаго существеннаго.

— Чего же именно?

— Въ немъ нѣтъ настоящаго виновника...

Камышевъ сдѣлалъ большіе глаза и приподнялся.

— Откровенно говоря, я васъ не понимаю, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — если вы не считаете настоящимъ виновникомъ человѣка, который зарѣзалъ и задушилъ, то... я ужъ не знаю, кого слѣдуетъ считать. Конечно, преступникъ есть продуктъ общества, и общество виновно, но... если вдаваться въ высшія соображенія, то нужно бросить писать романы, а взяться за рефераты.

— Ахъ, какія тутъ высшія соображенія! Не Урбенинъ вѣдь убилъ!

— Какъ же? — спросилъ Камышевъ, придвигаясь ко мнѣ.

— Не Урбенинъ!

— Можетъ-быть. *Humanum est errare*, — и слѣдователи несовершенны: судебныя ошибки часты подъ луной. Вы находите, что мы ошиблись?

— Нѣтъ, вы не ошиблись, а пожелали ошибиться.

— Простите, я васъ опять не понимаю, — усмѣхнулся Камышевъ: — если вы находите, что слѣдствіе привело къ ошибкѣ и даже, какъ я васъ стараюсь понять, къ преднамѣренной ошибкѣ, то любопытно было бы знать вашъ взглядъ. По вашему мнѣнію, кто убилъ?

— Вы!!

Камышевъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ, покраснѣлъ и сдѣлалъ шагъ назадъ. Затѣмъ онъ отвернулся, отошелъ къ окну и засмѣялся.

— Вотъ такъ клюква! — пробормоталъ онъ, дыща на окно и нервно рисуя на немъ вензель.

Я глядѣлъ на его рисующую руку и, казалось, узнавалъ въ ней ту самую желѣзную, мускулистую руку, которая одна только могла въ одинъ пріемъ задушить спящаго Кузьму, растерзать хрупкое тѣло Ольги. Мысль, что я вижу передъ собой убійцу, наполняла мою душу непривычнымъ чувствомъ ужаса и страха... не за себя — нѣтъ! — а за него, за этого красиваго и граціознаго великана... вообще за человѣка...

— Вы убили! — повторилъ я.

— Если не шутите, то поздравляю съ открытіемъ, — засмѣялся Камышевъ, все еще не глядя на меня: — впрочемъ, судя по дрожи вашего голоса и по вашей блѣдности, трудно допустить, что вы шутите. Экій вы нервный!

Камышевъ повернулъ ко мнѣ свое пылающее лицо и, сиясь улыбнуться, продолжалъ:

— Любопытно, откуда вамъ могла прійти въ голову такая мысль! Не написалъ ли я чего-нибудь такого въ своемъ романѣ, — это любопытно, ей-Богу... Расскажите, пожалуйста! Разъ въ жизни стѣдуетъ поиспытать это ощущение, когда на тебя смотрятъ, какъ на убійцу.

— Убійца вы и есть, — сказалъ я: — и даже скрыть этого не можете: въ романѣ проврались да и сейчасъ плохо актерствуете.

— Это совсѣмъ-таки интересно, — любопытно было бы послушать, честное слово.

— Коли любопытно, такъ слушайте.

Я вскочилъ и, волнуясь, заходилъ по комнатѣ. Камышевъ заглянулъ за дверь и плотнѣе притворилъ ее. Эта осторожность выдала его.

— Чего же вы боитесь? — спросилъ я.

Камышевъ конфузливо закашлялся и махнулъ рукой.

— Ничего я не боюсь, а просто такъ... взялъ да и взглянулъ за дверь. А вамъ и это понадобилось! Ну, рассказывайте.

— Позвольте вамъ допросъ сдѣлать?

— Сколько угодно.

— Предупреждаю, что я не слѣдователь и допрашивать не мастеръ; порядка и системы не ждите, а потому не извольте сбивать и путать. Прежде всего скажите мнѣ, куда вы исчезли послѣ того, какъ оставили опушку, на которой кутили послѣ охоты?

— Въ повѣсти сказано: я пошелъ домой.

— Въ повѣсти описаніе вашего пути старательно зачеркнуто. Вы шли тѣмъ лѣсомъ?

— Да.

— И могли, стало-быть, встрѣтиться тамъ съ Ольгой?

— Да, могъ, — усмѣхнулся Камышевъ.

— И вы съ ней встрѣтились.

— Нѣтъ, не встрѣчался.

— На слѣдствіи вы забыли допросить одного очень важнаго свидѣтеля, а именно себя... Вы слышали крикъ жертвы?

— Нѣтъ... Ну, батенька, допрашивать вы совсѣмъ не мастеръ...

Это фамиллярное «батенька» меня покорило: оно плохо вязалось съ тѣми извиненіями и смущеніемъ, которыми началась наша беседа. Скоро я замѣтилъ, что Камы-

шевѣ глядѣлъ на меня снисходительно, свысока, и почти любовался моимъ неумѣньемъ выпутаться изъ массы волновавшихъ меня вопросовъ.

— Допустимъ, что въ лѣсу вы не встрѣтились съ Ольгой, — продолжалъ я: — хотя, впрочемъ, Урбенину труднѣе было встрѣтиться съ Ольгой, чѣмъ вамъ, такъ какъ Урбенинъ не зналъ, что она въ лѣсу, а стало-быть, не искалъ ее, а вы, будучи пьянымъ и взбѣшеннымъ, не могли не искать ея. Вы, навѣрное, искали ее, — иначе зачѣмъ же вамъ было идти домой лѣсомъ, а не дорогой... Но допустимъ, что вы ея не видали... Чѣмъ объяснить ваше мрачное, почти бѣшеное настроеніе въ вечеръ злополучнаго дня? Чтò побудило васъ убить по-пугая, кричавшаго о мужѣ, убившемъ жену? Мнѣ кажется, что онъ напоминалъ вамъ о вашемъ злодѣйствѣ... Ночью васъ позвали въ графскій домъ, и вы, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же приступить къ дѣлу, медлили до пріѣзда полиціи почти цѣлыя сутки и, вѣроятно, сами того не замѣчая... Такъ медлятъ только тѣ слѣдователи, которымъ извѣстенъ преступникъ... Вамъ онъ былъ извѣстенъ... Далѣе, — Ольга не назвала имени убійцы, потому что онъ былъ для нея дорогъ... Будь убійцей мужъ, она назвала бы его. Если она въ состояніи была доносить на него своему любовнику-графу, то обвинить его въ убійствѣ ей ничего бы не стоило: она его не любила, и онъ не былъ ей дорогъ... Любила она васъ и именно вы были для нея дороги... васъ щадила она... Позвольте васъ также спросить, почему это вы медлили задать ей прямой вопросъ, когда она пришла въ минутное сознаніе? Къ чему вы ей задавали совершенно не идущіе къ дѣлу вопросы? Позвольте ужъ мнѣ думать, что все это вы дѣлали ради проволоочки времени, чтобы не дать ей назвать васъ. Ольга затѣмъ умираетъ... Въ своемъ романѣ вы ни полслова не говорите о впечатлѣніяхъ, которыя произвела на васъ ея смерть... Тутъ я вижу осторожность: не забываете писать о рюмкахъ, которыя выпиваете, а такое важное событіе, какъ смерть «дѣвушки въ красномъ», проходитъ въ романѣ безслѣдно... Почему?

— Продолжайте, продолжайте...

— Слѣдствіе ведете вы безобразно... Трудно допустить, чтобы вы, умный и очень хитрый человѣкъ, дѣлали это не нарочно. Все ваше слѣдствіе напоминаетъ письмо, на-

рочно писанное съ грамматическими ошибками, — утрировка выдаетъ васъ... Почему вы не осмотрѣли мѣста преступленія? Не потому, что забыли объ этомъ, или считали это неважнымъ, а потому, что ждали, чтобы дождь размылъ ваши слѣды. Вы мало пишете о допросѣ прислуги. Стало-быть, Кузьма не былъ вами допрошенъ до тѣхъ поръ, пока его не застали за мытьемъ поддевки.. Вамъ, очевидно, не было надобности впугивать его въ дѣло. Почему вы не допросили гостей, купившихъ съ вами на опушкѣ? Они видѣли окровавленнаго Урбенина и слышали крикъ Ольги, — допросить ихъ слѣдовало. Но вы этого не сдѣлали, потому что хотя бы одинъ изъ нихъ могъ бы вспомнить на допросѣ, что вы незадолго до убійства отправились въ лѣсъ и пропали. Впослѣдствіи, вѣроятно, они были допрошены, но это обстоятельство было ими уже забыто...

— Ловко! — проговорилъ Камышевъ, потирая руки: — продолжайте, продолжайте!

— Неужели для васъ недостаточно всего сказаннаго?.. Чтобы доказать окончательно, что Ольга убита именно вами, слѣдуетъ еще напомнить вамъ, что вы были ея любовникомъ, любовникомъ, котораго промѣняли на презираемаго вами человѣка!.. Мужъ можетъ убить изъ ревности, любовникъ, полагаю, тоже... Засимъ перейдемъ къ Кузьмѣ... Судя по послѣднему вопросу, бывшему накануне его смерти, онъ имѣлъ въ виду васъ; вы утерли руки объ его поддевку и вы назвали его сволочью... Если не вы, то зачѣмъ вамъ было прерывать допросъ на самомъ интересномъ мѣстѣ? Почему вы не спросили о цвѣтѣ галстука убійцы, когда Кузьма объявилъ вамъ, что онъ вспомнилъ, какого цвѣта этотъ галстукъ? Почему вы дали Урбенину свободу именно тогда, когда Кузьма уже вспомнилъ имя убійцы? Почему не раньше и не позже? Очевидно, вамъ пужно было взвалить на кого-нибудь вину, пужень былъ человѣкъ, который гулялъ бы ночью по коридору... Итакъ, Кузьму вы убили, боясь, чтобы онъ не назвалъ васъ.

— Ну, довольно! — проговорилъ Камышевъ, смѣясь: — будетъ! Вы вошли въ такой азартъ и такъ поблѣднѣли, что, того и гляди, въ обморокъ упадете. Не продолжайте. Дѣйствительно, вы правы: я убилъ.

Наступило молчаніе. Я прошелся изъ угла въ уголъ. Камышевъ сдѣлалъ то же самое.

— Я убилъ, — продолжалъ Камышевъ: — вы поймали секретъ за хвостъ, — и ваше счастье. Рѣдкому это удастся: больше половины вашихъ читателей ругнуть старика Урбенна и удивятся моему слѣдовательскому уму-разуму.

Ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ сотрудникъ и прервалъ нашу бесѣду. Замѣтивъ, что я занятъ и взволнованъ, этотъ сотрудникъ повертѣлся около моего стола, съ любопытствомъ поглядѣлъ на Камышева и вышелъ. По уходѣ его, Камышевъ отошелъ къ окну и сталъ дышать на стекло.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже восемь лѣтъ, — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — и восемь лѣтъ носилъ я въ себѣ тайну. Но тайна и живая кровь въ организмѣ несовмѣстимы; нельзя безнаказанно знать то, чего не знаетъ остальное человѣчество. Всѣ восемь лѣтъ я чувствовалъ себя мученикомъ. Не совѣсть меня мучила, нѣтъ! Совѣсть — само собой... да и я не обращаю на нее вниманія: она прекрасно заглушается разсужденіями на тему о ея растяжимости. Когда разсудокъ не работаетъ, я заглушаю ее виномъ и женщинами. У женщинъ я имѣю прежній успѣхъ, — это à propos. Мучило же меня другое: все время мнѣ казалось страннымъ, что люди глядятъ на меня, какъ на обыкновеннаго человѣка; ни одна живая душа ни разу за всѣ восемь лѣтъ пылливо не взглянула на меня; мнѣ казалось страннымъ, что мнѣ не нужно прятаться: во мнѣ сидитъ страшная тайна, и вдругъ я хожу по улицамъ, бываю на обѣдахъ, любезничаю съ женщинами! Для человѣка преступнаго такое положеніе неестественно и мучительно. Я не мучился бы, если бы мнѣ приходилось прятаться и скрытничать. Психозъ, батенька! Въ концѣ концовъ на меня напалъ какой-то задоръ... Мнѣ вдругъ захотѣлось излиться чѣмъ-нибудь: начихать всѣмъ на головы, выпалить во всѣхъ своей тайной... сдѣлать что-нибудь этакое... особенное... И я написалъ эту повѣсть-актъ, по которому только недалекій затруднится узнать во мнѣ человѣка съ тайной... Что ни страница, то ключъ къ разгадкѣ... Не правда ли? Вы, небось, сразу поняли... Когда я писалъ, я бралъ въ соображеніе уровень средняго читателя...

Намъ онять помѣшали. Вошелъ Андрей и принесъ на подносѣ два стакана чая... Я успѣшилъ выслать его.

— И теперь словно легче стало, — усмѣхнулся Камы-

шевъ: — вы смотрите на меня теперь, какъ на необыкновеннаго, какъ на человѣка съ тайной, — и я чувствую себя въ положеніи естественномъ... Но... однако, уже три часа, и меня ждуть на извозчикѣ...

— Постоите, положите шляпу... Вы рассказали мнѣ о томъ, что довело васъ до авторства, теперь скажите: какъ вы убили?

— Это вы желаете знать въ дополненіе прочитаннаго? Извольте... Убилъ я подъ вліяніемъ аффекта. Теперь вѣдь и курятъ и чай пьютъ подъ вліяніемъ аффекта. Вы вотъ въ волненіи мой стаканъ захватили вмѣсто своего и курите чаще обыкновеннаго... Жизнь есть сплошной аффектъ... такъ мнѣ кажется... Когда я шелъ въ лѣсъ, я далеко былъ отъ мысли объ убійствѣ; я шелъ туда съ одною только цѣлю: найти Ольгу и продолжать жалить ее... Когда я бываю пьянъ, у меня всегда является потребность жалить... Я встрѣтилъ ее въ двухстахъ шагахъ отъ опушки... Стояла она подъ деревомъ и задумчиво глядѣла на небо... Я окликнулъ ее... Увидѣвъ меня, она улыбнулась и протянула ко мнѣ руки.

— Не брани меня, я несчастна! — сказала она.

Въ этотъ вечеръ она была такъ хороша, что я, пьяный, забылъ все на свѣтѣ и сжалъ ее въ своихъ объятыхъ... Она стала клясться мнѣ, что никого никогда не любила, кромѣ меня... и это было справедливо: она любила меня... И въ самый разгаръ клятвъ, ей вздумалось вдругъ сказать отвратительную фразу: «Какъ я несчастна! Не выйди я за Урбенина, я могла бы выйти теперь за графа!» — Эта фраза была для меня ушатомъ воды... Все накопившее въ груди забурлило... Меня охватило чувство отвращенія, омерзѣнія... Я схватилъ маленькое, гаденькое существо за плечо и бросилъ оземь, какъ бросаютъ мячикъ. Злоба моя достигла максимума... Ну... и добилъ ее... Взялъ и добилъ... Исторія съ Кузьмой вамъ понятна...

Я взглянулъ на Камышева. На лицѣ его я не прочелъ ни раскаянія ни сожалѣнія. «Взялъ и добилъ» — было сказано такъ же легко, какъ «взялъ и покурить». Въ свою очередь, и меня охватило чувство злобы и омерзѣнія... Я отвернулся.

— А Урбенинъ тамъ, на каторгѣ? — спросилъ я тихо.

— Да... Говорятъ, что умеръ на дорогѣ, но это еще неизвѣстно... А что?

— А что?.. Невинно страдаетъ человекъ, а вы спрашиваете: «а что?».

— А что же мнѣ дѣлать? Итти да сознаваться?

— Полагаю.

— Ну, это положимъ!.. Я не прочь смѣнить Урбенина, но безъ борьбы я не отдамся... Пусть берутъ, если хотятъ, но самъ я къ нимъ не пойду. Отчего они не брали меня, когда я былъ въ ихъ рукахъ? На похоронахъ Ольги я такъ ревѣлъ, и такія истерики со мной дѣлались, что даже слѣпые могли бы узрѣть истину... Я не виновать, что они... глупы.

— Вы мнѣ гадки, — сказалъ я.

— Это естественно... И самъ я себѣ гадокъ...

Наступило молчаніе... Я открылъ счетную книгу и сталъ машинально читать цифры... Камышевъ взялся за шляпу.

— Вамъ, я вижу, со мной душно, — сказалъ онъ: — кстати: не хотите ли поглядѣть графа Карнѣева? Вонъ онъ, на извозчикѣ сидитъ!

Я подошелъ къ окну и взглянулъ въ него... На извозчикѣ, затылкомъ къ намъ, сидѣла маленькая, согбенная фигурка въ поношенной шляпѣ и съ полинявшимъ воротникомъ. Трудно было узнать въ ней участника драмы!

— Узналъ я, что здѣсь, въ Москвѣ, въ номерахъ Андреева, живетъ сынъ Урбенина, — сказалъ Камышевъ. — Хочу устроить такъ, чтобы графъ принялъ отъ него подачку... Пусть хоть одинъ будетъ наказанъ! Но однако adieu!

Камышевъ кивнулъ головой и быстро вышелъ. Я сѣлъ за столъ и предался горькимъ думамъ.

Мнѣ было душно.

1884.

ДВѢ НОЧИ.

(Совсѣмъ прозаическая исторійка).

Теплая лѣтняя ночь спустилась на землю. Луна, лукаво выглянувшая изъ-за темно-голубыхъ облаковъ, облила своимъ волшебнымъ свѣтомъ густой садъ съ причудливыми дорожками и запрятавшимися въ тѣни кустовъ и деревьевъ зелеными скамейками и заиграла на полузапущенномъ пруду, разбрасывая по водѣ блестящій фантастическій отсвѣтъ.

Мелодичные звуки питраусовскаго вальса «Wein, Weib und Gesang» — стройно неслись въ почной тиши и, достигнувъ до нашей уединенной скамейки, превращались въ какую-то божественную, за душу берущую мелодію.

Словомъ, мы, т.-е. я и она, хорошенькая, маленькая блондиночка, — мы были въ Павловскѣ.

Ея бѣлокурая головка, съ причудливо вьющимися локонами, падающими на лобъ, съ блѣдно-розовымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, задумчиво устремленными куда-то вдаль, склонилась ко мнѣ на плечо, губки полуоткрылись и, открывая два ряда бѣлыхъ зубовъ, прошептали мнѣ: «люблю»...

Блаженныя, полныя восторга и счастья минуты текли незамѣтно....

— Милая, дорогая моя, — говорилъ я нѣжнымъ, прерывающимся отъ «полноты чувствъ» голосомъ: — не правда ли, ты любишь меня?.. Вѣдь да? Любишь? Мы заживемъ теперь вмѣстѣ... Будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ дѣлать и горе и радость... Вступимъ смѣло въ борьбу со зломъ и житейской неправдою, и побѣда ли, гибель ли намъ предстоитъ — мы раздѣлимъ и то и другое съ поднятымъ

гордо челомъ, не разставаясь другъ съ другомъ, взаимно другъ друга ободряя... Не правда ли, моя дорогая?..

Я нагнулся къ бѣлокурой головкѣ и горячими, воспаленными губами хотѣлъ прикоснуться къ розовымъ полуоткрытымъ устамъ.

Вдругъ бѣлокурая головка приподнялась съ плеча, глазки сверкнули, и губки — прелестныя, коралловыя губки — сжались въ хмурую полуулыбку.

— Дурашка, — сказала блондинка, бросая на меня загадочно-лукавый взглядъ: — подурили — и довольно. Посуди самъ, — продолжала она послѣ нѣкоторой паузы своимъ мелодичнымъ голосомъ въ то время, когда я съ удивленной, плаксивой миной смотрѣлъ на нее: — посуди самъ: ты голъ, какъ соколъ, я — дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, ты молодъ, я тоже, ты хочешь жить, я — еще болѣе, а слѣдовательно... Что слѣдовательно, ты поймешь самъ очень хорошо, а поэтому... до лучшаго времени... покуда же будемъ ждать у моря погоды...

Здѣсь я почувствовалъ горячій поцѣлуй на своихъ губахъ, — но она, моя граціозная, маленькая блондинка, уже исчезла...

Ночь была такъ же божественно тиха, луна продолжала освѣщать садъ тѣмъ же волшебнo-блѣднымъ свѣтомъ, причудливо отражавшимся въ полузапущенномъ пруду, а съ эстрады, мелькавшей вдали красноватыми огнями отъ зажженныхъ на ней шкаликовъ, неслась чудная, за душу берущая мелодія.

Долго сидѣлъ я одинъ на зеленой скамейкѣ, долго думать я надъ словами своей возлюбленной...

Немало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. И вотъ настала однажды такая же теплая лѣтняя ночь, какъ нѣкогда, когда мы — я и моя маленькая блондинка — сидѣли на уединенной зеленой скамейкѣ въ Павловскѣ.

Легкій вѣтерокъ вривался въ открытое окно отдѣльнаго кабинета одного изъ загородныхъ ресторановъ, пріютившагося на берегу Невки. На столѣ, у дивана, стояли двѣ бутылки шампанскаго, одна пустая, другая лишь наполовину выпитая, и ваза съ фруктами. Съ той стороны рѣчки изъ увеселительнаго сада доносились звуки вальса изъ «Боккачіо»... Мы, т.-е. я и та же блондиночка, стояли у открытаго окна и полной грудью вдыхали свѣжій ароматъ зелени.

— Помнишь ли ты, милая, ту ночь, — говорилъ я, задумчиво смотря на неясно обрисовывавшіеся въ ночной мглѣ силуэты деревьевъ: — когда мы съ тобою сидѣли въ Павловскѣ, вдали отъ музыкальной эстрады, въ тиши деревьевъ и кустовъ, на зеленой скамейкѣ? Помнишь ли ты тѣ блаженныя минуты, полныя любви и юношеской вѣры во все хорошее, — помнишь ли ихъ, дорогая моя?

— Помню, милый мой, помню, — прошептала бѣлокурая головка, склоняясь ко мнѣ на плечо: — и, не правда ли, мой дурашка? — я была тогда права, когда остановила наше горячее увлеченіе прозаическимъ расчетомъ! Посуди самъ, что если бы мы не разстались тогда съ тобою? Теперь же...

Что «теперь же», она не досказала, ибо розовыя ея губки полуоткрылись и, прошептавъ: «люблю», очевидно, ждали моего горячаго поцѣлуя...

Это не помѣшаетъ, впрочемъ, мнѣ докончить слова моей блондинки и объяснить читателю, что происходитъ теперь.

Теперь же... я женатъ на золотомъ мѣшкѣ въ образѣ рыхлой купеческой дочки, почти еще въ цвѣтѣ лѣтъ, съ мучными лабазами, сѣнными барками и прочими угодьями; она — замужемъ за лысымъ, почтеннымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ съ крупнымъ капиталцемъ, съ многочисленными регаліями на старческой груди.

Все это, читатель, довольно прозаично, но что дѣлать? Это пазывается на современномъ языкѣ умѣть создать себѣ «безпечальное житье», полное счастья и наслажденій...

1884.

75,000.

Ночью, часовъ въ 12, по Тверскому бульвару шли два пріятеля. Одинъ — высокій, красивый брюнетъ, въ поношенной медвѣжьей шубѣ и цилиндрѣ, другой — маленькій, рыженькій человѣкъ, въ рыжемъ пальто съ бѣлыми костяными пуговицами. Оба шли и молчали. Брюнетъ слегка насвистывалъ мазурку, рыжій угрюмо глядѣлъ себѣ подъ ноги и то и дѣло сплевывалъ въ сторону.

— Не посидѣтъ ли намъ? — предложилъ наконецъ брюнетъ, когда оба пріятеля увидѣли темный силуэтъ Пушкина и огонекъ надъ воротами Страстного монастыря.

Рыжій молча согласился, и пріятели усѣлись.

— У меня есть къ тебѣ маленькая просьба, Николай Борисычъ, — сказалъ брюнетъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Не можешь ли ты, другъ, дать мнѣ займы рублей десять-пятнадцать? Черезъ недѣлю отдамъ...

Рыжій молчалъ.

— Я не сталъ бы тебя и беспокоить, если бы не нужда. Скверную штуку сыграла со мной сегодня судьба... Жена дала мнѣ сегодня утромъ заложить свой браслетъ... Нужно ей за свою сестренку въ гимназію заплатить... Я, знаешь, заложилъ и вотъ... при тебѣ сегодня въ стучолку нечаянно проигралъ...

Рыжій задвигался и крикнулъ.

— Пустой ты человѣкъ, Василій Ивановичъ! — сказалъ онъ, покрививъ ротъ злой усмѣшкой. — Пустой человѣкъ! Какое ты право имѣлъ садиться съ барынями играть въ стучолку, если ты зналъ, что эти деньги не твои, а чужія? Ну, не пустой ли ты человѣкъ, не фать ли? Постой, не перебивай... Дай, я тебѣ разъ навсегда выскажу... Къ чему эти вѣчно новые костюмы,

эта вотъ булавка для галстука? Для тебя ли, нищаго, мода? Къ чему этотъ дурацкій цилиндръ? Тебѣ, живущему на счетъ жены, платить пятнадцать рублей за цилиндръ, когда отлично, не въ ущербъ ни модѣ ни эстетикѣ, ты могъ бы проходить въ трехрублевой шапкѣ! Къ чему это вѣчное хвастанье своими несуществующими знакомствами? Знакомъ и съ Хохловымъ, и съ Плевако, и со всѣми редакторами! Когда ты сегодня лгалъ о своихъ знакомствахъ, у меня за тебя глаза и уши горѣли! Лжешь и не красишь! А когда ты играешь съ этими барынями, проигрываешь имъ женины деньги, ты такъ пошло и глупо улыбаешься, что просто пощечины жалко!

— Ну, оставь, оставь... Ты не въ духѣ сегодня...

— Ну, пусть это фатовство есть мальчишество, школьничество... Я согласенъ допустить это, Василій Ивановичъ... ты еще молодъ... Но не допущу я... одной вещи... Какъ могъ ты, играя съ тѣми куклами... сподличать? Я видѣлъ, какъ ты, сдавая, досталъ себѣ изъ-подъ низу пикового туза!

Василій Ивановичъ покраснѣлъ, какъ школьникъ, и началъ оправдываться. Рыжій настаивалъ на своемъ. Спорили громко и долго. Наконецъ оба мало-помалу умолкли и задумались.

— Это правда, я сильно завертѣлся, — сказалъ брюнетъ послѣ долгаго молчанія. — Правда... Весь я потратился, задолжался, растратилъ кое-что чужое и теперь не знаю, какъ выпутаться. Знаешь ли ты то невыносимое, скверное чувство, когда все тѣло чешется, и когда у тебя нѣтъ средства отъ этой чесотки? Нѣчто въ родѣ этого чувства я испытываю теперь... Весь по уши залѣзъ въ дебри... Совѣстно и людей и самого себя... Дѣлаю массу глупостей, гадостей изъ самыхъ мелкихъ побужденій и въ то же время никакъ не могу остановиться... Скверно! Получи я наслѣдство или выиграй, такъ бросилъ бы, кажется, все на свѣтъ и родился бы снова... А ты, Николай Борисычъ, не осуждай меня... не бросай камня... Вспомни пальмовскаго Неклюжева...

— Помню я твоего Неклюжева, — сказалъ рыжій. — Помню... Сожралъ чужія деньги, налопался и послѣ обѣда захотѣлъ покейфовать: передъ дѣвчонкой расхныкался!.. До обѣда, небось, не дохныкалъ... Стыдно писателямъ

идеализировать подобных подлецов! Не будь у этого Неклюжева счастливой наружности и галантных манеръ, не влюбилась бы въ него купеческая дочка, и не было бы раскаянія... Вообще подлецамъ судьба даетъ счастливыя наружности... Всѣ вѣдь вы кулидоны. Васъ любятъ, въ васъ влюбляются... Вамъ страшно везетъ по части женщинъ!

Рыжій всталъ и заходилъ около скамьи.

— Твоя жена, напримѣръ... честная, благородная женщина... за что она могла полюбить тебя? За что? И сегодня, вотъ цѣлый вечеръ, въ то время, когда ты вралъ и ломался, не отрывала отъ тебя глазъ хорошенькая блондинка... Васъ, Неклюжевыхъ, любятъ, вамъ жертвуютъ, а тутъ всю жизнь работаешь, бьешься, какъ рыба объ ледь... Честенъ, какъ сама честность, и—хоть бы одна счастливая минута! А еще тоже... помнишь? Былъ я женихомъ твоей жены, Ольги Алексѣвны, когда она еще не знала тебя, былъ немножко счастливъ, но подвернулся ты, и... я пропалъ...

— Ррревность! — усмѣхнулся брюнетъ. — А я и не зналъ, что ты такъ ревнивъ!

По лицу Николая Борисыча пробѣжало чувство досады и гадливости... Онъ машинально, самъ того не сознавая, протянулъ впередъ руку и... махнулъ ею. Звукъ пощечины нарушилъ тишину ночи... Цилиндръ слетѣлъ съ головы брюнета и покатился по утопанному снѣгу. Все это произошло въ одну секунду, неожиданно, и вышло глупо, нелѣпо. Рыжему тотчасъ же стало стыдно этой пощечины. Онъ уткнулъ лицо въ полинялый воротникъ своего пальто и зашагалъ по бульвару. Дойдя до Пушкина, онъ оглянулся на брюнета, постоялъ минуту неподвижно и, словно испугавшись чего-то, побѣжалъ къ Тверской...

Василій Ивалычъ долго просидѣлъ молча и не двигаясь. Мимо него прошла какая-то женщина и со смѣхомъ подала ему его цилиндръ. Онъ машинально поблагодарилъ, поднялся и пошелъ.

«Сейчасъ зудѣнье начнется, — думалъ онъ черезъ полчаса, взбираясь по длинной лѣстницѣ къ себѣ на квартиру. — Достанется мнѣ отъ супруги за проигрышъ! Всю ночь будетъ проповѣдь читать! Чортъ бы ее взялъ со-вѣтъ! Скажу, что потерялъ деньги...»

Дойдя до своей двери, онъ робко позвонилъ. Его впустила кухарка.

— Проздравляемъ васъ! — сказала ему кухарка, ухмыляясь во все лицо.

— Съ чѣмъ это?

— А вотъ увидите-съ! Смилоствился Богъ!

Василій Иванычъ пожалъ плечами и вошелъ въ спальную. Тамъ за письменнымъ столомъ сидѣла его жена Ольга Алексѣевна, маленькая блондиночка, съ папильотками въ волосахъ. Она писала. Передъ ней лежало нѣсколько уже готовыхъ запечатанныхъ писемъ. Увидѣвъ мужа, она вскочила и бросилась къ нему на шею.

— Ты пришелъ? — заговорила она. — Какое счастье! Ты не можешь себѣ представить, какое счастье! Со мной истерика была, Вася, отъ такой неожиданности. На, читай.

И она, прыгнувъ къ столу, взяла газету и поднесла ее къ лицу мужа.

— Читай! Мой билетъ выигралъ 75.000! Вѣдь у меня есть билетъ! Честное слово, есть! Я скрывала его отъ тебя, потому что... потому что... ты бы заложилъ его. Николай Борисычъ, когда былъ женихомъ, подарилъ мнѣ этотъ билетъ, а потомъ не захотѣлъ его взять обратно. Какой хорошій человекъ этотъ Николай Борисычъ! Теперь мы ужасно богаты! Ты теперь справишься, не будешь вести беспорядочную жизнь. Вѣдь ты кутилъ и обманывалъ меня отъ недостатковъ, отъ бѣдности. Я это понимаю. Ты умный, порядочный...

Ольга Алексѣевна прошла по комнатамъ и засмѣялась.

— Вотъ неожиданность! Ходила я, ходила изъ угла въ уголь, бранила тебя за твое распутство, ненавидѣла и потомъ сѣла отъ тоски газету читать... И вдругъ вижу... Написала всѣмъ письма... сестрамъ, матери... То-то обрадуются, бѣдняя! Но куда же ты?

Василій Иванычъ заглянулъ въ газету... Ошеломленный, блѣдный, не слушая жены, онъ простоялъ нѣкоторое время молча, что-то придумывая, потомъ надѣлъ свой цилиндръ и вышелъ изъ дому.

— На Большую Дмитровку, номера NN! — крикнулъ онъ извозчику.

Въ номерахъ онъ не засталъ того, кто ему былъ нуженъ. Знакомый ему номеръ былъ запертъ.

«Она, должно-быть, въ театрѣ, — подумалъ онъ: — а изъ театра... ужинать поѣхала... Подожду немного...»

И онъ остался ждать... Прошло полчаса, прошелъ часъ... Онъ прошелся по коридору и поговорилъ съ соннымъ ла-

кеемъ... Внизу на номерныхъ часахъ пробило три... На-конецъ, потерявъ терпѣніе, онъ началъ медленно спускаться внизъ къ выходу... Но судьба скалилась надъ нимъ.

У самага подъѣзда онъ встрѣтился съ высокой, тощей брюнеткой, окутанной въ длинное боа. За ней по пятамъ слѣдовалъ какой-то господинъ въ синихъ очкахъ и мерлушковой шапкѣ.

— Виновать, — обратился Василій Ивановичъ къ дамѣ. — Могу ли я обезпокоить васъ на одну минуту?

Дама и мужчина нахмурились.

— Я сейчасъ, — сказала дама мужчигѣ и пошла съ Василіемъ Ивановичемъ къ газовому рожку. — Что вамъ нужно?

— Я къ тебѣ... къ вамъ, Надинъ, по дѣлу, — началъ, заикаясь, Василій Ивановичъ. — Жаль, что съ тобой этотъ господинъ, а то я бы тебѣ все рассказалъ...

— Да что такое? Мнѣ некогда!

— Завела себѣ новыхъ обожателей — да и некогда! Хороша, нечего сказать! За что ты прогнала меня отъ себя подъ Рождество? Ты не захотѣла со мной жить, потому что... потому что я тебѣ не доставлялъ достаточно средствъ къ жизни... Вотъ ты и не права, оказывается... Да... Помнишь ты тотъ билетъ, что я подарилъ тебѣ на именины? На, читай! Онъ выигралъ 75.000!

Дама взяла въ руки газету и жадными, словно испуганными глазами стала искать телеграммы изъ Петербурга... И она нашла...

Въ это же самое время другіе глаза, заплаканные, тупые отъ горя, почти безумные, глядѣли въ шкатулку и искали билета... Всю ночь искали эти глаза и не нашли. Билетъ былъ украденъ, и Ольга Алексѣевна знала, кто укралъ его.

Въ эту же самую ночь рыжій Николай Борисычъ ворочался съ боку на бокъ и старался уснуть, но не уснулъ до самага утра. Ему было стыдно той пощечины.

ДЯДЮШКИНА СОБАКА.

(По случаю выставки собакъ).

Собачья выставка съ ея борзыми и гончими напомнила мнѣ одинъ маленькій эпизодикъ, имѣвшій большое вліяніе на мою жизнь.

Въ одно прекрасное утро я получилъ отъ моего дяди, помѣщика одной южной губерніи, письмо, не походившее на его другія письма. Въ письмѣ было изображено, между прочимъ, слѣдующее:

«Коли не пріѣдешь ко мнѣ на будущей недѣлѣ, то и племянникомъ считать тебя не буду, отца твоего изъ поминальной книжки вычеркну... Поохотимся, — пріѣзжай!..»

Пришлось поѣхать: я жилъ на дядины средства.

Дядя встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и, какъ это водится даже у самыхъ гостепріимныхъ гг. охотниковъ, не давъ оправиться отъ долгой дороги и отдохнуть, повелъ меня въ день пріѣзда на псарню показывать своихъ лошадей и собакъ. Собаки, по моему мнѣнію, бываютъ большія, маленькія и среднія, бѣлыя, черныя и сѣрыя, злыя и смирныя; дяди же различалъ между ними крапчатыхъ, темно-багряныхъ, сохастоватыхъ, лещеватыхъ, чернопѣрихъ, черныхъ въ подпалинахъ, брудастыхъ... совсѣмъ собачьи термины! Дядя показывалъ и давалъ мнѣ щупать собачьи морды, трогать за лапы.

На другой день утромъ меня, столичнаго человѣка, нѣженку, нарядили въ полушубокъ и валенки и повезли на охоту.

Я вспоминаю теперь большой ольховый лѣсъ, сѣдой отъ инея. Тишина въ немъ царитъ гробовая. Отъ лѣса до горизонта тянется бѣлое поле... И конца не видно этому полю. Въ лѣсу и по полю скачутъ на коняхъ полу-

шубки... У всѣхъ лица озабоченныя, напряженныя, словно всѣмъ этимъ полушубкамъ предстоитъ открыть новую Америку... Дядя мой, красный, какъ ракъ, скачетъ отъ одного полушубка къ другому и сыплетъ ругательства... Слышны трубные звуки... Эту картину вспоминая я теперь. Помню также, какъ подѣхалъ ко мнѣ дядя и повелъ меня на окраину лѣса.

— Стой тутъ... Какъ звѣрь побѣжитъ на тебя изъ лѣсу, такъ и стрѣляй!

— Но вѣдь я, дядюшка, и ружья-то держать путемъ не умѣю!

— Пустяки... Приучайся... Ну, смотри же!.. Чуть только звѣрь — пли!!..

Сказавъ это, дядя отѣхалъ отъ меня, и я остался одинъ. Полушубки поскакали въ лѣсъ. Долго я ждалъ звѣря. Ждалъ я и мало-по-малу входилъ въ охотничій азартъ. Охота начинала мнѣ нравиться.

«А что, если я убью звѣря? — думалъ я. — Убью я, а не они! То-то потѣха будетъ!»

Послѣ долгаго и томительнаго ожиданія послышался наконецъ сдержанный собачій лай... По лѣсу понеслось ауканье... Я взвелъ курокъ и пасторожилъ свое зрѣніе... У меня забилося сердце... и недаромъ... Затрещали недалеко отъ меня кусты, и я увидѣлъ звѣря... Звѣрь, какой-то странный, на длинныхъ ногахъ и съ колючей мордой, песся прямо на меня... Я дернулъ за собачку, раздался выстрѣлъ, и все было кончено. Ура! Мой звѣрь подпрыгнулъ, упалъ и закорчился...

— Сюда! Ко мнѣ! — закричалъ я. — Я убилъ! Дядюшка!

Черезъ минуту прискакалъ ко мнѣ дядя...

— Это ты стрѣлялъ? — спросилъ онъ. — Ну что? Гдѣ? Въ кого это?

Я указалъ на умирающаго звѣря. Дядя поглядѣлъ на него и схватилъ себя за голову.

— Это мой «Скачокъ»! — закричалъ онъ. — Моя собака!.. Разбойникъ ты! Что ты надѣлалъ?!..

И, прыгнувъ съ лошади, онъ припалъ къ своему «Скачку»... Слезы брызнули изъ его глазъ...

— «Скачокъ»... голубчикъ! Что съ тобой? Кровь! Боже мой, кровь! Убили!

— Извините, дядюшка, — забормоталъ я. — Я не зналъ... нечаянно...

Дядя поглядѣлъ на меня и задрожалъ.

— Вонъ отсюда! — закричалъ онъ, побагровѣвъ. —
Чтобъ и духу твоего здѣсь не было! Убью!

Я сѣлъ въ сани и ретировался во-свои. Въ тотъ же
день вечеромъ дядя приказалъ кучеру запрячь лошадей
и увезти меня на вокзалъ.

Непреднамѣренное убійство «Скачка» навсегда рассу-
рило меня съ дядей. Болѣе я уже не получалъ отъ него
содержанія. Черезъ пять лѣтъ послѣ этой охоты я встрѣ-
тился съ нимъ въ Питерѣ, на Невскомъ. Увидѣвъ меня,
онъ отвернулся. Умирая же три года тому назадъ, онъ
приказалъ мнѣ передать, что онъ и послѣ смерти не
проститъ мнѣ убійства его любимой собаки. Наслѣдство,
разумѣется, досталось не мнѣ.

1884.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Вчера я получилъ письмо отъ «Будильника». Въ этомъ
письмѣ просятъ меня написать рассказъ обязательно юмо-
ристическій и обязательно къ этому номеру... Благосло-
вись, начинаю.

Въ роскошно убранной гостиной, на кушеткѣ, обитой
темно-фіолетовымъ бархатомъ, сидѣла молодая женщина
лѣтъ двадцати трехъ. Звали ее Марьей Ивановной Одно-
щекиной.

— Какое шаблонное, стереотипное начало! — восклик-
нетъ читатель. — Вѣчно эти господа начинаютъ роскошно
убранными гостинными! Читать не хочется!

Извиняюсь передъ читателемъ и иду далѣе... Передъ
дамой стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести,
съ блѣднымъ, нѣсколько грустнымъ лицомъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Такъ я и зналъ, — разсердится чи-
татель. — Молодой человѣкъ, и непременно двадцати ше-
сти лѣтъ! Ну, а дальше что? Извѣстно, что... Онъ по-
проситъ поэзіи, любви, а она отвѣтитъ прозаической та-
ксой, или же, наоборотъ, она захочетъ поэзіи, а онъ...
И читать не стану!

Но я все-таки продолжаю. Молодой человек не отрывалъ глазъ отъ молодой женщины и шепталъ:

— Я люблю тебя, чудная, даже и теперь, когда отъ тебя вѣетъ холодомъ могилы!

Тутъ ужъ читатель выйдетъ изъ терпѣнія и начнетъ браниться:

— Чортъ возьми! Выдаютъ себя за юмористовъ, а угощаютъ публику разной чертовщиной, роскошно украшенными гостиницами, да какими-то Марьями Ивановнами съ могильнымъ холодомъ! Тьфу!

Кто знаетъ, можетъ-быть, вы и правы въ своемъ гнѣвѣ, читатель. А можетъ-быть, вы и не правы. Нашъ вѣкъ тѣмъ и хорошъ, что никакъ не разберешь, кто правъ, кто виноватъ подъ луной... Даже присяжные, судившіе Свиридова, не знали, кто виноватъ: Свиридовъ ли, деньги ли, что плохо лежали, сами ли они, присяжные, виноваты, что родились на свѣтъ... Ни черта не разберешь на этой землѣ!

Во всякомъ случаѣ, если вы правы, то и я не виноватъ. Вы находите, что мой рассказъ не смѣшонъ, не юмористиченъ. Допустимъ, что вы правы, какъ самый праведный мировой судья, хотя и дѣйствуете въ данномъ случаѣ на основаніи 119-й статьи, т.-е. только по «внутреннему убѣжденію...» Но опять-таки и я не виноватъ...

До смѣшного ли мнѣ теперь, если вчера бѣжала съ инженеромъ-путейцемъ моя законная жена, и если меня во всѣ корки трясетъ перемежающаяся лихорадка?

— Зачѣмъ же вы пишете, ежели...

Такъ-то такъ... Но, чтобы долго не разговаривать, вообразите себѣ такую комбинацію происшествій. У меня бѣжала жена; въ это же самое время бѣжить жена и у другого сотрудника «Будильника» (при нынѣшнемъ легкомысліи это весьма возможно); у третьяго вдругъ ни съ того ни съ сего выздоравливаетъ богатый дядюшка, которому самъ Захарынинъ предсказалъ близкую кончину; четвертый страдаетъ меланхоліей и хочетъ стрѣляться. Мы всѣ четверо не пишемъ. Чѣмъ же прикажете наполнить номеръ? Не тѣми ли произведеніями, которыя вы, публика, шлете ежедневно пудами въ редакціи нашихъ юмористическихъ журналовъ? Изъ вашихъ тяжелыхъ пудовъ еле-еле выберешь легонькій золотничокъ, да и то съ великой натяжкой... Итакъ, если мы всѣ четверо

поддадимся нашимъ скорбямъ и не будемъ писать, то вы не будете въ выигрышѣ: нумеръ не выйдетъ, а лучше получить за собственные деньги хоть что-нибудь, чѣмъ ничего... Исходя изъ этого положенія и идя все далѣе и далѣе, можно придумать такую комбинацію, при которой не будутъ выпущены и всѣ 50 №№.

Мы всѣ, сколько насъ есть на Руси, пишушіе по смѣшной части, такіе же люди-человѣки, какъ и вы, какъ и вашъ братъ, какъ и ваша свояченица. У насъ такіе же нервы, такія же печенки и селезенки. По нашимъ спинамъ бѣгають тѣ же самыя мурашки, что и по вашимъ. Насъ мучить то же самое, что и васъ. Вообразите же себѣ, что мы всѣ, пишушіе по смѣшной части, повержены въ скорбь закрытіемъ, напимѣръ, въ Москвѣ дѣтской лѣчебницы и тѣмъ, что смертные продолжаютъ еще брать взятки, хоть и читали Гоголя. Скорбь, допустимъ, великая, проникновенная и за душу рвущая. И если мы теперь, покорясь вашему «не пиши, ежели...», поддадимся этой скорби и перестанемъ писать въ ожиданіи открытія новой лѣчебницы, то по шпакѣ всю существующую юмористику!

А ее нельзя по шпакѣ, читатель. Хотя она и маленькая и сѣренькая, хотя она и не возбуждаетъ смѣха, кривящаго лицевыя мускулы и вывихивающаго челюсти, а все-таки она есть и дѣлаетъ свое дѣло. Безъ нея нельзя... Если мы уйдемъ и оставимъ поле сраженія хоть на минуту, то насъ тотчасъ же замѣнятъ шуты въ дурацкихъ колпакахъ съ лошадиными бубенчиками да юнкера, описывающіе свои нелѣпныя любовныя похождения по командѣ: лѣвой! правой!

Стало-быть, я долженъ писать, несмотря ни на измѣну жены ни на перемежающуюся лихорадку. Долженъ, какъ могу и какъ умѣю. Даже при невозможности вышечисланныхъ комбинацій я долженъ писать, не переставая. Насъ, завсегдатаевъ юмористическихъ журналовъ (непремѣнныхъ членовъ по юмористическимъ дѣламъ присутствія), такъ мало, что насъ можно пересчитать по пальцамъ даже страуса, у котораго, какъ извѣстно, на каждой ногѣ только по два пальца и на каждыхъ плечахъ только по одной очень глупой головѣ. Посчитайте-ка! А гдѣ мало служащихъ, тамъ грѣшно проситься въ отпускъ даже на короткое время: отечеству навредить можно.

— Но все-таки могли бы темку избрать похлестче!

Ну, что толку изъ Марьи Ивановны, право? Мало ли кругомъ такихъ явленій, мало ли кругомъ вопросовъ, которые...

— Вы правы, какъ кандидатъ правъ, отказавшійся отъ карьеры присяжнаго повѣреннаго.

Но пора однако кончать рассказъ.

Долго стоялъ молодой человѣкъ передъ прекрасной женщиной. Наконецъ онъ снялъ сюртукъ, стащилъ съ себя сапоги и прошепталъ:

— Прощай, до завтра!

Затѣмъ онъ растянулся на диванѣ и укрылся ситцевымъ одѣяломъ.

— При дамѣ-то! — сконфузится читатель. — Да это чушь, чепуха! Это возмутительно! Городовой! Люди!

Да постоитъ, не спѣшите... Дама въ роскошно убранной гостиной была написана масляными красками на простомъ холстѣ и висѣла надъ диваномъ.

1884.

ИЗЪ ДОРОЖИНЫХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Сижу въ вагонѣ, а напротивъ купецъ; разговорились.

— Вотъ другой годъ собираемъ въ думу гласныхъ и никакъ не можемъ этого сдѣлать. Гласные не хотятъ итти, говорятъ, что далече ходить, да и грязно. У насъ, говорятъ, вонъ какая грязьца-то, не пройдешь и не пройдешь, а тутъ еще въ думу ходи! Вишь, эку невидаль нашли: тамъ голова съ управскими мѣняться хотятъ усадьбами, да покупать еще хотятъ,—выгодно, что ли, продается. Наплевать намъ! Не хотимъ и не пойдѣмъ. Такое рѣшеніе и вышло. И вотъ, начиная съ 1883 года по сіе время, толкомъ не соберется ни одно собраніе. По очереди и ходятъ одинъ изъ 10-ти; рѣшить ничего и нельзя—потому и четверти нѣтъ гласныхъ; а все про думу нельзя сказать, чтобы бездѣйствовала, ибо народъ тамъ бываетъ, и освѣщеніе въ день собранія, и сторожа на мѣстахъ, и все будто бы въ порядкѣ...

Такъ со мной рассуждалъ въ вагонѣ желѣзной дороги маленькій человѣчекъ.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ онъ меня.

— Сначала въ Сызрань, а потомъ въ Самару, — отвѣтилъ я.

— Вы что же, по торговому дѣлу ѣдете? — спрашивалъ меня мой спутникъ.

— Нѣтъ, не по торговому, а побывать въ своихъ имѣніяхъ, за хозяйствомъ посмотрѣть... Ну, а вы, — спросилъ я моего vis-a-vis: — куда ѣдете?

— Да въ Нижній къ пріятелямъ, желѣзца купить да чайку прихватить.

— Вы торгуете? — спросилъ я.

— Какъ же-съ, торгуемъ желѣзнымъ товаромъ, —это главное, а чаемъ по малости.

— И постоянно живете въ Толстонаятскѣ? — допрашивалъ я купца.

— Да... Тамъ у меня домъ и лавка.

— Вы ѣдете, стало-быть, до Сызрани и ѣдете со мной, а тамъ на пароходѣ и въ Нижній?

— Вѣрно вы говорите, — отвѣтилъ мой спутникъ.

— Ну, вотъ вы иро гласныхъ заговорили, — спросилъ я моего спутника:—что жъ они у васъ за звѣри такіе,—суровые?

— Звѣри! Какіе звѣри, — самые настоящіе гласные. У насъ вѣдь два сорта гласныхъ: верховцы и низовцы. Это по расположенію города раздѣлились такъ, по старому обычаю, —это искони такъ у насъ ведется, что двѣ партіи враждуютъ промежъ себя. Ну, а теперь низы сильны и потому, что хотятъ, то и творятъ. Вотъ захотѣли теперь, чтобъ по Кочетовской да Федоровской улицамъ свиньи паслись, — ну и пасутся.

— Да чего жъ полиція смотритъ? — спросилъ я.

— Да туда, батюшка, при нынѣшнихъ дождяхъ-то не то что наша полиція, столичная-то не пролѣзетъ! Въ одномъ мѣстѣ по брюхо грязь-то, а въ другомъ и совсѣмъ съ головой уйдешь. И освѣщенія на этихъ улицахъ теперь не полагается, потому такъ рѣшили, что ежели теперь по этимъ самымъ улицамъ нѣтъ ни ходу ни броду, то и чортъ съ ней, и свѣту не надо — не для чего и керосинъ-то жечь зря.

— Ну, а какъ же обыватели тамъ проживаютъ у васъ?

— Да Богъ ихъ знаетъ, — какъ-нибудь живутъ.

— Вы тоже гласный? — спросилъ я своего сосѣда.

— Какъ же, тоже.

— Что же вы не ратуете на защиту добрых дѣлъ?

— Чего же это ратовать? Да у насъ хоть разратуйся, а толку нѣтъ и не будетъ. Есть у насъ, батюшка мой, для этого люди особые, они за всѣхъ и ораютъ. Мы за это ихъ и чайкомъ угощаемъ и водочкой попоимъ; люди они свободные, окромя долговъ, у нихъ нѣтъ ничего,—ну, что жъ имъ дѣлать: и ораютъ. А наше дѣло только втору держать. Скажутъ они: «Не хотимъ». Ну, за ними и мы: «Не хотимъ да не желаемъ», а спроси любого изъ насъ: да чего же вы не желаете или желаете?—ни одинъ не скажетъ, потому и точно самъ не знаетъ. Все эти самые вожакъ наши и выручаютъ.

— Да для чего же все это у васъ такъ идетъ? Неужели ужъ безъ этихъ ходатаевъ вашихъ и нельзя обойтись?

— Ничего, батюшка, не подѣлаешь, — отвѣчалъ купецъ на мой вопросъ:— нужно много времени на это тратить и силу свою тоже, ну, а нашему брату, торговому человѣку, при теперешнихъ-то дѣлахъ совѣмъ некогда. Хорошихъ у насъ бракуютъ. Вотъ и выходитъ, что низовцы теперь и завладѣли всѣмъ городомъ, а верховцамъ — шишъ!

— Да за что же, — спросилъ я своего vis-à-vis:— ваши низовцы не хотятъ и сходиться съ верховцами?

— Говорилъ я вамъ, — сказалъ спутникъ мой: — что искони вражда, а тутъ еще и бѣда случилась: верховцы банкъ городской похитили.

— Какъ же это вышло? — переспросилъ я.

— Да очень просто: опростоволосились низовцы. Видите ли, у насъ для городского банка выстроили каменный домъ; а банкъ все-таки долго держали на Низу въ частномъ домѣ, который снимали для него у очень почтенной купчихи, дамы преклонныхъ лѣтъ и довольно, знаете ли, сварливой. Ну, да не въ томъ дѣло; мы хоть домъ для банка выстроили, а переносить туда самый-то банкъ не хотѣли, потому намъ удобнѣе держать банкъ у себя на Низу. Да и тѣмъ, что въ этомъ же домѣ были кондитерская и пекарня, которыя содержитъ эта самая купчиха, у коей мы и снимали подъ банкъ квартиру, что весьма чудесно. Сидите это въ банкѣ, а вамъ чай даютъ съ свѣжими конфетками и печеніемъ, чудесно было. Ну-съ, такъ вотъ и похитили оттуда банкъ: будто тамъ опасно, видите ли, и что за квартиру зря платимъ. Да и не уда-

лось бы верховцамъ его перевести; если бы не одинъ случай. У насъ есть, изволите видѣть, на Низу свой регентъ, который завѣдуетъ хоромъ пѣвчихъ. Вотъ мы ему за услугу его, чтобы отблагодарить, и говоримъ: «Устрой ты себѣ концертъ, а ужъ билеты всѣ разберемъ». Такъ и вышло: концертъ устроилъ регентъ, билеты мы всѣ разобрали и въ концертъ ушли. А тутъ, какъ на грѣхъ, думское засѣданіе; ну, а коли билеты взяли, такъ не бросать же ихъ,—надо итти. Да и думали, что и въ думу поспѣемъ, да еще и не состоится, пожалуй; анъ нѣтъ: на бѣду всѣ верховцы, вся-то ихъ партія и тамъ. Число гласныхъ законное; большинствомъ и рѣшили и банкъ перевели, а мы, низовцы, въ концертъ просидѣли. Вотъ теперь намъ и обидно это.

— Вѣдь хорошо же сдѣлали,—сказаль я.

— Мало ли чтò хорошо,—хорошо, да безъ насъ; ну, да мы, низовцы, это даромъ не пропустили...

Въ это время раздался свистокъ, и въ вагонъ вошелъ оберъ-кондукторъ:

— Станція Сызрань!.. пріѣхали...

1884.

ЛИБЕРАЛЬ.

(Новогодній разсказъ).

Прекрасную и умильную картину представляло собой человѣчество въ первый день Нового года. Всѣ радовались, ликовали, поздравляли другъ друга. Воздухъ оглашался самыми искренними и сердечными пожеланіями. Всѣ были счастливы и довольны...

Одинъ только губерскій секретарь Понимаевъ былъ недоволенъ. Въ новогодній полдень онъ стоялъ на одной изъ столичныхъ улицъ и протестовалъ. Обнявъ правой рукой фонарный столбъ, а лѣвой отмахиваясь неизвестно отъ чего, онъ бормоталъ вещи непростительныя и предусмотрѣнныя... Возлѣ него стояла его жена и тащила его за рукавъ. Лицо ея было заплакано и выражало скорбь.

— Идолъ ты мой!—говорила она.—Наказаніе ты мое! Глаза твои безстыжіе, махаметъ! Иди, тебѣ говорю! Иди, покедова не прошло время, и распишишь! Иди, пьяная образина!

— Ни въ какомъ случаѣ! Я образованный человѣкъ и не желаю подчиняться невѣжеству! Иди сама расписывайся, если хочешь, а меня оставь!.. Не желаю быть въ рабствѣ.

— Иди! Ежели ты не распишешься, то горе тебѣ будетъ! Выгонягь тебя, подлеца моего, и тогда я съ голodu, значить, сдыхай? Иди, собака!

— Ладно... И погибну... За правду? Да хоть сейчас!

Понимаевъ поднялъ руку, чтобы отмахнуться отъ жены, и описалъ ею въ воздухѣ полукругъ... Шедшій мимо околоточный надзиратель въ новой шинели остановился на секунду и, обратясь къ Понимаеву, сказалъ:

— Стыдитесь! Ведите себя по примѣру прочихъ!

Понимаеву стало совѣстно. Онъ стыдливо замигалъ глазами и отдернулъ отъ фонарнаго столба руку. Жена воспользовалась этимъ моментомъ и потащила его за рукавъ вдоль по улицѣ, старательно обходя все, за что можно ухватиться. Минуть черезъ десять, не болѣе, она дотащила своего мужа до подъѣзда начальника.

— Ну, иди, Алеша!—сказала она иѣжно, введя мужа на крыльцо.—Иди, Алешечка! Распишишь только, да и уходи назадъ. А я тебѣ за это коньяку къ чаю куплю. Не буду тебя ругать, когда ты выпивши... Не губи ты меня, сироту!

— Ааа... гм... Это, стало-быть, его домъ? Отлично! Очень хорошо-съ! Распишемся, чортъ возьми! Такъ распишемся, что долго будетъ помнить! Все ему напишу на этой бумагѣ! Напишу, какого я мнѣнія! Пусть тогда гонить! А ежели выгонить, то ты виновата! Ты!

Понимаевъ покачнулся, пихнулъ плечомъ дверь и съ шумомъ вошелъ въ подъѣздъ. Тамъ около двери стоялъ швейцаръ Егоръ съ свѣже-выбритой, поводной физиономіей. Около столика съ листомъ бумаги стояли Везувіевъ и Черносвинскій, сослуживцы Понимаева. Высокій и тощій Везувіевъ расписывался, а Черносвинскій, маленький, рябенькій человѣчекъ, дожидался своей очереди. У обоихъ на лицахъ было написано: «Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!» Видно было, что они расписывались не только физически, но и нравственно. Увидѣвъ

ихъ, Понимаевъ презрительно усмѣхнулся и съ негодованіемъ запахнулся въ шубу.

— Разумѣется!—заговорилъ онъ.—Разумѣется! Какъ не поздравить его пр-во? Нельзя не поздравить! Ха-ха! Надо выразить свои рабскія чувства!

Везувіевъ и Черносвинскій съ удивленіемъ поглядѣли на него. Отродясь они не слыхали такихъ словъ!

— Развѣ это не невѣжество, не лакейство? — продолжалъ Понимаевъ. — Брось, не расписывайся! Вырази протестъ!

Онъ ударилъ кулакомъ по листу и смазалъ подпись Везувіева.

— Бунтуешь, ваше благородіе! — сказалъ Егоръ, подскочивъ къ столу и поднявъ листъ выше головы. — За это, ваше благородіе, вашего брата... знаешь, какъ?

Въ это время дверь отворилась, и въ подъѣздъ вошелъ высокій, пожилой мужчина въ медвѣжьей шубѣ и золотой треуголкѣ. Это былъ начальникъ Понимаева, Велелѣптовъ. При входѣ его Егоръ, Везувіевъ и Черносвинскій проглотили по аршину и вытянулись. Понимаевъ тоже вытянулся, но усмѣхнулся и крутнулъ одинъ усъ.

— А! — сказалъ Велелѣптовъ, увидѣвъ чиновниковъ. — Вы... здѣсь? Мда... друзья... Понятно... (очевидно, что его пр-во былъ слегка навеселѣ). Понятно... И васъ также... Спасибо, что не забыли... Спасибо... Мда... Приятно видѣть... Желаю вамъ... А ты, Понимаевъ, ужъ назююкался? Это ничего, не конфузся... Пей, да дѣло разумѣй... Пейте и веселитесь...

— Всякъ знакъ на пользу человѣка, ваше-ство! — рискнулъ вставить Везувіевъ.

— Ну, да, понятно... Какъ ты сказалъ? Гдѣ знакъ? Ну, идите себѣ... съ Богомъ... Или нѣтъ... Вы были уже у Никиты Прохорыча? Не были еще? Отлично. Я дамъ вамъ книги... отнесете къ нему... Опъ далъ мнѣ почитать «Странникъ» за два года... Такъ вотъ его надо отнести... Пойдемте, я вамъ дамъ... Скиньте шубы!

Чиновники сняли шубы и пошли за Велелѣптовымъ. Сначала они вошли въ пріемную, а потомъ въ большую, роскошно убранную залу, гдѣ за круглымъ столомъ сидѣла сама генеральша. По обѣ стороны ея сидѣли двѣ молодыя дамы, одна въ бѣлыхъ перчаткахъ, другая въ черныхъ. Велелѣптовъ оставилъ въ залѣ чиновниковъ и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Чиновники сконфузились.

Минуть десять стояли они молча, не двигаясь и не зная, куда дѣвать свои руки. Дамы говорили по-французски и то и дѣло вскидывали на нихъ глаза... Мука! Наконецъ изъ кабинета показался Велелѣптовъ, держа въ обѣихъ рукахъ по большой связкѣ книгъ.

— Вотъ, — сказалъ онъ. — Отдайте ему и поблагодарите... Это «Странникъ». Я читалъ иногда по вечерамъ... А вамъ... спасибо, что не забыли... пришли почтить... Чиновниковъ моихъ разсматриваете? — обратился Велелѣптовъ къ дамамъ. — Хе-хе... Смотрите, смотрите... Это вотъ Везувіевъ, это Черносвинскій... а это мой Понимаевъ. Вхожу однажды въ дежурную, а онъ, этотъ Понимаевъ, тамъ машину представляетъ. Каковъ? Пш! пш! пш! Свистить этакъ, ногами топочеть... Естественно такъ выходило... Мда... А ну-ка, изобрази! Представь-ка намъ.

Дамы вперили въ Понимаева глаза и заулыбались. Онъ закашлялся.

— Не умѣю... Забылъ, ваше-ство... — пробормоталъ онъ. — Не могу и не желаю.

— Не желаешь? — удивился Велелѣптовъ. — А? Жаль... Жаль, что не можешь уважить старика... Прощай... Обидно... Ступай...

Везувіевъ и Черносвинскій затолкали въ бокъ Понимаева. Да и самъ онъ испугался своего отказа. Въ глазахъ его помутилось... Черныя перчатки смѣшались съ бѣлыми, лица покосились, мебель запрыгала, и самъ Велелѣптовъ обратился въ большой кивающій палецъ. Постоявъ немного и пробормотавъ что-то, Понимаевъ прижалъ къ груди «Странникъ» и вышелъ на улицу. Тамъ онъ увидѣлъ свою жену, блѣдную, дрожавшую отъ холода и ужаса. Везувіевъ и Черносвинскій стояли уже возлѣ нея и, сильно жестикулируя руками, говорили ей что-то ужасное и сразу въ оба уха. «Что теперь будетъ?!» — читалось въ ихъ фигурахъ и движеніяхъ. Понимаевъ, безнадежно взглянувъ на жену, поплелся съ книгами за пріятелями.

Воротясь домой, онъ не обѣдалъ и чаю не пилъ... Ночью его разбудилъ кошмаръ.

Онъ поднялся и поглядѣлъ въ темноту. Черныя и бѣлыя перчатки, бакены Велелѣптова — все это залясало передъ его глазами, закружилось, и онъ вспомнилъ минувшее.

— Скотина я, скотина! — проворчалъ онъ. — Проте-

стуй ты, осель, ежели хочешь, но не смѣй не уважать старшихъ! Чтѣ стоило тебѣ представить машину?

Болѣе онъ не могъ уснуть. Всю ночь до самаго утра промучили его угрызенія совѣсти, тоска и всхлипыванія жены. Поглядѣвши утромъ въ зеркало, онъ увидѣлъ не себя, а чью-то другую фізіономію, блѣдную, истощенную, печальную...

— Не пойду на службу! — рѣшилъ онъ. — Все одно... Одинъ конецъ!

Весь второй день Новаго года онъ посвятилъ хожденію изъ угла въ уголь.

Ходилъ онъ, вздыхалъ и думалъ:

— У кого бы это револьверъ достать? Чѣмъ этакъ жить, такъ лучше ужь... право... Пулю въ лобъ, и конецъ...

На третій день онъ бѣжалъ отъ тоски на службу.

«Что-то будетъ?!» — думали всѣ чиновники, поглядывая на него изъ-за чернильницъ.

То же самое думалъ и Понимаевъ.

— Чтѣ жь? — шепнулъ онъ Везувіеву. — Пусть гонить! Ему же скверно будетъ, ежели руки на себя наложу.

Въ 11 часовъ пріѣхалъ Велелѣптовъ. Проходя мимо Понимаева и взглянувъ на его блѣдное, сильно похудѣвшее, испуганное лицо, онъ остановился, покачалъ головой и сказалъ:

— А здорово ты тогда хватилъ, братецъ! До сихъ поръ рожа въ свои рамки не вошла. Надо быть, другъ, поумѣрениѣй... Нехорошо... Долго ли здоровье потерять. И, похлопавъ Понимаева по плечу, Велелѣптовъ прошелъ далѣе.

«Только-то?» — подумало все присутствіе.

Понимаевъ засмѣялся отъ удовольствія. Даже пискнулъ по-птичьи — такъ ему было пріятно! Но скоро лицо его измѣнилось... Онъ нахмурился и осклабился презрительной улыбкой.

— Счастье твое, что я тогда былъ выпивши! — проворчалъ онъ вслухъ вслѣдъ Велелѣптову. — Счастье твое, а то бы... Помнишь, Везувіевъ, какъ я его отщелкалъ?

Придя со службы домой, Понимаевъ обѣдалъ съ большимъ аппетитомъ.

КОМИКЪ.

Комикъ Иванъ Акимовичъ Воробьевъ-Соколовъ заложилъ руки въ карманы своихъ широкихъ панталонъ, повернулся къ окну и устремилъ свои лѣнвые глаза на окно противоположнаго дома. Прошло минутъ пять въ молчаніи...

— Ску-ка!—зѣвнула ingénue Марья Андреевна.—Что же вы молчите, Иванъ Акимычъ? Коли пришли и помѣшали зубрить роль, то хоть разговаривайте! Несносный вы, право...

— Гм... Собираюсь сказать вамъ одну штуку, да какъ-то неловко... Скажешь вамъ спроста, безъ деликатесовъ... по-мужички, а вы сейчасъ и осудите, на смѣхъ поднимете... Нѣтъ, не скажу лучше! Удержу языкъ мой отъ зла...

«О чемъ же это онъ собирается говорить? — подумала ingénue. — Возбужденъ, какъ-то странно смотритъ, переминается съ ноги на ногу... Ужъ не объясниться ли въ любви хочетъ? Гм... Бѣда съ этими сорванцами! Вчера первая скрипка объяснялась, сегодня всю репетицію резонеръ провздыхалъ... Перебѣсились всѣ отъ скуки!»

Комикъ отошелъ отъ окна и, подойдя къ комоду, сталъ разсматривать ножницы и баночку отъ губной помады.

— Тэкъ-ссс... Хочется сказать, а боюсь... неловко... Вамъ скажешь спроста, по-россійски, а вы сейчасъ: невѣжа! мужикъ! то да се... Знаемъ васъ... Лучше ужъ молчать...

«А что ему сказать, если онъ въ самомъ дѣлѣ начнетъ объясняться въ любви? — продолжала думать ingénue. — Онъ добрый, славный такой, талантливый, но... мнѣ не нравится. Некрасивъ ужъ больно... Сгорбившись ходить, и на лицѣ какіе-то волдыри... Голосъ хриплый... И къ тому же эти манеры. Нѣтъ, никогда!»

Комикъ молча прошелся по комнатѣ, тяжело опустился въ кресло и съ шумомъ потянулъ къ себѣ со стола газету. Глаза его забѣгали по газетѣ, словно ища чего-то, потомъ остановились на одной буквѣ и задремали.

— Господи... хоть бы мухи были!—проворчалъ онъ.— Все-таки веселѣй...

«Впрочемъ, у него глаза недурны, — продолжала думать ingénue. — Но что у него лучше всего, такъ это характеръ, а у мужчины не такъ важна красота, какъ душа, умъ... Замужъ еще, пожалуй, можно пойти за него, но такъ жить съ нимъ... ни за что! Какъ онъ однако сейчасъ на меня взглянулъ... Ожогъ! И чего онъ робѣетъ, не понимаю!»

Комикъ тяжело вздохнулъ и крикнулъ. Видно было, что ему дорого стоило его молчаніе. Онъ сталъ красенъ, какъ ракъ, и покривилъ ротъ въ сторону... На лицѣ его выразалось страданіе...

«Пожалуй, съ нимъ и такъ жить можно, — не переставала думать ingénue. — Содержаніе онъ получаетъ хорошее. Во всякомъ случаѣ съ нимъ лучше жить, чѣмъ съ какимъ-нибудь оборвышемъ-капитаномъ. Право, возьму и скажу ему, что я согласна! Зачѣмъ обижать его, бѣднаго, отказомъ? Ему и такъ горько живется!»

— Нѣтъ! Не могу! — закричалъ комикъ, поднимаясь и бросая газету. — Вѣдь этакая у меня разанаеумская натура! Не могу себя побороть! Бейте, браните, а ужъ я скажу, Марья Андреевна!

— Да говорите, говорите. Будетъ вамъ юродствовать!

— Матушка! Голубушка! Простите великодушно... ручку цѣлую колѣнопреклоненно...

На глазахъ комика выступили слезы съ горошину величиной.

— Да говорите... противный! Что такое?

— Нѣтъ ли у васъ, голубушка... рюмочки водочки? Душа горитъ! Такія во рту послѣ вчерашняго перепоя окиси, закиси и нерекиси, что никакой химикъ не разберетъ! Вѣрите ли? Душу воротить! Жить не могу!

Ingénue покраснѣла, нахмурилась, но потомъ спохватилась и выдала комику рюмку водки... Тотъ выпилъ, ожилъ и принялся рассказывать анекдоты.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

За столомъ, покрытымъ внушительными чернильными пятнами, сидитъ Правдолюбовъ. Передъ нимъ стоитъ Упрямовъ, молодой человекъ съ выраженіемъ легкомыслия на лицѣ.

Правдолюбовъ (со слезами на глазахъ). Молодой человекъ! У меня у самого есть дѣти... есть сердце... Я понимаю... потому-то мнѣ такъ и горько. Увѣрю васъ, какъ честный человекъ, что ваше заpiresательство послужитъ вамъ только во вредъ. Скажите намъ откровенно, куда вы шли сейчасъ?

Упрямовъ. Въ... въ редакцію юмористическаго журнала.

Правдолюбовъ. Гм... Вы, стало-быть, юмористъ? (качаетъ укоризненно головой). Стыдитесь! Такъ молодъ и такъ испорченъ... А это что у васъ въ рукахъ?

Упрямовъ. Рукописи.

Правдолюбовъ. Дайте ихъ сюда! (Беретъ и разсматриваетъ). Такъ-съ... посмотримъ... Это что такое?

Упрямовъ. Темы для передовыхъ рисунковъ.

Правдолюбовъ (вспыхиваетъ негодованіемъ, но, скоро поборовъ чувство, становится хладнокровнымъ и безпристрастнымъ à la судебный приставъ). Это что же нарисовано?

Упрямовъ. Это, видите ли, нарисованъ человекъ. Одной ногой стоитъ онъ въ Россіи, другой въ Австріи. Онъ показываетъ фокусы. «Господа,—говоритъ онъ:— рубль, переложенный изъ праваго кармана въ лѣвый, обращается въ 65 копеекъ!» Въ пантанъ къ этому рисунку приложенъ другой. Вы видите вотъ этотъ кредитный рубль съ ручками и ножками. Онъ то и дѣло падаетъ,

а за нимъ бѣгаетъ нѣмецъ и обрѣзываетъ его ножницами... Поняли? Это вотъ кабакъ... Это вотъ наша пресса, а это прессъ... А это вотъ насадители березоваго лѣса; тутъ же и дѣти, просящія каши... Каша, какъ извѣстно, разная бываетъ... Тутъ вотъ нарисованъ лакей...

Правдолюбовъ. А кто это въ мышеловкѣ?

Упрямовъ. Это тайный совѣтникъ Россицкій; на крючкѣ казенное сало...

Правдолюбовъ (при словѣ «сало» облизывается). Тайный совѣтникъ... (краснѣетъ за челоуѣчество). Такъ молодъ и такъ испорченъ... Да знаете ли вы, милости-сдари, что тайный совѣтникъ соотвѣтствуетъ въ арміи генераль-лейтенанту? Неужели вы этого не понимаете? Какое грубое непониманіе, какое профанированіе! (Вздыхаетъ). Чтò же мнѣ теперь дѣлать съ вами? Чтò? (Задумывается, но скоро личное чувство беретъ верхъ надъ чувствомъ долга, и добыча выскользаетъ изъ рукъ). Не могу я васъ видѣть, жалкій, несчастный молодой челоуѣкъ! Вы мнѣ противны, вы жалки! Идите прочь! Пусть наказаніемъ послужить вамъ мое презрѣніе!

Упрямовъ (нисколько не раскаинаясь и улыбаясь двусмысленно, уходитъ въ редакцію).

1884.

МЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Кто-то рвануль за звонокъ. Надежда Петровна, хозяйка квартиры, въ которой происходила описываемая исторія, векочила съ дивана и побѣжала отворять дверь.

«Должно-быть, мужъ...» — подумала она.

Но, отворивъ дверь, она увидѣла не мужа. Передъ нею стоялъ высокій, красивый мужчина въ дорогой медвѣжьей шубѣ и золотыхъ очкахъ. Лобъ его былъ нахмурень, и сонные глаза глядѣли на міръ Божій равнодушно-лѣнливо.

— Чтò вамъ угодно? — спросила Надежда Петровна.

— Я докторъ, сударыня. Меня звали сюда какіе-то... э-э-э... Челобитьевы... Вы Челобитьевы?

— Мы Челобитьевы, но... ради Бога, извините, докторъ. У моего мужа флюсъ и лихорадка. Онъ послалъ вамъ

письмо, но вы такъ долго не прѣзжали, что онъ потерялъ всякое терпѣніе и побѣжалъ къ зубному врачу.

— Гм... Онъ могъ бы сходить къ зубному врачу и не беспокоя меня...

Докторъ нахмурился. Проншла минута въ молчаніи.

— Извините, докторъ, что мы васъ обезпокоили и заставили даромъ проѣхать... Если бы мой мужъ зналъ, что вы прѣдете, то, вѣрнѣе, онъ не побѣжалъ бы къ дантисту... Извините...

Проншла еще одна минута въ молчаніи. Надежда Петровна почесала себѣ затылокъ.

«Чего же онъ ждетъ, не понимаю?» — подумала она, косясь на дверь.

— Отпустите меня, сударыня! — пробормоталъ докторъ. — Не держите меня. Время такъ дорого, знаете, что...

— То-есть... Я, то-есть... Я не держу васъ...

— Но, сударыня, не могу же я уѣхать, не получивъ за свой трудъ!

— За трудъ? Ахъ, да... — залепетала Надежда Петровна, сильно покраснѣвъ. — Вы правы... За визитъ нужно заплатить, это вѣрно... Вы трудились, ѣхали... Но, докторъ... мнѣ даже совѣстно... мужъ мой пошелъ изъ дому и взялъ съ собой всѣ наши деньги... Дома у меня теперь рѣшительно ничего нѣтъ...

— Гм... Странно... Какъ же быть? Не дожидаться же мнѣ вашего мужа! Да вы поищите, можетъ-быть, найдется что-нибудь... Сумма, въ сущности, ничтожная...

— Но, увѣряю васъ, что мужъ все унесъ... Мнѣ совѣстно... Не стала бы я изъ-за какого-нибудь рубля переживать подобное... глупое положеніе...

— Станный у васъ, у публики, взглядъ на трудъ врачей... ей-Богу, странный... Словно мы и не люди, словно нашъ трудъ не трудъ... Вѣдь я ѣхалъ къ вамъ, терялъ время... трудился...

— Да я это очень хорошо понимаю, но, согласитесь, бывають же такіе случаи, когда въ домѣ нѣтъ ни копейки!

— Ахъ, да какое же мнѣ дѣло до этихъ случаевъ? Вы, сударыня, просто... наивны и нелогичны... Не заплатитъ человѣку... это даже нечестно... Пользуетесь тѣмъ, что я не могу подать на васъ мировому и... такъ безцеремонно, ей-Богу... Больше чѣмъ странно!

Докторъ замаялся. Ему стало стыдно за человѣчество... Надежда Петровна вспыхнула. Ее покоробило.

— Хорошо! — сказала она рѣзкимъ тономъ. — Пойдите... Я пошлю въ лавочку, и тамъ, можетъ-быть, мнѣ дадутъ денегъ... Я вамъ заплачу.

Надежда Петровна пошла въ гостиную и сѣла писать записку къ лавочнику. Докторъ снялъ шубу, вошелъ въ гостиную и развалился въ креслѣ. Въ ожиданіи отвѣта отъ лавочника, оба сидѣли и молчали. Минуть черезъ пять пришелъ отвѣтъ. Надежда Петровна вынула изъ записочки рубль и сунула его доктору. У доктора вспыхнули глаза.

— Вы смѣетесь, сударыня, — сказалъ онъ, кладя рубль на столъ. — Мой человѣкъ, пожалуй, возьметъ рубль, но я... нѣтъ-съ, извините-съ!

— Сколько же вамъ нужно?

— Обыкновенно я беру десять... Съ васъ, пожалуй, я возьму и пять, если хотите.

— Ну, пяти вы отъ меня не дождетесь... У меня нѣтъ для васъ денегъ.

— Пошлите къ лавочнику. Если онъ могъ дать вамъ рубль, то почему ему не дать вамъ и пяти? Не все ли равно? Я прошу васъ, сударыня, не задерживать меня. Мнѣ некогда.

— Послушайте, докторъ... Вы не любезны, если... не дерзки! Нѣтъ, вы грубы, безчеловѣчны! Понимаете? Вы... гадки!

Надежда Петровна повернулась къ окну и прикусила губу. На ея глазахъ выступили крупныя слезы.

«Подлецъ! Мерзавецъ! — думала она. — Животное! Онъ смѣетъ... смѣетъ! Не можетъ понять моего ужаснаго, обиднаго положенія! Ну, подожди же, чортъ!»

И, немного подумавъ, она повернула свое лицо къ доктору. На этотъ разъ на лицѣ ея выражалось страданіе, мольба.

— Докторъ! — сказала она тихимъ, умоляющимъ голосомъ. — Докторъ! Если бы у васъ было сердце, если бы вы захотѣли понять... вы не стали бы мучить меня изъ-за этихъ денегъ. И безъ того много муки, много пытокъ...

Надежда Петровна сжала себѣ виски и словно сдавила пружину; волосы прядями посыпались на ея плечи...

— Страдаешь отъ невѣжды-мужа... выносишь эту жут-

кую, тяжелую среду, а тутъ еще образованный человекъ позволяетъ себѣ бросать упрекъ. Боже мой! Это невыносимо!

— Но поймите же, сударыня, что специальное положеніе нашего сословія...

Но докторъ долженъ былъ прервать свою рѣчь. Надежда Петровна пошатнулась и упала безъ чувствъ на протянутыя имъ руки... Голова ея склонилась къ нему на плечо.

— Сюда, къ камину, докторъ... — шептала она черезъ минуту. — Поближе... Я вамъ все расскажу... все...

Черезъ часъ докторъ выходилъ изъ квартиры Челобитьевыхъ. Ему было и досадно, и совѣстно, и пріятно...

«Чортъ возьми... — думалъ онъ, садясь въ свои сани.— Никогда не слѣдуетъ брать съ собой изъ дому много денегъ! Того и гляди, что нарвешься!»

1884.

ВАНЬКА.

Былъ второй часъ ночи.

Коммерціи совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Котловъ вышелъ изъ ресторана «Славянскій Базаръ» и поплелся вдоль по Никольской, къ Кремлю. Ночь была хорошая, звѣздная... Изъ-за облачныхъ клочковъ и обрывковъ весело мигали звѣзды, словно имъ пріятно было глядѣть на землю. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ.

«Около ресторана извозчики дороги, — думалъ Котловъ: — нужно отойти немного... Тамъ дальше дешевле... И къ тому же мнѣ надо пройти: я обѣлся и пьянъ».

Около Кремля онъ нанялъ ночного ваньку.

— На Якиманку! — скомандовалъ онъ.

Ванька, малый лѣтъ двадцати пяти, причмокнулъ губами и лѣниво передернулъ вожжами. Лошаденка рванулась съ мѣста и поплелась мелкой, плохонькой рысцой... Ванька попался Котлову самый настоящій, типичный... Поглядишь на его заспанное, толстокожее, угреватое лицо — и сразу опредѣлишь въ немъ извозчика.

Поѣхали черезъ Кремль.

— Который теперь часъ будетъ? — спросилъ ваяка.

— Второй, — отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ.

— Такъ-съ... А теплѣе стало! Были холода, а теперь опять потеплѣло... Хромаешь, подлая! Э-э-э... каторжная!

Извозчикъ приподнялся и проѣхался кнутомъ по лошадиной спинѣ.

— Зима! — продолжалъ онъ, поудобнѣй усаживаясь и оборачиваясь къ сѣдоку. — Не люблю! Ужъ больно я зябкій! Стою на морозѣ и весь коченѣю, трясусь... Подуй холодъ, а у меня ужъ и морда распухла... Комплекция такая! Не привыкъ!

— Привыкай... У тебя, братецъ, ремесло такое, что привыкать надо...

— Человѣкъ ко всему привыкнуть можетъ, это дѣйствительно, ваше степенство... Да покуда привыкнешь, такъ разъ двадцать замерзнешь... Нѣжный я человѣкъ, балованный, ваше степенство... Меня отецъ и мать избаловали. Не думали, что мнѣ въ извозчикахъ быть. Нѣжность на меня напускали. Царство имъ небесное! Какъ породили меня на теплой печкѣ, такъ до десятаго годка и не снимали оттеда. Лежалъ я на печкѣ и пироги лопалъ, какъ свинья какая непутная... Любимый у нихъ былъ... Одѣвали меня наилучшимъ манеромъ, грамотѣ для нѣжности обучали. Вывалыча и босикомъ не пробѣги: «простудишься, миленькій!» Словно не мужикъ, а баринъ. Побьетъ отецъ, а мать плачетъ... Мать побьетъ — отцу жалко. Поѣдешь съ отцомъ въ лѣсъ за хворостомъ, а мать тебя въ три шубы кутаешь, словно ты въ Москву собрался аль въ Кіевъ...

— Развѣ богато жили?

— Обнаковенно жили, по-мужицки... День прошелъ — и слава Богу. Богаты не были, да и съ голоду, благодарить Бога, не мерли. Жили мы, баринъ, въ семействѣ... семействомъ, стало-быть... Дѣдъ мой тогда живъ былъ, да коло него два сына жили. Одинъ сынъ, отецъ мой топсъ, женатый былъ, другой не женатый. А я одинъ паренечекъ былъ всего-навсего, всей семьѣ на утѣху, — ну, и баловали. Дѣдъ тоже баловаль... У дѣда, знаешь, деньга была припрятана, и онъ воображеніе въ себѣ такое имѣлъ, что я не пойду по мужицкой части... «Тебѣ, — говоритъ: — Петруха, лавку открою. Расти!» Напускали на меня нѣжность-то, напускали, холили-холили, а вышло потомъ такое недоумѣніе, что совсѣмъ не до нѣжности...

Дядя-то мой, дѣдовъ сынъ, а отцовъ братъ, возьми и выкрадь у дѣда его деньги. Тыщи двѣ было... Какъ выкралъ, такъ съ той поры и пошло разоренье... Лошадей продали, коровъ... Отецъ съ дѣдомъ наниматься пошли... Извѣстно, какъ это у насъ въ крестьянствѣ... А меня, раба Божьяго, въ пастухи... Вотъ она нѣжность-то!

— Ну, дядя-то твой? Онъ же что?

— Онъ ничего... какъ и слѣдуетъ... Снялъ на большой дорогѣ трахтирь и зажилъ припѣваючи... Годовъ черезъ пять на богатой серпуховской мѣщанкѣ женился. Тысячъ восемь за ней взялъ... Послѣ свадьбы трахтирь сгорѣлъ... Отчего, это самое, ему не горѣтъ, ежели онъ въ обществѣ застрахованъ? Такъ и слѣдуетъ... А послѣ пожара уѣхалъ онъ въ Москву и снялъ тамъ бакалейную лавку... Таперь, говорятъ, богатъ сталъ, и приступу къ нему нѣтъ... Наши мужики, хабаровскіе, видѣли его тутъ, сказывали... Я не видѣлъ... Фамилія его будетъ Котловъ, а по имени и отчеству Иванъ Васильевъ... Не слышали?

— Нѣтъ... Ну, поѣзжай скорѣй!

— Обидѣлъ насъ Иванъ Васильевъ, ухъ, какъ обидѣлъ! Разорилъ и по міру пустилъ... Не будь его, нешто я мерзъ бы тутъ при своей этой самой комплекции, при моей слабости? Жилъ бы я да поживалъ въ своей деревушкѣ... Эххъ! Звонятъ вотъ къ заутренѣ... Хочется мнѣ Господу Богу помолиться, чтобъ взыскалъ съ него за всю мою муку... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть его Богъ проститъ! Дотерпимъ!

— Направо къ подъѣзду!

— Слушаю... Ну, вотъ и доѣхали... А за побасенку пятачишко слѣдовало бы...

Котловъ вынулъ изъ кармана пятиалтынный и подаль его ванкѣ.

— Прибавить бы слѣдовало! Везъ вѣдь какъ! Да и починь...

— Будетъ съ тебя!

Баринъ дернулъ за звонокъ и черезъ минуту исчезъ за рѣзною дубовою дверью.

А извозчикъ вскочилъ на козлы и поѣхалъ медленно обратно... Подулъ холодный вѣтерокъ... Ванька поморщился и сталъ совать зябкія руки въ оборванные рукава.

Онъ не привыкъ къ холоду... Балованный...

НАИВНЫЙ ЛЪШІЙ.

(Сказка).

Въ лѣсу, на берегу рѣчки, которую день и ночь сторожить высокій камышъ, стоялъ въ одно прекрасное утро молодой, симпатичный лѣшій. Возлѣ него на травкѣ сидѣла русалочка, молоденькая и такая хорошенькая, что, знай я ея точный адресъ, бросилъ бы все — и литературу, и жену, и науки — и полетѣлъ бы къ ней... Русалочка была нахмурена и сердито теребила зеленую травку.

— Я прошу васъ понять меня, — говорилъ лѣшій, заикаясь и конфузливо мигая глазами. — Если вы поймете, то не будете такъ строги. Позвольте мнѣ объяснить вамъ все съ самаго начала... Двадцать лѣтъ тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда я просилъ у васъ руки, вы сказали, что только въ томъ случаѣ выйдеге за меня замужъ, если у меня не будетъ глупаго выраженія лица, а для этого вы посовѣтовали мнѣ отправиться къ людямъ и поучиться у нихъ уму-разуму. Я, какъ вамъ извѣстно, послушалъ васъ и отправился къ людямъ. Отлично... Придя къ нимъ, я прежде всего справился, какія есть специальности и ремесла. Одинъ правовѣдъ сказалъ мнѣ, что самая лучшая и безвредная специальность — это лежать на диванѣ, задрать вверхъ ноги, и плевать въ потолокъ; но я, честный, глухой лѣшій, не повѣрилъ ему! Прежде всего я попалъ по протекціи въ почтмейстеры. Ужасная, та сѣге, должность! Письма обывателей до того скучны, что, просто, тошно дѣлается!

— Зачѣмъ же вы ихъ читали, если они скучны?

— Такъ принято... Да и къ тому же нельзя безъ этого... Письма разныя бываютъ... Иной подписывается «поручикъ такой-то», а подъ этимъ поручикомъ Лассала

понимать надо или Спинозу... Ну-съ... потомъ поступилъ я по протекціи въ брандмейстеры... Тоже ужасная должность! То и дѣло пожаръ... Сядешь, бывало, объѣдать или въ винтъ играть — пожаръ. Ляжешь спать — пожаръ. А изволь-ка тутъ ѣхать на пожаръ, если еще и изъ естественной исторіи извѣстно, что казенныхъ лошадей нельзя кормить овсомъ. Разъ я велѣлъ накормить лошадей овсомъ, и—что жъ вы думаете?—ревизоръ такъ удивился, что мнѣ даже совѣстно стало... Бросилъ... Есть, *ma chère*, на землѣ люди, которые смотрять за тѣмъ, чтобы у ближнихъ въ головахъ и карманахъ ничего лишняго не было. Отъ брандмейстера къ этой должности рукой подать. Я поступилъ. Вся моя служба на первыхъ порахъ состояла въ томъ, что я принималъ отъ людей «благодарности»... Сначала мнѣ это ужасно нравилось... Въ нашъ практическій вѣкъ такія чувства, какъ благодарность, могутъ не правиться только камню и должны быть поощряемы... Но потомъ я совсѣмъ разочаровался. Люди ужасно испорчены... Они благодарятъ купонами 1889 года и даже пускаютъ въ ходъ фальшивые купоны. И къ тому же — благодарятъ, а у самихъ въ глазахъ никакихъ пріятныхъ чувствъ не выражается... Пошло! Отъ этой должности къ педагогіи рукой подать. Поступилъ я въ педагоги. Сначала мнѣ повезло, и даже директоръ нѣсколько разъ мнѣ руку пожималъ. Ему ужасно нравилось мое глупое лицо. Но—увы!—прочелъ я однажды въ «Вѣстникѣ Европы» статью о вредѣ лѣсоистребленія и почувствовалъ угрызенія совѣсти. Мнѣ и ранѣе, откровенно говоря, было жаль употреблять нашу милую зеленую березу для такихъ низменныхъ цѣлей, какъ педагогія. Выразилъ я директору свое сомнѣніе, и мое глупое выраженіе лица было сочтено за подложное. Я—фюйтъ! Потомъ поступилъ я въ доктора. Сначала мнѣ повезло. Дифтериты, знаете ли, тифы... Хотя я и не увеличилъ процента смертности, но все-таки былъ замѣченъ. Въ повышеніе меня назначили врачомъ въ московскій Воспитательный домъ. Здѣсь, кромѣ рецептовъ и посѣщенія палаты, съ меня потребовали реверансовъ, книксеновъ и умѣнья съ достоинствомъ ѣздить на запяткахъ... Старшій докторъ Соловьевъ, тотъ самый, что въ Одессѣ на съѣздѣ себя на эмпиреяхъ чувствовалъ, требовалъ даже отъ меня, чтобы я дѣлалъ ему глазки. Когда я сказалъ, что реверансы и глазки не преподаются на медицинскомъ фа-

культетѣ, меня сочли за вольнодумца и непомнящаго родства... Послѣ неудачнаго докторства занялся я коммерціей. Открылъ булочную и сталъ булки печь. Но, та сѣге, на землѣ такъ много насѣкомыхъ, что просто ужасъ! Какой колачъ ни взломай, во всякомъ тараканъ или мокрица сидитъ.

— Ахъ, полно вамъ чепуху пороть!—воскликнула русалочка, выйдя изъ терпѣнія. — Кой чортъ просилъ васъ, дурака этакого, поступать въ брендмейстеры и булки печь? Неужели вы, скотина вы этакая, не могли на землѣ найти что-нибудь поумнѣе и возвышеннѣе? Развѣ у людей нѣтъ наукъ, литературы?

— Я, знаете ли, хотѣлъ поступить въ университетъ, да мнѣ одинъ акцизный сказалъ, что тамъ все безпорядки... Былъ я и литераторомъ... черти понесли меня въ эту литературу! Писалъ я хорошо и даже надежды подавалъ, но, та сѣге, въ кутузкахъ такъ холодно и такъ много клоповъ, что даже при воспоминаніи пахнетъ въ воздухѣ клопами. Литературой я и кончилъ... Въ больницѣ померъ... Литературный Фондъ похоронилъ меня на свой счетъ. Репортеры на десять рублей на моихъ похоронахъ водки выпили. Дорогая моя! Не посылайте меня вторично къ людямъ! Увѣрю васъ, что я не вынесу этого испытанія!

— Это ужасно! Мнѣ жаль васъ, но поглядитесь вы въ рѣку! Ваше лицо стало глупѣе прежняго! Нѣтъ, ступайте опять! Займитесь науками, искусствами... путешествуйте наконецъ! Не хотите этого? Ну, такъ ступайте и послѣдуйте тому совѣту, который далъ вамъ правовѣдъ!

Лѣшій началъ умолять... Чего ужъ онъ только ни говорилъ, чтобы избавиться отъ непріятной поѣздки! Онъ сказалъ, что у него нѣтъ паспорта, что онъ на замѣчаніи, что при теперешнемъ курсѣ тяжело совершать какія бы то ни было поѣздки,—но ничто не помогло... Русалочка настояла на своемъ. И лѣшій опять среди людей. Онъ теперь служить, дослужился уже до статскаго совѣтника, но выраженіе его лица нисколько не измѣнилось: оно попрежнему глупое.

ПРОЩЕНИЕ.

Въ прощальный день я, по христіанскому обычаю и по добросердечію своему, прощаю всѣхъ...

Торжествующую свинью прощаю за то, что она... содержитъ въ себѣ трихины.

Прощаю вообще все живущее, тѣснящее, давящее и душащее... какъ-то: тѣсные сапоги, корсетъ, подвязки и проч.

Прощаю аптекарей за то, что они готовятъ красныя чернила.

Взятку — за то, что ее берутъ чиновники.

Березовую кашу и древніе языки — за то, что они юношей питаютъ и отраду старцамъ подаютъ, а не наоборотъ.

«Голосъ» — за то, что онъ закрылся.

Статскихъ совѣтниковъ — за то, что они любятъ хорошо покушать.

Мужиковъ — за то, что они плохіе гастрономы.

Прощаю я кредитный рубль... Кстати: одинъ секретарь консисторіи, держа въ рукѣ только-что добытый рубль, говорилъ дьякону: «Вѣдь вотъ поди жь ты со мной, отецъ дьяконъ! Никакъ я не пойму своего характера! Возьмемъ хоть вотъ этотъ рубль къ примѣру... Чтò онъ? Падаеть вѣдь, унижень, осрамлень, очернилса наче сажи, потерялъ всякую добропорядочную репутацію, а люблю его! Люблю его, несмотря на всѣ его недостатки, и прощаю... Ничего, братъ, съ моимъ добрымъ характеромъ не подѣлаешь!» Такъ, вотъ, и я...

Прощаю себя за то, что я не дворянинъ и не заложилъ еще имѣнія отцовъ моихъ.

Литераторовъ прощаю за то, что они еще и до сихъ поръ существуютъ.

Прощаю Окрейца за то, что его «Лучъ» не такъ мягокъ, какъ потребно.

Прощаю Суворина, планеты, кометы, классныхъ дамъ, ее и наконецъ точку, помѣшавшую мнѣ прощать до безконечности.

1884.

ДВА ПИСЬМА.

I.

Серьезный вопросъ.

Милый и дорогой мой дядюшка, Анисимъ Петровичъ! Сейчасъ былъ у меня вашъ землякъ Курошеевъ и общилъ мнѣ, между прочимъ, что на-дняхъ воротился изъ-за границы со своей семьей вашъ сосѣдь Мурдашевичъ. Это извѣстiе тѣмъ болѣе поразило меня, что ранѣе ходили слухи, что Мурдашевичи навсегда останутся за границей. Дорогой и милый дядюшка! Если вы хотя немного любите вашего племянника, то съѣздите, голубчикъ, къ Мурдашевичу и узнайте, какъ поживаетъ его воспитанница, Машенька. Исповѣдую вамъ сокровенную тайну моей души. Только вамъ одному могу довѣриться. Я люблю Машеньку, люблю страстно, больше жизни! Шестъ лѣтъ разлуки ни на юту не уменьшили моей любви къ ней. Жива ли она, здорова? Напишите, въ какомъ видѣ вы ее застали, помнитъ ли она меня, любить ли попрежнему? Могу ли я написать къ ней письмо? Все узнайте, голубчикъ, и опишите обстоятельнѣе.

Скажите ей, что я уже не тотъ робкій, бѣдный студентъ... Я уже присяжный повѣренный, имѣю практику, деньги... Однимъ словомъ, для полного счастья не хватаетъ у меня только ея одной... Только!

Въ ожиданiи скорѣйшаго отвѣта обнимаю. Владимиръ Гречневъ.

II.

Обстоятельный отвѣтъ.

Милый мой племянникъ Володя!

Получивше же твое письмо, я на другой день поѣхалъ къ Мурдашевичу. Славный онъ человѣкъ! Постарѣлъ и посѣдѣлъ въ заграничѣ, но сохранилъ въ себѣ воспоминаніе обо мнѣ, своемъ старинномъ другѣ, такъ что, когда я вошедши, онъ обнялъ меня и долго смотря мнѣ въ лицѣ, сказалъ робкимъ, нѣжнымъ возгласомъ: «не узнаю!» Когда же я назвалъ свою фамилію, онъ еще разъ обнялъ меня и сказалъ: «теперь припоминаю». Хорошій человѣкъ! Будучи у него, выпилъ и закусилъ, потомъ же и за проферансишку сѣли по одной десятой. Во многихъ видахъ и разныхъ манерахъ объяснялъ онъ мнѣ про границу и много смѣшилъ меня игривымъ описаніемъ смѣшныхъ нѣмецкихъ нравовъ. Но наука, говорить, у нѣмцевъ далеко пошла. Показывалъ мнѣ также картину, купленную проѣздомъ черезъ Италію, изображающую женскаго пола одну особу въ странной неприличной одеждѣ. Видѣлъ я и Машеньку. Была въ богатомъ платьѣ розоваго цвѣта съ протчими украшениями драгоцѣннаго свойства. Тебя она помнитъ и даже прослезилась глазами, когда о тебѣ спрашивала. Ждетъ отъ тебя письма и благодарить за память и чувства. Ты пишешь, что имѣешь практику и деньги! Береги, душенька, деньги и веди себя умѣренно и воздержно. Я, когда будучи въ молодости, предавался сластолюбивымъ излишествамъ, но кратковременно и воздержно, и все-таки каюсь. Засимъ благословляю и желаю всего лучшаго.

Твой дядя и доброжелатель Анисимъ Гречневъ.

Р. С. Пишешь ты хоть непонятно, но очень заманчиво и краснорѣчиво. Показывалъ твое письмо всѣмъ сосѣдямъ. Прочитавши его, сочли тебя какъ бы сочинителемъ, такъ что даже сынъ отца Григорія, Владимиръ, переписалъ его съ тѣмъ, чтобы послать въ газету. Показывалъ его также Машенькѣ и ея мужу, нѣмцу Урмахеру, за котораго Машенька вышла замужъ въ прошломъ годѣ. Нѣмецъ прочелъ и похвалилъ. И теперь я всѣмъ показываю твое письмо и читаю. Пиши еще! А икра у Мурдашевича очень вкусная.

1884.

ТРИФОНЪ.

„И не жаль мнѣ прошлаго ничуть“.

Лермонтовъ.

У Григорія Семеновича Щеглова зацемило въ поясницѣ. Онъ проснулся и заворочался въ постели.

— Настюша, — зашепталъ онъ: — возьми-ка, мать, спиртику и натри-ка мнѣ спинозу!

Отвѣта не послѣдовало. Щегловъ зашарилъ около себя руками и не нашелъ никого. Постель, если не считать самого Щеглова, была пуста.

«Гдѣ же она?» — подумалъ онъ. — Настя! Настенька!

И на этотъ разъ не послѣдовало отвѣта. Послышалось только стучанье сторожа въ колотушку да трескъ тухнувшей лампадки. Щегловъ, предчувствуя недоброе, вытеръ на лбу холодный потъ и вскочилъ съ постели. Было три часа ночи — время, въ которое Настя спала обыкновенно крѣпкимъ сномъ ребенка. Не спать могли заставить ее только особенныя причины. Щегловъ быстро одѣлся и вышелъ на дворъ. Луна, полная и солидная, какъ генеральская экономка, плыла по небу и заливала своимъ хорошимъ свѣтомъ небо, дворъ съ безконечными постройками, садъ, темнѣвшій по обѣ стороны дома. Свѣтъ мягкій, ровный, ласкающій... На землѣ и на деревьяхъ не было ни одного зеленого листка, садъ глядѣлъ черно и сурово, но во всемъ чувствовались конецъ марта, начало весны. Щегловъ окинулъ глазами дворъ. На большомъ пространствѣ не было видно никого, кромѣ теленка, который, залутовавши одну ногу въ веревку, неистово прыгалъ. Щегловъ пошелъ въ садъ. Тамъ было тихо, свѣтло. Отъ темныхъ кустовъ вѣяло сырѣемъ, какъ изъ погреба.

«А вдругъ она въ деревню ушла! — думалъ Григорій Семенычъ, дрожа отъ безпокойства и холода. — Ежели ей въ бесѣдкѣ нѣтъ, то придется въ деревню посылать».

Щегловъ зналъ за Настей двѣ слабости: она часто съ тоски уходила отъ него къ роднымъ въ деревню и имѣла также привычку уходить ночью въ бесѣдку, гдѣ сидѣла въ темнотѣ и пѣла грустныя пѣсни.

«Я старый, дряхлый... — думалъ Григорій Семенычъ. — Ей не сахаръ со мной...»

Подойдя къ бесѣдкѣ, онъ услышалъ женскій голосъ. Но этотъ голосъ не пѣлъ, а говорилъ... Говорилъ онъ что-то быстро, не останавливаясь, безъ запинки, словно жаловался...

— Брось ты этого стараго чорта! — перебилъ женскую рѣчь грубой мужской голосъ. — Сдѣлай милость! Въ шелку только ходишь да съ тарелки хрустальной ѣшь, а оно, того, дура, не понимаешь, грѣхъ вѣдь выходить... Эхххх... Шалишь, Настюха! Бить бы тебя, да некому!

— Безпонятный ты, Триша! Коли бѣ одна голова, ушла бы я отъ него за сто верстъ, а то вѣдь... тятка вонъ избу строить хочетъ... да братъ на службѣ. Табаку послать, или что...

Послышались всхлипыванья, затѣмъ поцѣлуй. По спинѣ Щеглова отъ затылка до пятокъ пробѣжалъ морозъ. Въ мужчинѣ узналъ онъ своего объѣздчика Трифона.

«Которую я изъ грязи вытащилъ, къ себѣ приблизилъ, и, можно сказать, облагодѣтельствовалъ, — ужаснулся онъ: — замѣсто какъ бы жены, и вдругъ — съ Тришкой, съ хамомъ! А? Въ шелку водилъ, съ собой за одинъ столъ, какъ барыню, а она... съ Тришкой!»

У старика отъ гнѣва и съ горя подогнулись колѣни. Онъ послушалъ еще немного, и, больной, ошеломленный, поплелся къ себѣ въ домъ.

«А мнѣ наплевать! — думалъ онъ, ложась въ постель. — Она воображаетъ, можетъ-быть, что я безъ нея жить не могу! Ну, нѣтъ... Завтра же ее выгоню. Пусть себѣ тамъ со своими мужиками мякину жуесть. А Тришку подлеца... чтобъ и духу не было! Утромъ же расчетъ...»

Онъ укрылся одѣяломъ и сталъ думать. Думы были мучительныя, скверныя, а когда воротилась изъ сада Настя и, какъ ни въ чемъ не бывало, улеглась спать, его отъ мыслей бросило въ лихорадку.

«Завтра же его прогоню... Впрочемъ, нѣтъ... не про-

гоноу... Его прогонишь, а онъ на другое мѣсто — и ничего себѣ, словно и не виновать... Его бы наказать, чтобъ всю жизнь помнилъ... Выпороть бы, какъ прежде... Разложить бы въ конюшнѣ и этакъ... въ десять рукъ, сѣмо и овамо... Ты его порешь, а онъ просить и молить, а ты стоишь около и только руки потираешь: «такъ его! Шибче! Шибче!» Ее около поставить и смотрѣть, какъ у ней на лицѣ:—ну, что, матушка? Ааа... то-то!»

Утромъ Настя, по обыкновенію, разливала чай. Онъ сидѣлъ и наблюдалъ за нею. Лицо ея было покойно, глаза глядѣли ясно, безхитростно.

«Я ей ничего не скажу, — думалъ онъ. — Пусть сама пойметъ... Я ее нравственно... нравственно страдать заставлю! Не буду съ ней разговаривать, сердиться на нее буду, а она и пойметъ... Ну, а что, ежели она послушаетъ подлеца Тришку и въ самомъ дѣлѣ уйдетъ?»

Была минута, когда послѣдняя мысль до того испугала его, что онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Настенька, что жъ ты, душенька, кренделечка не кушаешь? Для тебя **вѣдь** куплено!

Въ девятомъ часу приходилъ съ докладомъ объѣздчикъ Трифонъ. Щеглову показалось, что мужикъ глядитъ на него съ ненавистью, презрѣніемъ, съ какимъ-то побѣднымъ нахальствомъ.

«Мало прогнать... — подумалъ онъ, измѣряя его взглядомъ. — Выпороть бы».

— Ничего я тутъ не пойму! — началъ онъ придираяться, пробѣгая квитанціи, поданныя Трифономъ. — Это какая цифра? 75 или 15? Дубина ты этакая! Закорючку не можешь даже, какъ слѣдуетъ, надъ семью поставить! Семь похоже на кочергу, а одинъ—на кнутикъ съ короткимъ хвостикомъ. Этого не знаешь? Ду-би-на... За это самое вашего брата прежде на конюшнѣ драли!

— Мало ли чего прежде не было... — проворчалъ Трифонъ, глядя въ потолокъ.

Щегловъ искоса поглядѣлъ на Трифона. Мужикъ, показалось ему, ехидно улыбулся и глядѣлъ еще съ бѣлымъ нахальствомъ.

— Пошелъ вонъ!! — взвизгнулъ Щегловъ, не вынося трифоновой фізіономіи.

До вечера Щегловъ ходилъ по двору и придумывалъ планъ наказанія и мести. Многіе планы перебивали въ его головѣ, но что онъ ни придумывалъ, все под-

ходило подъ ту или другую статью уложенія о наказаніяхъ. Послѣ долгаго мучительнаго размышленія оказалось, что онъ ничего не смѣлъ.

Въ третьемъ часу ночи, стоя возлѣ бесѣдки, онъ услышалъ разговоръ хуже вчерашняго. Трифонъ со смѣхомъ передавалъ Настѣ бесѣду свою съ бариномъ:

— Взять бы его, знаешь, за воротъ, потрясти маленько этакъ — и душа вонъ.

Щегловъ не вынесъ.

— Кого это, прохвость? — взвизгнулъ онъ. — Чья душа вонъ?

Въ бесѣдкѣ вдругъ умолкли. Трифонъ конфузливо крикнулъ. Черезъ минуту онъ нерѣшительно вышелъ изъ бесѣдки и уперся плечомъ въ косякъ.

— Кто здѣсь кричитъ? Кто таковъ? А, это вы!.. — сказалъ онъ, увидѣвъ барина. — Вотъ кто!

Минута прошла въ молчаніи...

— За это прежде нашего брата на конюшнѣ пороли, а теперь не знаю, что будетъ... — сказалъ Трифонъ, усмѣхаясь и глядя на луну. — Чай, расчетъ дадутъ... Боязно!

Засмѣялся и пошелъ по аллеѣ къ дому. Щегловъ засмѣнилъ рядомъ съ нимъ.

— Трифонъ! — забормоталъ онъ, хватая его за рукавъ, когда оба они подошли къ садовой калиткѣ. — Триша! Я тебѣ одно только слово скажу... Пстой! Я вѣдь ничего... Слово одно только... Послушай! Прошу и умоляю тебя, подлеца, на старости лѣтъ! Голубчикъ!

— Ну?

— Видишь ли... Я тебѣ четвертную дамъ и даже, ежели желаешь, жалованья прибавлю... Тридцать рублей дамъ, а ты... дай я тебя выпорю! Разикъ! Разикъ выпорю — и больше ничего!

Трифонъ подумалъ темнаго, взглянулъ на луну и махнулъ рукой.

— Не согласенъ! — сказалъ онъ и поплелся въ людскую...

САМОБОЛЬЩЕНІЕ.

(Сказка).

Одинъ умный, всѣми уважаемый участковый приставъ имѣлъ одну дурную привычку, а именно: сидя въ компаніи, онъ любилъ кичиться своими дарованіями, которыхъ, надо отдать ему полную справедливость, было у него очень много. Онъ кичился своимъ умомъ, энергіей, силой, образомъ мыслей и проч.

— Я силенъ! — говорилъ онъ. — Хочу — подкову сломаю, хочу — человѣка съ кашей съѣмъ... Могу и Карогагенъ разрушить и Гордіевы узлы мечомъ разсѣкать. Вотъ какой я!

Онъ кичился, и всѣ ему удивлялись. Къ несчастью, приставъ не кончилъ нигдѣ курса и не читалъ прописей: онъ не зналъ, что самообольщеніе и гордость суть пороки, недостойные благородной души. Но случай разумилъ его. Однажды зашелъ онъ къ своему другу, старику брандмейстеру, и, увидѣвъ тамъ многочисленное общество, началъ кичиться. Выпивъ же три рюмки водки, онъ выпучилъ глаза и сказалъ:

— Смотрите, ипчтожные! Смотрите и разумѣйте! Солнце, которое вотъ на небеси съ прочими свѣтилами и облаками! Оно идетъ съ востока на западъ, и никто не можетъ измѣнить его путь! Я же могу! Могу!

Старикъ брандмейстеръ подалъ ему четвертую рюмку и замѣтилъ дружески:

— Вѣрю-съ! Для человѣческаго ума нѣтъ ничего невозможнаго. Сей умъ все превзошелъ. Можетъ онъ и подковы ломать, и каланчу до неба выстроить, и съ мертваго взятку взять... все можетъ! Но, Петръ Евтропычъ,

смѣю вамъ присовокупить, есть одно, чего не можетъ побороть не только умъ человѣческій, но даже и ваша сила.

— Что же это такое? — презрительно усмѣхнулся самообольщенный.

— Вы можете все пересилить, но не можете пересилить самого себя. Да-съ! «Гноти се автѡнъ», — говорили древніе... Познай самого себя... А вы себя ни познать ни пересилить не можете. Противъ своей природы не пойдешь. Да-съ!

— Нѣтъ, пойду! И себя пересилю!

— Ой, не пересилите! Вѣрьте старику, не пересилите!

Поднялся споръ. Кончилось тѣмъ, что старикъ брандмейстеръ повелъ гордеца въ мелочную лавочку и сказалъ:

— Сейчасъ я вамъ докажу-съ... У этого вотъ лавочника въ этой шкатулкѣ лежитъ десятирублевка. Если вы можете пересилить себя, то не берите этихъ денегъ...

— И не возьму! Пересилю!

Гордецъ скрестилъ на груди руки и при общемъ вниманіи сталъ себя пересиливать. Долго онъ боролся и страдалъ. Полчаса пучилъ онъ глаза, багровѣлъ и сжималъ кулаки, но подъ конецъ не вынесъ, машинально протянулъ къ шкатулкѣ руку, вытащилъ десятирублевку и судорожно сунулъ ее къ себѣ въ карманъ.

— Да! — сказалъ онъ. — Теперь понимаю!

И съ тѣхъ поръ онъ ужъ никогда не кичился своей силой.

1884.

ДАЧНИЦА.

Леля NN., хорошенькая двадцатилѣтняя блондинка, стоитъ у палисадника дачи и, положивъ подбородокъ на перекладину, глядитъ вдаль. Все далекое поле, клочковатыя облака на небѣ, темнѣющая вдали желѣзнодорожная станція и рѣчка, бѣгущая въ десяти шагахъ отъ палисадника, залиты свѣтомъ багровой, поднимающейся изъ-за кургана, луны. Вѣтерокъ отъ-ничего-дѣлать весело рябитъ рѣчку и шуршитъ травкой... Кругомъ тишина... Леля думаетъ... Хорошенькое лицо ея такъ грустно, въ глазахъ темнѣетъ столько тоски, что, право, неделикатно и жестоко не подѣлиться съ нею ея горемъ.

Она сравниваетъ настоящее съ прошлымъ. Въ прошломъ году въ этомъ же самомъ душистомъ и поэтическомъ маѣ она была въ институтѣ и держала выпускные экзамены. Ей припоминается, какъ классная дама m-lle Морсеау, забитое, больное и ужасно недалекое созданье съ вѣчно испуганнымъ лицомъ и большимъ, вспотѣвшимъ носомъ, водила выпускныхъ въ фотографію сниматься.

— Ахъ, умоляю васъ, — просила она конторщицу въ фотографіи: — не показывайте имъ карточекъ мужчинъ!

Просила она со слезами на глазахъ. Эта бѣдная ящерица, никогда не знавшая мужчинъ, приходила въ священный ужасъ при видѣ мужской физиономіи. Въ усахъ и бородѣ cadaго «демона» она умѣла читать райское блаженство, неминуемо ведущее къ невѣдомой, страшной пронасти, изъ которой нѣтъ выхода. Институтки смѣялись надъ глупой Морсеау, но, пропитанныя насквозь «идеалами», онѣ не могли не раздѣлять ея священнаго ужаса. Онѣ вѣровали, что тамъ, за институтскими стѣнами, если не считать катаррального папаши и братцевъ-

вольнопредѣляющихся, кишать косматые поэты, блѣдные пѣвцы, желчныя сатирики, отчаянные патріоты, неизмѣримые милліонеры, краснорѣчивые до слезъ, ужасно интересные защитники... Гляди на эту кишашую толпу и выбирай! Въ частности, Лёля была убѣждена, что, выйдя изъ института, она неминуемо столкнется съ тургеневскими и иными героями, бойцами за правду и прогрессъ, о которыхъ въ перегонку трактуютъ всѣ романы и даже всѣ учебники по исторіи — древней, средней и новой...

Въ этомъ маѣ Лёля уже замужемъ. Мужъ ея красивъ, богатъ, молодъ, образованъ, всѣми уважаемъ, но, не смотря на все это, онъ (совѣстно сознаваться передъ поэтическимъ маемъ!) грубъ, неотесанъ и нелѣпъ, какъ сорокъ тысячъ нелѣпыхъ братьевъ.

Просыпается онъ ровно въ десять часовъ утра и, надѣвъ халатъ, садится бриться. Бреется онъ съ озабоченнымъ лицомъ, съ чувствомъ, съ толкомъ, словно телефонъ выдумываетъ. Послѣ бритья пьетъ какія-то воды, тоже съ озабоченнымъ лицомъ. Затѣмъ, одѣвшись во все тщательно вычищенное и выглаженное, цѣлуетъ женину руку и въ собственномъ экипажѣ ѣдетъ на службу въ «страховое общество». Чтò онъ дѣлаетъ въ этомъ «обществѣ», Лёля не знаетъ. Переписываетъ ли онъ только бумаги, сочиняетъ ли умные проекты, или, быть-можетъ, даже вращаетъ судьбами «общества» — неизвѣстно. Въ четвертомъ часу пріѣзжаетъ онъ со службы и, жалуясь на утомленіе и испарину, перемѣняетъ бѣлье. Затѣмъ садится обѣдать. За обѣдомъ онъ много ѣстъ и разговариваетъ. Говоритъ все больше о высокихъ матеріяхъ. Рѣшаетъ женскій и финансовый вопросы, бранитъ за что-то Англію, хвалитъ Бисмарка. Достается отъ него газетамъ, медицинѣ, актерамъ, студентамъ... «Молодежь ужасно измельчала!» За одинъ обѣдъ успѣетъ сотню вопросовъ рѣшить. Но, чтò ужаснѣе всего, обѣдающіе гости слушаютъ этого тяжелаго человѣка и поддакиваютъ. Онъ, говорящій нелѣпости и пошлости, оказывается умнѣе всѣхъ гостей и можетъ служить авторитетомъ.

— Нѣтъ у насъ теперь хорошихъ писателей! — вздыхаетъ онъ за каждымъ обѣдомъ, и это убѣжденіе вынесъ онъ не изъ книгъ.

Онъ никогда ничего не читаетъ — ни книгъ ни газетъ. Тургенева смѣшиваетъ съ Достоевскимъ, карикатуръ не

понимаетъ, шутокъ тоже, а прочитавъ однажды, по совету Лели, Щедрина, нашелъ, что Щедринъ «туманно» пишетъ.

— Пушкинъ, ma chère, лучше... У Пушкина есть очень смѣшныя вещи! Я читалъ... помню...

Послѣ обѣда онъ идетъ на террасу, садится въ мягкое кресло и, полузакрывъ глаза, задумывается. Думаетъ долго, сосредоточенно, хмурясь и морщась... О чемъ онъ думаетъ, невѣдомо Лелѣ. Она знаетъ только, что послѣ двухчасовой думы онъ нисколько не умнѣетъ и несетъ все ту же чушь. Вечеромъ игра въ карты. Играетъ онъ аккуратно. Надъ каждымъ ходомъ долго думаетъ и, въ случаѣ ошибки партнера, ровнымъ, отчеканивающимъ голосомъ излагаетъ правила карточной игры. Послѣ картъ, по уходѣ гостей, онъ пьетъ тѣ же воды и съ озабоченнымъ лицомъ ложится спать. Во снѣ онъ покоенъ, какъ лежачее бревно. Изрѣдка только бредитъ, но и бредъ его нелѣпъ.

— Извозчикъ! Извозчикъ! — услышала отъ него Леля на вторую ночь послѣ свадьбы.

Всю ночь онъ бурчитъ. Бурчитъ у него въ носу, въ груди, животѣ...

Больше ничего не можетъ сказать о немъ Леля. Она стоитъ теперь у палисадника, думаетъ о немъ, сравниваетъ его со всѣми знакомыми ей мужчинами и находитъ, что онъ лучше всѣхъ, но ей не легче отъ этого. Священный ужасъ m-Не Морсеау общалъ ей больше.

1884.

СЪ ЖЕНОЙ ПОССОРИЛСЯ.

(Случай).

— Чортъ васъ возьми! Придешь со службы домой голодный, какъ собака, а они чортъ знаетъ чѣмъ кормятъ! Да и замѣтить нельзя! Замѣтишь, такъ сейчасъ ревъ, слезы! Будь я трижды анаѣема за то, что женился!

Сказавъ это, мужъ звякнулъ по тарелкѣ ложкой. Вскочилъ и съ остервенѣніемъ хлопнулъ дверью. Жена зарыдала, прижала къ лицу салфетку и тоже вышла. Обѣдъ кончился.

Мужъ пришелъ къ себѣ въ кабинетъ, повалился на диванъ и уткнулъ свое лицо въ подушку.

«Чортъ тебя дернулъ жениться! — подумалъ онъ. — Хороша «семейная» жизнь, нечего сказать! Не успѣлъ жениться, какъ ужъ стрѣляться хочется!»

Черезъ четверть часа за дверью послышались легкіе шаги...

«Да, это въ порядкѣ вещей... Оскорбила, надругалась, а теперь около двери ходитъ, мириться хочетъ... Ну, чорта съ два! Скорѣй повѣшусь, чѣмъ помирюсь!»

Дверь отворилась съ тихимъ скрипомъ и не затворилась. Кто-то вошелъ и тихими, робкими шагами направился къ дивану.

«Ладно! Проси прощенія, умолай, рыдай... Кукишь съ масломъ получишь! Чорта пухлаго! Ни одного слова не добьешься, хоть умри... Сплю вотъ и говорить не желаю!»

Мужъ глубже зарылъ свою голову въ подушку и тихо захрапѣлъ. Но мужчины слабы такъ же, какъ и женщины. Ихъ легко раскислить и растеплить. Почувствовавъ за своей спиной теплое тѣло, мужъ упрямо придвинулся къ спинкѣ дивана и дернулъ ногой.

«Да... Теперь вотъ мы лѣземъ, прижимаемся, подлизываемся... Скоро начнемъ въ плечико цѣловать, на колѣни становиться. Не выношу этихъ нѣжностей!.. Все-таки... нужно будетъ ее извинить. Ей въ ея положеніи вредно тревожиться. Помучу часикъ, накажу и прощу...»

Надъ самымъ ухомъ его тихо пролетѣлъ глубокой вздохъ. За нимъ другой, третій.. Мужъ почувствовалъ на плечѣ прикосновение маленькой ручки.

«Ну, Богъ съ ней! Прощу въ послѣдній разъ. Будетъ ее мучить, бѣдняжку! Тѣмъ болѣе, что я самъ виноватъ! Изъ-за ерунды бунтъ поднимать...» Ну, будетъ, моя крошка!

Мужъ протянулъ назадъ руку и обнялъ теплое тѣло.

— Тьфу!!

Около него лежала его большая собака «Діанка».

1884.

ДАЧНОЕ УДОВОЛЬСТВІЕ.

Чиновникъ межевой канцеляріи Чудаковъ и нѣкто Косинусовъ тихо подплыли къ женской купальнѣ и, выбравъ самую широкую щель, стали созерцать.

— Она навѣрное здѣсь, — прошепталъ Косинусовъ. — Но я ея не вижу.

— А я вижу... Въ правомъ углу лежитъ на простынѣ...

— Да, да... вижу... Чортъ возьми...

— А она полна!

— Не нахожу... Такъ себѣ, посредственно... въ самой, что называется, пропорціи... Какъ бы къ ней пробраться, чортъ возьми?

— Не стѣить, братъ, связываться... Ну ее къ чорту!

— Никто не узнаетъ... Я нырну, Миша...

— Башку о полъ расколотишь... Не нырай...

— Такъ я перелѣзу черезъ купальню, коли такъ...

Косинусовъ поставилъ ногу на перекладину и полѣзъ...

Глаза Чудакова, не отрывавшагося отъ щели, загорѣлись завистью.

Но тутъ, чтобы не усугублять разочарованія читателя, поспѣшу окончить: дѣло шло о бутылки съ настойкой, которой часть тому назадъ, купалась, растиралась мамаша Косинусова и которую она, выходя изъ купальни, забыла взять съ собой. Мораль: и молодые люди могутъ быть пьяницами.

1884.

БѢДА.

Съ Николаемъ Максимычемъ Путохинымъ приключилась бѣда, отъ которой широкимъ и безпечнымъ российскимъ натурамъ такъ же не слѣдуетъ зарекаться, какъ отъ тюрьмы и сумы: онъ невзначай напился пьянъ и въ пьяномъ образѣ, забывъ про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался по значнымъ мѣстамъ. Отъ этихъ безпутно проведенныхъ пяти сутокъ въ его памяти уцѣлѣлъ одинъ только похожій на кашу сумбуръ изъ пьяныхъ рожъ, цвѣтныхъ юбокъ, бутылокъ, дрыгающихъ ногъ. Онъ напрягалъ свою память, и для него ясно было только, какъ вечеромъ, когда зажигали фонари, онъ забѣжалъ на минутку къ своему пріятелю поговорить о дѣлѣ, какъ пріятель предложилъ выпить пива... Путохинъ выпилъ стаканъ, другой, третій... Послѣ шести бутылокъ пріятели отправились къ какому-то Павлу Семеновичу; этотъ послѣдній угостилъ копченымъ сигомъ и мадерой. Когда мадера была выпита, послали за коньякомъ. Дальше, больше—и дальнѣйшія событія заволакиваются туманомъ, сквозь который Путохинъ видѣлъ что-то похожее на сонъ: лиловое лицо какой-то шведки, выкрикивавшей фразу: «мужчина, угостите портеромъ!», длинную танцевальную залу съ невысокими потолками, полную дыма и лакейскихъ рожъ, себя самого, закладывающаго большіе пальцы рукъ въ жилетные карманы и откалывающаго погами чортъ знаетъ что... Далѣе онъ видѣлъ, какъ во снѣ, небольшую комнатку, стѣны которой увѣшаны лубочными картинками и женскими платьями... Припоминалъ онъ запахъ разлитого портера, цвѣточнаго одеколона и глицериннаго мыла. Нѣсколько яснѣе выдвѣлялась изъ сумбурной каши кар-

тина пробужденія, тяжелого, сквернаго, когда даже солнечный свѣтъ кажется отвратительнымъ...

Онъ помнилъ, какъ, не найдя у себя въ карманѣ часовъ и медальоновъ, въ чужомъ галстукѣ, съ пьяной тяжелой головой онъ поторопился на службу. Красный отъ стыда, дрожа отъ хмельной лихорадки, стоялъ онъ передъ начальствомъ, а начальство, не глядя на него, говорило равнодушнымъ голосомъ:

— Не трудитесь оправдываться... Я даже не понимаю, зачѣмъ вы побезпокоились пожаловать!.. Что вы у насъ больше не служите, это уже рѣшено-съ... Намъ не пужны такіе служащіе, и вы, какъ толковый человѣкъ, поймете это... да-съ!

Этотъ равнодушный тонъ, острые, прищуренные глаза начальства и деликатное молчаніе товарищей рѣзко выдѣлялись изъ сумбура и уже не походили на сонъ...

— Мерзко! Подло! — бормоталъ Путохинъ, возвращаясь домой послѣ объясненія съ начальствомъ. — И осрамился и мѣсто потерялъ... Подло, гадко!

Отвратительное чувство перегара наполняло его всего, начиная со рта и кончая ногами, которыя еле ступали... Ощущеніе «ночевавшаго во рту эскадрона» томило все его тѣло и даже душу. Ему было и стыдно, и страшно, и тошно.

— Хоть застрѣлиться впору! — бормоталъ онъ. — И стыдно и злота душитъ. Не могу идти!

— Да, плохая исторія! — соглашался сопровождавшій его сослуживецъ Федоръ Елисиичъ. — Все бы ничего, но вотъ что скверно: мѣсто потерялъ! Это хуже всего, братъ... Именно, стрѣляться впору...

— Боже мой, а голова... голова! — бормоталъ Путохинъ, морщась отъ боли. — Трещить, точно лопаться хочеть. Нѣтъ, какъ хочешь, а я зайду въ трактиръ опохмелиться... Зайдемъ!

Пріятели зашли въ трактиръ...

— И какъ это я напился, не понимаю! — ужасался Путохинъ послѣ второй рюмки. — Года два въ ротъ ни капли не бралъ, зарокъ женѣ далъ передъ образомъ... Смѣялся надъ пьяницами, и вдругъ — все къ чорту! Ни мѣста ни покоя! Ужасно!

Онъ pokrutilъ головой и продолжалъ:

— Иду домой, точно на смертную казнь... Не жалко мнѣ ни часовъ, ни денегъ, ни мѣста... Я готовъ мириться

со всѣми этими потерями, съ этой головной болью, съ нотаціей начальства... но одно меня тревожитъ: какъ я съ женой встрѣчусь? Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночеваль, все пропилъ и отставку получилъ... Что я могу сказать ей?

— Ничего, побранится и перестанетъ!..

— Я долженъ показаться ей теперь отвратительнымъ, жалкимъ... Она не выносить пьяныхъ людей, и, по ея мнѣнію, всякій кутящій подлѣ... И она права... Развѣ не подло пропивать кусокъ хлѣба, прокучивать мѣсто, какъ я это сдѣлалъ?

Путохинъ вынулъ рюмку, закусилъ соленой бѣлужиной и задумался.

— Завтра, значить, придется шагать въ ссудную кассу,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Мѣста скоро не найдешь, стало-быть, голодуха препожалуетъ къ намъ во всемъ своемъ величїи... А женщины, братецъ ты мой, все могутъ простить тебѣ: и пьяную рожу, и измѣну, и побои, и старость, но не простятъ онѣ тебѣ бѣдности. Въ ихъ глазахъ бѣдность хуже всякаго порока. Разъ моя Маша привыкла ежедневно обѣдать, то хоть украдь, а подавай ей обѣдъ. «Безъ обѣда, скажетъ, нельзя; не такъ мнѣ ѣсть хочется, какъ отъ прислуги совѣстно». Да, братъ... Я этихъ бабъ прекрасно изучилъ... Пятидневное безпутство простится мнѣ, но голодуха не прощается.

— Да, головомойка будетъ важная... —вздохнулъ Оедоръ Елисѣичъ.

— Она разсуждать не будетъ... Ей нѣтъ дѣла до того, что я сознаю свою вину, что я глубоко несчастливъ... Какое ей дѣло? Женщинамъ нѣтъ до этого дѣла, особенно если онѣ заинтересованы... Человѣкъ страдаетъ, задыхается отъ стыда, радъ пулю пустить себѣ въ лобъ, но онъ виноватъ, онъ согрѣшилъ, и его бичевать нужно... И хоть бы она хорошо выбранилась или побила, но цѣтъ, она встрѣтитъ тебя равнодушно, молча, недѣлю цѣлую будетъ казнить тебя презрительнымъ молчаніемъ, язвить, донимать жалкими словами... Можешь себѣ представить эту инквизицію

— А ты прощенія попроси! — посоветоваль сослуживецъ.

— Напрасный трудъ... На то она и добродѣтельница, чтобъ не прощать насъ грѣшныхъ.

Идя изъ трактира домой, Николай Максимычъ придумалъ

мываль фразы, какими онъ отвѣтитъ женѣ. Онъ вообразилъ себѣ блѣдное, негодующее лицо, заплаканные глаза, потокъ язвительныхъ фразъ, и его душу наполняло малодушное чувство страха, знакомое школьникамъ.

«Э, плевать! — рѣшилъ онъ, дернувъ у своей двери за звонокъ. — Что будетъ, то будетъ! Коли невыносимо станетъ, уйду. Выскажу ей все и уйду, куда глаза глядятъ».

Когда онъ вошелъ къ себѣ, жена Мапа стояла въ передней и вопросительно глядѣла на него.

«Пусть она начинается», — подумалъ онъ, взглянувъ на ея блѣдное лицо и нерѣшительно снимая калоши.

Но она не начинала... Онъ вошелъ въ гостиную, потомъ въ столовую, а она все молчала и глядѣла вопросительно.

«Пущу сею пулю въ лобъ! — рѣшилъ онъ, сгорая со стыда. — Не могу дольше терпѣть! Силь нѣтъ!»

Минутъ пять ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, не рѣшаясь заговорить, потомъ быстро подошелъ къ столу и написалъ карандашомъ на газетномъ листѣ: «Кутилъ и получилъ отставку». Жена прочла, взяла карандашъ и написала: «Не нужно надать духомъ». Онъ прочелъ и быстро вышелъ... къ себѣ въ кабинетъ.

Немного погодя жена сидѣла возлѣ него и утѣшала:

— Перемелется, мука будетъ, — говорила она. — Будь мужчиной, не кисни... Богъ дастъ, перетерпимъ эту бѣду и найдемъ мѣсто получше.

Онъ слушалъ, не вѣрилъ своимъ ушамъ и, не зная, что отвѣчать, какъ ребенокъ, заливался счастливымъ смѣхомъ. Жена покормила его, дала онохмелиться и уложила въ постель.

На другой день онъ, бодрый и веселый, искалъ уже мѣста, а черезъ недѣлю нашелъ его... Пережитая имъ бѣда многое измѣнила въ немъ. Когда онъ видитъ пьяныхъ, то уже не смѣется и не осуждаетъ, какъ прежде. Онъ любитъ подавать милостыню пьянымъ нищимъ и часто говоритъ:

— Порокъ не въ томъ, что мы пьянствуемъ, а въ томъ, что не поднимаемъ пьяныхъ.

Можетъ-быть, онъ и правъ.

ВОДЕВИЛЬ.

Обѣдъ кончился. Кухаркѣ приказали прибирать со стола какъ можно тише и не стучать посудой и ногами... Дѣтей поспѣшили увести въ лѣсъ... Дѣло въ томъ, что хозяинъ дачи, Осипъ Ѳедорычъ Ключковъ, тощій, чахоточный человѣкъ съ впалыми глазами и острымъ носомъ, вытащилъ изъ кармана тетрадь и, конфузливо откашливаясь, началъ читать водевиль собственнаго сочиненія. Суть его водевиля не сложна, цензурна и кратка. Вотъ она. Чиновникъ Ясносердцевъ вбѣгаетъ на сцену и объявляетъ своей женѣ, что сейчасъ пожалуетъ къ нимъ въ гости его начальникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Клещевъ, которому понравилась дочка Ясносердцевыхъ, Лиза. Засимъ слѣдуетъ длинный монологъ Ясносердцева на тему: какъ пріятно быть тестемъ генерала! «Весь въ звѣздахъ... весь въ красныхъ лампасахъ... а ты сидишь рядомъ съ нимъ и — ничего! Словно ты и въ самомъ-таки дѣлѣ не послѣдняя шишка въ круговоротѣ мірозданія!» Мечтая такимъ образомъ, будущій тесть замѣчаетъ вдругъ, что въ комнатахъ сильно пахнетъ жаренымъ гусемъ. Неловко принимать важнаго гостя, если въ комнатахъ вонь, и Ясносердцевъ начинаетъ дѣлать женѣ выговоръ. Жена, со словами: «на тебя не угодишь», поднимаетъ ревъ. Будущій тесть хватается себя за голову и требуетъ, чтобы жена перестала плакать, такъ какъ пачальниковъ не встрѣчаютъ съ заплаканными глазами. «Дура! Утрись... мумія, Иродіада ты невѣжественная!» Съ женой истерика. Дочь заявляетъ, что она не въ состояннн жить съ такими буйными родителями, и одѣвается, чтобы уйти изъ дому. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Кончается тѣмъ, что важный гость

застаетъ на сценѣ доктора, прикладывающаго къ головѣ мужа свинцовыя примочки, и частнаго пристава, составляющаго протоколъ о нарушеніи общественной тишины и спокойствія. Вотъ и все. Тутъ же примазанъ женихъ Лизы, Гранскій, кандидатъ правъ, человѣкъ изъ «новенькихъ», говорящій о принципахъ и, повидимому, изображающій изъ себя въ водевилѣ доброе начало.

Клочковъ читалъ и искоса поглядывалъ: смѣются ли? Къ его удовольствію, гости то и дѣло зажимали кулаками рты и переглядывались.

— Ну? Чтò скажете? — поднялъ глаза на публику Клочковъ, окончивъ чтеніе. — Какъ?

Въ отвѣтъ на это самый старшій изъ гостей, Митрофанъ Николаевичъ Замазуринъ, сѣдой и лысый, какъ луна, поднялся и со слезами на глазахъ обнялъ Клочкова.

— Спасибо, голубчикъ, — сказалъ онъ. — Утѣшилъ... Такъ хорошо ты это самое написалъ, что даже въ слезы ударило... Дай, я тебя еще разъ... въ объятія.

— Отлично! Замѣчательно! — вскочилъ Полумраковъ. — Талантъ, совсѣмъ талантъ! Знаешь чтò, братъ? Бросай ты службу и изволь писать! Писать и писать! Подло зарывать талантъ въ землю!

Начались поздравленія, восторги, объятія... Послали за русскимъ шампанскимъ.

Клочковъ растерялся, раскраснѣлся и отъ избытка чувствъ заходилъ вокругъ стола.

— Я въ себѣ этотъ талантъ давно уже чувствую! — заговорилъ онъ, кашляя и махая руками. — Почти съ самаго дѣтства... Излагаю я литературно, остроуміе есть. сцену знаю, потому — въ любителяхъ лѣтъ десять терся... Чтò же еще нужно? Поработать бы только на этомъ поприщѣ, поучиться... и чѣмъ я хуже другихъ?

— Дѣйствительно, поучиться... — сказалъ Замазуринъ. — Это ты вѣрно... Только вотъ чтò, голубчикъ... Ты меня извини, но я правду... Правда прежде всего... У тебя выведенъ Клещевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ... Это, другъ, нехорошо... Оно-то, въ сущности, ничего, но какъ-то, знаешь, неловко... Генераль, то да се... Брось, братъ! Еще нашъ разсердится, подумаетъ, что ты это на него... Обидно старику станетъ... А отъ него мы окромѣ благодарній... Наплюй!

— Это правда, — встревожился Клочковъ. — Нужно бу-

детъ измѣнить... Я поставлю вездѣ «ваше высокородіе»... Или нѣтъ, просто такъ, безъ чина... Просто Клещевъ...

— И вотъ что еще, — замѣтилъ Полумраковъ. — Это, впрочемъ, пустяки, но тоже неудобно... глаза рѣжетъ... У тебя тамъ женихъ этотъ, Гранскій, говоритъ Лизѣ, что ежели родители не захотятъ, чтобъ она за него шла, то онъ противъ ихней воли пойдетъ. Онъ-то, можетъ-быть, и ничего... можетъ-быть, родители и взаправду бываютъ свиньи въ своемъ тираниствѣ, но въ нашъ вѣкъ, какъ бы этакъ выразиться... Достанется тебѣ, чего добраго!

— Да, немножко рѣзко, — согласился Замазуринъ. — Ты какъ-нибудь замажь это мѣсто... Выкинь также разсужденіе про то, какъ пріятно быть тестемъ начальника. Пріятно, а ты смѣешься... Этимъ, братъ, шутить нельзя... Нашъ тоже на бѣдной женился, такъ изъ этого слѣдуетъ, что онъ скверно поступилъ? Такъ по-твоему? Нешто ему не обидно? Ну, положимъ, онъ сидитъ въ театрѣ и видитъ это самое... Нешто ему пріятно? А вѣдь онъ же твою руку держалъ, когда ты съ Салалѣевымъ пособія просилъ! «Онъ, говоритъ, человѣкъ больной, ему, говоритъ, деньги нужнѣй, чѣмъ Салалѣеву»... Видишь?

— А ты вѣдь, признайся, здѣсь на него намекаешь! — мигнулъ глазомъ Булягинъ.

— И не думалъ! — сказалъ Клочковъ. — Накажи меня Богъ, совѣмъ ни на кого не намекалъ!

— Да ну, ну... оставь, пожалуйста! Онъ дѣйствительно любить за женскимъ поломъ бѣгать... Ты это вѣрно за нимъ подмѣтилъ... Только ты тово... частного пристава выпусти... Не нужно... И Гранскаго этого выпусти... Герой какой-то, чортъ его знаетъ, чѣмъ занимается, говоритъ съ разными фокусами... Если бъ ты его осуждалъ, а то ты, напротивъ, сочувствуешь... Можетъ-быть, онъ и хорошій человѣкъ, но... чортъ его разбереть! Все можно подумать...

— А знаете, кто такой Ясносердцевъ? Это нашъ Енякинъ... На него Клочковъ намекаетъ... Титулярный совѣтникъ, съ женой вѣчно дерется, и дочка... Онъ и есть... Спасибо, другъ! Такъ ему, подлецу, и надо! Чтобъ не зазнавался!

— Хоть этотъ, напримѣръ, Енякинъ... — вздохнулъ Замазуринъ. — Дрянъ человѣкъ, шельма, а все-таки онъ всегда тебя къ себѣ приглашаетъ, Настюшу у тебя крестилъ... Нехорошо, Осипъ! Выкинь! По-моему... бросилъ

бы лучше... заниматься этимъ дѣломъ... Ей-Богу... Разговоры сейчасъ пойдуть: кто, какъ... почему... И не радъ потомъ будешь!

— Это вѣрно... — подтвердилъ Полумраковъ. — Баловство, а изъ этого баловства такое можетъ выйти, чего и въ десять лѣтъ не починишь... Напрасно затѣваешь, Осипъ... Не твое и дѣло... въ Гоголи лѣзть да въ Крыловы... Тѣ дѣйствительно ученые были; а ты какое образованіе получилъ? Червякъ, еле видимъ! Тебя всякая муха раздавить можетъ... Брось, братъ! Ежели нашъ узнаеть, то... Брось!

— Ты порви! — шепнулъ Булягинъ. — Мы никому не скажемъ... Ежели будутъ спрашивать, то мы скажемъ, что ты читалъ намъ что-то, да мы не поняли...

— Зачѣмъ говорить? Говорить не нужно... — сказалъ Замазуринъ. — Ежели спросятъ, ну, тогда... врать не станешь... Своя рубашка ближе къ тѣлу... Вотъ этакъ вы понастроите разныхъ пакостей, а потомъ за васъ отдувайся! Мнѣ это хуже всего! Съ тебя, съ больного, и спрашивать не стануть, а до насъ доберутся... Не люблю, ей-Богу!

— Потише, господа... Кто-то идетъ... Спрячь, Ключковъ!

Блѣдный Ключковъ быстро спряталъ тетрадь, почесалъ затылокъ и задумался.

— Да, это правда... — вздохнулъ онъ. — Разговоры пойдуть... поймутъ различно... Можетъ-быть, даже въ моемъ водевилѣ есть такое, чего намъ не видно, а другіе увидятъ... Порву... А вы же, братцы, пожалуйста, тово... никому не говорите...

Принесли русскаго шампанскаго... Гости выпили и разошлись...

1884.

РУССКІЙ УГОЛЬ.

(Правдивая исторія).

Въ одно прекрасное апрѣльское утро русскій le comte Тулуповъ ѣхалъ на нѣмецкомъ пароходѣ внизъ по Рейну и отъ-нечего-дѣлать бесѣдовалъ съ «колбасникомъ». Его собесѣдникъ, молодой сухопарый нѣмецъ, весь состоящій изъ надменно-ученой фizioноміи, собственнаго достоинства и туго накрахмаленныхъ воротничковъ, отрекомендовался горнымъ мастеромъ Артуромъ Имбсъ и упорно не сворачивалъ съ начатаго и уже надоѣвшаго графу разговора о русскомъ каменномъ углѣ.

— Судьба нашего угля весьма плачевна, — сказалъ, между прочимъ, графъ, испустивъ вздохъ ученаго знатока. — Вы не можете себѣ представить! Петербургъ и Москва живутъ англійскимъ углемъ, Россія жжетъ въ печахъ свои роскошные дѣвственныя лѣса, а между тѣмъ нѣдра нашего юга содержатъ неисчерпаемыя богатства!

Имбсъ печально покачалъ головой, досадливо крикнулъ и потребовалъ карту Россіи.

Когда лакей принесъ карту, графъ провелъ погтемъ мизинца по берегу Азовскаго моря, поцарапалъ тѣмъ же погтемъ возлѣ Харькова и проговорилъ:

— Вотъ здѣсь... вообще... Понимаете? Весь югъ!!..

Имбсу хотѣлось точнѣе узнать тѣ именно мѣста, гдѣ залегаютъ нашъ уголь, но графъ не сказалъ ничего опредѣленнаго; онъ безпорядочно тыкалъ своимъ погтемъ по всей Россіи и разъ даже, желая показать богатую углемъ Донскую область, ткнулъ на Ставропольскую губернію. Русскій графъ, повидимому, плохо зналъ географію своей

родины. Онъ ужасно удивился и даже изобразилъ на своемъ лицѣ недовѣріе, когда Имбсъ сказалъ ему, что въ Россіи есть Карпатскія горы.

— У меня у самого, знаете ли, есть въ Донской области имѣніе, — сказалъ графъ. — Восемь тысячъ десятинъ земли. Прекрасное имѣніе! Угля въ немъ, представьте себѣ... eine zahllose... eine oceanische Menge! Милліоны въ землѣ зарыты... пропадаютъ даромъ... Давно уже мечтаю заняться этимъ вопросомъ... Подыскиваю случая... подходящаго человѣка. У насъ въ Россіи нѣтъ, вѣдь специалистовъ! Полное безлюдье!

Заговорили вообще о специалистахъ. Говорили много и долго... Кончилось тѣмъ, что графъ вскочилъ вдругъ, какъ ужаленный, хлопнулъ себя по лбу и сказалъ:

— Знаете, что? Я очень радъ, что съ вами встрѣтился. Не хотите ли ѣхать ко мнѣ въ имѣніе? А? Что вамъ здѣсь дѣлать въ Германіи? Здѣсь ученыхъ нѣмцевъ и безъ васъ много, а у меня вы дѣло сдѣлаете! И какое дѣло! Хотите? Соглашайтесь скорѣй!

Имбсъ нахмурился, походилъ по каютѣ изъ угла въ уголь и, разсудивъ и взвѣсивъ, далъ согласіе.

Графъ пожалъ ему руку и крикнулъ шампанскаго...

— Ну, теперь я покоенъ, — сказалъ онъ. — У меня будетъ уголь...

Черезъ недѣлю Имбсъ, нагруженный книгами, чертежами и надеждами, ѣхалъ уже въ Россію, нецѣломудренно мечтая о русскихъ рубляхъ. Въ Москвѣ графъ далъ ему двѣсти рублей, адресъ имѣнія и приказалъ ѣхать на югъ.

— Ъзжайте себѣ и начинайте тамъ... Я, можетъ-быть, осенью пріѣду. Пишите, какъ и что...

Прибывъ въ имѣніе Тулупова, Имбсъ поселился во флигелѣ и на другой же день послѣ пріѣзда занялся «снабженіемъ Россіи углемъ». Черезъ три недѣли онъ послалъ графу первое письмо. «Я уже ознакомился съ углемъ вашей земли, — писалъ онъ послѣ длиннаго робкаго вступленія: — и нашелъ, что, благодаря своему низкому качеству, онъ не стѣитъ того, чтобы его выкапывали изъ земли. Если бы онъ былъ втрое лучше, то и тогда бы не слѣдовало трогать его. Помимо качества угля, меня поражаетъ также полное отсутствіе спроса. У вашего соседа, углепромышленника Алпатова, заготовлено пятнадцать милліоновъ пудовъ, а между тѣмъ нѣтъ никого,

кто бы далъ ему хотя по копейкѣ за пудъ. Донецко-Каменноугольная дорога, идущая черезъ ваше имѣніе, построена спеціально для перевозки каменнаго угля, но, какъ оказывается, ей за все время своего существованія не удалось провезти еще ни одного пуда. Нужно быть нечестнымъ или слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы подать вамъ хотя бы каплю надежды на успѣхъ. Осмѣлюсь также добавить, что ваше хозяйство до того разстроено и распущено, что добываніе угля и вообще какія бы то ни было нововведенія являются роскошью». Въ концѣ концовъ нѣмецъ просилъ графа порекомендовать его другимъ русскимъ «Fürsten oder Grafen» или же выслать ему «ein wenig» на обратный путь въ Германію. Въ ожиданіи милостиваго отвѣта, Имбсъ занялся уженьемъ карасей и ловлей перепеловъ на дудочку.

Отвѣтъ на это письмо получилъ не Имбсъ, а управляющій, полякъ Дзержинскій. «А нѣмцу скажите, что онъ ни черта не понимаетъ, — писалъ графъ въ постскриптумъ. — Я показывалъ его письмо одному горному инженеру (тайному совѣтнику Млѣву), и оно возбудило смѣхъ. Впрочемъ, я его не держу. Пусть себѣ уѣзжаетъ. Деньги же на дорогу у него есть. Я далъ ему 200 руб. Если онъ потратилъ на дорогу 50, то и тогда останется у него 150 рублей». Узнавъ о такомъ отвѣтѣ, Имбсъ ужасно испугался. Онъ сѣлъ и покрылъ своимъ нѣмецкимъ, расплывающимся почеркомъ два листа почтовой бумаги. Онъ умолялъ графа простить его великодушно за то, что онъ скрылъ отъ него въ первомъ письмѣ многое «очень важное». Со слезами на глазахъ и угрызаемый совѣстью, онъ писалъ, что оставшіеся послѣ дороги изъ Москвы 172 рубля онъ имѣлъ неосторожность проиграть въ карты Дзержинскому. «Впоследствии я выигралъ съ него 250 руб., но онъ не отдаетъ мнѣ ихъ, хотя и получилъ съ меня весь мой проигрышъ, а потому осмѣливаюсь прибѣгать къ вашему всемогуществу, заставьте уважаемаго господина Дзержинскаго уплатить мнѣ хотя бы половину, чтобы я могъ оставить Россію и не ѣсть даромъ вашего хлѣба». Много воды утекло въ море, и много карасей и перепеловъ поймалъ Имбсъ, пока получилъ отвѣтъ на это второе письмо. Однажды, въ концѣ іюля, въ его комнату вошелъ полякъ и, сѣвъ на кровать, принялся припоминать вслухъ всѣ ругательства, имѣющіяся на нѣмецкомъ языкѣ.

— Удивительный осель этотъ графъ! — сказала онъ, хлопая фуражкой о край стола. — Пишетъ мнѣ, что уѣзжаетъ на-дняхъ въ Италію, а не даетъ никакихъ распоряженій относительно васъ. Куда мнѣ васъ дѣвать? Водку вами закусывать, что ли? И на чертей ему дался этотъ уголь! Уголь нуженъ ему такъ же, какъ мнѣ ваша физиономія, чортъ его возьми! И вы тоже хороши, нечего сказать! Глупый, отъѣвшійся баловень наболталъ вамъ отъ-нечего-дѣлать, а вы ему повѣрили!

— Графъ уѣзжаетъ въ Италію? — удивился Имбсъ, блѣднѣя. — А денегъ мнѣ прислалъ? Нѣтъ? Какъ же я уѣду отсюда? Вѣдь у меня ни копейки!.. Послушайте меня, уважаемый господиѣ Держинскій... Если вы не можете отдать мнѣ вашего проигрыша, то не купите ли вы моихъ книгъ и чертежей? Въ Россіи вы сбудете ихъ за очень большую сумму!

— Въ Россіи не нужны ваши книги и чертежи.

Имбсъ сѣлъ и задумался. Пока полякъ наполнялъ воздухъ своей желчью, нѣмецъ рѣшалъ свой шкурный вопросъ и чувствовалъ всѣми нѣмецкими чувствами, какъ у него портилась въ эти минуты кровь. Онъ похуздѣлъ, обрюзгъ, и выраженіе надменной учестости на лицѣ уступило мѣсто выраженію боли, безнадежности... Сознаніе безвыходнаго плѣна вдали отъ рейнскихъ волнъ и компаніи горныхъ мастеровъ заставило его плакать... Вечеромъ онъ сидѣлъ у окна и глядѣлъ на луну... Кругомъ была тишина. Гдѣ-то вдали пиликала гармоника и ныла жалобная русская пѣсенка. Эти звуки защемили Имбса за сердце... Его охватила такая тоска по родинѣ, по праву и справедливости, что онъ отдалъ бы всю жизнь за то только, чтобы очутиться въ эту ночь дома...

«И здѣсь свѣтитъ эта луна и тамъ она свѣтитъ, а какая разница!» — думалъ онъ.

Всю ночь тосковалъ Имбсъ. Подъ утро онъ не вынесъ тоски и порѣшилъ уйти. Сложивъ свои «ненужные въ Россіи» книги и чертежи въ котомку, онъ выпилъ на-тощакъ воды и ровно въ четыре часа утра поплелся пѣшечкомъ къ сѣверу. Онъ порѣшилъ итти въ тотъ самый Харьковъ, который еще такъ недавно графъ поцарапалъ на картѣ своимъ розовымъ ногтемъ. Въ Харьковѣ надѣялся онъ встрѣтить нѣмцевъ, которые могли бы дать ему денегъ на дорогу.

— Дорогой стащили съ меня, соннаго, сапоги, — рассказывалъ Имбсь своимъ пріятелямъ, сидя черезъ мѣсяцъ на томъ же пароходѣ. — Такова «русская честность»! Но въ концѣ концовъ нужно отдать ей справедливость: отъ Славянска до Харькова русскій кондукторъ провезъ меня за сорокъ копеекъ — деньги, вырученныя мною за мою пеньковую трубку. Это нечестно, но зато очень дешево!

НЕВИДИМЫЯ МІРУ СЛЕЗЫ.

(Рассказъ).

— Теперь, господа особы, недурно бы поужинать, — сказалъ воинскій начальникъ Ребротесовъ, высокій и тонкій, какъ телеграфный столбъ, подполковникъ, выходя съ компаніей въ одну августовскую ночь изъ клуба. — Въ хорошихъ городахъ, въ Саратовѣ, напримѣръ, въ клубахъ всегда ужинъ получить можно, а у насъ, въ нашемъ вонючемъ Червянскѣ, кромѣ водки да чая съ мухами, ни белмеса не получишь. Хуже нѣтъ ничего, ежели ты выпивши и закусить нечѣмъ!

— Да, недурно бы теперь что-нибудь этакое... — согласился инспекторъ духовнаго училища Иванъ Ивановичъ Двоеточіевъ, кутаясь отъ вѣтра въ рыженькое пальто. — Сейчасъ два часа, и трактиры заперты, а недурно бы этакъ селедочку... грибочковъ, что ли... или чего-нибудь въ родѣ этакого, знаете...

Инспекторъ пошевелилъ въ воздухѣ пальцами и изобразилъ на лицѣ какое-то кушанье, вѣроятно, очень вкусное, потому что всѣ, глядѣвшіе на лицо, облизнулись. Компанія остановилась и начала думать. Думала-думала и ничего съѣдобнаго не выдумала. Пришлось ограничиться одними только мечтаніями.

— Важную я вчера у Голопесова индѣйку ѣлъ! — вздохнулъ помощникъ исправника Пружина-Пружинскій. — Между прочимъ, вы были, господа, когда-ни-

будь въ Варшавѣ? Тамъ этакъ дѣлають... Берутъ карасей обыкновенныхъ, еще живыхъ... животрепещущихъ—и въ молоко... День въ молокѣ они, сволочи, поплаваютъ, и потомъ, какъ ихъ въ сметанѣ на скворчащей сковородкѣ изжарятъ, такъ потомъ, братецъ ты мой, не надо твоихъ ананасовъ! Ей-Богу... Особливо, ежели рюмку выпьешь, другую. Ышь и не чувствуешь... въ какомъ-то забытьѣ... отъ аромата одного умрешь!..

— И ежели съ просоленными огурчиками... — добавилъ Ребротесовъ тономъ сердечнаго участія. — Когда мы въ Польшѣ стояли, такъ, бывало, пельменей этихъ за разъ штукъ двѣсти въ себя вопрешь... Наложить ихъ полную тарелку, поперчишь, укропцемъ съ петрушкой посыплешь и... нѣтъ словъ выразить!

Ребротесовъ вдругъ остановился и задумался. Ему вспомнилась стерляжья уха, которую онъ ѣлъ въ 1856 году въ Троицкой лаврѣ. Память объ этой ухѣ была такъ вкусна, что воинскій начальникъ почувствовалъ вдругъ запахъ рыбы, безсознательно пожевалъ и не замѣтилъ, какъ въ калоши его набралась грязь.

— Нѣтъ, не могу! — сказалъ онъ. — Не могу дольше терпѣть! Пойду къ себѣ и удовлетворюсь. Вотъ что, господа, пойдете-ка и вы ко мнѣ! Ей-Богу! Выпьемъ по рюмочкѣ, закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Огурчика, колбаски... самоварчикъ изобразимъ... А? Закусимъ, про холеру поговоримъ, старину вспомнимъ... Жена спитъ, но мы ее и будить не станемъ... потихоньку... Пойдемте!

Восторгъ, съ которымъ было принято это приглашеніе, не нуждается въ описаніи. Скажу только, что никогда въ другое время Ребротесовъ не имѣлъ столько доброжелателей, какъ въ эту ночь.

— Я тебѣ уши оборву! — сказалъ воинскій начальникъ денщику, вводя гостей въ темную переднюю. — Ты сячу разъ говорилъ тебѣ, мерзавцу, чтобы, когда спишь въ передней, всегда курилъ благовонной бумажкой! Поди, дуракъ, самоваръ поставь и скажи Иринѣ, чтобы она тово... принесла изъ погреба огурцовъ и рѣдьки... Да почисть селедку... Луку въ нее покроши зеленого, да укропцемъ посыплешь этакъ... знаешь, и картошки кружочками нарѣжешь... И свеклы тоже... Все это укусомъ и масломъ, знаешь, и горчицы туда... Перцемъ сверху поперчишь... Гарниръ, однимъ словомъ... Понимаешь?

Ребротесовъ пошевелилъ пальцами, изображая смѣше-

ніе, и мимикой добавилъ къ гарниру то, чего не могъ добавить въ словахъ... Гости сняли калоши и вошли въ темную залу. Хозяинъ чиркнулъ спичкой, навонялъ сѣрой и освѣтилъ стѣны, украшенныя преміями «Нивы», видами Венеціи и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала съ очень удивленными глазами.

— Мы сейчасъ... — зашепталъ хозяинъ, тихо поднимая крылья у стола. — Соберу вотъ на столъ и сядемъ... Маша моя что-то больна сегодня. Ужъ вы извините... Женское что-то... Докторъ Гусинъ говоритъ, что это отъ постной пищи... Очень можетъ быть! «Душенька, говорю, дѣло вѣдь не въ пищѣ! Не то, что въ уста, а то, что изъ устъ, говорю... Постное, говорю, ты кушаешь, а раздражаешься попрежнему... Чѣмъ плоть свою удручать, ты лучше, говорю, не огорчайся, не произноси словъ...» И слушать не хочетъ! «Съ дѣтства, говоритъ, мы приучены».

Вошелъ денщикъ и, вытянувши шею, прошепталъ что-то хозяйцу на ухо. Ребротесовъ пошевелилъ бровями...

— М-да... — промычалъ онъ. — Гм... тѣкъ-съ... Это, впрочемъ, пустяки... Я сейчасъ, въ одну минуту... Маша, знаете ли, погребъ и шкапы заперла отъ прислуги и ключи къ себѣ взяла. Надо пойти взять...

Ребротесовъ поднялся на цыпочки, тихо отворилъ дверь и пошелъ къ жепѣ... Жена его спала.

— Машенька! — сказалъ онъ, осторожно приблизившись къ кровати. — Проснись, Машупя, на секундочку!

— Кто? Это ты? Чего тебѣ?

— Я, Машенька, относительно вотъ чего... Дай, ангелочекъ, ключи и не беспокойся... Спи себѣ... Я самъ съ ними похлопочу... Дамъ имъ по огурчику и больше расходовать ничего не буду... Побей меня Богъ. Двоеточіевъ, знаешь, Пружина-Пружинскій и еще иѣкоторые... Прекрасные все люди... уважаемые обществомъ... Пружинскій даже Владимира четвертой степени имѣеть... Онъ уважаетъ тебя такъ...

— Ты гдѣ это такъ нализался?

— Ну вотъ ты уже и серднись... Какая ты, право... Дамъ имъ по огурчику, вотъ и все... И уйдуть... Я самъ распорядюсь, а тебя и не побезпокоюмъ... Лежи себѣ, куколка... Ну, какъ твое здоровье? Былъ Гусинъ безъ меня? Даже вотъ ручку поцѣлую... И гости всѣ уважаютъ тебя такъ... Двоеточіевъ религіозный человекъ, знаешь...

Пружина, казначей тоже. Всѣ относятся къ тебѣ такъ... «Марья, говорятъ, Петровна — это, говорятъ, не женщина, а нѣчто, говорятъ, неудобопонятное... Свѣтило нашего уѣзда».

— Ложись! Будетъ тебѣ городить! Налижется тамъ въ клубѣ со своими шалаберниками, а потомъ и бурлить всю ночь! Постыдился бы! Дѣтей имѣешь!

— Я... дѣтей имѣю, но ты не раздражайся, Манечка... не огорчайся... Я тебя цѣню и люблю... И дѣтей, Богъ дастъ, пристрою. Митю, вотъ, въ гимназію повезу... Тѣмъ болѣе, что я ихъ не могу прогнать... Неловко... Зашли за мной и попросили ѣсть. «Дайте, говорятъ, намъ поѣсть...» Двоеточіевъ, Пружина-Пружинскій... милые такіе люди... Сочувствуютъ тебѣ, цѣнятъ. По огурчику дать имъ, по рюмкѣ и... пусть себѣ съ Богомъ... Я самъ распоряжусь.

— Вотъ наказаніе! Ошалѣлъ ты, что ли? Какіе гости въ этакую пору? Постыдились бы они, черти рваные, по ночамъ людей беспокоить! Гдѣ это видано, чтобъ ночью въ гости ходили?... Трактиръ имъ здѣсь, что ли? Дура буду, ежели ключи дамъ! Пусть проспятъ, а завтра и приходятъ!

— Гм... Такъ бы и сказала... и унижаться бы передъ тобой не сталъ... Выходить, значитъ, что ты не подруга жизни, не утѣшительница своего мужа, какъ сказано въ Писаніи, а... неприлично выразиться... Змѣей была, змѣя и есть...

— А-а... такъ ты еще ругаться, язва?

Супруга приподнялась и... воинскій начальникъ почесалъ щеку и продолжалъ:

— Мерси... Правду разъ читалъ я въ одномъ журналѣ: «въ людяхъ—ангелъ, не жена, дома съ мужемъ—сатана»... Истинная правда... Сатаной была, сатана и есть...

— На же тебѣ!

— Дерись, дерись... Бей единственнаго мужа! Ну, на колѣняхъ прошу... Умоляю... Манечка! Прости ты меня!.. Дай ключи! Манечка! Ангелъ! Лютое существо, не срами ты меня передъ обществомъ! Варварка ты моя, до какихъ же поръ ты будешь меня мучить? Дерись... Бей... Мерси... Умоляю наконецъ!

Долго бесѣдовали такимъ образомъ супруги... Ребротесовъ становился на колѣни, два раза плакалъ, бранился, то и дѣло почесывалъ щеку... Кончилось тѣмъ, что супруга подиалась, плюнула и сказала:

— Вижу, что конца не будетъ моимъ мученіямъ! Подай со стула мое платье, махаметъ!

Ребротесовъ бережно подалъ ей платье и, поправивъ свою прическу, пошелъ къ гостямъ. Гости стояли передъ изображеніемъ генерала, глядѣли на его удивленные глаза и рѣшали вопросъ: кто старше — генераль или писатель Лажечниковъ? Двоеточіевъ держалъ сторону Лажечникова, напирая на безсмертіе, Пружинскій же говорилъ:

— Писатель-то онъ, положимъ, хорошій, спору нѣтъ... и смѣшно пишетъ и жалостно, а отправь-ка его на войну, такъ онъ тамъ и съ ротой не справится, а генералу хоть цѣлый корпусъ давай, такъ ничего...

— Моя Маша сейчасъ... — перебилъ споръ вошедшій хозяинъ. — Сю минуту...

— Мы васъ беспокоимъ, право... Ѳедоръ Акимычъ, что у васъ со щекой? Батюшка, да у васъ и подъ глазомъ синякъ! Гдѣ это вы угостились?

— Щека? Гдѣ щека? — сконфузился хозяинъ. — Ахъ, да! Подкрадываюсь я сейчасъ къ Манечкѣ, хочу ее испугать, да какъ стукнусь въ потемкахъ о кровать! Ха-ха... Но вотъ и Манечка... Какая ты у меня растрепе, Манюня! Чистая Луиза Мишель!

Въ залу вошла Марья Петровна, растрепанная, сонная, но сіяющая и веселая.

— Вотъ это мило съ вашей стороны, что зашли! — заговорила она. — Если днемъ не ходите, то спасибо мужу, что хоть ночью затащилъ. Сплю сейчасъ и слышу голоса... Кто бы это могъ быть? — думаю... Ѳедя велѣлъ мнѣ лежать, не выходить, ну, а я не вытерпѣла...

Судруга сбѣгала на кухню, и ужинъ начался...

— Хорошо быть женатымъ! — вздыхалъ Пружина-Пружинскій, выходя черезъ часъ съ компаніей изъ дома воинскаго начальника. — И ѣшь, когда хочешь, и пьешь, когда захочется... Знаешь, что есть существо, которое тебя любить... И на фортепьянахъ сыграетъ что-нибудь этакое... Счастливъ Ребротесовъ!

Двоеточіевъ молчалъ. Онъ вздыхалъ и думалъ. Придя домой и раздѣваясь, онъ такъ громко вздыхалъ, что разбудилъ свою жену.

— Не стучи салогамъ, жерновъ! — сказала жена. — Спать не даешь! Налижется въ клубъ, а потомъ и шумить образина!

— Только и знаешь, что бранишься! — вздохнул инспекторъ. — А поглядѣла бы ты, какъ Ребротесовы живутъ! Господи, какъ живутъ! Глядишь на нихъ, и плакать хочется отъ чувствъ. Одинъ только я такой несчастный, что ты у меня Ягой на свѣтъ уродилась. Подвинься!

Инспекторъ укрылся одѣяломъ и, жалуясь мысленно на свою судьбу, уснулъ.

ИДИЛЛІЯ.

На быстромъ, какъ молнія, лихачѣ вы подкатываете къ подъѣзду, залитому свѣтомъ... Минуя солиднаго швейцара со сверкающей булавой, вы заносите ногу на ступень, покрытую бархатнымъ ковромъ, и черезъ мгновеніе васъ окутываетъ роскошь тропическихъ растений. Стройныя пальмы, латаніи и филодендры отражаются въ безконечныхъ зеркалахъ и, образуя океанъ зелени, уносятъ ваше воображеніе въ страну Купера и Майнъ-Рида. Вы, очарованный, замираете, но вскорѣ неистовый вихрь бѣшеннаго вальса воскрешаетъ вашу чуткую душу, и вы вновь чувствуете себя въ Европѣ — въ гнѣздѣ цивилизаціи... Огненные взоры неземныхъ поэтическихъ созданій шлютъ вамъ любовь, обнаженные плечи манятъ васъ въ прошлое... Вы начинаете вспоминать... Дѣтство, юность съ ея розами, она... Странно! Часъ тому назадъ вы были убѣждены, что вы не способны любить, что душа ваша умерла навсегда, навѣки, что вамъ смѣшонъ этотъ лепетъ, смѣшонъ этотъ вальсъ... и... что же? Сегодня ваша душа вновь живетъ тѣмъ, надъ чѣмъ хохотала вчера.

Утомленный вальсомъ, изнемогшій, чувствующій сладкую истому, вы садитесь за зеленый столъ... Тутъ новая серія наслажденій... Проходитъ полчаса — и желтая бумажка, которую вы въ началѣ игры положили передъ собой, обращается въ гору банковыхъ билетовъ, акцій, векселей... Чувство, знакомое Крезу и Ротшильдъ, охватываетъ вашу душу... Но это не все... Судьба, повидимому, рѣшила не останавливаться... Двое честныхъ пле-

беевъ съ лицами, изможденными трудами и страдаіями, берутъ васъ подъ руки и ведутъ... Вы чувствуете себя первосвященникомъ, ведомымъ послушными жрецами... Проходитъ полная ожиданій минута — и двѣ мощныя руки спускаютъ васъ внизъ по мраморной, украшенной статуями лѣстницѣ. Воздухъ оглашается звукомъ классическаго подзатыльника, и вы, катясь внизъ, видите улыбку, которую шлетъ вамъ мраморная Венера...

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ.

(Изъ провинціальной жизни).

№ 1032.

Циркулярно.

22-го сентября въ 10 часовъ вечера имѣетъ быть затмение планеты луны. Такъ какъ подобное явленіе природы не только не предосудительно, но даже поучительно въ томъ разсужденіи, что даже и планеты законамъ природы часто повинуются, то въ видахъ поощренія предлагаю вамъ, ваше благородіе, сдѣлать распоряженіе о зажженіи въ этотъ вечеръ въ вашемъ участкѣ всѣхъ уличныхъ фонарей, дабы вечерняя темнота не мѣшала начальствующимъ лицамъ и жителямъ обозрѣвать оное затменіе, а также прошу васъ, милостивый государь, строго слѣдить, чтобы на улицахъ не было по сему поводу сборищъ, радостныхъ криковъ и прочее. О лицахъ, превратно истолковывающихъ оное явленіе природы, если таковыя окажутся (на что я, впрочемъ, зная здравомысліе обывателей, не надѣюсь), прошу доносить миѣ.

Гнилодушинъ.

Вѣрно: Секретарь Трясуновъ.

Въ отвѣтъ на отношеніе вашего высокоблагородія за № 1032 имѣю честь заявить, что въ моемъ участкѣ уличныхъ фонарей не имѣется, а посему затменіе планеты луны произошло при полной темпотѣ воздуха, но, несмотря на это, многими было видимо въ подлежащей отчет-

ливости. Нарушеній общественной тишины и спокойствія, равно какъ превратныхъ толкованій и выраженій неудовольствія, не было, за исключеніемъ того случая, когда домашній учитель, сынъ дьякона, Амфилохій Бабельмандебскій, на вопросъ одного обывателя, въ чемъ заключается причина сего потемнѣнія планеты луны, началъ внушать длинное толкованіе, явно клонящееся къ разрушенію понятій здраваго смысла. Въ чемъ же заключалось его толкованіе, я не понялъ, такъ какъ онъ, объясняя по предметамъ науки, употреблялъ въ своихъ словахъ много иностранныхъ выраженій.

Укусн-Каланчевскій.

Въ отвѣтъ на отношеніе вашего высокоблагородія за № 1032 имѣю честь донести, что во ввѣренномъ мнѣ участкѣ затменія луны не было, хотя, впрочемъ, на небѣ и происходило нѣкоторое явленіе природы, заключавшееся въ потемнѣніи луннаго свѣта, но было ли это затменіе, доподлинно сказать не могу. Уличныхъ фонарей, по тщательномъ розыскѣ, оказалось въ моемъ участкѣ только три, кои послѣ омытія стеколъ и очищенія внутренностей были зажжены, но всѣ эти мѣры не имѣли надлежащей пользы, такъ какъ означенное потемнѣніе происходило тогда, когда фонари вслѣдствіе дутія вѣтра и проникновенія въ разбитыя стекла потухли и слѣдовательно не могли прояснить означенной въ отношеніи вашего высокоблагородія темноты. Сборищъ не было, такъ какъ всѣ обыватели спали, за исключеніемъ одного только писца земской управы Ивана Авелева, который сидѣлъ на заборѣ и, глядя въ кулакъ на потемнѣніе, двухсмысленно улыбался и говорилъ: «По мнѣ хоть бы и вовсе луны не было... Наплевать!» Когда же я ему замѣтилъ, что сіи слова легкомысленны, онъ дерзко заявилъ: «А ты, мымра, чего за луну заступаешься? Нешто и ее ходилъ съ праздникомъ поздравлять?» При чемъ присовокупилъ безирравственное выраженіе въ смыслѣ простонароднаго ругательства, о чемъ и имѣю честь донести.

Глоталовъ.

ГУСИНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Въ синевѣ небесной, совершая свой обычный перелетъ, длинной вереницей летѣли дикіе гуси. Впереди летѣли старики, гусиные дѣйствительные статскіе совѣтники, позади — ихъ семейства, штабъ и канцелярія. Старики, кряхтя, рѣшали текущіе вопросы, гусыни говорили о модахъ, молодые же гусаки, летѣвшіе позади, рассказывали другъ другу сальные анекдоты и роптали. Молодымъ казалось, что старики летятъ впередъ не такъ быстро, какъ того требуютъ законы природы...

— Такъ нельзя летѣть! — говорили они, когда истощался запасъ салыныхъ анекдотовъ. — Это чортъ знаетъ на что похоже! Летимъ-летимъ и еще до Чернаго моря не долетѣли! Эй, вы, ваше-ство! Будете вы по-божески летѣть или нѣтъ?

Разсудительные же старики разсуждали иначе:

— И не понимаю, зачѣмъ только мы летимъ, Гусь Гусичъ! — говорилъ одинъ старичокъ другому, записавшему фамиліи роптавшихъ. — Летимъ на западъ, въ невѣдомую бездну, въ страну оперетокъ! Согласенъ, оперетка хорошая вещь, даже необходимая, но поймите же, что мы для нея еще не созрѣли! Для насъ съ вами куплетъ «Всѣ мы невинны отъ рожденія», пожалуй, еще ничего, для ума же несозрѣвшаго онъ гибель.

— Душевно радъ, ваше-ство, что нахожу въ васъ соучастника въ своей скорби. Природа заставляетъ насъ летѣть, здравый же смыслъ вопрошаетъ: ну, къ чему мы летимъ? Сидѣть бы намъ зиму здѣсь, гдѣ и мѣста много, и яства изобильны, и гусиная нравственность самобытна. Взгляните на этихъ свойскихъ гусей! Сколь завидна ихъ доля! Живутъ осѣдло... Тутъ у нихъ и даровой кормъ,

и вода, и навозъ, въ нѣдрахъ коего заключается много богатствъ, и многоженство, освященное вѣками... И сколькими важными поступками лѣтописи ихъ украшены! Не спаси они Рима, этого разсадника римскихъ тлетворныхъ идей, они не знали бы себѣ въ исторіи соперниковъ! Взгляните, какіе они сытые, довольные, какъ нравственны ихъ жены!

— Но, ваше-ство, — вмѣшался одинъ гусакъ изъ породы молодыхъ да раннихъ: — за это видимое довольство съ нихъ берутъ слишкомъ дорого. Они платятъ своей независимостью. Изъ нихъ, ваше-ство, готовятъ «гуся съ капустой», гусяное сало и гусяныя перья.

— Вотъ если бы у тебя въ головѣ было поменьше такихъ идей, — огрызнулся старикъ: — то ты не говорил бы такъ со старшими! Какъ твоя фамилія?

И такъ далѣе. До мѣста своего назначенія гуси летѣли благополучно. Особеннаго ничего не произошло. Разъ только старики, увидѣвъ на землѣ молоденькую свою гусыню, моргнули глазами, прищелкнули языками и, забравъ фуражныя деньги, спустились внизъ, но и то ненадолго. Гусыня деньги взяла, но чувства стариковъ отвергла, сославшись на свою невинность.

ЯЗЫКЪ ДО КІЕВА ДОВЕДЕТЬ.

Куда, милай, скрылся?
Гдѣ тебя сыскать?

Нар. пѣсня.

Первый. Снять шапку! Здѣсь не приказано!

Второй. У меня не шапка, а цилиндръ!

Первый. Это все равно-съ!

Второй. Нѣтъ, не все равно-съ... Шапку и за полтинникъ купишь, а поди-ка цилиндръ купи!

Первый. Шапку, или шляпу... вообще...

Второй (снимая шляпу). Такъ вы выражайтесь яснѣй... (Дразнить) Шапку, шапку...

Первый. Прошу не разговаривать! Вы мѣшаете прочимъ слушать!

Второй. Это вы разговариваете и мѣшаете, а не я. Я молчу, братъ... И вообще бы молчалъ, ежели бы меня бы не трогали бы.

Первый. Тсс...

Второй. Нечего тсыкать... (Помолчавъ) Я и самъ умѣю тсыкать... А глаза нечего на меня пялить... Не боюсь... Не такихъ видывалъ...

Жена второго. Да перестань! Будетъ тебѣ!

Второй. Чего жъ онъ ко мнѣ присталь? Вѣдь я его не трогалъ? Вѣдь нѣтъ? Такъ чего же онъ ко мнѣ лѣзетъ? Или, можетъ-быть, вы хотите, чтобъ я на васъ господину приставу пожалился?

Первый. Послѣ, послѣ... Замолчите...

Второй. Ага, испугался! То-то... Молодецъ, какъ это говорится, противъ овецъ, а противъ молодца самъ овца.

Въ публикѣ. Тсс...

Второй. Даже публика замѣтила... Для порядку поставлень, а самъ беспорядки дѣлаетъ... (Саркастически улыбается). Еще тоже медали на грудяхъ... сабля... Народъ, посмотришь!

Первый (уходитъ на минутку).

Второй. Стыдно стало, ушелъ... Стало-быть, совѣсть еще не совсѣмъ потеряна, если словъ стыдится... Поговори онъ еще, такъ я бы ему еще и не то сказалъ. Знаю, какъ съ ихнимъ братомъ обращаться!

Жена второго. Молчи, публика глядитъ!

Второй. Пушай глядить... Свои деньги заплатилъ, а не чужія... А ежели разговариваю, такъ не выводите изъ терпѣнія... Ушелъ тотъ... энтотъ самый, ну и молчу теперь... Ежели меня никто не трогаетъ, такъ зачѣмъ я стану разговаривать? Разговаривать не зачѣмъ... Я понимаю... (Аплодируетъ). Бисъ! Бисъ!

1, 3, 4, 5 и 6-й (словно вырастая изъ земли). Пожалуйте! Идите-съ.

Второй. Куда это? (Блѣднѣя) За какое самое?

1, 3, 4, 5 и 6-й. Пожалуйте-съ! (Берутъ подъ-руку 2-го). Не болтайте ногами... Пожалуйте-съ! (Влекутъ).

Второй. Свои деньги заплативши и вдругъ... это самое... (Увлекается).

Въ публикѣ. Жулика вывели!

ВЪ ПРИЮТЪ ДЛѢ НЕИЗЛѢЧИМО-БОЛЬНЫХЪ И ПРЕСТАРѢЛЫХЪ.

Каждую субботу вечеромъ гимназистка Саша Енякина, маленькая золотушная дѣвочка въ порванныхъ башмакахъ, ходитъ со своей мамой въ «N — скій пріютъ для неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ». Тамъ живетъ ея родной дѣдушка Парфеній Саввичъ, отставной гвардіи поручикъ. Въ дѣдушкиной комнатѣ душно и пахнетъ деревяннымъ масломъ. На стѣнахъ висятъ нехорошія картины: вырѣзанная откуда-то купальщица, нимфы, грѣющіяся на солнцѣ, мужчина съ цилиндромъ на затылкѣ, глядящій въ щелку на нагую женщину, и проч. Въ углахъ паутина, на столѣ крошки и рыба чешуя... Да и самъ дѣдушка непривлекателенъ на видъ. Онъ старъ, горбатъ и неаккуратно нюхаетъ табакъ. Глаза его слезятся, беззубый ротъ вѣчно открытъ. Когда входитъ Саша съ матерью, дѣдушка улыбается, и эта его улыбка бываетъ похожа на большую морщину.

— Ну что? — спрашиваетъ дѣдушка подходящую къ ручкѣ Сашу. — Что твой отецъ?

Саша не отвѣчаетъ. Мама начинаетъ молча плакать.

— Все еще по трактирамъ на фортепьянахъ играетъ? Такъ, такъ... Все это отъ непослушанія, отъ гордыни... На твоей вотъ этой матери женился и... дуракъ вышелъ... Да... Дворянинъ, сынъ благороднаго отца, а женился на «тѣфу», на ней вотъ... на актрисѣ, Сережкиной дочкѣ.. Сережка у меня въ кларнетистахъ былъ и конюшни чистилъ... Реви, реви, матушка! Я правду говорю... Хамка была, хамка и есть!..

Саша, глядя на мать, Сережкину дочь и актрису, тоже начинает плакать. Наступает тяжелая, жуткая пауза... Старичокъ съ деревянной ногой вноситъ маленькій самоварчикъ изъ красной мѣди. Парфеній Саввичъ сыплетъ въ чайникъ щепотку какого-то страннаго, очень крупнаго и очень сѣраго чаю и завариваетъ.

— Пейте! — говоритъ онъ, наливая три большія чашки.— Пей, актриса!

Гости берутъ въ руки чашки... Чай скверный, отдаетъ плѣсенью, а не пить нельзя: дѣдушка обидится... Послѣ чаю Парфеній Саввичъ сажаетъ къ себѣ на колѣни внучку и, глядя на нее съ слезливымъ умиленіемъ, начинаетъ ласкать...

— Ты, внучка, знатной фамиліи... Не забывай... Кровь наша не актерская какая-нибудь... Ты не гляди, что я въ убожествѣ, а отецъ твой по трактирамъ на фортепьянахъ трамблянитъ. Отецъ твой по дикости, по гордынѣ, а я по бѣдности, но мы важные... Спроси-ка-ся, кѣмъ я былъ! Удивишься!

И дѣдушка, глядя костлявой рукой Сашину головку, рассказываетъ:

— У насъ во всей губерніи было только три великихъ человѣка: графъ Егоръ Григорьичъ, губернаторъ и я. Мы были наипервѣйшіе и наиглавѣйшіе... Богатъ я, внучка, не былъ... Всего-навсего было у меня паршивой землицы десятинъ тысячъ пять да смертныхъ душъ шестьсотъ — и больше ни шута. Не имѣлъ я ни связей съ полководцами ни родни знатной. Не былъ я ни писателемъ, ни Рафаэлемъ какимъ-нибудь, ни философомъ... Человѣкъ, какъ человѣкъ, однимъ словомъ... А между тѣмъ — слушай, внучка! — ни передъ кѣмъ шанки не ломалъ, губернатора Васей звалъ, преосвященному руку пожималъ и графу Егору Григорьичу наипервѣйшій другъ былъ. А все потому, что жить умѣлъ въ просвѣщеніи, въ европейскомъ образѣ мыслей...

Послѣ длиннаго предисловія дѣдушка рассказываетъ о своемъ прошломъ житьѣ-бытьѣ... Говоритъ онъ долго, съ увлеченіемъ.

— Бабъ обыкновенно на горохъ на колѣни ставилъ, чтобъ морщились, — бормочетъ онъ, между прочимъ. — Баба морщится, а мужику смѣшно... Мужики смѣются, ну и самъ засмѣешься, и весело тебѣ станетъ... Для грамотныхъ у меня было другое наказаніе, помягче. Или

выучить наизусть счетную книгу заставлю, или же прикажу взлѣзть на крышу и читать отсюда вслухъ «Юрія Милославскаго», да читать такъ, чтобъ мнѣ въ комнатахъ слышно было... Коли духовное не дѣйствовало, дѣйствовало тѣлесное...

Разказавъ о дисциплинѣ, безъ которой, по его словамъ, «человѣкъ подобенъ теоріи безъ практики», онъ замѣчаетъ, что наказанію нужно противопоставлять награжденія.

— За очень отважные поступки, какъ, на примѣръ, за поимку вора, жаловалъ я хорошо: стариковъ на молоденькихъ женилъ, молодыхъ отъ рекрутчины освобождалъ и проч.

Веселился во время оно дѣдушка такъ, какъ «теперь никто не веселится».

— Музыкантовъ и пѣвчихъ было у меня, несмотря на скудость средствъ моихъ, шестьдесятъ человѣкъ. Музыкой завѣдывалъ у меня жидъ, а пѣвческой — дьяконъ-разстрига... Жидъ былъ большой музыкантъ... Чортъ такъ не сыграетъ, какъ онъ, проклятый, игралъ... На контрабасѣ, бывало, выводилъ шельма такіе эживки, какихъ Рубинштейнъ или Бетховенъ, положимъ, и на скринкѣ не выведетъ... Учился нотамъ онъ за границей, жарилъ на всѣхъ инструментахъ и рукой махать былъ мастеръ. Только одинъ недостатокъ былъ въ немъ: тухлой рыбой вонялъ да своимъ безобразіемъ декорацію портилъ. Во время праздниковъ приходилось его по этой причинѣ за ширмочку ставить... Разстрига тоже не дуракъ былъ. И ноты зналъ и повелѣвать умѣлъ. Дисциплина у него была на такой точкѣ, что даже я удивлялся. Онъ всего достигалъ. Басъ у него иной разъ дишкантомъ пѣлъ, баба въ толстоголосіи въ басами ровнялась... Мастеръ былъ, разбойникъ... Видомъ былъ важный, сановитый... Пьянствовалъ только сильно, но вѣдь это, внучка, кому какъ... Кому вредно, а кому и полезно. Пѣвчему надо пить, потому — отъ водки голосъ гуще становится... Жиду я платилъ въ годъ сто рублей ассигнаціями, а разстригѣ ничего не платилъ... Жилъ онъ у меня на однихъ только харчахъ и жалованье натурой получалъ: крупой, мясомъ, солью, дѣвочками, дровами и проч. Жилось ему у меня, какъ коту, хоть и частенько поролъ я его на воздухахъ... Помню, разъ разложилъ я его и Сережку, ея вотъ отца, отца твоей матери, и...

Саша вдругъ вскакиваетъ и прижимается къ матери, котсрая блѣдна, какъ полотно, и слегка дрожить...

— Мама, пойдѣмъ домой... Мнѣ страшно!

— Чего тебѣ, внучка, страшно?

Дѣдушка подходитъ къ внучкѣ, но та отворачивается отъ него, дрожить и сильнѣе жметса къ матери.

— У нея, должно-быть, головка болитъ, — говоритъ извиняющимся голосомъ мать. — Пора ужъ ей спать... Прощайте...

Передъ уходомъ Сашина мать подходитъ къ дѣдушкѣ и, красная, шепчетъ ему что-то на ухо.

— Не дамъ! — бормочетъ дѣдушка, хмуря брови и шамкая губами. — Ни копейки не дамъ! Пусть отецъ достаетъ ей на башмаки въ своихъ трактирахъ, а я ни копейки... Будетъ васъ баловать! Вамъ благодѣтельствуешь, а отъ васъ кромѣ дерзкихъ писемъ ничего не видишь. Чай, знаешь, какое письмо прислалъ мнѣ наемни твой муженекъ.. «Скорѣй, пишетъ, по трактирамъ буду шататься да крохи подбирать, чѣмъ передъ Плюшкинымъ унижаться...» А? Это отцу-то родному!

— Но вы его простите, — проситъ Сашина мать. — Онъ такъ несчастливъ, такъ нервенъ...

Долго проситъ она. Наконецъ дѣдушка гнѣвно плюетъ, открываетъ сундучокъ и, загоразивая его всѣмъ туловищемъ, достаетъ оттуда желтую, сильно помятую бумажку... Женщина беретъ двумя пальцами бумажку и, словно боясь опачкаться, быстро суетъ ее въ карманъ... Черезъ минуту она и дочка быстро шагаютъ изъ темныхъ воротъ пріюта.

— Мама, не води меня къ дѣдушкѣ! — дрожить Саша. — Онъ страшный.

— Нельзя, Саша... Надо ходить... Если мы не будемъ ходить, то намъ нечего будетъ ѣсть... Отцу твоему негдѣ достать. Онъ боленъ и... пьетъ.

— Зачѣмъ онъ пьетъ, мама?

— Несчастный, оттого и пьетъ... Ты же смотри, Саша, не говори ему, что мы къ дѣдушкѣ ходили... Онъ разсердится и будетъ отъ этого много кашлять... Онъ гордецъ и не любитъ, чтобы мы просили... Не скажешь?

О ДРАМЪ.

(Сценка).

Два друга, мировой судья Полуехтовъ и полковникъ генеральнаго штаба Фиптифлеевъ, сидѣли за пріятельской закуской и разсуждали объ искусствахъ.

— Я читаль Тена, Лессинга... да мало ли чего я читаль!—говориль Полуехтовъ, угощая своего друга кахетинскимъ. — Молодость провелъ я среди артистовъ, самъ пописываль и многое понимаю... Знаешь? Я не художникъ, не артистъ, но у меня есть нюхъ этотъ, чутье! Сердце есть! Сразу, братъ, разберу, ежели гдѣ фальшь или неестественность. Меня не надуешь, будь ты хоть Сарра Бернаръ или Сальвини! Сразу пойму, ежели что-нибудь этакое... фокусъ какой-нибудь. Да ты чего же не ѣшь? Вѣдь у меня больше ничего не будетъ!

— Я уже наѣлся, братъ, спасибо... А что драма наша, какъ ты говоришь, пала, такъ это вѣрно... Сильно пала!

— Конечно! Да ты посуди, Филя! Нынѣшній драматургъ и актеръ стараются, какъ бы это попонятнѣе для тебя выразиться... стараются быть жизненными, реальными... На сценѣ ты видишь то, что ты видишь въ жизни... А развѣ намъ это нужно? Намъ нужна экспрессія, эффектъ! Жизнь тебѣ и такъ ужъ надоѣла, ты къ ней приглядѣлся, привыкъ, тебѣ нужно такое... этакое, чтобы всѣ твои нервы повыдергало, внутренности переверотило! Прейшій актеръ говорилъ неестественнымъ гробовымъ голосомъ, билъ себя кулачищемъ по груди, ораль, сквозь землю проваливался, но зато онъ былъ экспресси-венъ! И въ словахъ его была экспрессія! Онъ говорилъ о долгѣ, о гуманности, о свободѣ... Въ каждомъ дѣйствіи

ты видѣлъ самоотверженіе, подвиги челоѡколюбія, страданія, бѣшеную страсть! А теперь?! Теперь, видишь ли, намъ нужна жизненность... Глядишь на сцену и видишь... пф!.. и видишь поганца какого-нибудь... жулика, червяка въ порванныхъ штанахъ, говорящаго ерунду какую-нибудь... Шпажинскій или какой-нибудь тамъ Невѣжишъ считаютъ этого паршивца героемъ, а я бы — ей-Богу, досадно! — попалдсь онъ мнѣ въ мою камеру, взялъ бы его, прохвоста, да, знаешь, по 119-й статьѣ, но внутреннему убѣжденію, мѣсяца этакъ на три, на четыре!..

Послышался звонокъ... Полуехтовъ, вставшій — было, чтобы нервно зашагать изъ угла въ уголь, опять сѣлъ... Въ комнату вошелъ маленький, краснощекій гимназистъ въ шинели и съ ранцемъ на спинѣ... Онъ робко подошелъ къ столу, шаркнулъ ножкой и подаль Полуехтову письмо.

— Кланялась вамъ, дяденька, мамаша, — сказала онъ: — и велѣла передать вамъ это письмо.

Полуехтовъ распечаталъ конвертъ, надѣлъ очки, громко просопѣлъ и принялся за чтеніе.

— Сейчасъ, душенька! — сказалъ онъ, прочитавъ письмо и поднимаясь. — Пойдемъ... Извини, Филя, я оставлю тебя на секундочку.

Полуехтовъ взялъ гимназиста за руку и, подбравъ полы своего халата, повелъ его въ другую комнату. Черезъ минуту полковникъ услышалъ странные звуки. Дѣтскій голосъ началъ о чемъ-то умолять... Мольбы скоро смѣнились визгомъ, а за визгомъ послѣдовалъ душу раздрающій ревъ.

— Дяденька, я не буду! — услышалъ полковникъ. — Голубчикекъ, я не буду! А-я-я-я-я-й! Родненькій, не буду!

Странные звуки продолжались минуты двѣ... Заспмъ все смолкло, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Полуехтовъ. За нимъ, застегивая пальто и сдерживая рыданія, шелъ гимназистъ съ заплаканнымъ лицомъ. Застегнувъ пальто, мальчикъ шаркнулъ ножкой, вытеръ рукавомъ глаза и вышелъ. Послышался звукъ запираемой двери...

— Чтѣ это у тебя сейчасъ было? — спросилъ Финтифлеевъ.

— Да вотъ, сестра просила въ письмѣ посѣчь мальчишку... Двойку изъ греческаго получилъ...

— А ты чѣмъ порешь?

— Ремнемъ... самое лучшее... Ну, такъ вотъ, на чемъ

я остановился? Прежде, бывало, сидишь въ креслѣ, глядишь на сцену и чувствуешь! Сердце твое работает, кипитъ! Ты слышишь гуманныя слова, видишь гуманныя поступки... видишь, однимъ словомъ, прекрасное и... вѣришь ли?.. я плакалъ! Бывало, сижу и плачу, какъ дуракъ. «Чего ты, Петя, плачешь?» — спрашиваетъ, бывало, жена. А я и самъ не знаю, отчего я плачу... На меня, вообще говоря, сцена дѣйствуетъ воспитывающе... Да, откровенно говоря, кого не трогаетъ искусство? Кого оно не облагораживаетъ? Кому, какъ не искусству, мы обязаны присутствіемъ въ насъ высокихъ чувствъ, какихъ не знаютъ дикари, не знали наши предки! У меня вотъ слезы на глазахъ... Это хорошія слезы, и не стыжусь я ихъ! Выпьемъ, братъ! Да процвѣтаютъ искусства и гуманность!

— Выпьемъ... Дай Богъ, чтобъ наши дѣти такъ умѣли чувствовать, какъ мы... чувствуемъ...

Пріятели выпили и заговорили о Шекспирѣ.

И ПРЕКРАСНОЕ ДОЛЖНО ИМѢТЬ ПРЕДѢЛЫ.

Въ записной книжкѣ одного мыслящаго коллежскаго регистратора, умершаго въ прошломъ году отъ испуга, было найдено слѣдующее:

Порядокъ вещей требуетъ, чтобы не только злое, но и хорошее имѣло предѣлы. Поясняю примѣрами:

Даже самая прекрасная пища, принятая черезъ мѣру, производитъ въ желудкѣ боль, нкоту и чрезовѣщаніе.

Лучшимъ украшеніемъ человѣческой головы служатъ волосы. Но кто не знаетъ, что сіи самыя волосы, будучи длинны (не говорю о женщинахъ), служатъ признакомъ, по коему узнаются умы легкомысленныя и вредоносныя?

Одинъ чиновникъ, сынъ благочестивыхъ и добронравныхъ родителей, считалъ за большое удовольствіе снимать передъ старшими шапку. Это прекрасное качество его души особенно бросалось въ глаза, когда онъ на-

рочно ходилъ по городу и искалъ встрѣчи со старшими только для той цѣли, чтобы лишній разъ снять передъ ними шапку и тѣмъ воздать должное. Натура его была до того почтительная и уважительная, что онъ снималъ шапку не только передъ своимъ непосредственнымъ и косвеннымъ начальствомъ, но даже и передъ старшими возрастомъ. Слѣдствіемъ такого благородства души его было то, что ему каждую секунду приходилось обнажать свою голову. Однажды, встрѣтясь въ одно зимнее, холодное утро съ племянникомъ частнаго пристава, онъ снялъ шапку, застудилъ голову и умеръ безъ покаянія. Изъ этого явствуетъ, что быть почтительнымъ необходимо, но въ предѣлахъ умѣренности.

Не могу также умолчать и про науку. Наука имѣетъ многія прекрасныя и полезныя качества, но вспомните, сколько зла приноситъ она, ежели предающійся ей чловѣкъ переходитъ границы, установленныя нравственностью, законами природы и прочимъ? Горе тому, который... Но умолчу лучше...

Фельдшеръ Егоръ Никитычъ, лѣчившій мою тетеньку, любилъ во всемъ точность, аккуратность и правильность— качества, достойныя души возвышенной. На всякое дѣйствіе и на всякій шагъ у него были нарочитыя правила, опытомъ установленныя, а въ исполненіи сихъ правилъ онъ отличался примѣрнымъ постоянствомъ. Однажды, придя къ нему въ пять часовъ утра, я разбудилъ его и, имѣя на лицѣ написанную скорбь, воскликнулъ:

— Егоръ Никитычъ, поспѣшите къ намъ! Тетенька истекаетъ кровью!

Егоръ Никитычъ всталъ, надѣлъ сапоги и пошелъ въ кухню умываться. Умывшись съ мыломъ и почистивши зубы, онъ причесался передъ зеркаломъ и началъ надѣвать брюки, предварительно почистивъ ихъ и разгладивъ руками. Затѣмъ онъ почистилъ щеткой сюртукъ и жилетку, завелъ часы и аккуратноенько прибралъ свою постель. Покончивъ съ постелью, онъ, какъ бы давая мнѣ урокъ аккуратности, сталъ пришивать къ пальто сорвавшуюся пуговку.

— Кровью истекаетъ:— повторилъ я, изнемогая отъ понятнаго нетерпѣнія.

— Сію минуту-съ... Голько вотъ Богу помолюсь.

Егоръ Никитычъ сталъ передъ образами и началъ молиться.

— Я готовъ... Только вотъ пойду на улицу, погляжу, какія надѣвать калоши — глубокія или мелкія.

Когда наконецъ мы вышли изъ его дома, онъ заперъ свою дверь, помолился набожно на востокъ и всю дорогу, идя тихо по тротуару, старался ступать на гладкіе камни, боясь испортить обувь. Придя къ намъ, мы тетюшку въ живыхъ уже не засталъ. Стало-быть, и пунктуальность должна имѣть предѣлы.

Писаніе, повидимому, занятіе прекрасное. Оно обогащаетъ умъ, набиваетъ руку и облагораживаетъ сердце. Но много писать не годится. И литература должна имѣть предѣлы, ибо многое писаніе можетъ произвести соблазнъ. Я, напримѣръ, пишу эти строки, а дворникъ Евсеій подходитъ къ моему окну и подозрительно посматриваетъ на мое писаніе. Въ его душу я заронилъ сомнѣніе. Спѣшу потушить лампу.

РѢЧЬ И РЕМЕШОКЪ.

Онъ собралъ насъ къ себѣ въ кабинетъ и голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ, трогательнымъ, нѣжнымъ, пріятельскимъ, но не допускающимъ возраженій, сказалъ намъ рѣчь.

— Я знаю все, — сказалъ онъ. — Все! Да! Насквозь вижу. Я давно уже замѣтилъ этотъ, такъ сказать, э... э... э... духъ, атмосферу... дуновение. Ты, Цицюльскій, читаешь Щедрина, ты, Сничкинъ, читаешь тоже что-то такое... Все знаю. Ты, Тупоносовъ, сочиняешь... твои... статьи тамъ всякія... и вольно держишь себя. Господа! Прошу васъ! Прошу васъ не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ... Въ наше время нельзя такъ. Либерализмъ этотъ долженъ исчезнуть.

Говорилъ онъ въ такомъ родѣ очень долго. Пронялъ всѣхъ насъ, пронялъ теперешнее направленіе, похвалилъ науки и искусства, съ оговоркой о предѣлѣ и рамкахъ, изъ коихъ наукамъ выходить нельзя, и упомянулъ о любви матерей... Мы блѣднѣли, краснѣли и слушали. Душа наша мылась въ его словахъ. Намъ хотѣлось уме-

реть отъ раскаянія. Намъ хотѣлось облобызать его, пасть ницъ... зарыдать... Я глядѣлъ въ спину архиваріуса, и мнѣ казалось, что эта спина не плачетъ только потому, что боится нарушить общественную тишину.

— Идите! — кончилъ онъ. — Я все забылъ! Я не злопамятенъ... Я... я... Господа! Исторія говоритъ намъ...

Но—увы!—мы не узнали, что говоритъ намъ исторія. Голосъ его задрожалъ, на глазахъ сверкнули слезы, вспотѣли очки. Въ тотъ же самый моментъ послышались всхлипыванія: то рыдалъ Цицюльскій. Спичкинъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ. Мы полѣзли въ карманы за платками. Опъ замигалъ глазками и тоже полѣзъ за платкомъ.

— Идите! — залепеталъ онъ плачущимъ голосомъ. — Оставьте меня! Оставьте...те... Ммда...

Но—увы!—выньте вы изъ часовъ маленькій винтикъ, или бросьте вы въ нихъ ничтожную песчинку — и останутся часы. Впечатлѣніе, произведенное рѣчью, исчезло, какъ дымъ, у самыхъ дверей своего апогея. Апофеозъ не удался... и благодаря чему же? Ничтожеству!

Онъ полѣзъ въ задній карманъ и вмѣстѣ съ платкомъ вытащилъ оттуда какой-то ремешокъ. Нечаянно, разумѣется. Ремешокъ, маленькій, грязненькій, закорузлый, поболтался въ воздухѣ змѣйкой и упалъ къ ногамъ архиваріуса. Архиваріусъ поднялъ его обѣими руками и съ почтительнымъ содроганіемъ во всѣхъ членахъ положилъ на столъ.

— Ремешокъ-съ, — прошепталъ онъ.

Цицюльскій улыбнулся. Замѣтивъ его улыбку, я, и самъ того не желая, прыснулъ въ кулакъ... какъ дуракъ, какъ мальчишка! За мной прыснулъ Спичкинъ, за нимъ Трехкапитанскій — и все погибло! Рухнуло зданіе.

— Ты чего же это смѣешься? — услышала я громовой голосъ.

Батюшки-свѣты! Гляжу: его глаза глядятъ на меня, только на меня... въ упоръ!

— Гдѣ ты находишься? А? Ты въ портерной? А? Забываешься? Подавай въ отставку! Мнѣ либераловъ не надо.

КАРТИНКИ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

Въ правленіи общественнаго бапка, въ кабинетѣ директора за приличной закуской сидятъ самъ директоръ Рыковъ и господинъ съ сѣдыми бакенами, Анной на шеѣ и съ сильнымъ запахомъ флеръ-д'оранжа. На бритой физиономіи послѣдняго плавааетъ снисходительная улыбка, въ движеніяхъ мягкость.

— Да, — говоритъ господинъ, сбрасывая пепель съ сигары. — Такія-то дѣла! Тутъ роды у жены, потомъ поѣздка въ Ниццу, тамъ свадьба сестры... по горло! Насилу къ вамъ собрался. Собирался-собирался, и наконецъ-таки я у васъ, душа моя... Ну? Какъ живутъ мои векселя? Чай, скучаютъ? Хе-хе... Срокъ имъ былъ въ августѣ, а теперь уже декабрь. Какъ вамъ нравится подобная аккуратность? Хе-хе... Кому-кому, а ужъ служащему по финансамъ слѣдовало бы быть аккуратнѣе... Pardon, извиняюсь!

— Что вы... помилуйте-съ! Мы и забыли-съ!.. Хе-хе...

— Тамъ по векселямъ моимъ приходится, кажется, тысячъ триста, да процентовъ... если не вру, тысячъ двадцать съ хвостомъ. Такъ? Векселя, конечно, мы перепишемъ, душа моя, Иванъ Гаврилычъ, а вотъ какъ быть съ процентами, ей-Богу, не знаю... Сейчасъ уплатить ихъ вамъ я не могу, такъ ихъ оставить тоже неудобно. Вы, голубчикъ, бухгалтерію знаете лучше меня и знаете всѣ эти тонкости... Какъ быть?

— Очень просто-съ! Векселя мы замѣнимъ новыми, а проценты, ваше-ство, припишемъ къ капитальному долгу...

— Вы велики, моншеръ! Ну-съ, теперь вторая просьба.

Жена моя купила себѣ маленькую дачку... такую ферму, знаете ли... съ разсрочкой на три года. Завтра, душа моя, представьте, срокъ платежа. До зарѣзу нужно сорокъ четыре тысячи! Я знаю, вы мнѣ не откажете, дорогой мой, но вотъ одно только неудобство... Здѣсь въ Скопинѣ, кромѣ васъ, никого нѣтъ у меня знакомаго! Кто подпишетъ мнѣ бланкъ?

— Это не суть важно, ваше-ство... Мы вамъ найдемъ бланконадписателя. Иванъ, поди сюда!

Входитъ сторожъ Иванъ.

— Подай чаю, — говоритъ ему Рыковъ: — да вотъ подпиши его — ству бланкъ!

Бланкъ подписывается, и довольный господинъ презентуетъ Ивана двугривеннымъ.

Засѣданіе скопинской думы. Разматриваются годовые отчеты банка. Рыковъ сидитъ рядомъ съ головою.

— Намъ, господа, нужно выбрать кассира банка, — говоритъ голова. — Рекомендую Кичкина. Человѣкъ честный и порядочный...

— Отсутствующіе не могутъ быть избираемы, — говоритъ Рыковъ, подозрѣвающій въ Кичкинѣ человѣка «вреднаго».

— А гдѣ же Кичкинъ, братцы? — шепчутся другъ съ другомъ гласные, переглядываясь. — Нешто его нѣтъ?

— Нѣтъ... Онъ такъ устроилъ, что Кичкину понадобилось изъ города уѣхать, рельсы смотрѣть, и повѣстку ему вручили въ тотъ самый разъ, когда онъ на поѣздъ садился...

— Хитерь, шельма! Аюнасова спойль, Ивана подкупилъ, Егора въ кабалу взялъ... Отчеты эти самые, положимъ, разматривать... Да для че ихъ глядѣть? Одинъ смѣхъ только! Жульничество!

— А вы, господинъ, потише-сь! — шипитъ чуйка съ краснымъ носомъ и въ новыхъ сапогахъ гармоникой, по всѣмъ признакамъ клевететь Рыкова. — Сами должны, а такія слова говорите!

— Не я одинъ долженъ, всѣ должны ему!

— Всѣ и молчите.

— Отчеты, господа, я полагаю утвердить безъ преній, — говоритъ голова. — Въ банкѣ все обстоитъ благополучно, а ежели газеты и пишутъ, то, сами знаете, газеты на то и созданы духомъ печистымъ, чтобъ лжу бѣ-

совскую въ людей вселять... Нахожу все вѣрнымъ и обстоятельнымъ. Никто ничего не желаетъ возразить?

Семень, Петръ и Юпа хотѣли бы возразить, но каждый изъ нихъ долженъ по 30.000.

— Въ такомъ разѣ предлагаю, — продолжаетъ голова: — выразить нашу благодарность И. Г. Рыкову за отличное веденіе банковыхъ дѣлъ!

— Благодаримъ! Благодаримъ!

Рыковъ киваетъ головой и уѣзжаетъ во-сволси.

Почтовая контора. Почтмейстеръ Перовъ, получающій ежемѣсячно отъ Рыкова 57 руб., бесѣдуетъ съ «просителемъ» (въ Скопинѣ почтмейстеръ — начальство).

— Что вамъ угодно?

— Два мѣсяца тому назадъ я послалъ письмо въ редакцію «Новаго Времени», и письмо это оказывается не полученнымъ. Могу ли я узнать о судьбѣ этого письма? Потомъ я не получилъ 41 № «Вѣстника», гдѣ помѣщены корреспонденціи изъ Скопина. Клубъ тоже не получилъ этого нумера.

— Прошу не облакачиваться!

— Третьяго-дня мой знакомый не получилъ «Новостей», гдѣ тоже есть корреспонденція изъ Скопина. Потомъ-съ, не можете ли вы объяснить, гдѣ то мое письмо, которое я послалъ въ іюль въ Москву, въ редакцію «Курьера»? Оно, представьте, тоже не получено!

— Теперь уже три часа, и приемъ всякаго рода корреспонденцій прекращенъ! Приходите завтра!

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО.

У постели больного стоятъ доктора Поповъ и Миллеръ и спорятъ:

Поповъ. Я, признаюсь, плохой приверженецъ консервативнаго метода.

Миллеръ. Я, коллега, ничего не говорю вамъ о консерватизмѣ... Дѣло ваше вѣрить или не вѣрить, признавать или не признавать... Я говорю вамъ о режимѣ, который слѣдовало бы измѣнить *in concreto*...

Больной. Охъ! (Встаетъ черезъ силу съ постели, идетъ къ двери и робко заглядываетъ въ сосѣдную комнату). Ныпче вѣдь и стѣны слышать.

Поповъ. Онъ жалуется, что у него въ груди тѣснить... жметъ... душитъ... Не обойтись безъ сильнаго возбуждающаго...

Больной стонетъ и робко заглядываетъ въ окно.

Миллеръ. Но прежде, чѣмъ давать возбуждающее, я просилъ бы васъ обратить вниманіе на его конституцію...

Больной (поблѣднѣвъ). Ахъ, господа, не говорите такъ громко! Я человекъ семейный... служащій... Подъ окнами люди ходятъ... у меня прислуга... Ахъ! (Безнадежно машетъ рукой).

СВАДЬБА СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ.

(Разсказъ).

Отставной контръ-адмиралъ Ревуновъ-Карауловъ, маленькій, старенькій и заржавленный, шелъ однажды съ рынка и несъ за жабры живую щуку. За нимъ двигалась его кухарка Ульяна, держа подъ мышкой кулекъ съ морковью и пачку листового табаку, который почтенный адмиралъ употреблялъ «отъ клоповъ, тли (она же моль), таракановъ и прочихъ инфузорій, живущихъ на тѣлѣ человѣка и въ его жилищѣ».

— Дядюшка! Филиппъ Ермилычъ! — услыхалъ онъ вдругъ, поворачивая въ свой переулокъ. — А я только-что у васъ былъ, дѣлый часъ стучался! Какъ хорошо, что мы не разминулись!

Контръ-адмиралъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою своего племянника Андрюшу Нюнина, молодого человѣка, служащаго въ страховомъ обществѣ «Дрянь».

— У меня къ вамъ есть просьба, — продолжалъ племянникъ, пожимая дядюшкину руку и приобретаая отъ этого сильный рыбій запахъ. — Сядемте на скамеечку, дядюшка... Вотъ такъ... Ну-съ, дѣло вотъ въ чемъ... Сегодня вѣнчается мой хорошій другъ и пріятель, нѣкто Любимскій... человѣкъ, между нами говоря, прелестнѣйшій... Да вы, дядюшка, положите щуку! Что она будетъ вамъ шинель пачкать!

— Это ничего... Гадость рыба, грошъ дѣна, а между тѣмъ икра — удивленіе! Распороть ей брюхо, выпустить отседа икру, смѣшать ее, знаешь, съ толчеными сухариками, лукомъ, перцемъ и — прійдите, насладимся!

— Человѣкъ прекраснѣйшій... Служить оцѣнщикомъ въ

ссудной кассѣ, но вы не подумайте, что это какой-нибудь замухрыжка или валеть... Въ ссудныхъ кассахъ пинче и благородныя дамы служатъ... Семейство, могу васъ увѣрить... отецъ, мать и прочіе... люди превосходные, радужные такіе, религіозные... Однимъ словомъ, семья русская, патріархальная, отъ которой вы будете въ восторгѣ... Женитесь Любимскій на сироткѣ, по любви... Славные люди!.. Такъ вотъ не можете ли вы, дорогой дядечка, оказать честь этой семьѣ и пожаловать сегодня къ нимъ на свадебный ужинъ?

— Но вѣдь я тово... незнакомъ? Какъ я поѣду?

— Это ничего не значить! Не къ баронамъ и не къ графамъ вѣдь ѣхать! Люди простые, безъ всякихъ этикетовъ... Русская натура: милости просимъ, всѣ знакомые и незнакомые! И къ тому же... я вамъ откровенно... семья патріархальная, съ разными предразсудками, причудами... Смѣшно даже... Ужасно ей хочется, чтобы на свадьбѣ присутствовалъ генералъ! Тысячи рублей имъ не надо, а только посадите за ихъ столъ генерала! Согласень, грошовое тщеславіе, предразсудокъ, но... по отчего же не доставить имъ этого невиннаго удовольствія? Тѣмъ болѣе, что и вамъ не будетъ тамъ скучно... Нарочно для васъ припасли бутылочку цымлянскаго и омаровъ жестяночку... Да и блеснете, откровенно говоря. Теперь вашъ чинъ пропадаетъ даромъ, какъ бы зарыть въ землю, и никто не чувствуетъ, что вы такого званія, а тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ понятно будетъ! Да ей-Богу!

— Но прилично ли это будетъ для меня, Андрюша? — спросилъ контръ-адмиралъ, задумчиво глядя на извозчика. — Я, знаешь, подумаю...

— Странно, о чемъ тутъ можно думать? Ызжайте, вотъ и все! А что насчетъ приличія, то даже обидно... Точно я могу родного дядю повести въ неприличное мѣсто!

— Пожалуй... Какъ знаешь...

— Такъ я за вами вечеромъ заѣду... Этакъ часиковъ въ одиннадцать, попозднѣй, чтобы какъ разъ на ужинъ попасть... по-аристократически...

Въ 11 часовъ Юнинъ заѣхалъ за дядюшкой. Ревуновъ-Карауловъ надѣлъ свой мундиръ и штаны съ золотыми лампасами, нацѣпилъ ордена — и они поѣхали. Свадебный ужинъ уже начался, когда взятый изъ трактира на прокатъ лакей снималъ съ адмирала пальто съ капюшо-

номъ, и мать жениха, г-жа Любимская, встрѣчая его въ передней, щурила на него глаза.

— Генераль! — вздыхала она, вопросительно глядя на Андрюшу, снимавшаго пальто, и кланаясь... — Очень пріятно, ваше превосходительство... Но какіе неосаястыые... завалыщенькіе... Гм... Никакой строгости въ видѣ и даже еполетовъ нѣту... Гм... Ну, все равно, не ворочаться же, какого Богъ даль!.. Такъ и быть, пожалуйста, ваше превосходительство! Слава Богу, хоть орденовъ много...

Контръ-адмираль поднялъ вверхъ свѣже выбритый подбородокъ, внушительно кашлянулъ и вошелъ въ залу... Тутъ его взорамъ представилась картина, способная размягчить и обратить въ пепель даже камень. Посреди залы стоялъ большой столъ, уставленный закусками и бутылками... За столомъ на самомъ видномъ мѣстѣ сидѣлъ женихъ Любимскій во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. По его вспотѣвшему лицу плавала улыбка. Очевидно, его услаждали не столько предлежащія яства, сколько предвкушеніе предстоящихъ брачныхъ наслажденій. Около него сидѣла невѣста съ заплаканными глазами и съ выраженіемъ крайней невинности на лицѣ. Контръ-адмираль сразу понялъ, что она добродѣтельна. Всѣ остальные мѣста были заняты гостями обоего пола.

— Контръ-адмираль Ревуповъ-Карауловъ! — крикнулъ Андрюша.

Гости поглядѣли исподлобья на вошедшихъ, почтительно вытерли губы и приподнялись.

— Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминондъ Саввичъ Любимскій съ супругою... Иванъ Ивановичъ Ять, служащій на телеграфѣ... Иностранецъ греческаго званія по кондитерской части Харлампій Спиридонычъ Дымба... Ѳедоръ Яковлевичъ Наполеоновъ и... прочіе... Садитесь, ваше-ство!

Контръ-адмираль покачулся, сѣлъ и тотчасъ же придвинулъ къ себѣ селедку.

— Какъ вы его отрапортовали? — обратилась шопотомъ хозяйка къ Андрюшѣ, подозрительно и озабоченно поглядывая на сановнаго гостя. — Я просила генерала, а не этого... какъ его... котр... конр...

— Контръ-адмирала... Но вы не понимаете, Настасья Тимооеевна. Поскольку дѣйствительный статскій совѣтникъ въ гражданскихъ чинахъ по табели о рангахъ со-

отвѣтствуетъ генераль-майору, постольку контръ-адмиралъ ссотвѣтствуетъ дѣйствительному статскому совѣтнику... Разница только въ вѣдомствахъ, суть же — одинъ чортъ... Одна цѣна.

— Да, да... — подтвердилъ Наполеоновъ. — Это вѣрно.

Хозяйка успокоилась и поставила передъ контръ-адмираломъ бутылку цымлянскаго.

— Кушайте, ваше-ство! Извините только, пожалуйста. У себя тамъ вы привыкли къ деликатности, а у насъ такъ просто!

— Да-съ... — началъ контръ-адмиралъ послѣ продолжительнаго молчанія. — Въ старину люди всегда жили просто и были довольны... Я человѣкъ, который въ чинахъ, и то живу просто...

— Вы давно въ отставкѣ, ваше-ство?

— Съ 1865-го года... Въ старину все просто было... Но...

Адмиралъ сказалъ «но», перевелъ духъ и въ это время увидѣлъ молодого гардемарина, сидѣвшаго противъ него.

— Вы тово... во флотѣ, стало-быть? — спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше-ство!..

— Ага... Такъ... Чай, теперъ все пошло по-новому, не такъ, какъ при насъ было... Бѣлотѣлые все пошли, пушистые... Впрочемъ, флотская служба всегда была трудная... Это не то, что пѣхота какая-нибудь или, положимъ, кавалерія... Въ пѣхотѣ ничего умственнаго нѣтъ. Тамъ даже и мужику понятно, какъ и что... А вотъ у насъ съ вами, молодой человѣкъ, нѣтъ-съ! Шутись! У насъ съ вами есть надъ чѣмъ задуматься... Всякое незначительное слово имѣеть, такъ сказать, свое таинственное... ээ... недоумѣнне... Напримѣръ: марсовыя къ вантамъ, на фокъ и гротъ! Что это значить? Это значить, что которые приставлены для закрѣпленія брамселей, должны непременно находиться въ это время на марсахъ, иначе надо командовать: салинговыя къ вантамъ! Тутъ ужъ другой смыслъ... Хе-хе... Тонкость, что твоя математика! А вотъ, ежели, пдучи полнымъ вѣтромъ... дай Богъ память... На брамсели и бомъ-брамсели! Тутъ марсовыя, которые назначены для отдачи марселей и бомъ-брамселей, что есть духу бѣгутъ съ марсовъ на салинги и бомъ-салинги, потомъ... дай Богъ память... расходятся по реямъ и раскрѣпляютъ означенные наруса, а въ это время — понимаете? — въ это самое время люди, которые внизу, становятся на брамъ и бомъ-брамъ-школы, фалы и брасы...

— За здоровье достоуважаемыхъ гостей! — провозгласилъ женихъ.

— Да-съ, — перебилъ контръ-адмиралъ, поднимаясь и чокаясь. — Мало ли разныхъ командъ... Да вотъ хоть бы эту взять... дай Богъ память... брамъ и бомъ-брамъ-шкоты тянуть, фалы поднимай!! Хорошо-съ... Но что это значить и какой здѣсь смыслъ? Очень просто! Тянуть, знаете ли, брамъ и бомъ-брамъ-шкоты и поднимають фалы... Всѣ вдругъ! При чемъ уравнивають бомъ-брамъ-шкоты и бомъ-брамъ-фалы при подъемѣ, а въ это время, глядя по надобности, потравливають брасы сихъ парусовъ, а когда ужъ, стало-быть, шкоты натянуты и фалы всѣ до мѣста подняты, то брамъ и бомъ-брамъ-брасы вытягиваются и реи брасуются соотвѣтственно направлеңію вѣтра...

— Дядюшка! — шепнулъ Андрюша: — хозяйка просить васъ поговорить о чемъ-нибудь другомъ. Это непонятно гостямъ и... скучно.

— Постой... Я радъ, что молодого человѣка встрѣтилъ... Молодой человѣкъ! Я всегда желалъ и... желаю... Отъ души желаю! Дай Богъ... Мнѣ пріятно... Да-съ... А вотъ ежели корабль лежитъ бейдевиндъ правымъ галсомъ подъ всѣми парусами, исключая грота, то какъ надлежить командовать? Очень просто... дай Богъ память... Всѣхъ на веерхъ, черезъ фордевиндъ поворачивать! Вѣдь такъ? Хе-хе...

— Будеть, дядюшка! — шепнулъ Андрюша.

Но дядюшка не унимался. Онъ выкрикивалъ команду за командой и каждый свой хриплый выкрикъ пояснялъ длиннымъ комментариемъ. Приблжался ужъ конецъ ужина, а между тѣмъ по его милости не было сказано еще ни одного длиннаго тоста, ни одной рѣчи. Иванъ Ивановичъ Ять, у котораго давно уже висѣла на языкѣ цвѣтистая рѣчь, началъ безпокойно вертѣться на стулѣ, морщиться и шептаться съ сосѣдями. Разъ, когда за десертомъ адмиралъ поперхнулся цымлянскимъ и закашлялся, онъ воспользовался паузой, вскочилъ и началъ:

— Въ сегодняшній, такъ сказать, день... гм... въ который мы, собравшись для чествованія нашего любимаго...

— Да-съ... — перебилъ его адмиралъ. — И вѣдь все это надо помнить! Напримѣръ... дай Богъ память... бей-футы и топенанты раздернуть, бакштаги съ правой за марсъ!

— Мы люди темные, ваше превосходительство, — ска-

зала хозяйка: — ничего этого самаго не понимаемъ, а вы расскажите намъ лучше что-нибудь касающее...

— Вы не понимаете, потому что... термины! Конечно! А молодой человекъ понимаетъ... Да. Старину съ нимъ вспомнилъ... А вѣдь пріятно, молодой человекъ! Плы-вешь себѣ по морю, горя не знаячи, и...

Адмиралъ прослезился и заговорилъ дрожащимъ голо-сомъ:

— Напримѣръ... дай Богъ память... Кливеръ поднимай, пошелъ браса, фока и грота-галсы садить!

Адмиралъ вытеръ глаза, всхлипнулъ и продолжалъ:

— Тутъ сейчасъ поднимають кливеръ-фалы, брасопягъ гротъ-марсель и прочіе, что надъ онимъ, паруса въ бей-девиндъ, а потомъ садятъ до мѣста фока и грота-галсы, тянутъ шкоты и выбираютъ булина... Пла...плачу... Радъ...

— Генералъ, а безобразите! — вспыхнула хозяйка. — Постыдились бы на старости лѣтъ! Мы вамъ не за то деньги платили, чтобъ вы безобразили!

— Какія деньги? — вытаращилъ глаза контръ-адмиралъ.

— Извѣстно, какія... Небось, ужъ получили черезъ Андрея Ильича четвертную! А вамъ, Андрей Ильичъ, грѣхъ! Мы васъ не просили такого нанимать...

Старикъ взглянулъ на вспыхнувшего Андрюшу, на хозяйку. — и все понялъ. «Предразсудокъ» патріархальной семьи, о которомъ говорилъ ему Андрюша, предсталъ передъ нимъ во всей его пакости... Въ одинъ мигъ слетѣлъ съ него хмель... Онъ всталъ изъ-за стола, засѣменилъ въ переднюю и, одѣвшись, вышелъ...

Больше ужъ онъ никогда не ходилъ на свадьбы.

ЕЛКА.

Высокая, вѣчно зеленая елка Судьбы увѣшана благами жизни... Отъ низу до верху висятъ карьеры, счастливые случаи, подходящія партіи, выигрыши, кукиши съ масломъ, щелчки по носу и проч. Вокругъ елки толнятся взрослые дѣти. Судьба раздаетъ имъ подарки...

— Дѣти, кто изъ васъ желаетъ богатую купчиху?— спрашиваетъ она, снимая съ вѣтки краснощекую купчиху, отъ головы до ногъ усыпанную жемчугомъ и брильянтами... — Два дома на Плющихѣ, три желѣзныя лавки, одна портерная и двѣсти тысячъ деньгами! Кто хочетъ?

— Мнѣ! Мнѣ! — протягиваются за купчихой сотни рукъ. — Мнѣ купчиху!

— Не толпитесь, дѣти, и не волнуйтесь... Всѣ будете удовлетворены... Купчиху пусть возьметъ себѣ молодой эскулапъ. Человѣкъ, посвятившій себя наукѣ и записавшійся въ благодѣтели человѣчества, не можетъ обойтись безъ пары лошадей, хорошей мебели и проч. Бери, милый докторъ! Не за что... Ну-съ, теперь слѣдующій сюрпризъ! Мѣсто на Чухломо-Пошехонской желѣзной дорогѣ! Десять тысячъ жалованья, столько же наградныхъ, работы три часа въ мѣсяцъ, квартира въ тринадцать комнатъ и проч... Кто хочетъ? Ты, Коля? Бери, милый! Далѣе... Мѣсто экономки у одинокаго барона Шмаусъ! Ахъ, не рвите такъ, mesdames! Имѣйте терпѣніе... Слѣдующій! Молодая, хорошенькая дѣвушка, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей! Приданого ни гроша, но зато натура честная, чувствующая, поэтическая! Кто хочетъ? (Пауза). Никто?

— Я бы взялъ, да кормить нечѣмъ! — слышится изъ угла голосъ поэта.

— Такъ никто не хочетъ?

— Пожалуй, давайте, я возьму... Такъ и быть ужь...— говоритъ маленькій, подагрическій старикашка, служащій въ духовной консисторіи. — Пожалуй...

— Носовой платокъ Зориной! Кто хочетъ?

— Ахъ!.. Мнѣ! Мнѣ!.. Ахъ! Ногу отдавили! Мнѣ!

— Слѣдующій сюрпризъ! Роскошная библіотека, содержащая въ себѣ всѣ сочиненія Каита, Шопенгауэра, Гёте, всѣхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, массу старинныхъ фоліантовъ и проч... Кто хочетъ?

— Я-съ! — говоритъ букинистъ Свинопасовъ. — Пожалте-съ!

Свинопасовъ беретъ библіотеку, отбираетъ себѣ «Оракуль», «Сонникъ», «Письмовникъ», «Настольную книгу для холостяковъ», остальное же бросаетъ на полъ...

— Слѣдующій! Портретъ Окрейца!

Слышенъ грѣмкій смѣхъ...

— Давайте мнѣ... — говоритъ содержатель музея Винклеръ. — Пригодится...

— Далѣе! Роскошная рамка отъ преміи журнала. (Пауза). Никто не хочетъ? Въ такомъ случаѣ далѣе... Порванные салоги!

Салоги достаются художнику... Въ концѣ концовъ елка обирается, и публика расходится... Около елки остается одинъ только сотрудникъ юмористическихъ журналовъ...

— Мнѣ же что? — спрашиваетъ онъ Судьбу. — Всѣ получили по подарку, а мнѣ хоть бы что... Это свинство съ твоей стороны!

— Все разобрали, ничего не осталось... Остался, впрочемъ, одинъ кукишъ съ масломъ... Хочешь?

— Не нужно... Мнѣ и такъ ужь надоѣли эти кукиши съ масломъ. Кассы нѣкоторыхъ московскихъ редакцій полнехоньки этого добра. Нѣтъ ли чего поущественнѣе?

— Возьми эти рамки...

— У меня онѣ уже есть...

— Вотъ уздечка, вожжи... Вотъ красный крестъ, если хочешь... Зубная боль... Ежовыя рукавицы... Мѣсяць тюрьмы за диффамациі...

— Все это у меня уже есть...

— Оловянный солдатикъ, ежели хочешь... Карта сѣвера...

Юмористъ машетъ рукой и уходитъ во-свояси съ надеждой на елку будущаго года.

1884.

О, ЖЕНЩИНЫ, ЖЕНЩИНЫ!..

Сергѣй Кузьмичъ Почитаевъ, редакторъ провинціальной газеты «Кукишь съ масломъ», утомленный и измученный, воротился изъ редакціи къ себѣ домой и повалился на диванъ.

— Слава Богу! Я дома наконецъ... Отдохну душой здѣсь... у домашняго очага, около жены... Моя Маша—единственный человѣкъ, который можетъ понять меня, искренно посочувствовать...

— Чего ты сегодня такой блѣдный? — спросила его жена, Марья Денисовна.

— Да такъ, на душѣ скверно... Пришелъ вотъ къ тебѣ и радъ: душой отдохну.

— Да что случилось?

— Вообще скверно, а сегодня въ особенности. Петровъ не хочетъ больше отпускать въ кредитъ бумагу. Секретарь запьянствовалъ... Но все это пустяки, уладится какъ-нибудь... А вотъ гдѣ бѣда. Манечка... Сижу я сегодня въ редакціи и читаю корректуру своей передовой. Вдругъ, знаешь, отворяется дверь, и входитъ князь Прочуханцевъ, давнишній мой другъ и пріятель, тотъ самый, что въ любительскихъ спектакляхъ всегда первыхъ любовниковъ играетъ и что актрисѣ Зрякиной за одинъ поцѣлуй свою бѣлую лошадь отдалъ. — «Зачѣмъ, думаю, черти принесли? Это не даромъ... Зрякиной, думаю, припелъ рекламу дѣлать»... Разговорились... То да се, пятое, десятое... Оказывается, что не за рекламой пришелъ. Стихи свои принесъ для напечатанія...

— Почувствовалъ, говорить, я въ своей груди огненный пламень и... пламенный огонь. Хочется вкусить сладость авторства...

Вынимаетъ изъ кармана розовую раздушенную бумажку и подаетъ...

— Стихи, говорить. Я, говорить, въ нихъ нѣсколько субъективенъ, но все-таки... И Некрасовъ былъ субъективенъ...

Взялъ я эти самые субъективные стихи и читаю... Чепуха невозможнѣйшая! Читаешь ихъ и чувствуешь, что у тебя глаза чешутся и подъ ложечкой давить, словно ты жерновъ проглотилъ... Посвятилъ стихи Зрякиной. Посвяти онъ мнѣ эти стихи, я бы на него къ мировому подалъ! Въ одномъ стихотвореніи пять разъ слово «стремглавъ»! А риома! Ландышей вмѣсто ландышей! Слово «лошадь» риоуетъ съ «ношей»!

— Нѣтъ, говорю, вы мнѣ другъ и пріятель, но я не могу помѣстить вашихъ стиховъ...

— Почему-съ?

— А потому... По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ... Не подходятъ подъ программу газеты...

Покраснѣлъ я весь, глаза сталъ чесать, совралъ, что голова трещить... Ну какъ ему сказать, что его стихи никуда не годятся? Онъ замѣтилъ мое смущеніе и надулся, какъ индюкъ.

— Вы, говорить, сердиты на Зрякину, а потому и не хотите печатать моихъ стиховъ. Я понимаю... Па-анимаю, милостивый государь!

Въ лицепріятіи меня упрекнулъ, пазвалъ филистеромъ, клерикаломъ и еще чѣмъ-то... Битыхъ два часа читалъ мнѣ нотацію. Въ концѣ концовъ пообѣщаль затѣять интригу противъ моей особы... Не простившись уѣхалъ... Такія-то дѣла, матушка! 4-го декабря, на Варвару—Зрякина именинница — и стихи должны появиться въ печати во что бы то ни стало... Хоть умри, да помѣщай! Напечатать ихъ невозможно: газету осрамишь на всю Россію. Не напечатать тоже нельзя — Прочуханцевъ интригу затѣветъ, и ни за грошъ пропадешь. Изволь-ка теперь придумать, какъ выбратъся изъ этого ерундистаго положенія!

— А какіе стихи? О чемъ? — спросила Марья Денисовна.

— Ни о чемъ... Ерунда... Хочешь, прочту? Начинаются они такъ:

Сквозь дымъ мечтательной сигары
Носилась ты въ моихъ мечтахъ,
Неся съ собой любви удары
Съ улыбкой пламенной въ устахъ...

А потомъ сразу переходъ:

Прости меня, мой ангелъ бѣлоснѣжный,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой нѣжный,
Что я, забывъ любовь, стремглавъ туда бросаюсь,
Гдѣ смерти пасть... О, ужасаюсь!

И прочее... Чепуха.

— Что же? Это стихи очень милые!—всплеснула руками Марья Денисовна.— Даже очень милые! Чѣмъ не стихи? Ты просто придираешься, Сергѣй! «Сквозь дымъ... съ улыбкой пламенной»... Значить, ты ничего не понимаешь! Ты не понимаешь, Сергѣй!

— Ты не понимаешь, а не я!

— Нѣтъ, извини... Прозы я не понимаю, а стихи я отлично понимаю! Князь превосходно сочинилъ! Отлично! Ты ненавидишь его, ну, и не хочешь печатать!

Редакторъ вздохнулъ и постучалъ пальцемъ сначала по столу, потомъ по лбу...

— Знатоки!— пробормоталъ онъ, презрительно улыбаясь.

И, взявъ свой цилиндръ, онъ горько покачалъ головой и вышелъ изъ дома...

«Иду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ... О женщины, женщины! Впрочемъ, всѣ бабы одинаковы!» — думалъ онъ, шагая къ ресторану «Лондонъ».

Ему хотѣлось запить...

1884.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДУШКА.

Каждый годъ на Святкахъ черноупскія губернскія дамы и чиновники губернскаго правленія даютъ съ благотворительною цѣлью любительскій спектакль. Прошлогдній спектакль вышелъ неудаченъ, такъ какъ распорядительская часть была въ рукахъ старшаго совѣтника Чушкина, «бурбона», урѣзавшаго наполовину пьесу и не дававшего воли рассказчикамъ. Въ этомъ же году любительскій персоналъ запротестовалъ. Выборъ пьесы дамы взяли на себя, внѣшняя же часть и выборъ рассказчиковъ, пѣвцовъ и распорядителей танцевъ были поручены чиновнику особыхъ порученій Каскадову, человеку молодому, университетскому и либеральному.

— Кого же выбрать, господа? — разсуждалъ въ одно декабрьское утро Каскадовъ, стоя посреди присутствія и подбоченясь. — Распорядителями танцевъ будутъ жандармскій поручикъ Подлигайловъ, ну... и я, конечно. Изъ мужчинъ пѣтъ... я, ну и, пожалуй, жандармскій поручикъ Подлигайловъ... У него баритонъ прелестный, но, между нами говоря, грубый... Кто же будетъ въ антрактахъ рассказывать?

— Тлетворскаго назначьте... — сказалъ столоначальникъ Кисляевъ, чистя спичкой ногти. — Въ прошломъ годѣ онъ, шельма, превосходно рассказывалъ... Одна рожа чего стоить! Пьетъ каналья, но... вѣдь всѣ таланты пьютъ! И Рафаэль, говорятъ, пилъ!

— Тлетворскій? Ахъ, да, помню... Рассказываетъ недурно, но манера... манера! Никпфоръ, позови сюда Тлетворскаго!

Вошелъ высокій, сутуловатый брюнетъ съ включенной гривой, большими красными руками и въ рыжихъ панталонахъ.

— Садитесь, Тлетворскій! — обратился къ нему Каскадовъ, сморкаясь въ раздушенный платокъ. — У насъ, видите ли, опять затѣвается спектакль... Да вы садитесь! Бросьте вы это никому не нужное китайское чиновничаніе. Будемъ людьми! Нуте-съ... Въ антрактахъ и послѣ спектакля, по примѣру прошлаго года, предполагается чтеніе... Нуте-съ... а рассказчиковъ и чтецовъ у насъ въ Черноупскѣ совсѣмъ нѣтъ... Я, пожалуй, могъ бы прочесть что-нибудь, ну... и жандармскій поручикъ Подлигайловъ читаетъ недурно, но намъ рѣшительно некогда! Приходится опять къ вамъ обратиться... Не возьметесь ли, голубчикъ?

— Пожалуй, — потушился Тлетворскій. — Но ежели Иванъ Матвѣичъ будутъ стѣснять, какъ и въ прошломъ году, то выйдетъ одинъ только смѣхъ!

— Ни-ни... Свобода полная! Полнѣйшая, батенька! Читайте, что хотите и какъ хотите! Потому-то я и взялъ на себя распорядительство, чтобы дать вамъ свободу! Иначе бы я не согласился... Не стѣсняйтесь ни выборомъ, ни чѣмъ, однимъ словомъ! Вы прочтете что-нибудь... расскажете анекдотъ... стишки, вообще...

— Это можно... Изъ еврейскаго быта можно будетъ что-нибудь...

— Изъ еврейскаго? Превосходно! Прекрасно, душа моя! Впрочемъ... удобно ли это будетъ? Дѣло въ томъ, батенька, что на вечерѣ будетъ Медхеръ съ дочерями... Выкрестъ, по все-таки неловко... Обидится... Вы что-нибудь другое...

— Ты хорошо про нѣмцевъ рассказываешь, — пробормоталъ Кисляевъ.

— Пожалуй... — согласился Каскадовъ. — Возьмите нѣмецкій бытъ... Только, тово... и это едва ли будетъ удобно... Ея превосходительство нѣмка, урожденная баронесса фонъ-Риткартъ... Нельзя, милѣйшій! Стѣснять себя, конечно, не слѣдуетъ, но все-таки не мѣшаетъ быть осторожнымъ. Время такое, между нами говоря, всякій любить все на свой счетъ принимать... Въ прошломъ году, на примѣръ, вы рассказали, между прочимъ, анекдотъ изъ армянскаго быта, гдѣ, помните, жители Нахичевани говорятъ: «Дайте намъ вашъ кишка, а когда, Богъ дастъ, у васъ будетъ пожаръ, то мы вамъ два кишка дадимъ». Что тутъ обиднаго? А вѣдь обидѣлись!

— Страшно обидѣлись! — подтвердилъ Кисляевъ.

— «Знаемъ; говорятъ, про какой это оня Нахичеванъ рассказываетъ!» А барышни при словѣ «кишка» краснѣли. Разберите вы тутъ, что прилично и что неприлично! Осторожность и осторожность! Напримѣръ, хоть русскій народный бытъ взять... горбуновское что-нибудь... Великолѣпная вещь! Восторгъ! Но нельзя: его превосходительство находить, что это «издѣвательство надъ народомъ»! Онъ отчасти правъ, но... Ужасное время, между нами говоря! Чортъ знаетъ, какое время!

— Можно будетъ, знаете ли, прочесть что-нибудь некрасовское... «И на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга!» Отлично!

— Ни-ни...ни! — растопырилъ руки Каскадовъ. — Вечеръ будетъ семейный... дамы, дѣвицы, а вы — роковыя слова! Что вы, батенька! И не думайте! И безъ крайностей можно обойтись! Вы что-нибудь этакое не тенденціозное, нейтральное... этакое что-нибудь легонькое...

— Что же легонькое? Нешто толстовскую «Грѣшницу»?

— Тяжеловато, батенька! — поморщился Каскадовъ. — «Грѣшница», послѣдній монологъ изъ «Горе отъ ума»... все это шаблонно, заѣзжено и... полемично отчасти... Выберите что-нибудь другое... И, пожалуйста, не стѣсняйтесь! Выбирайте, что хотите... что хотите!

Тлетворскій поднялъ вверхъ глаза и задумался. Кисляевъ поглядѣлъ на него, вздохнулъ и презрительно покачалъ головой.

— Стало-быть, ты безразличный человѣкъ, — проворчалъ онъ: — ежели не можешь придумать что-нибудь нравственное!..

— Тутъ дѣло не въ нравственности, Захаръ Ильичъ! — заступился Каскадовъ. — Тлетворскій одностороненъ — это правда!

Тлетворскій покраснѣлъ и почесалъ себѣ глазъ.

— Зачѣмъ же вы меня зовете, ежели я безнравственный и односторонний? — проговорилъ онъ, поднимаясь и направляясь къ двери. — Я не напрашиваюсь.

По уходѣ Тлетворскаго Каскадовъ зашагалъ.

— Не понимаю я такихъ людей, Захаръ Ильичъ! — заговорилъ онъ, ероша свою прическу. — Клянусь Богомъ, не понимаю! Я самъ не рутинеръ, не отсталый... либераль даже и страдаю за свой образъ мыслей, но не понимаю я такихъ крайностей, какъ этотъ господинъ! Я, ну и... жандармскій поручикъ Подлигайловъ слышемъ за

вольнодумцевъ... общество косится на насъ... Его превосходительство подозрѣваетъ меня въ сочувствіи идеямъ... И я не отказываюсь отъ своихъ убѣжденій! Я либераль! Но... такіе люди, какъ этотъ Тлетворскій... не понимаю! Тутъ ужъ крайность, а крайнихъ людей я, грѣшный человекъ, не выношу! Самъ я не консерваторъ, но не выношу! Осуждайте меня, называйте рутинеромъ... чѣмъ хотите, но не могу я протянуть руки господамъ à la Тлетворскій!

Каскадовъ въ изнеможеніи опустился въ кресло и задумался...

— Прогнать, вотъ и все! — пробормоталъ Кисляевъ, прикладывая, отъ-нечего-дѣлать, къ манжеткѣ печать... — Прогнать... вотъ и.. все.. вотъ... и все!

1884.

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ СОБАКОЙ.

Была лунная, морозная ночь. Алексѣй Ивановичъ Романсовъ сбиль съ руки зеленого чортика, отворилъ осторожно калитку и вошелъ во дворъ.

— Человѣкъ, — философствовалъ онъ, обходя помойную яму и балансируя: — есть прахъ, миражъ, пепель. Видимое величіе его — мечта, дымъ... Дунуть разъ, и — нѣтъ его!

— Рррр... — донеслось до ушей философа.

Романсовъ взглянулъ въ сторону и въ **двухъ** шагахъ отъ себя увидѣлъ громадную черную собаку изъ породы степныхъ овчарокъ и ростомъ съ добраго волка. Она сидѣла около дворницкой будки и позвякивала цѣпью. Романсовъ поглядѣлъ на нее, подумалъ и изобразилъ на своемъ лицѣ удивленіе. Затѣмъ онъ пожалъ плечами, покачалъ головой и грустно улыбнулся.

— Рррр... — повторила собака.

— Ние понимаю! — развелъ руками Романсовъ. — И ты... ты можешь рычать на человѣка? А? Первый разъ въ жизни слышу. Побей Богъ... Да нешто тебѣ не извѣстно, что человѣкъ есть вѣнецъ міро-

зданія? Ты погляди... Я подойду къ тебѣ... Гляди вотъ... Вѣдь я человѣкъ? Какъ по-твоему? Человѣкъ я или не человѣкъ? Объясняй!

— Ррр... Гавъ!

— Лапу! — протянул Романсовъ собакѣ руку. — Лапу! Не даете? Не желаете? И не пужно. Такъ и запишемъ. А пока позвольте васъ по мордѣ... Я любя...

— Гавъ! Гавъ! Ррр... гавъ! Ававъ!

— Аааа... ты кусаешься? Очень хорошо, ладно. Такъ и будемъ помнить. Значитъ, тебѣ плевать на то, что человѣкъ есть вѣнецъ мірозданія... царь животныхъ? Значитъ, изъ этого слѣдуетъ, что и Павла Николаича ты укусить можешь? Да? Передъ Павломъ Николаичемъ всѣ ницъ падаютъ, а тебѣ что онъ, что другой предметъ, — все равно? Такъ ли я тебя понимаю? Ааа... Такъ, стало-быть, ты социалистъ? Постой, ты мнѣ отвѣчай... Ты социалистъ?

— Ррр... гавъ! гавъ!

— Постой, не кусайся... О чемъ, бишь, я?.. Ахъ, да, насчетъ пепла. Дунуть, и—нѣтъ его! Пфф!.. А для чего живемъ, спрашивается? Родимся въ болѣзняхъ матери, ѣдимъ, пьемъ, науку проходимъ, помираемъ... а для чего все это? Пепелъ! Ничего не стоитъ человѣкъ! Ты вотъ собака и ничего не понимаешь, а ежели бы ты могла... залѣзть въ душу! Ежели бы ты могла въ психологію проникнуть!

Романсовъ покрутилъ головой и сплюнулъ.

— Грязь... Тебѣ кажется, что я Романсовъ, коллежскій секретарь... царь природы... Ошибаешься! Я тунеядецъ, взяточникъ, лицемѣръ!.. Я гадъ!

Алексѣй Иванычъ ударилъ кулакомъ себѣ по груди и заплакалъ.

— Наушникъ, шептунъ... Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина не черезъ меня прогнали? А? А кто, позвольте васъ спросить, комитетскіе двѣсти рублей зажилилъ да на Сургучова свалилъ? Нешто не я? Гадъ, фарисей... Іуда! Подлипала, лихоимецъ... сволочь!

Романсовъ вытеръ рукавомъ слезы и зарыдалъ.

— Кусай! Ышь! Никто отродясь мнѣ пугнаго слова не сказалъ... Всѣ только въ душѣ подлецомъ считаютъ, а въ глаза кромѣ хваленій да улыбокъ — ни-ни! Хоть бы разъ кто по мордѣ съѣздилъ да выругалъ! Ышь, песь! Кусай! Рррви анаему! Лолай предателя!

Романсовъ покачнулся и упалъ на собаку.

— Такъ, именно такъ! Рви мордализацію! Не жалко! Хоть и больно, а не щади. Ну, и руки кусай! Ага, кровь течеть! Такъ тебѣ и нужно, шмерцу! Такъ! Мерси, Жучка... или какъ тебя? Мерси... Рви и шубу. Все одно, взятка... Продалъ ближняго и купилъ на вырученныя деньги шубу... И фуражка съ кокардой тоже... Однако о чемъ, бишь, я?.. Пора итти... Прощай, собачонка... шельмочка...

— Rrrr...

Романсовъ погладилъ собаку и, давъ ей еще разъ укусить себя за икру, запахнулся въ шубу и, пошатываясь, побрелъ къ своей двери.

Проснувшись на другой день въ полдень, Романсовъ увидѣлъ нѣчто необычайное. Голова, руки и ноги его были въ повязкахъ. Около кровати стояли заплаканная жена и озабоченный докторъ.

ОБА ЛУЧШЕ.

(Рассказъ).

— Непремѣнно же, *mes enfants*, заѣзжайте къ баронессѣ Шепплингъ... черезъ два «п», — повторила въ десятый разъ теща, усаживая меня и мою молодую жену въ карету. — Баронесса моя старинная пріятельница... Навѣстите кстати и генеральшу Жеребчикову... Она обидится, если вы не сдѣлаете ей визита...

Мы сѣли въ карету и поѣхали дѣлать послѣсвадебныя визиты... Физиономія моей жены, казалось мнѣ, приняла торжественное выраженіе, я же повѣсилъ носъ и впалъ въ меланхолію... Много несходствъ было между мной и женой, но ни одно изъ нихъ не причиняло мнѣ столько душевныхъ терзаній, какъ несходство нашихъ знакомствъ и связей. Въ списокѣ жениныхъ знакомыхъ пестрѣли полковницы, генеральши, баронесса Шепплингъ черезъ два «п», графъ Дерзай-Чертовщиновъ и цѣлая куча институтскихъ подругъ-аристократокъ; съ моей же стороны

было одно сплошное моветонство: дядюшка, отставной тюремный смотритель, кузина, содержащая модную мастерскую, чиновники-сослуживцы — всё горькіе пьяницы и забулдыги, изъ которыхъ ни одинъ не былъ выше титулярнаго, купецъ Плевковъ и проч. Мнѣ было совѣстно... Чтобы избѣгнуть срама, слѣдовало бы вовсе не ѣхать къ моимъ знакомымъ, но не поѣхать значило бы навлечь на себя множество нареканій и непріятностей. Кузину еще, пожалуй, можно было похерить, визиты же къ дядѣ и Плевкову были неизбѣжны. У дяди я бралъ деньги на свадебные расходы, Плевкову былъ долженъ за мебель.

— Сейчасъ, душончикъ, — сталъ я подъѣзжать къ своей супругѣ: — мы приѣдемъ къ моему дядѣ Пупкину. Человѣкъ стариннаго дворянскаго рода... дядя у него викаріемъ въ какой-то епархіи, но оригиналъ и живетъ по-свински, т.-е. не викарій живетъ по-свински, а онъ самъ, Пупкинъ... Везу тебя, чтобы дать тебѣ случай посмѣяться... Болванъ ужасный...

Карета остановилась около маленькаго трехконнаго домика съ сѣрыми, заржавленными ставнями. Мы вышли изъ кареты и позвонили... Послышался громкій собачій лай, за лаемъ внушительное «щцъ, проклятая!», визгъ, возня за дверью... Послѣ долгой возни дверь отворилась, и вы вошли въ переднюю... Насъ встрѣтила моя кузина Маша, маленькая дѣвочка въ материной кофтѣ и съ запачканнымъ носомъ. Я сдѣлалъ видъ, что не узналъ ея, и пошелъ къ вѣшалкѣ, на которой рядомъ съ дядюшкиной лисей шубой висѣли чьи-то панталоны и накрахмаленная юбка. Снимая калоши, я робко заглянулъ въ залу. Тамъ за столомъ сидѣлъ мой дядюшка въ халатѣ и въ туфляхъ на босую ногу. Надежда не застать его дома обратилась во прахъ... Прищуривъ глаза и сопя на весь домъ, онъ вынималъ проволокой изъ водочнаго графина апельсинныя корки. Видъ имѣлъ онъ озабоченный и сосредоточенный, словно телефонъ выдумывалъ. Мы вошли... Увидавъ насъ, Пупкинъ застыдился, выронилъ изъ рукъ проволоку и, подобравъ полы халата, опроретью выбѣжалъ изъ залы...

— Я сейчасъ! — крикнулъ онъ.

— Ударился въ бѣгство... — засмѣялся я, сгорая со стыда и боясь взглянуть на жену. — Не правда ли, Соня, смѣшно? Оригиналъ страшный... А погляди, какая мебель! Столъ о трехъ ножкахъ, параличное фортепіано, часы

съ кукушкой... Можно подумать, что здѣсь не люди живутъ, а мамонты...

— Это что нарисовано?—спросила жепя, рассматривая картины, висѣвшія вперемежку съ фотографическими карточками.

— Это старецъ Серафимъ въ Саровской пустыни медвѣдя кормить... А это портретъ викарія, когда онъ еще былъ инспекторомъ семинаріи... Видишь, Анну имѣеть... Личность почтенная... Я... я высморкаюсь...

Но ничего мнѣ не было такъ совѣстно, какъ запаха... Пахло водкой, прокисшими апельсинами, скипидаромъ, которымъ дядя спасался отъ моли, кофейной гущей, что въ общемъ давало пронзительную кислятину... Вошелъ мой кузенъ Митя, маленькій гимназистикъ съ большими, оттопыренными ушами, и шаркнулъ ножкой... Подобравъ апельсиныя корки, онъ взялъ съ дивана подушку, смахнулъ рукавомъ пыль съ фортепіано и вышелъ... Очевидно, его прислали «прибрать»...

— А вотъ и я!—заговорилъ наконецъ дядя, входя и застегивая жилетку.—А вотъ и я! Очень радъ... весьма! Садитесь, пожалуйста! Только не садитесь на диванъ: задняя ножка сломана. Садись, Сеня!

Мы сѣли... Наступило молчаніе, во время котораго Пупкинъ поглаживалъ себя по колѣну, а я старался не глядѣть на жену и конфузился.

— Мда... — началъ дядя, закуривъ сигару (при гостяхъ онъ всегда куритъ сигары). — Женился ты, стало быть... Такъ-съ... Съ одной стороны, это хорошо... Милое существо около, любовь, романсы; съ другой же стороны, какъ пойдутъ дѣти, такъ пуще волка взвоешь! Одному салопи, другому штанинки, за третьяго въ гимназію платить надо... и не приведи Богъ! У меня, слава Богу, жена половину мертвыхъ рожала.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ.

— Плохо, братъ! Намедни весь день провалялся... Грудь ломить, ознобъ, жаръ... Жена говоритъ: прими хинины и не раздражайся... А какъ тутъ не раздражаться? Съ утра приказалъ почистить снѣгъ у крыльца, и хоть бы тебѣ кто! Ни одна шельма ни съ мѣста... Не могу же я самъ чистить! Я человѣкъ болѣзненный, слабый... Во мнѣ скрытый геморрой ходитъ.

Я сконфузился и началъ громко сморкаться.

— Или, можетъ-быть, у меня это отъ бани...—продолжалъ дядя, задумчиво глядя на окно. — Можетъ-быть! Былъ я, знаешь, въ четвергъ въ банѣ... часа три парился. А отъ пару геморрой еще пуще разыгрывается... Доктора говорятъ, что баня для здоровья нехорошо... Это, сударыня, неправильно... Я сызмальства привыкъ, потому — у меня отецъ въ Киевѣ на Крещатикѣ баню держалъ... Бывало, цѣлый день парисься... Благо — не платить...

• Миѣ стало невыносимо совѣстно. Я поднялся и, занкаясь, началъ прощаться.

— Куда же это такъ?—удивился дядя, хватая меня за рукавъ. — Сейчасъ тетка выйдетъ! Закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, наливочки выпьемъ!.. Солоника есть, Митя за колбасой побѣжалъ... Экіе вы, право, церемонные! Загордился, Сеня! Нехорошо! Вънчальное платье не у Глаши заказалъ! Моя дочь, сударыня, бѣлошвейную держитъ... Шила вамъ, я знаю, мадамъ Степанидъ, да нешто Степанидка съ нами сравнивается? Мы бы и дешевле взяли. .

Не помню, какъ я простился съ дядей, какъ добрался до кареты... Я чувствовалъ, что я уничтоженъ, оплеванъ, и ждалъ каждое мгновение услышать презрительный смѣхъ институтки-жены.

«А какой мове-жаиръ ждетъ насъ у Плевкова! — думалъ я, ледянѣя отъ ужаса.—Хоть бы скорѣе отдѣлаться, чортъ бы ихъ взялъ совсѣмъ! И на мое несчастье—ни одного знакомаго генерала! Есть одинъ знакомый полковникъ въ отставкѣ, да и тотъ портерную держитъ! Вѣдь этакій я несчастный!»

— Ты, Сонечка, — обратился я къ женѣ плачущимъ голосомъ: — извини, что я возилъ тебя сейчасъ въ тотъ хлѣвъ... Думалъ дать тебѣ случай посмѣяться, понаблюдать типы... Не моя вина, что вышло такъ пошло, мерзко... Извиняюсь.

Я робко взглянулъ на жену и увидалъ больше, чѣмъ могъ ожидать при всей моей мнительности. Глаза жены были налиты слезами, на щекахъ горѣлъ румянецъ не то стыда, не то гнѣва, руки судорожно щипали бахрому у каретнаго окна... Меня бросило въ жаръ и передернуло..

«Ну, начинается мой срамъ!» — подумалъ я, чувствуя, какъ наливаются свинцомъ мои руки и ноги.

— Но не виноватъ же я, Соня! — вырвался у меня

воплъ. — Какъ, право, глупо съ твоей стороны! Свиньи они, моветоны, но вѣдь не я же произвелъ ихъ въ свои родичи!

— Если тебѣ не нравятся твои простяки, — всхлинула Соня, глядя на меня умоляющими глазами: — то мои и подавно не понравятся... Миѣ совѣстно, и я никакъ не рѣшусь тебѣ высказать... Голубчикъ, миленькій... Сейчас баронесса Шепплингъ начнетъ тебѣ рассказывать, что мама служила у нея въ экономкахъ, и что мы съ мамой неблагодарныя, не благодаримъ ее за прошлыя благодѣянiя теперь, когда она впала въ бѣдность... Но ты не вѣрь ей, пожалуйста! Эта нахалка любить врать... Клянусь тебѣ, что къ каждому празднику мы посылаемъ ей голову сахару и фунтъ чаю!

— Да ты шутишь, Соня! — удивился я, чувствуя, какъ свинецъ оставляетъ мои члены, и какъ по всему тѣлу разливается живительная легкость. — Баронессѣ голову сахару и фунтъ чаю!.. Ахъ!

— А когда увидишь генеральшу Жеребчикову, то не смѣйся надъ ней, голубчикъ! Она такая несчастная! Если она постоянно плачетъ и заговаривается, то это оттого, что ее обобралъ графъ Дерзай-Чертовщиновъ. Она будетъ жаловаться на свою судьбу и попросить у тебя займы; но ты, тово... не давай... Хорошо бы, если бъ она на себя потратила, а то все равно графу отдасть!

— Мамочка... ангелъ! — принялся я отъ восторга обнимать жену. — Зюмбумбунчикъ мой! Да вѣдь это сюрпризъ! Скажи ты миѣ, что твоя баронесса Шепплингъ (черезъ два «п») нагишомъ по улицѣ ходитъ, то ты бы меня еще больше разодолжила! Ручку!

И миѣ вдругъ стало жаль, что я отказался у дяди отъ солонины, не побрянчалъ на его параличномъ фортепіано, не выпилъ наливочки... Но тутъ миѣ вспомнилось, что у Плевкова подають хорошій коньякъ и поросенка съ хрѣномъ.

— Валяй къ Плевкову! — крикнулъ я во все горло возницѣ.

БЕЗНАДЕЖНЫЙ.

(Эскизъ).

Предсѣдатель земской управы Егоръ Ѳедорычъ Шмахинъ стоялъ у окна и со злобой барабанилъ по стеклу пальцами. Медленность, съ которой часы и минуты уходили въ вѣчность, приводила его въ злобное отчаяніе... Два раза ложился онъ спать и просыпался, раза два принимался обѣдать, пилъ разъ шесть чай, а день все еще только клонился къ вечеру.

Видъ, разстилавшійся передъ глазами предсѣдателя, казался ему сѣрымъ и скучнымъ. Сквозь голыя деревья запущеннаго сада виднѣлся крутой глинистый берегъ... На полъ-аршина ниже его бѣжала выпущенная на волю рѣка. Она спѣшила и рвалась, словно боялась, чтобы ее не вернули назадъ и не заключили опять въ ледяныя оковы. Изрѣдка на глаза Шмахина попадалась запоздавшая бѣлая льдинка, тоже спѣшившая безъ оглядки.

— Сѣсть бы на эту льдину, да куда-нибудь... къ чорту...

По берегу, понутивъ голову, широко шагаль сторожъ Андрианъ съ длинной острогой въ рукахъ и, то и дѣло останавливаясь, устремлялъ свой скучный взоръ на рѣку. Около деревьевъ ходила черная корова и обнюхивала прошлогодніе листья... Вся эта маленькая картина, вмѣстѣ съ Шмахинымъ и его усадьбой, была покрыта, какъ большой мохпатою шапкой, тяжелыми, неподвижными облаками, но отъ нея такъ и вѣяло весной... Шмахину же было скучно и душно. Стоялъ онъ передъ окномъ, глядѣлъ на постылую картину и вспоминалъ, что подъ вечеръ у непремѣннаго члена Ряблова составляетя вичтъ, что у Марьи Николаевны въ этотъ день

празднуется рождение ея Петечки... Поѣзжай онъ въ одно изъ этихъ мѣстъ, онъ и не замѣтилъ бы, какъ прошло бы скучное время... Но какъ было ѣхать, если разлившаяся рѣка затопила всѣ дороги, и если усадьба была окружена цѣпью загорь и овраговъ, полныхъ воды? Шмахинъ чувствовалъ себя, какъ въ тюрьмѣ... Долго стоялъ онъ передъ окномъ... Наконецъ мысль, что у Ряблова сѣли уже безъ него винтить, и что у Марьи Николаевны уже сидятъ за чаемъ и толкуютъ про холеру и Герать, стала невыносимой.

— Тьфу! — послалъ онъ по адресу погоды, отошелъ отъ окна и сѣлъ за круглый столъ.

На столѣ около лампы и пепельницы лежалъ альбомъ. Шмахинъ миллионъ разъ уже видѣлъ этотъ альбомъ, но отъ скуки притянулъ его къ себѣ и въ миллионъ первый разъ сталъ разсматривать карточки. Предъ его глазами замелькали сестрицы, полинявшія тетеньки, офицеръ съ тонкой таліей, бабушка въ бѣломъ чепцѣ, отецъ Ефимій съ матушкой, какая-то актриса въ трико, онъ самъ, покойница-жена съ болонкой на рукахъ... Взоръ его на минуту остановился на женѣ... приподнятыя брови, удивленные глаза, тяжелый шиньонъ, брошка на груди — все это вызвало въ немъ воспоминанія...

— Тьфу!

Часы пробили половину седьмого. Шмахинъ поднялся съ дивана, прошелся изъ угла въ уголъ и безъ всякой цѣли остановился посреди комнаты.

«На станціи ежели сидишь и ждешь, — подумалъ онъ: — то все-таки надѣешься, что вотъ-вотъ поѣздъ придетъ и ты поѣдешь, а тутъ и ждать нечего... безъ конца... хоть вѣшайся, чорртъ... Поужинать, что ли? Нѣтъ, рано еще, и трескаться не хочется... Покурю куда...»

Идя къ жестянкѣ съ табакомъ, онъ взглянулъ въ уголъ и на кругломъ столикѣ замѣтилъ шашечную доску.

— Нешто въ шашки поиграть? А?

Разставивъ на доскѣ черныя и бѣлыя костяжки, Шмахинъ сѣлъ у круглаго столика и сталъ играть самъ съ собой. Партнерами были правая и лѣвая рука.

— Ты какъ пошелъ?.. Гм... Постой, братецъ... А я этакъ! Лладно-съ... увидимъ-съ...

Но лѣвая рука знала, что хочетъ правая, и скоро самъ Шмахинъ потерялъ счетъ въ рукахъ и запутался.

— Илюшка! — крикнулъ онъ.

Вошелъ высокій, худой малый въ потертомъ, засаленномъ сюртукѣ и въ рваныхъ сапогахъ съ барскими голенищами.

— Ты что тамъ дѣлаешь? — спросилъ баринъ.

— Ничего-съ... на сундукѣ сижу...

— Поди, въ шашки партію сыграемъ! Садись!

— Что вы-съ?.. — ухмылялся Илюшка. — Нешто можно-съ!..

— Поди, болванъ! Садись!

— Ничего, мы постоимъ-съ...

— Говорять — садись, ну, и садись! Ты думаешь, мнѣ пріятно, ежели ты будешь дубиной торчать?

Илюшка нерѣшительно и продолжая ухмыляться сѣлъ на край стула и застѣнчиво замигалъ глазами.

— Ходи!

Илюшка подумалъ и сдѣлалъ мизинцемъ первый ходъ.

— Вы такъ пошли... — задумался Шмахинъ, прикрывая рукой подбородокъ. — Такъ-съ... Ну, а я этакъ! Ходи, гля!

Илюшка сдѣлалъ другой ходъ.

— Такъ-съ... Понимаемъ, куда ты, харя, лѣзешь... Понимаемъ... Какъ однако отъ тебя лукомъ воняетъ! Ты этакъ, а я... этакъ!

Игра затянулась... Шмахину повезло на первыхъ ея порахъ... онъ бралъ шашку за шашкой и лѣзъ ужъ въ дамки, но соображать и вникать въ игру мѣшала ему одна неотступная мысль...

«Пріятно вести борьбу и побѣдить человѣка равнаго, — думалъ онъ: — человѣка, который въ общественномъ смыслѣ стоитъ съ тобой на одной точкѣ... А какой мнѣ интересъ Илюшку побѣждать? Побѣдишь его или не побѣдишь — одинъ чортъ: никакого удовольствія... О, взялъ шашку и улыбается! Пріятно барина обыгрывать! пакостить!»

— Пошелъ вонъ! — крикнулъ Шмахинъ.

— Чего-съ?

— Пошелъ вонъ!! — крикнулъ Шмахинъ, багровѣя. — Разсѣлся тутъ, тварь этакая!

Илюшка выронилъ изъ рукъ шашку, удивленно поглядѣлъ на барина и, пятясь назадъ, вышелъ изъ гостиной. Шмахинъ взглянулъ на часы: было только безъ десяти семь... До ужина и до ночи оставалось еще ча-

совъ пять... Въ окна застучали крупныя дождевыя капли... Въ саду хрипло и тоскливо промычала черная корова, а шумъ бѣгущей рѣки былъ такъ же монотоненъ и меланхоличенъ, какъ и часъ тому назадъ. Шмахинъ махнулъ рукой и, толкаясь о дверныя косяки, поплелся безъ всякой цѣли въ свой кабинетъ.

«Боже мой! — думалъ онъ. — Другіе, ежели скучно, выпиливаютъ, спиритизмомъ занимаются, мужиковъ касторкой лѣчатъ, дневники пишутъ, а одинъ я такой несчастный, что у меня нѣтъ никакого таланта... Ну, что мнѣ сейчасъ дѣлать? Что? Предсѣдатель я земской управы, почетный мировой судья, сельскій хозяинъ и... все-таки не найду, чѣмъ убить время... Развѣ почитать что-нибудь?»

Шмахинъ подошелъ къ этажеркѣ, заваленной книжнымъ хламомъ. Тутъ были всевозможныя судебныя указатели, путеводители, растрепанный, но не обрѣзанный еще журналъ «Садоводство», поваренная книга, проповѣди, старые журналы... Шмахинъ нерѣшительно потянулъ къ себѣ номеръ «Современника» 1859 года и началъ его перелистывать.

— «Дворянское гнѣздо»... Чье это? Ага! Тургенева! Читалъ... Помню... Забылъ, въ чемъ тутъ дѣло, стало-быть, еще разъ можно почитать... Тургеневъ отлично пишетъ... мда...

Шмахинъ разлегся на софѣ и сталъ читать... И его тоскующая душа нашла успокоеніе въ великомъ писателѣ. Черезъ десять минутъ въ кабинетъ вошелъ на цыпочкахъ Илюшка, подложилъ подъ голову барина подушку и снялъ съ его груди раскрытую книгу...

Баринъ храпѣлъ...

Оглавление

ХІХ ТОМА.

Повѣсти и рассказы.

	стр.
Драма на охотѣ. Истинное происшествіе	5
Двѣ ночи. Совѣзмъ прозаическая исторійка	182
75.000.	185
Дядюшка и собака. По случаю выставки собакъ	190
Марья Ивановна	192
Изъ дорожныхъ разговоровъ	195
Либераль. Новогодній рассказъ	198
Комикъ	203
Молодой человекъ	205
Месть женщины	206
Ванька	209
Наивный лѣшій. Сказка	212
Прощеніе.	215
Два письма.	216
Трифонъ.	218
Самообольщеніе. Сказка	222
Дачница	224
Съ женой поссорился. Случай	227
Дачное удовольствіе.	228
Бѣда	229
Водевиль	233
Русскій уголь. Правдивая исторія	237
Невидимыя міру слезы. Рассказъ	241
Идиллія	246
Затменіе луны. Изъ провинціальной жизни	247
Гусинный разговоръ	249
Языкъ до Кіева доведеть	250
Въ пріютъ для неизлѣчимо-больныхъ и престарѣлыхъ	252
О драмѣ. Сценка	256
И прекрасное должно имѣть предѣлы.	258
Рѣчь и ремешокъ	260
Картинки изъ недавняго прошлаго	262

У постели больного	265
Свадьба съ геиераломъ. Разсказъ.	266
Елка	272
О, женщины, женщины!..	274
Либеральный душка.	277
Разговоръ челоѵка съ собакой	280
Оба лучше. Разсказъ	282
Безнадежный. Эскизъ	287

BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.113/
19